

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит на русском и английском языках

Номер 3 (43) 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Деревянко А.П. Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту. Сценарий первый: переход к верхнему палеолиту на территории Северной Азии	2
Гладышев С.А., Олсен Д., Табарев А.В., Кузьмин Я.В. Хронология и периодизация верхнепалеолитических памятников Монголии	33
Ли Хёну. Наконечники метательных орудий и их назначение	41
Шмидт И.В. Особенности «мальтийского реализма». К практике интерпретации антропоморфных изображений палеолита Сибири	50

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Молодин В.И., Нескоров А.В. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщества XXI века)	58
Берсенева Н.А. Погребальные памятники саргатской культуры Среднего Прииртышья: гендерный анализ	72
Иванова М.Г., Журбин И.В. Археолого-геофизические исследования оборонительных сооружений	82
Скобелев С.Г. «Городки» енисейских киргизов в русских сообщениях XVII века и археологическая реальность	92
Семенов Вл.А. Усуни на севере Центральной Азии	99

ЭТНОГРАФИЯ

Бадмаев А.А. Основные тенденции в развитии бурятской одежды в XVIII веке	111
--	-----

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ
Народы Евразии: культурное наследие в фотоархивах

Экскурсия Б.Н. Городкова и Г.М. Дмитриева-Садовникова в долину реки Вах в 1913 году	121
---	-----

АНТРОПОЛОГИЯ

Балуева Т.С., Веселовская Е.В., Рассказова А.В. Опыт антропологического сопоставления древнего и современного населения Новгородской области	135
Санкина С.Л. Происхождение антропологических особенностей населения Новгородской земли эпохи позднего средневековья (XIII–XVI века)	145

ПЕРСОНАЛИИ

К 80-летию А.А. Бобринского	154
-----------------------------	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	156
-------------------	-----

СПИСОК АВТОРОВ	157
----------------	-----

НОВЫЕ КНИГИ	159
-------------	-----

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

УДК 902

А.П. Деревянко

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: derev@archaeology.nsc.ru

ТРИ СЦЕНАРИЯ ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ

Сценарий первый: переход к верхнему палеолиту на территории Северной Азии

Статья посвящена одному из наиболее актуальных вопросов современного палеолитоведения – проблеме смены среднепалеолитических культур верхнепалеолитическими. На основе материалов многослойных стоянок Алтая выделяются три линии развития среднепалеолитических каменных индустрий: каракольская, карабомовская и сибирячихинская. Для каждой из них подробно анализируются первичное расщепление и технико-типологические характеристики орудийных наборов, а также состав предметов неутилитарного назначения. Рассматриваются их последовательная эволюция в среднем палеолите, особенности перехода к верхнепалеолитическим культурам, определяются хронологические интервалы этих процессов. На раннем этапе верхнего палеолита на территории Южной Сибири прослеживаются две основные культурные традиции – карабомовская и каракольская, выделяются их основные характеристики и круг археологических объектов, с ними связанных. Определяется специфика переходного этапа от среднего к верхнему палеолиту на алтайских памятниках: длительное присутствие в комплексах среднепалеолитических форм и конвергентное появление и развитие ориньякоидных элементов. Делается вывод об автохтонном эволюционном характере переходных процессов на территории Алтая, а также об их влиянии на верхнепалеолитические индустрии сопредельных территорий Южно-Сибирского региона. Подробно рассматривается антропологический контекст среднепалеолитических и переходных индустрий алтайских стоянок.

Ключевые слова: переходные индустрии, ранний этап верхнего палеолита, индустриальная традиция, эволюция, первичное расщепление, орудийный набор, *Homo sapiens sapiens*, *H. sapiens neanderthalensis*, *H. sapiens altaiensis*, Денисова пещера.

Введение

Открытия последних 30 лет в области археологии, антропологии, палеогенетики сделали проблему формирования человека современного физического и генетического типа и становление культуры верхнего палеолита одной из самых дискуссионных в междисциплинарных науках о человеке. Время появления *Homo sapiens sapiens* определяется в диапазоне 200–150 тыс. л.н. Самые ранние костные остатки человека современного физического и генетического типа найдены в Восточной Африке. Но эти открытия не решили проблему происхождения *H. sapiens sapiens*

и распространения его по земному шару, а еще более обострили дискуссию. Существуют две основные точки зрения: моноцентристов и сторонников мультирегиональной эволюции человека. Перед исследователями стоит прежде всего вопрос: почему человек современного физического типа возник, как минимум, 150 тыс. л.н., а культура верхнего палеолита, которую относят к *H. sapiens sapiens*, сформировалась 50–40 тыс. л.н.? Если современный человек появился только в Африке, то каким образом и когда происходило заселение им других континентов? Если с современным человеком на другие континенты распространилась верхнепалеолитическая культура, то

каковы были ее основные характеристики и почему в хронологическом диапазоне 50–40 тыс. л.н. почти одновременно культуры верхнего палеолита появились в весьма удаленных друг от друга регионах Евразии, существенно различаясь между собой по основным технико-типологическим характеристикам. Причем между этими регионами были удаленные на большие расстояния районы, где продолжала существовать культура среднего палеолита. Один из главных вопросов: если расселение *H. sapiens sapiens* происходило только из Африки, то каковы были взаимоотношения данного нового вида человека с популяциями, обитавшими на заселяемых им территориях многие десятки, а то и сотни тысяч лет? Какова была материальная и духовная культура сформировавшегося в Африке современного человека, и в чем она превосходила культуру его предшественника?

Если человек современного типа сформировался 200–150 тыс. л.н. в Африке, то почему его выход в Евразию начался так поздно – 80–60 тыс. л.н.? Монокентристы на основании изучения вариабельности ДНК у современных людей [Forster, 2004; Relethford, Jorde, 1999] предполагают, что именно в этот период в Африке произошел «демографический взрыв» и в результате резкого роста населения и нехватки пищевых ресурсов миграционная волна «выплеснулась» в Евразию. При всем уважении к данным генетических исследований верить в непогрешимость этих выводов, не располагая никакими убедительными археологическими и антропологическими доказательствами, невозможно. Необходимо иметь в виду, что при средней продолжительности жизни в то время ок. 25 лет потомство в большинстве случаев оставалось без родителей еще в незрелом возрасте. При высокой постнатальной, детской смертности, а также среди подростков из-за отсутствия у них родителей говорить о «демографическом взрыве» нет никаких оснований. Но даже если согласиться с тем, что 80–60 тыс. л.н. в Восточной Африке происходил быстрый рост населения, который детерминировал необходимость поиска новых пищевых ресурсов и, соответственно, заселение новых территорий, возникает вопрос: почему миграционные потоки были вначале направлены далеко на восток, вплоть до Австралии? По археологическим данным, человек современного физического типа заселил Австралию 50, а может быть, 60 тыс. л.н., тогда как на сопредельных с Восточной Африкой территориях на самом Африканском континенте он появился позже: в Южной Африке, судя по антропологическим находкам, – ок. 40 тыс. л.н., в Центральной и Западной – видимо, позже 30 тыс. л.н. и только в Северной – ок. 50 тыс. л.н. Чем объяснить то, что современный человек вначале проник в Австралию, а затем уже расселился по всему Африканскому континенту?

По мнению монокентристов, заселение Австралии произошло из Африки. Но тогда как объяснить то, что *Homo sapiens sapiens* за 5–10 тыс. лет смог преодолеть гигантское расстояние (более 10 тыс. км), к тому же не оставив никаких следов на пути своего движения? В Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии 80–30 тыс. л.н. при замене автохтонного населения пришлым должна была произойти полная смена индустрии, а в случае аккультурации также неизбежны существенные изменения в технико-типологических характеристиках каменного инвентаря. Но это совершенно не прослеживается на данной территории.

Отсутствие археологических доказательств вынудило монокентристов выдвинуть версию о южном миграционном потоке на восток Евразии вдоль морского побережья. Так, С. Оппенгеймер заявляет: «...фактическая колонизация Австралии имела место в период 65 и 70 тыс. л.н., а острова Флоры и даже Новой Гвинеи были заселены 75 тыс. л.н.» [2004, с. 234]. Ответ на вопрос, почему археологи не находят подтверждения реальности этого миграционного потока, у него прост: «Как показывают данные оценки уровня океана в ту эпоху, прибрежная полоса, по которой брали наши возможные предки 80–60 тыс. л.н., давно ушла под воду, и нам трудно рассчитывать найти следы древних миграций, не опустившись на морское дно» [Там же]. Это объяснение неприемлемо, поскольку в то время не наблюдалось такого глобального понижения уровня Мирового океана, при котором гигантские прибрежные территории от запада п-ова Индостан до Малайзии освободились бы от воды настолько, чтобы по шельфу могла пройти миграционная волна, не оставив никаких следов. Миграция древних популяций была не эстафетным бегом, а медленным процессом. Причем, осваивая новые территории, люди не могли идти только вдоль узкой прибрежной полосы строго с запада на восток. Этот процесс был многовекторным. С прибрежной полосы человек мог уходить, особенно по впадающим в океан рекам, далеко на север, где существовали благоприятные для жизни экологические ниши. И в этом случае обязательно должны были остаться археологические свидетельства о распространении *Homo sapiens sapiens* на восток. Возможен лишь один вариант, объясняющий точку зрения монокентристов на заселение Австралии из Африки и преодоление гигантских расстояний (более 10 тыс. км) за столь короткий срок (5–10 тыс. лет): оно происходило чартерными авиарейсами. Остается только найти аэропорты отправления из Африки и приземления в Австралии. Лишь так можно объяснить отсутствие археологических свидетельств о глобальной миграции человека современного физического и генетического типа из Африки в Австралию.

Наряду с монокентрической гипотезой существует и другая – о межрегиональной эволюции челове-

ка. Она имеет различные аспекты. Моя точка зрения на проблему происхождения человека современного физического типа заключается в том, что 200–100 тыс. л.н. на обширных территориях Африки и Евразии расселялись представители антропологических типов с сапиентными признаками, имевшие общего предка, скорее всего *Homo erectus*. Предковые формы сапиентной линии развития человека могли отличаться друг от друга не только по своей материальной культуре, но и антропологически. Закономерно, что разные экологические условия обитания, дивергенция приводили не только к выработке разных адаптационных стратегий, а следовательно, и индустрий, но и к формированию некоторых антропологических особенностей. Видимо, этим можно объяснить и мозаичность индустрии среднего палеолита, и различия, порой существенные, в конституции представителей различных популяций.

В настоящее время в результате археологических раскопок в Африке и Евразии накоплен большой фактический материал, позволяющий предложить гипотезу о трех крупных географических зонах, в которых 100–30 тыс. л.н. по-разному происходил процесс перехода от среднего к верхнему палеолиту, т.е. наметить три модели этого процесса [Деревянко, 2001, 2006, 2007, 2009]. Африканская зона 70–30 тыс. л.н. характеризуется мозаичными индустриями финала среднего палеолита, переходного периода и раннего этапа верхнего палеолита (ховисонс порт, стилбей, дабан, атер, сангоана и др.). В них пластинчатые технокомплексы, в т.ч. орудия геометрических форм и предметы неутилитарного назначения, приходят на смену более архаичным со значительным включением среднепалеолитических элементов. После 35–30 тыс. л.н. в Африке наблюдаются индустрии более «примитивного» типа. Китайско-малайская зона, куда входят Восточная и Юго-Восточная Азия, характеризуется доминированием до 30–25 тыс. л.н. орудий на отщепах и специальных заготовках. Евразийская зона, пожалуй, самая обширная. На Ближнем Востоке, в Западной Европе, на Балканах, Дону, в Северной и Центральной Азии в период 80–40 тыс. л.н. развивались разные индустрии, но для них характерна определенная стандартизация технико-типологических комплексов, основанная на пластинчатом расщеплении.

Рассмотрим проблему перехода от среднего к верхнему палеолиту на примере каждой зоны, уделив особое внимание Северной, Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии. Евразийскому сценарию, ввиду обширного материала, накопленного в результате полевых исследований местонахождений в хронологическом диапазоне 100–30 тыс. л.н., будут посвящены две статьи. В одной рассмотрим переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Азии, в другой – в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Европе.

Переход от среднего к верхнему палеолиту на территории Южной Сибири

Наиболее изученной в Северной Азии является территория Южной Сибири, и особенно Алтая, где открыты десятки местонахождений среднего палеолита, переходного этапа и раннего верхнего палеолита. На Алтае ежегодно в течение почти 30 лет несколькими экспедициями исследуются палеолитические стоянки в пещерах Денисовой, Страшной, Окладникова, Усть-Канской, Каминной, Чагырской, Бийке, Малояломанской, Искринской, а также памятники открытого типа Усть-Каракол, Ануй-1–3, Кара-Бом, Кара-Тенеш, Тюмечин-1–4, Ушлеп-6 и др. (рис. 1). Местонахождения располагаются в основном в низко- и среднегорье на высоте 500–1100 м над ур. м. Все они многослойные и хорошо стратифицированы. Максимальная толща рыхлых отложений в Денисовой пещере 14 м, на стоянках открытого типа – до 8 м. В процессе раскопок на отдельных местонахождениях, например в Денисовой пещере, зафиксировано до 20 культуросодержащих горизонтов.

Особое значение для решения проблемы перехода от среднего к верхнему палеолиту имеют результаты исследования среднепалеолитических памятников в Горном Алтае. Первоначальное заселение этой территории произошло не позднее 800 тыс. л.н. [Деревянко, Шуньков, Болиховская и др., 2005; Деревянко, Шуньков, 2005а, б]. Из-за малочисленности и изолированности популяции первой миграционной волны из Африки в силу биологических причин или в результате ухудшения природно-климатических условий, видимо, после 500 тыс. л.н. в Горном Алтае человек исчез. Около 300 тыс. л.н. сюда проникла новая волна архантропов с совершенно другой индустрией, для которой характерны леваллуазский и параллельный принципы первичного расщепления.

В результате полевых исследований на Алтае за последние почти 30 лет на девяти пещерных стоянках и более десяти открытого типа выделено ок. 60 культуросодержащих горизонтов, относящихся к хронологическому диапазону 100–30 тыс. л.н. Они в разной степени насыщены археологическим и палеонтологическим материалом. Исследование хорошо стратифицированных многослойных пещерных и открытого типа памятников, расположенных на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга, а следовательно, и в одних природно-климатических условиях, позволяет максимально восполнить имеющиеся на отдельных местонахождениях перерывы в осадконакоплении и проследить динамику технико-типологических изменений каменного инвентаря на протяжении последних 70 тыс. лет. Пожалуй, в Евразии трудно найти аналоги такого мультидисциплинарного исследования культуры человека и среды его обитания, как на территории Горного Алтая. На археоло-

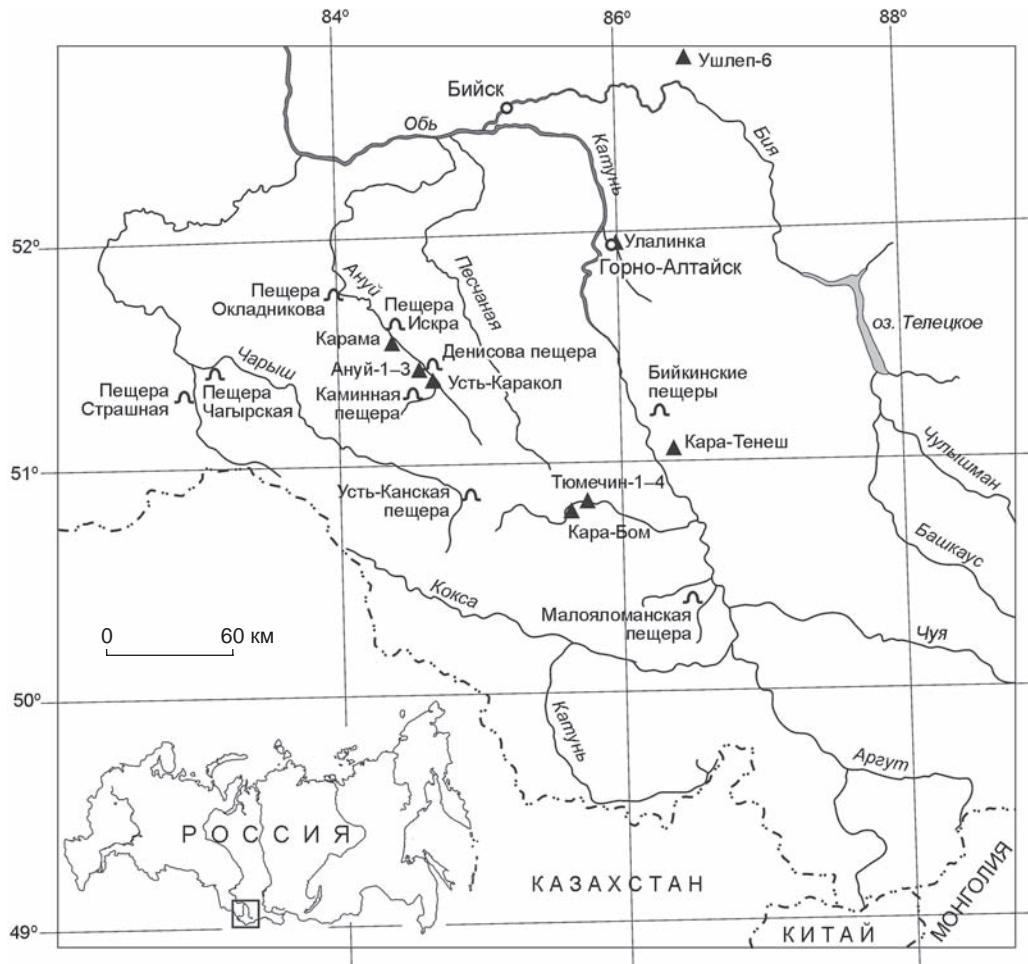

Рис. 1. Дислокация местонахождений среднего палеолита и раннего этапа верхнего на территории Горного Алтая (по: [Деревянко, 2009]).

гических объектах работают геологи, геоморфологи, палеонтологи, геохронологи, палеоботаники и другие специалисты из академических институтов РАН и университетов России. На основе обширных материалов, полученных в результате полевых и лабораторных исследований, можно с полным основанием утверждать, что на территории Горного Алтая происходило эволюционное развитие среднепалеолитической индустрии без каких-либо заметных влияний, связанных с инфильтрацией сюда популяций из соседних регионов с другой культурой.

Эволюция системы первичного расщепления при переходе от среднего к верхнему палеолиту

Рассмотрим более подробно динамику индустрии на местонахождениях Горного Алтая в хронологическом интервале 100–30 тыс. л.н. Первичное расщепление в наиболее полном объеме можно проследить в Дени-

совой пещере и на стоянках открытого типа Усть-Каракол-1, Кара-Бом [Деревянко, Петрин, Рыбин, Чевалков, 1998; Деревянко, Волков, Петрин, 2002а, б; Деревянко, Рыбин, 2003; Деревянко, Шуньков, Агаджанян и др., 2003; Деревянко, Волков, 2004; Деревянко, Шуньков, 2004, 2005а].

В Денисовой пещере самые древние находки, относящиеся, видимо, к позднеашельскому раннесреднепалеолитическому времени, зафиксированы в 22-м слое – 282 ± 56 тыс. л.н. (РТЛ-548); культуросодержащие горизонты с 20-го по 12-й среднепалеолитические; 11-й и 9-й – верхнепалеолитические (рис. 2). Наиболее ранние слои 22 и 21, в которых представлена леваллуазская техника, имеют даты в пределах 280–150 тыс. л.н. Пока еще недостаточно фактического материала, чтобы в полной мере изучить эволюцию леваллуазского расщепления в хронологическом диапазоне 280–100 тыс. л.н., но тенденция эволюционных изменений в сторону увеличения «пластиначатости» прослеживается достаточно определенно.

Рис. 2. Геохронология, стратиграфия и артефакты. Центральный зал Денисовой пещеры (по: [Деревянко, 2001]).

Для всех среднепалеолитических местонахождений Горного Алтая характерна леваллуазская система первичного расщепления. На ее основе в интервале 60–50 тыс. л.н. появилась отжимная техника и все больше становилось нуклеусов для снятия пластин, а затем и микропластин. Но при этом, несмотря на единую леваллуазскую основу, ок. 80 тыс. л.н. или несколько позже сформировались две несколько различающиеся системы первичного расщепления: каракольская и карабомовская.

Изучение эволюции технологического процесса подготовки и расщепления нуклеусов позволило П.В. Волкову выделить в каракольской системе две «линии» развития [Деревянко, Волков, Петрин, 2002а, б; Деревянко, Волков, 2004]. Первая прослеживается на местонахождении Усть-Каракол-1, расположенном в 3 км от Денисовой пещеры. В эволюционном развитии технологического процесса от слоя 18а до слоя 9в можно наблюдать переход леваллуазского принципа расщепления в пластинчатый (рис. 3). На первой и второй стадиях (рис. 3, 1, 2) целью является получение относительно широкого отщепа. Поддержание необходимой формы основного фронта нуклеуса осуществляется вспомогательными снятиями с латеральной и дистальной частей. На третьей стадии (рис. 3, 3) нуклеус приобретает более вытянутые подпрямоугольные очертания, на четвертой (рис. 3, 4) снятия производятся также со стороны его дистальной части. Специальной вспомогательной ударной площадки еще нет, но фронт трансформируется в подпрямоугольную форму. Процесс расщепления начинает приобретать отчетливые признаки пластинчатого. На пятой стадии (рис. 3, 5) вспомогательные снятия для поддержания формы основного фронта производятся исключительно со стороны дистальной части. Важной особенностью данной ступени наблюдаемой технологической эволюции является формирование в основании нуклеуса специально подготовленной вспомогательной площадки. Подпрямоугольный фронт становится более удлиненным. На последних двух стадиях основные снятия могут производиться многократно. Полученные сколы приобретают характеристики пластин, а нуклеусы – пластинчатых ядрищ.

Вторая эволюционная «линия» прослеживается на стоянке Усть-Каракол-1 в культуроодержащем горизонте 11б и существует с третьей стадией «линии 1». На первой стадии целью первичного расщепления является получение нескольких удлиненных отщепов (рис. 4, 1). На всех стадиях второй «линии» не осуществляется поддержание необходимой формы фронта нуклеуса вспомогательными снятиями. Специальные вспомогательные площадки не формируются. При основном расщеплении сила прилагается в точке на ударной площадке, которой обычно является подправленная «оживляющими» сня-

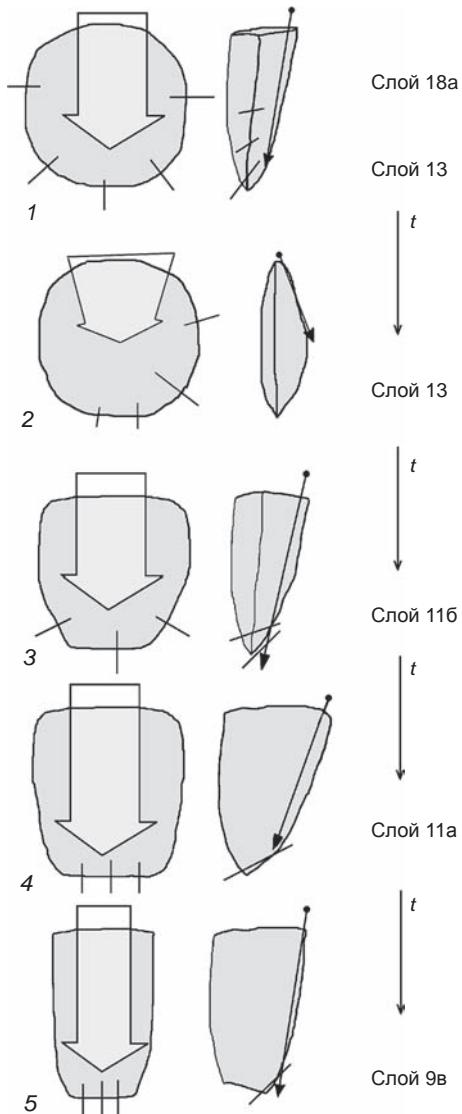

Рис. 3. Эволюция техники расщепления нуклеусов. «Линия 1». Усть-Каракол-1 (по: [Деревянко, Волков, 2004]).

тиями плоскость плитки заготовки. На второй стадии (рис. 4, 2) наблюдается тенденция к смещению основного фронта к одной из латералей. Это, возможно, объясняется тем, что при истощении нуклеуса (рис. 4, 2а) открывается перспектива его дополнительного использования. Ударная сила прилагается теперь уже в новом направлении (рис. 4, 2б). Становится очевидной рациональность продолжения расщепления в торцовой зоне нуклеуса. Постепенное перемещение снятий «на торец» знаменует третью стадию (рис. 4, 3). Меняется и морфология нуклеуса: сколы с торца приобретают отчетливо пластинчатые характеристики. На четвертой стадии (рис. 4, 4) уже применяется техника отжима. Форма нуклеуса после продолжитель-

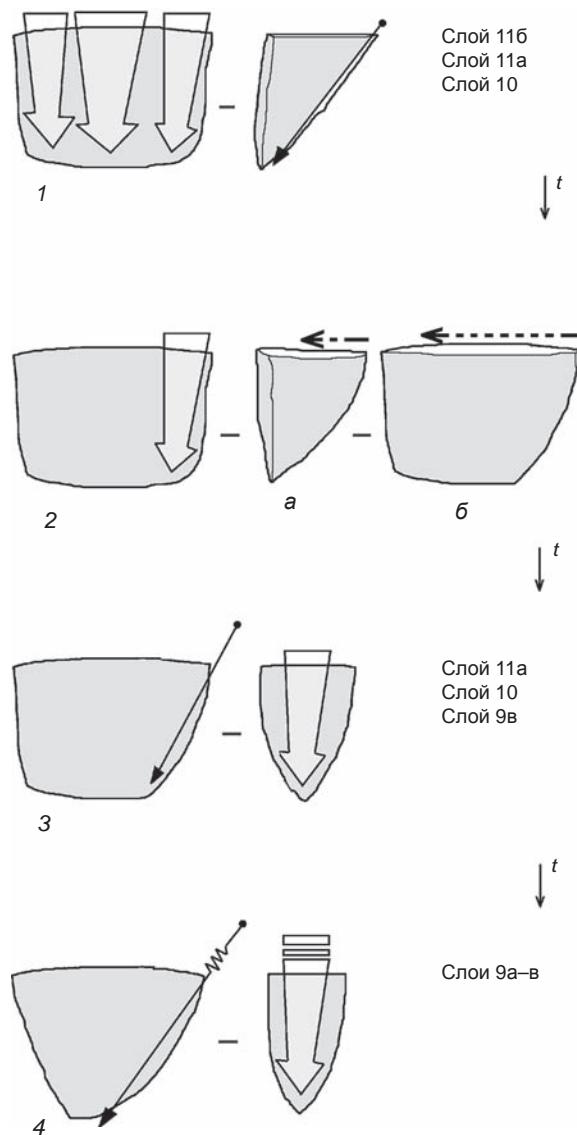

Рис. 4. Эволюция техники расщепления нуклеусов. «Линия 2». Усть-Каракол-1 (по: [Деревянко, Волков, 2004]).

ной и логичной эволюции становится типичной для торцовых ядрищ.

С самых низов 11-го слоя в Усть-Караколе-1 и 11-го в Денисовой пещере широко распространены торцовые, клиновидные и призматические нуклеусы, свидетельствующие о пластинчатом и микрорасщеплении, применении отжимной техники. Для 11–8-го культуроодержащих горизонтов Усть-Каракола-1 получены даты в интервале от 50 ± 12 до 29 тыс. л.н.; для нижней части слоя 11 в Денисовой пещере – AMS-дата по кости $48\,650 + 2\,380 / - 1\,840$ л.н. (KIA 25285 SP 553/D19), для средней части – открытая дата $> 37\,235$ л.н. (СОАН-2504), а для кровли на контакте с 10-м слоем – $29\,200 \pm 360$ л.н. (AA-3532).

Очевидно, что в интервале 50–40 тыс. л.н. в Горном Алтае формировался каракольский верхнепалеолитический вариант первичного расщепления, который представляет собой результат эволюции этого технологического процесса в среднем палеолите на данной территории.

Несколько иная эволюционная система прослеживается на примере первичного расщепления в finale среднего – раннем верхнем палеолите на местонахождении Кара-Бом, расположенному приблизительно в 150 км от Денисовой пещеры, в бассейне р. Урсул, в Еловской котловине. Здесь выявлены два культуроодержащих горизонта, относящиеся к финалу среднего палеолита, и шесть верхнепалеолитических (рис. 5). Для верхнего среднепалеолитического получены радиоуглеродные даты > 42 (AA-8873) и > 44 тыс. л.н. (AA-8894); для слоя, разделяющего верхний и нижний среднепалеолитические горизонты, – ЭПР-дата 62,2 тыс. л.н.; для нижнего, 6-го верхнепалеолитического – дата $43\,200 \pm 1\,500$ л.н. (GX-17597), а для 5-го – $43\,300 \pm 1\,600$ (GX-17596).

Для горизонтов, относящихся к среднему палеолиту, наиболее типичны ядрища параллельного принципа расщепления. Нуклеусов для снятия леваллуазских острий сравнительно немного (13 %) [Деревянко, Волков, Петрин, 2002а]. В орудийном наборе из нижнего среднепалеолитического горизонта орудия из пластин составляют 34 %. Наиболее распространенный вариант последовательности утилизации леваллуазского нуклеуса заключался в использовании сначала однополярного рекуррентного метода, затем, после переоформления ядрища, однополярного конвергентного и на заключительной стадии – однополярного параллельного (рис. 6). На начальной стадии на преформе образовывалась центральная грань, после ее удаления производили рекуррентную серию снятий крупных пластин. На среднем этапе расщепления ядрища конвергентными однонаправленными и краевыми сколами достигалась необходимая фронтальная выпуклость и производилось снятие до трех леваллуазских острий и/или сколов. На заключительной стадии скальвание осуществлялось в параллельной системе (рис. 6, 2, 3).

Для 5-го и 6-го горизонтов начальной стадии верхнего палеолита характерны леваллуазские рекуррентные монофронтальные двухплощадочные плоскостные нуклеусы. Эти ядрища прямоугольные в плане, их ударные площадки наклонены к контрфронту, рабочая плоскость несет на себе негативы снятия крупных удлиненных пластин правильной формы. Система расщепления близка к среднепалеолитической. При истощении нуклеуса и невозможности снятия пластин с широкого рабочего фронта производилось скальвание с заостренной латерали, в результате на торце оформлялась новая рабочая площадка. Тех-

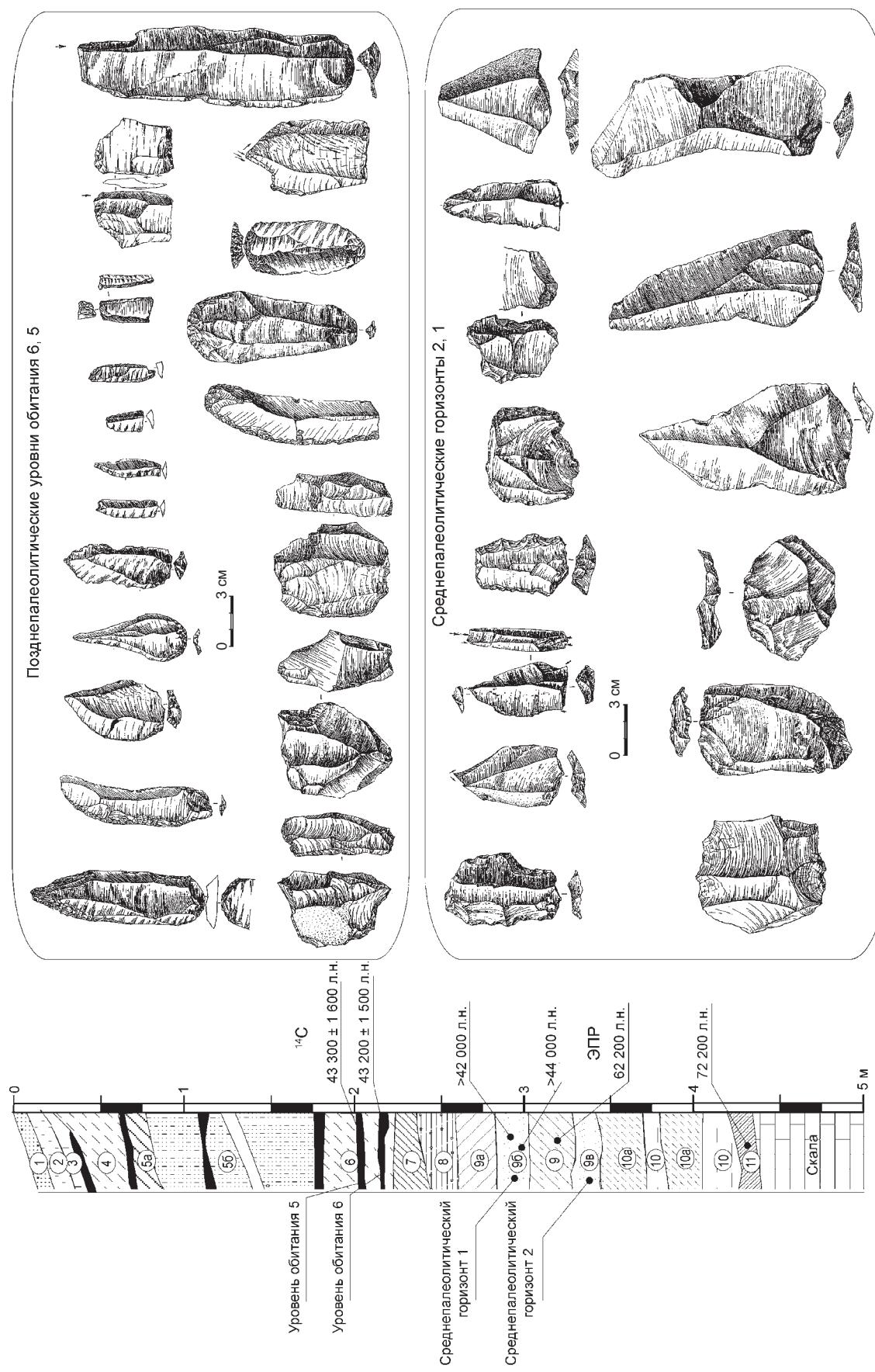

Рис. 5. Геохронология, стратиграфия и артефакты. Кара-Бом (по: [Черевянко, 2001]).

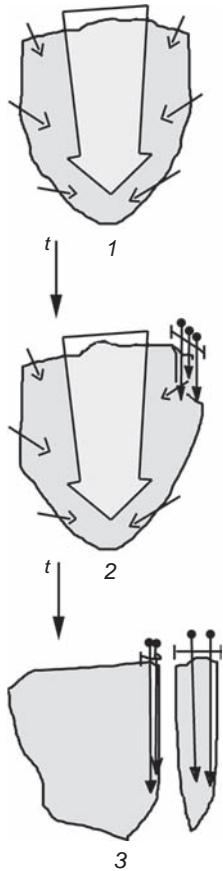

Рис. 6. Схема технологической эволюции нуклеусов. Карабомовский вариант (по: [Деревянко, Волков, 2004]).

перь это была уже узкая удлиненная пластина. Сильно сработанные нуклеусы данной группы в ряде случаев переоформлялись в многофасеточные резцы, что является особенностью карабомовской ранневерхнепалеолитической индустрии.

При сравнении первичного расщепления каракольского и карабомовского типов наблюдается общая направленность эволюции от леваллуазской традиции к верхнепалеолитической. Весь набор нуклеусов, преформ, дебитажа демонстрирует переход от среднепалеолитической техники обработки камня к верхнепалеолитической. Здесь отчетливо прослеживается постепенное сокращение количества нуклеусов, склонение с которых производилось с широких фронтов, и столь же стабильное возрастание числа ядрищ, свидетельствующих о пластинчатых снятиях с торца. Хорошо выделяется период, когда оба способа сосуществовали. На смену технике удара приходит отжимная: с торцовых и клиновидных ядрищ снимаются микропластины.

Каракольская и карабомовская ранневерхнепалеолитические традиции первичного расщепления

камня формировались в одном и том же хронологическом интервале, но получение конечного продукта (пластин) осуществлялось разными способами. В обоих случаях в переходный от среднего к верхнему палеолиту период стала применяться отжимная техника [Там же], но карабомовский вариант технологической эволюции нашел свое развитие в получении удлиненных правильных пластин с торца (рис. 6, 3), а каракольский – микропластины (см. рис. 3, 5).

Каракольская линия развития индустрии (культура) на Алтае

Переход от среднего к верхнему палеолиту на территории Алтая не только по первичному расщеплению, но и по технико-типологическим характеристикам каменных орудий рассматривался во многих работах [Археология..., 1998; Деревянко, Петрин, Рыбин, Чевалков, 1998; Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000; Деревянко, 2001; Derevianko, Markin, Shun'kov et al., 2001; Рыбин, 2002; Деревянко, Рыбин, 2003; Деревянко, Шуньков, Агаджанян и др., 2003; Деревянко, Шуньков, 2004, 2005а; Деревянко, 2009]. Наиболее массивный материал каракольской индустриальной традиции, относящийся к хронологическому интервалу 100–30 тыс. л.н., получен в Денисовой пещере, Усть-Караколе-1, Ануе-3, расположенных в пределах 3 км друг от друга [Деревянко, 2009].

В Денисовой пещере основной каменный инвентарь, который позволяет рассмотреть динамику развития индустрии среднего палеолита в хронологическом диапазоне 90–50 тыс. л.н., содержался в горизонтах 18–12 центрального зала и 10, 9 предвходовой площадки. Индустриальный комплекс представлен среднепалеолитическими артефактами с близкими техническими и типологическими параметрами. Различие материалов культуросодержащих горизонтов по процентному соотношению представленных в них технологических приемов и типологических форм в первичной и вторичной обработке камня невелико и свидетельствует не о смене ранее сложившегося культурно-исторического единства, а об эволюционном развитии индустрии и о возможном влиянии новых адаптационных стратегий, обусловленных меняющейся экологической ситуацией.

По всем основным технико-типологическим показателям категории каменных орудий (скребла, скребки, резцы, острия-проколки, зубчато-выемчатые изделия), так же как и продукты первичного расщепления, имеют эволюционную преемственность от нижних культуросодержащих горизонтов к верхним (рис. 7–10). В Денисовой пещере культуросодержащие горизонты с 18 по 12 охватывают период примерно в 40 тыс. лет, и на протяжении этого вре-

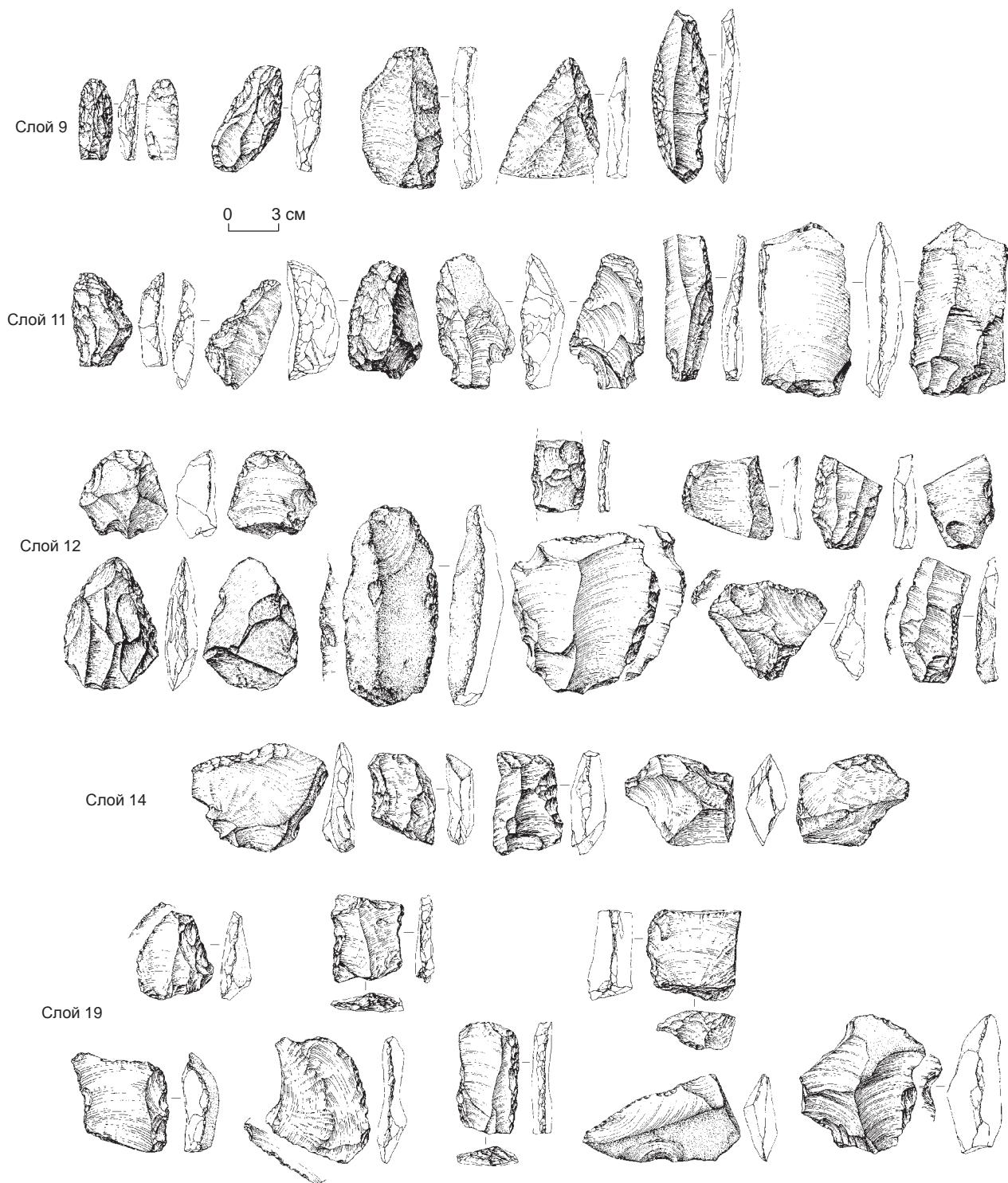

Рис. 7. Скребла. Центральный зал Денисовой пещеры (по: [Деревянко, 2009]).

мени снизу вверх наблюдается динамика в сторону увеличения процентного содержания верхнепалеолитических орудий.

Хорошо сформированная индустрия верхнего палеолита прослеживается в 11-м культурном содер-

жащем горизонте Денисовой пещеры, который разделен на пять литологических прослоек (уровней обитания). Для них получено несколько радиоуглеродных дат в интервале 50–30 тыс. л.н. Первичная обработка камня характеризуется преимуществен-

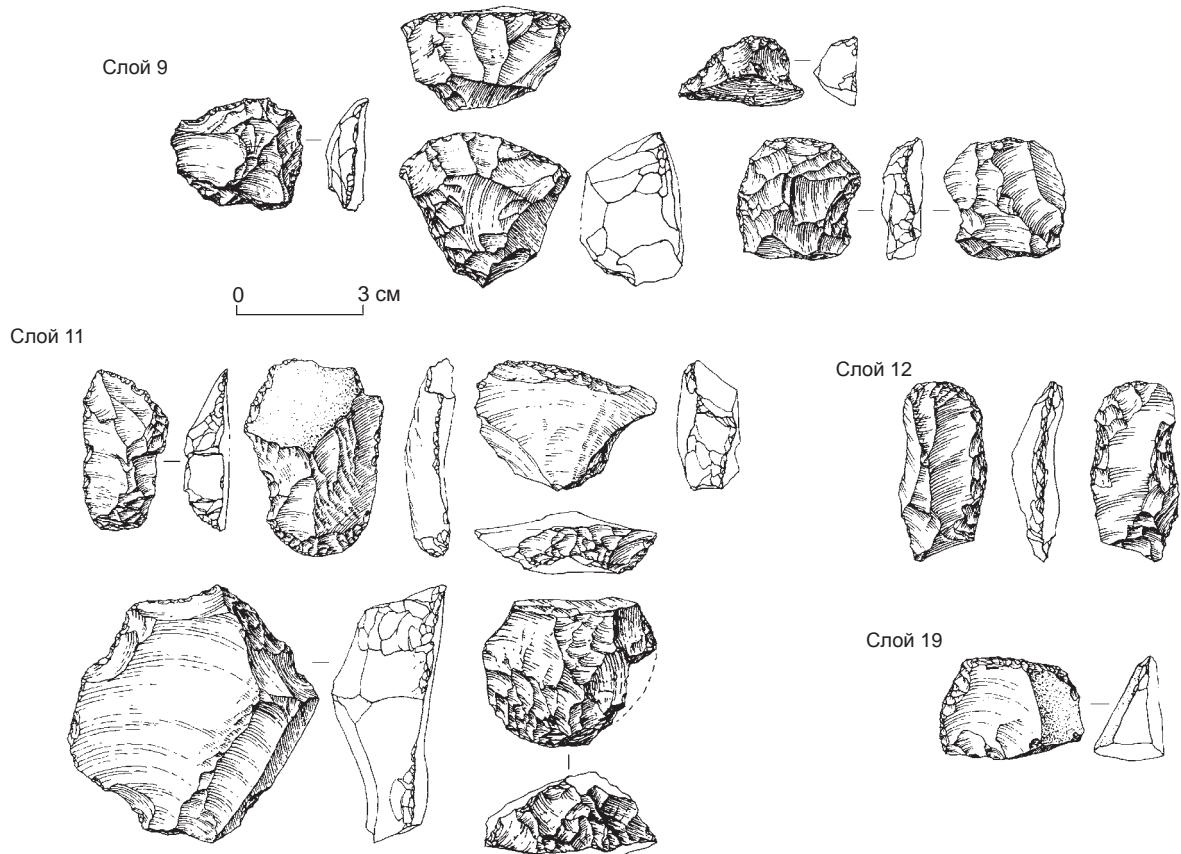

Рис. 8. Скребки. Центральный зал Денисовой пещеры (по: [Деревянко, 2009]).

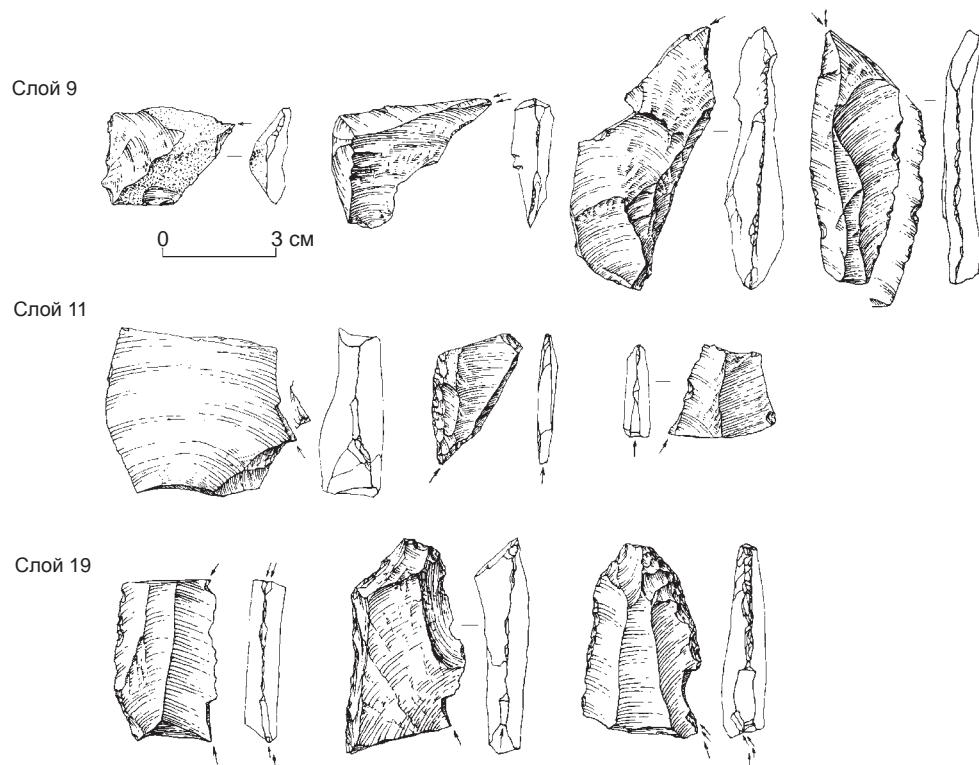
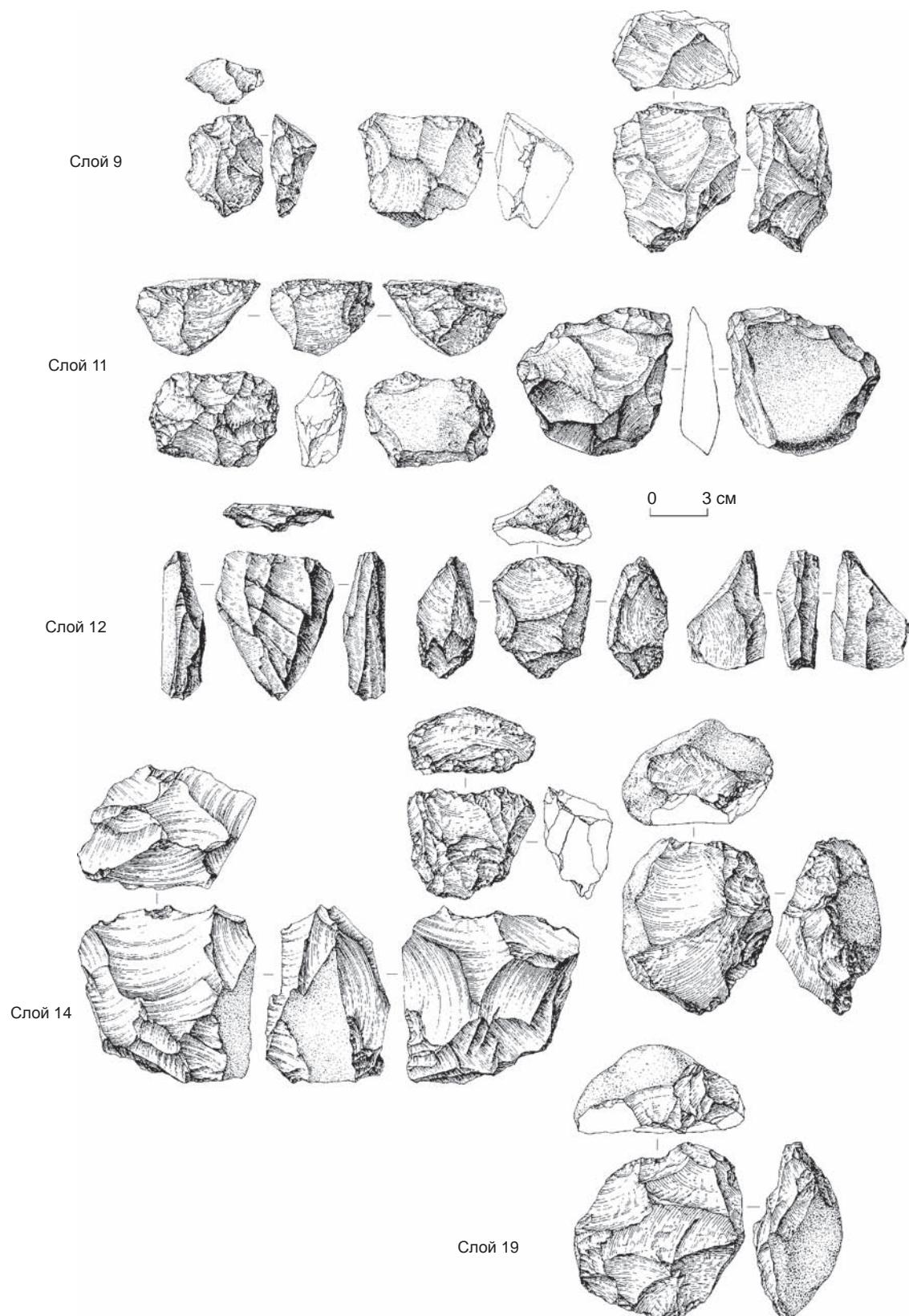

Рис. 9. Резцы. Центральный зал Денисовой пещеры (по: [Деревянко, 2009]).

*Рис. 10. Динамика первичного расщепления. Центральный зал Денисовой пещеры
(по: [Деревянко, 2009]).*

Рис. 11. Костяной инвентарь ранней стадии верхнего палеолита. Центральный зал Денисовой пещеры (по: [Деревянко, Шуньков, 2004]).

1–5 – иглы с ушком; 6–12 – острия-проколки.

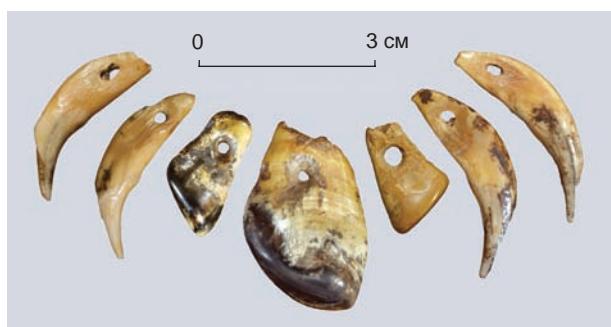

Рис. 12. Подвески ранней стадии верхнего палеолита, выполненные из зубов животных. Центральный зал Денисовой пещеры (по: [Деревянко, Шуньков, 2004]).

но параллельной техникой, в единичных вариантах представлены радиальный и леваллуазский принципы расщепления. Большинство сколов составляют отщепы с параллельно ограненным дорсалом и гладкой ударной площадкой и пластины. Технические индексы определяют индустрию как нефасетированную и непластинчатую; вместе с тем среди удлиненных пластинчатых сколов отмечена небольшая серия микропластин.

Характерной чертой данной индустрии является пропорциональное соотношение в орудийном наборе средне- и верхнепалеолитических форм. Мустьерские остроконечники и скребла среди ретушированных изделий составляют 22 %. В среднепалеолитической группе традиционно преобладают скребла, в основном продольные однолезвийные. Этую группу орудий дополняет небольшая, но типологически выдержанная серия леваллуазских остроконечников. Заметная доля (25 %) принадлежит зубчатым, выемчатым и клювовидным изделиям. Однако наиболее многочисленную группу составляют верхнепалеолитические орудия (30 %). Типология скребков, резцов, проколок, ретушированных пластин и микропластин с притупленным краем бесспорно верхнепалеолитическая. Они составляют самый выразительный компонент индустрии. Еще одной особенностью этого технокомплекса является присутствие листовидных бифасов [Деревянко, Шуньков, 2002].

Важным аргументом в пользу отнесения индустрии 11-го слоя Денисовой пещеры к раннему верхнему палеолиту служит сопутствующий костяной инвентарь и украшения из камня, кости, скорлупы страусового яйца, бивня мамонта и зубов животных. Коллекция обработанной кости включает более 60 предметов. Это миниатюрные иглы с ушком (рис. 11, 1–5), в т.ч. уплощенное изделие с обломленным острием, на обе плоскости которого нанесено по ряду точечных углублений (рис. 11, 4); острия-проколки из обломков трубчатых костей крупных млекопитающих (рис. 11, 6–12); подвески из зубов лисицы, бизона и оленя с биконически просверленным отверстием (рис. 12; 13, 1, 2, 4–7) или с прорезанной по периметру бороздкой в корневой части (рис. 13, 3); пронизи из полых трубчатых костей, в т.ч. орнаментированные симметрично расположенными рядами глубоких кольцевых нарезок (рис. 14); фрагмент кольца из бивня мамонта и кольцо из того же материала с естественным «орнаментом» по внешнему диаметру, тщательно заполированной поверхностью и биконически просверленным отверстием (рис. 15, 6); небольшие плоские бусины из обломков трубчатых костей (рис. 15, 2); заготовки бусин (?) – фрагмент бивня мамонта с двумя просверленными широкими отверстиями и вырезанной между ними перемычкой (рис. 15, 7) и обломки бивня мамонта и трубчатой

Рис. 13. Ранневерхнепалеолитические подвески из зубов животных. Центральный зал Денисовой пещеры (по: [Деревянко, Шуньков, 2004]).

Рис. 14. Костяные орнаментированные пронизи ранней стадии верхнего палеолита. Центральный зал Денисовой пещеры (по: [Деревянко, Шуньков, 2004]).

кости неправильно-овальной формы с тщательно заполированной поверхностью и широким отверстием посередине (рис. 15, 1, 4, 5); тонкостенное колечко – поперечный срез с трубчатой кости крупной птицы; фрагмент ребра крупного копытного с тремя веерообразно расположеными нарезками (рис. 15, 8); стержни из стенок трубчатых костей млекопитающих, в т.ч. медиальные фрагменты с полированной поверхностью и дистальный с уплощенным окончанием; фрагменты костей крупных млекопитающих с просверленным отверстием. Следует отметить плоскую бусину-колечко (рис. 15, 3) из уникального для палеолита Алтая материала – скорлупы страусового яйца. Другой примечательный компонент – украшения из поделочного камня и раковин моллюсков: фрагментированные подвески из агальматолита (рис. 16, 8) и талька-стеатита (рис. 16, 6, 7) с биконически просверленным отверстием у одного из поперечных краев изделия; бусины из талька (рис. 16, 3), серпентина (рис. 16, 2) и глинистого сланца (рис. 16, 1); украшения из раковин пресноводных моллюсков *Corbicula tibetensis* с просверленными отверстиями в основании.

Рис. 15. Ранневерхнепалеолитические украшения. Центральный зал Денисовой пещеры (по: [Деревянко, Шуньков, 2004]).
1, 4, 5, 7 – заготовки бусин из кости (?); 2 – бусина из обломка трубчатой кости; 3 – бусина из скорлупы страусового яйца; 6 – кольцо из бивня мамонта; 8 – фрагмент ребра крупного млекопитающего с нарезками.

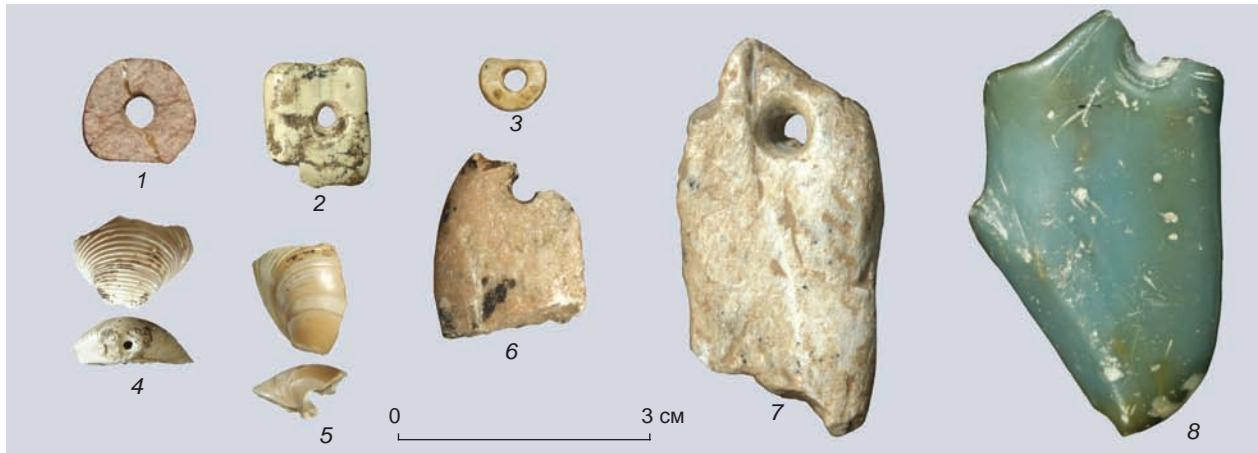

Рис. 16. Украшения ранней стадии верхнего палеолита. Центральный зал Денисовой пещеры (по: [Деревянко, Шуньков, 2004]).

1–3 – бусины из камня; 4, 5 – украшения из раковин моллюсков; 6–8 – подвески из камня.

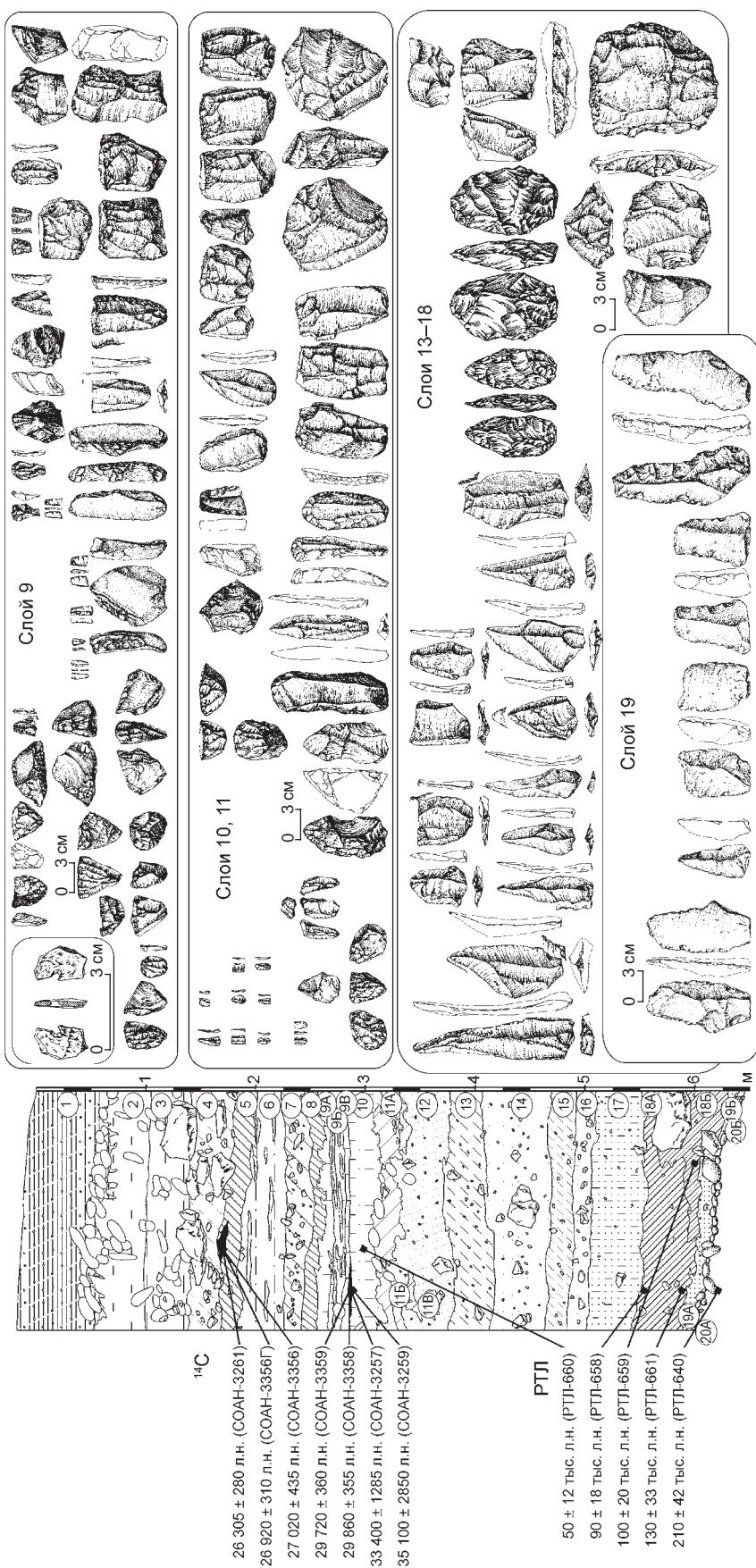
Совершенно новым элементом, характеризующим не только уровень духовной культуры человека верхнего палеолита, но и его производственные и технические возможности, является фрагмент браслета, изготовленного из темно-зеленого хлоритолита, древностью более 30 тыс. лет (рис. 17) [Деревянко, Шуньков, Волков, 2008]. Он был изучен П.В. Волковым с применением самой совершенной техники. На первом этапе изготовления браслета исходной гачечной заготовке была придана уплощенно-шаровид-

ная форма. Для этой цели производились шлифовка и последующая полировка. Заготовку обрабатывали, скорее всего, на жестком, относительно большом по площади и плоском абразиве до получения полуфабриката необходимой формы. Затем в центре одной из плоскостей заготовки, вероятно, было просверлено технологическое отверстие. Следующей операцией была отделка – шлифовка и полировка изделия. Полировка достаточно качественная, производилась с использованием кожи и шкуры разной степени выделки.

Рис. 17. Фрагмент браслета. Центральный зал Денисовой пещеры (по: [Деревянко, Шуньков, Волков, 2008]).

1 – с внешней стороны, 2 – с внутренней, 3 – вид сверху, 4 – снизу.

Prec. 18 Геохронология, стратиграфия и сводная таблица артефактов. Усть-Каракол-1 (по: [Деревянко, 2009]).

В результате изделие приобрело гладкую, почти зеркальную поверхность. Детальное трасологическое и технологическое изучение браслета показало, что человек ранневерхнепалеолитической эпохи уже владел различными приемами обработки камня, считавшимися нехарактерными для палеолита. Применялись шлифовка разными абразивами, полировка кожей и шкурой, а также уникальные для палеолитического времени технологии – скоростное станковое сверление и расточка инструментом типа рашипли.

Материалы с предвходовой площадки Денисовой пещеры демонстрируют ту же динамику развития среднепалеолитической индустрии и переход ее в верхнепалеолитическую.

Последовательную эволюцию индустрии среднего палеолита и переход ее в верхнепалеолитическую хорошо дополняют материалы стоянки открытого типа Усть-Каракол-1, расположенной в 3 км от Денисовой пещеры (рис. 18). Мощность рыхлых отложений здесь достигает 6,5 м. На стоянке выявлено 20 основных литологических слоев и 20 уровней обитания палеолитического человека [Деревянко, Маркин, 1992, 1998; Деревянко, Шуньков, Постнов, Ульянов, 1995; Археология..., 1998; Деревянко, Шуньков, Постнов, 1998; Деревянко, 2001; Деревянко, Шуньков, Агаджанян и др., 2003; Деревянко, Шуньков, 2004; Деревянко, 2009].

Материалы палеолитических местонахождений в долине р. Ануя Денисова пещера, Ануй-3, Усть-Каракол-1, расположенных в непосредственной близости друг от друга, убедительно демонстрируют переход от среднего к верхнему палеолиту. Верхнепалеолитические типы орудий на этих стоянках появляются ок. 100–90 тыс. л.н. В дальнейшем увеличивается их число и совершенствуется техника первичной и вторичной обработки камня. Переходный этап можно отнести к хронологическому интервалу 60–50 тыс. л.н., а окончательное оформление верхнепалеолитической индустрии в бассейне р. Ануя – к 50–45 тыс. л.н.

Карабомовская линия развития индустрии (культура) на Алтае

Другой индустриальный вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту представлен на многослойном памятнике Кара-Бом. Анализ материалов стоянки свидетельствует об эволюционном развитии индустрии от среднепалеолитической к верхнепалеолитической (см. рис. 5) [Деревянко, Петрин, Рыбин, Чевалков, 1998; Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000; Рыбин, 2002; Деревянко, Рыбин, 2003; Деревянко, Шуньков, 2004; Рыбин, Колобова, 2004].

В индустриях финального этапа среднего палеолита на стоянке Кара-Бом использовалась главным

образом система рекуррентного леваллуазского расщепления с чередованием приемов параллельного и конвергентного скальвания заготовок. Среди продуктов первичного расщепления выделяется группа пластин, на долю которой в нижнем среднепалеолитическом горизонте приходится 33 %, а в верхнем – 46 % всех сколов. В совокупности они образуют самую представительную выборку удлиненных сколов в алтайских среднепалеолитических коллекциях. Так же необычно многочисленны пластины, использовавшиеся в качестве заготовок орудий: их доля в нижнем горизонте достигает 34 %. Наиболее устойчивую серию представляют остроконечники леваллуа без признаков систематической вторичной обработки. Не менее значимым компонентом инвентаря являются зубчатые и выемчатые изделия (нижний горизонт – 32 %, верхний – 52 %), оформленные, как правило, ретушированными анкошами. Следующая по значению группа верхнепалеолитических орудий (соответственно 16 и 21 %) включает боковые, угловые и срединные резцы, ретушированные пластины, а также скребки и проколки.

Технические особенности индустрии из 5-го и 6-го верхнепалеолитических горизонтов носят отчетливо выраженный пластинчатый характер. Большая часть нуклеусов имеет параллельное ограничение и предназначена для получения удлиненных сколов, при этом сохраняют свое значение отдельные элементы техники леваллуа. В то же время появляются новые технические приемы, направленные на скальвание микропластин, в т.ч. с торцевых разновидностей нуклеусов. Основным продуктом расщепления являются крупные пластины, на которых оформлено более половины орудий. В составе инвентаря заметное место по-прежнему сохраняют зубчато-выемчатые изделия (28–35 %). Относительно небольшими сериями представлены леваллуазские остроконечники и скребловидные орудия. В орудийном наборе преобладают изделия верхнепалеолитической группы (32–39 %) – концевые и боковые скребки, срединные асимметричные и угловые резцы, ножи с ретушированным обушком, удлиненные остроконечники, в т.ч. с утонченным сентральной стороны основанием, и пластины со следами регулярной ретуши по продольному краю. С отложениями наиболее ранних верхнепалеолитических уровней стоянки связаны плоская удлиненная галька, один торец которой несет следы минерального красителя охристого цвета, и три подвески с просверленным отверстием: одна из лучевой кости и две из зубов животных [Деревянко, Рыбин, 2003].

Комплексное изучение каменной индустрии Горного Алтая позволяет сделать вывод, что на финальном этапе среднего палеолита (70–50 тыс. л.н.) намечаются две линии развития: карабомовская и ка-

ракольская. Обе они вызревают в процессе эволюции единой среднепалеолитической культуры, и на их основе 50–45 тыс. л.н. сформировались два варианта ранневерхнепалеолитической индустрии (культуры?). Уникальность многослойных среднепалеолитических местонахождений Горного Алтая, находящихся на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга, состоит именно в том, что они, как никакие другие в Северной, Восточной и Центральной Азии, позволяют проследить эволюцию от среднепалеолитических индустрий к верхнепалеолитическим.

Истоки среднепалеолитической индустрии Алтая

Остается не в полной мере ясным вопрос об истоках среднепалеолитической индустрии Горного Алтая. Алтайские позднеашельские – раннесреднепалеолитические индустриальные комплексы не имеют ничего общего со средненеоплейстоценовыми Восточной и Юго-Восточной Азии. Они западного облика. Что подразумевается под этим понятием? Наиболее близкие параллели позднеашельским и среднепалеолитическим индустриальным комплексам Горного Алтая прослеживаются на Ближнем Востоке, а точнее, в Леванте. Сравнивать индустрии, находящиеся на расстоянии нескольких тысяч километров друг от друга, по индексам, тем или иным технико-типологическим показателям – бесперспективное занятие. На территории Леванта в среднем и позднем плейстоцене выделяются следующие индустриальные традиции: позднеашельская, мугаранская, близкий к ней ябрудьен, хуммалийская, мустье типов С, D, В. Для Горного Алтая в позднем среднем и раннем верхнем плейстоцене наиболее характерны леваллуазский и параллельный принципы первичного расщепления. Остается не совсем ясным, связан ли второй своим происхождением с первым или они оба развивались одновременно и независимо.

На территории Леванта к раннему ашелю относится местонахождение Гешер Бенот Яаков с леваллуазской техникой и бифасами [Stekelis, 1960; Goren-Inbar, Zohar, Ben-Ami, 1991; Goren-Inbar, 1992], к позднему – одна из самых информативных стоянок в Евразии Берехат Рам [Goren-Inbar, 1985, 1992], на которой также представлены в развитом виде леваллуазская техника и бифасы. Очень важно, что последними исследованиями значительно удревнены хронологические рамки мугаранской традиции: слои Ed – Ea пещеры Табун отнесены к интервалу 385–240 тыс. л.н. [Jelinek, 1992; Bar-Yosef, 1995; Schwarcz, Rink, 1998], а леваллуа-мустьеурская индустрия слоя D – к 263–244 тыс. л.н. [Mercier, Valladas H., Valladas G., 1995]. В лаборатории дозиметрии,

радиоактивности окружающей среды и радиотермолюминесцентного анализа МГУ для слоя E этой пещеры определены даты 260 ± 60 ; 270 ± 60 ; 340 ± 80 ; 410 ± 110 ; 480 ± 120 тыс. л.н. [Лаухин, Ронен, Ранов и др., 2000], что в целом согласуется с ранее полученными данными.

Позднеашельская – ябрудьенская индустрия Ближнего Востока не находит полного соответствия в раннесреднепалеолитической Горного Алтая, что естественно. Эти территории разделяет огромное расстояние, более 5 тыс. км, и при продвижении древних популяций из Леванта на юг Сибири, возможно, в течение нескольких десятков тысяч лет человеку пришлось преодолеть много различных природно-ландшафтных зон, что не могло не отразиться на технико-типологических характеристиках индустриальных комплексов. На современном уровне наших знаний совершенно очевидно: только индустрии Ближнего Востока могли быть истоками раннесреднепалеолитической индустрии Горного Алтая.

Сибирячихинская линия развития индустрии (культура) на Алтае

В палеолите Горного Алтая значительное время особняком оставалась индустрия из пещеры Окладникова [Деревянко, Маркин, 1992]. Она принципиально отличается от всех среднепалеолитических индустриальных комплексов Алтая: более мустье-роидная, с большим количеством конвергентных скребел типа déjeté. Хронологические рамки культуросодержащих горизонтов пещеры Окладникова 45–40 тыс. л.н. В это время на территории Горного Алтая уже сформировались два варианта верхнепалеолитической культуры: каракольская и карабомовская. А в пещере Окладникова доминировала мустье-роидная индустрия с небольшим процентом верхнепалеолитических орудий. Этот феномен пытались объяснить разными причинами, в т.ч. специализированным использованием пещеры во время охотничьих экспедиций в качестве долговременной стоянки, где производилась разделка туш животных. Не исключался также вариант одновременного расселения на Алтае человека современного физического типа (каракольская и карабомовская культура) и неандертальцев, которым принадлежала мустье-роидная индустрия из пещеры Окладникова [Деревянко, 2007], что было подтверждено результатами изучения митохондриальной ДНК из костных остатков человека, найденных в этой пещере [Krause, Orlando, Serre et al., 2007].

В 2007 г. С.В. Маркин открыл Чагырскую пещеру на территории Рудного Алтая, исследования в ней были продолжены в 2008–2009 гг. Найденный там

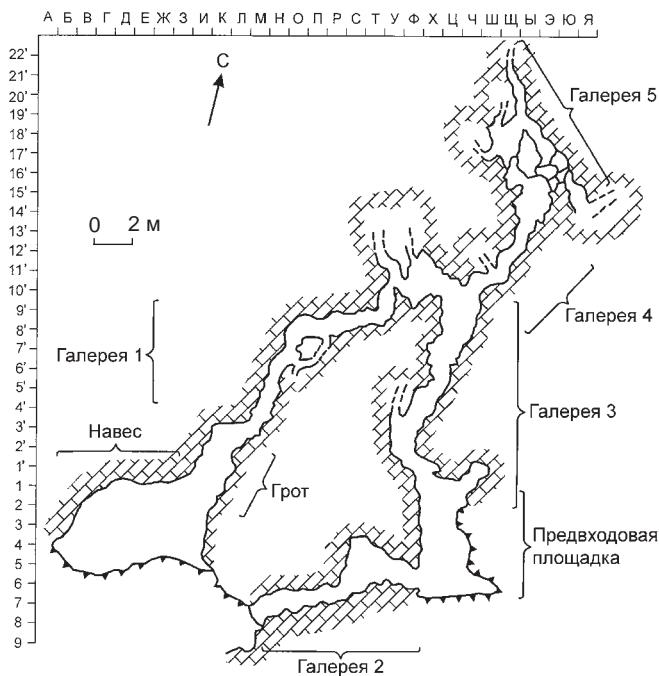

Рис. 19. Общий план пещеры Окладникова
(по: [Деревянко, 2007]).

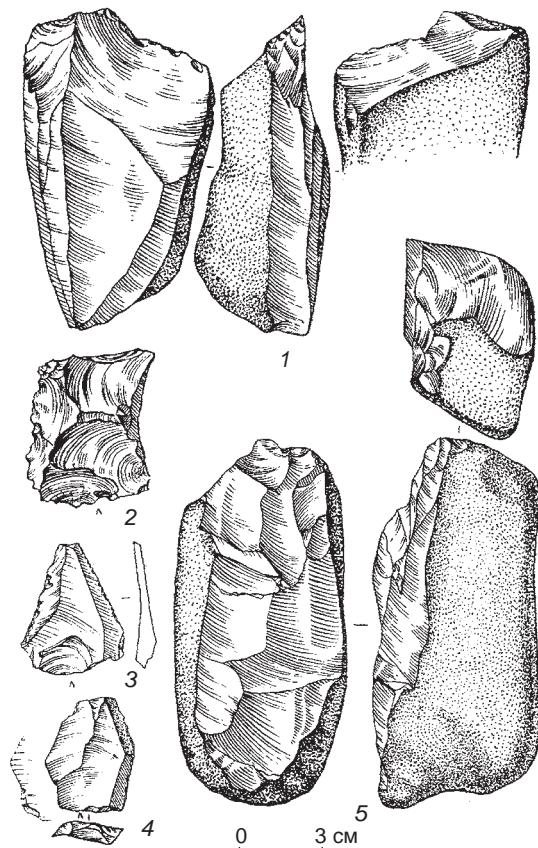

Рис. 20. Каменный инвентарь из слоя 7 пещеры Окладникова
(по: [Деревянко, 2009]).
1, 5 – нуклеусы; 2 – скребло; 3, 4 – остряя леваллуа.

каменный инвентарь по всем технико-типологическим показателям аналогичен индустрии из пещеры Окладникова. Стало очевидным, что эта индустрия связана с расселением на территории Горного Алтая небольшой по численности популяции неандертальцев.

Пещера Окладникова находится в поясе низкогорного Алтая на высоте 319 м над ур. м. Она расположена на окраине с. Сибирячиха Солонешенского р-на Алтайского края, на левом берегу одноименной реки (левый приток Ануя), на высоте 14 м от уреза воды. Пещера представляет собой сложное образование, состоящее из отдельных и взаимосвязанных полостей различных форм (рис. 19). Она объединяет обращенный в сторону реки участок под навесом-козырьком пещеры, гrot, несколько галерей, а также ряд удаленных от входов небольших расширений – «залов». Галереи узкие и низкие, непригодные, как и «залы», для постоянного в них проживания. Культуроодержащими являются слои 7, 6, 3–1. Они маломощные, не более 1 м.

Весь археологический материал из культуроодержащих горизонтов пещеры Окладникова представляет собой гомогенный комплекс, имеющий существенные отличия от других палеолитических местонахождений Горного Алтая. Особенность инвентаря – малочисленность ядра (0,4–1 %), а также краевых и полукраевых сколов (4,6–12,5 %), свидетельствующая о том, что первичное расщепление осуществлялось за пределами пещеры (рис. 20). В нее доставлялись заготовки, которые здесь преобразовывались в необходимые орудия труда. Это подтверждается наличием в культуроодержащих горизонтах большого количества мелких сколов ретуширования – от 31 до 44 %. В материалах всех уровней обитания значительную долю составляют орудия труда, соответствующие стоянкам типа охотничих лагерей, на которых эксплуатировались однотипные специализированные инструменты, предназначенные для разделывания и обработки определенных видов мегафауны (рис. 21). Косвенным свидетельством того, что культуроодержащие горизонты отражают долговременное использование пещеры в качестве базовой стоянки во время охотничих экспедиций для заготовки мяса, является большое количество фрагментированных орудий: в слое 7 – 42,1 %, в 6-м – 53,15, в 3-м – 50,3, во 2-м – 42,6, в 1-м – 43,7 %. Хозяйственная деятельность первобытных коллективов, заселявших пещеру, была связана с охотой, разделкой и обработкой туш крупных животных, в основном лошадей, аргали, носорогов, бизонов, северных оленей.

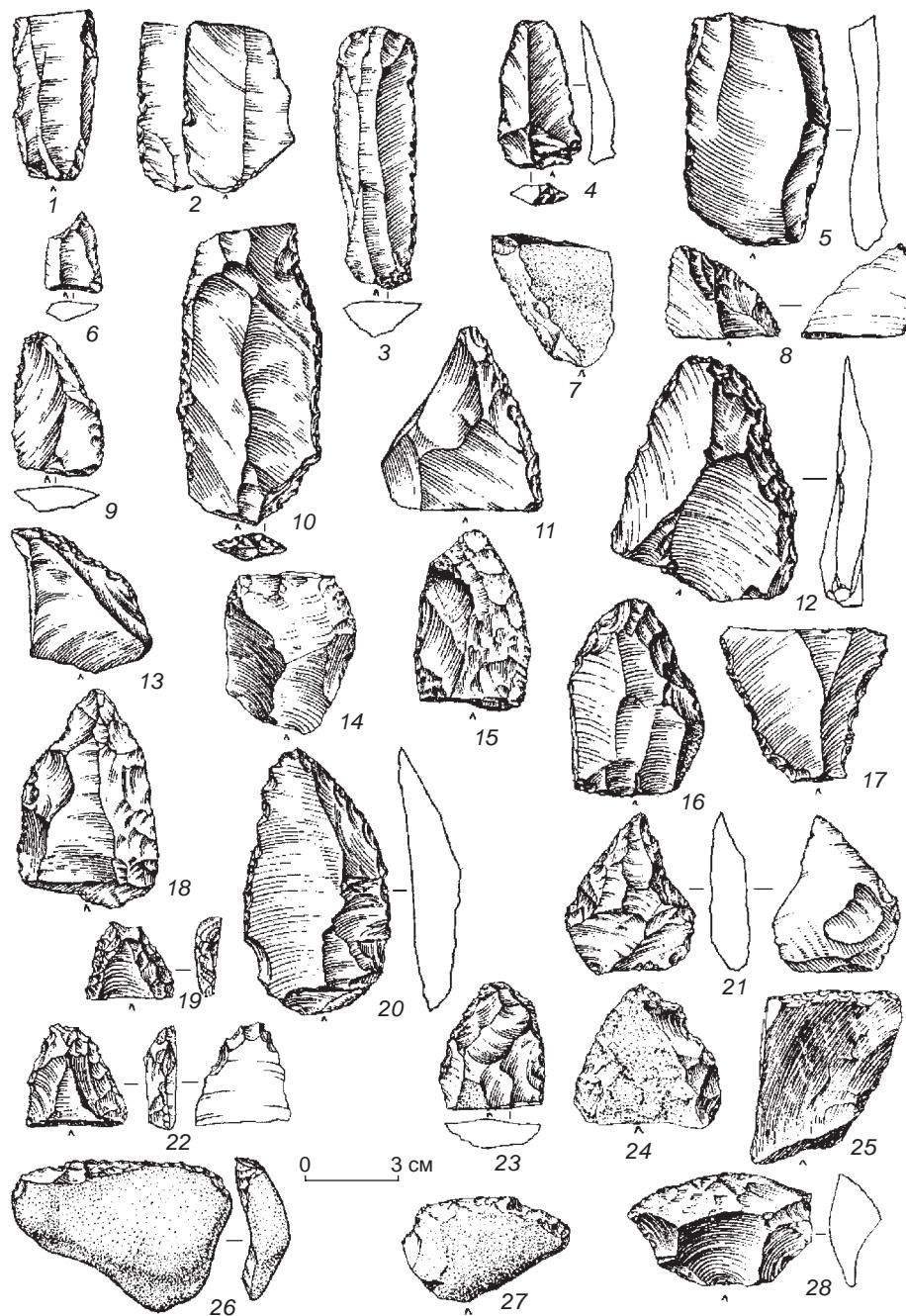

Рис. 21. Пластины (1–6) и скребла (7–28) из слоя 3 пещеры Окладникова
(по: [Деревянко, 2009]).

Трасологический анализ, проведенный Н.А. Кононенко, показал, что большинство орудий из слоя 7 использовалось в качестве скребел и ножей для работы с мягкими материалами (шкуры, мясо и т.д.). Единичные изделия функционально определены как скребки и скобели для работы с твердыми материалами. Среди зубчатых орудий имеется единственная двулезвийная пилка, а острие одного леваллуазского остроконечника использовалось в качестве сверла.

В орудийном наборе из слоя 6 по следам сработанности определены скребла и ножи, чуть меньше скобелей и скребков, единичные пилки и сверла. В материалах слоя 3 сохраняется отмеченная тенденция функционального распределения орудий.

Помимо охоты, первобытное население, жившее во времена накопления слоя 7, занималось рыболовством. В этом культурносодержащем горизонте обнаружено огромное количество остатков рыб: ребра, поз-

вонки, чешуя, т.е. ихтиофауна играла значительную роль в питании.

Особое значение для интерпретации находок из пещеры имеют U- и ^{14}C -даты культуросодержащих горизонтов. Безусловно достоверными следует считать урановые $44\,600 \pm 3300$ и $44\,800 \pm 4000$ тыс. л.н., полученные по образцам из 7-го слоя галереи 1. Она представляла собой узкий (максимальная ширина 1 м) коридор, не приспособленный для жилья, который, судя по сохранности рыхлых отложений, совершенно не испытал более позднего антропогенного воздействия: все находки в нем находились *in situ*. Эти даты с уверенностью можно принять как базовые.

Наиболее проблематичны возрастные определения для культуросодержащих горизонтов под навесом. Разброс дат для слоя 3, полученных по костям животных, от $> 16\,210$ до $43\,700$ л.н. Широкая открытая полость под навесом, обращенная к долине р. Сибирячихи, в течение десятков лет служила убежищем для домашних животных: весной и осенью – от непогоды, летом – от зноя. Несомненно, проникновение в толщу рыхлых отложений продуктов их жизнедеятельности, а также корневая биотурбация кустарниковой растительности, затронувшая практически все осадки, обусловили повышенное содержание молодого углерода в органическом материале, включенном в состав отложений. Еще одним подтверждением невозможности получения корректных дат для культуросодержащих горизонтов под навесом являются результаты датирования палеоантропологических материалов из пещеры Окладникова. Некалиброванная дата по кости взрослой особи составляет $2\,4260 \pm 180$ л.н., по кости подростка – в пределах от $29\,990 \pm 500$ до $37\,800 \pm 450$ [Ibid.]. С моей точки зрения, все культуросодержащие горизонты пещеры относятся к 45–40 тыс. л.н.

Длительное время комплекс палеолитических находок из пещеры Окладникова оставался труднообъяснимым. Тогда как на значительной территории Алтая уже сформировалась верхнепалеолитическая культура, в пещерах Окладникова и Чагырской прослеживается мусьеоидная индустрия. Можно предположить, что ок. 60–50 тыс. л.н. под давлением волн миграции человека современного физического и генетического типа неандертальцы вынуждены были покинуть территории в Юго-Западной Азии. Вначале они продвинулись в Центральную Азию (Узбекистан – Тешик-Таш), а затем 50–45 тыс. л.н. проникли в Южную Сибирь.

Две линии развития, наметившиеся на финальной стадии среднего палеолита и в переходный период, – каракольская и карабомовская – хорошо прослеживаются на раннем и развитом этапах верхнепалеолита не только на Алтае, но и далеко за его

пределами. Характеризуя ранневерхнепалеолитические местонахождения, относящиеся к одной из двух линий развития индустрии в Южной Сибири, можно говорить уже о двух культурах – каракольской и карабомовской.

В то же время 45–40 тыс. л.н. на Алтае прослеживается совершенно другая по всем технико-типологическим показателям мусьеоидная сибирячихинская индустрия, которая является дополнительным аргументом в пользу того, что все эволюционное развитие индустрии финала среднего палеолита на этой территории связано с формированием здесь верхнепалеолитической культуры.

Каракольская культура раннего этапа верхнего палеолита на Алтае

Традиции, заложенные в каракольской линии развития на переходном этапе от среднего к верхнему палеолиту и на самой ранней стадии верхнего, 50–40 тыс. л.н., когда можно говорить о культуре, хорошо прослеживаются на местонахождениях раннего и развитого верхнего палеолита, датируемых 40–30 тыс. л.н. Динамику развития каракольской культуры можно проследить в Денисовой пещере (слои 9 центрального зала и 6, 5 предвходовой площадки), на местонахождениях Ануй-1, -2, Ушлеп-6, в пещере Страшной и др. В центральном зале Денисовой пещеры формирование верхней части неоплейстоценовой толщи слоя 9 происходило после длительного седиментационного перерыва, отмеченного в слое 10. Такой же перерыв в осадконакоплении наблюдается на границе слоев 7 и 6 на предвходовой площадке. Несмотря на некоторый хронологический разрыв между индустриями раннего и развитого верхнего палеолита, хорошо прослеживается неразрывная линия дальнейшего развития каракольской верхнепалеолитической культуры.

Коллекция из слоя 9 включает нуклеусы и нуклевидные формы, пластины, отщепы, а также восемь изделий из кости, зубов животных и бивня мамонта. По сравнению с нижележащим 11-м горизонтом в 9-м существенно увеличилось количество пластинчатых сколов, в т.ч. микропластинчатых. В орудийном наборе представлены остроконечники, скребла различных модификаций, скребки концевые, боковые, высокой формы типа карене, долотовидные орудия, проколки, резцы, ретушированные пластины, микропластиинки с притупленным краем, бифасиальные изделия и др. Характерной особенностью индустрии является широкое использование пластин в качестве основы для изготовления орудий (ок. 45 % орудийного набора). Особый колорит придают серия микропластин с притупленным краем, а

также изделия из бивня мамонта и из кости, зубов других животных. Обнаружены три иглы, фрагмент остряя-проколки, подвеска с отверстием у основания, выполненная из зуба оленя.

Индустрія из слоев 6 и 5 на предвходовой площадке, так же как и из 9-го в центральном зале пещеры, относится к развитому палеолиту и продолжает традиции каракольской линии развития. Все нуклеусы демонстрируют технику параллельного расщепления. Типологически выраженные каменные орудия оформлены на пластинах или пластинчатых сколах. Увеличивается число микропластин с притупленным краем, резцов и скребков различных модификаций, в т.ч. высокой формы типа карене. Костяной инвентарь представлен иглами, колющим инструментом и основой вкладышевого орудия. Последняя находка свидетельствует об изготовлении и использовании в это время составных орудий. Из украшений найдены бусины-колечки из скорлупы яиц страуса.

Каракольская линия развития хорошо прослеживается в индустрии многослойного, с четкой стратиграфией местонахождения Ануй-2 [Деревянко, Шуньков, Агаджанян и др., 2003]. Оно находится в 70 м от Денисовой пещеры, у правобережного склона долины р. Ануя. При полевых исследованиях на местонахождении выявлено 15 литологических слоев и 12 культуросодержащих горизонтов, насыщенных археологическим и палеонтологическим материалом. Все уровни обитания отделены друг от друга стерильными прослойками. В некоторых горизонтах выявлены кости различной структуры и степени сохранности. Особенно насыщенными были семь нижних горизонтов. На местонахождении Ануй-2 выявлена следующая геохронология: 3-й культуросодержащий горизонт – $21\ 280 \pm 440$ л.н. (СОАН-3007); 4-й – $21\ 502 \pm 584$ (ГИН-1431); 6-й – $23\ 431 \pm 1547$ (ГИН-1430); 8-й – $20\ 350 \pm 290$ (СО АН-2863), $22\ 610 \pm 140$ (СО АН-2862) и $24\ 205 \pm 420$ (СО АН-3006); 9-й – $27\ 125 \pm 580$ (СО АН-2868); 12-й – $26\ 810 \pm 290$ (СО АН-3005) и $27\ 930 \pm 1594$ л.н. (ИГАН-1425).

В целом каменный инвентарь из культуросодержащих горизонтов 6–12 представляет уникальную гомогенную индустрию, которая развивалась на протяжении 6–7 тыс. лет [Там же]. Важными ее особенностями являются широкое использование торцевого принципа скальвания и наличие клиновидных ядрищ для снятия микропластин; относительно высокий процент орудий, выполненных на пластинах; немногочисленный, но типологически выраженный микроинвентарь, который дополняют не менее яркие образцы микрорасщепления – небольшие торцевые, клиновидные и призматические нуклеусы.

К каракольской индустриальной традиции следует отнести местонахождение Ануй-1, расположенное в

500 м от Денисовой пещеры [Деревянко, Зенин, 1990]. Первичное расщепление пластинчатое. В орудийном наборе представлены скребла, скребки, долотовидные, выемчатые и зубчато-выемчатые изделия, резцы, пластины и отщепы с ретушью.

Еще одним важным комплексом финального этапа среднего палеолита, переходного периода от среднего к верхнему и ранней стадии верхнего палеолита является Тюмечинский [Шуньков, 1990]. К нему относятся местонахождения Тюмечин-1, -2, -4, расположенные на правом берегу р. Урсул. Данный участок долины находится на абсолютной высоте 1000–1200 м. На местонахождениях Тюмечин-1, -2 археологический материал переотложен. По технико-типологическим характеристикам он относится к финальному этапу среднего палеолита [Деревянко, Агаджанян, Барышников и др., 1998]. В более четких стратиграфических условиях зафиксирован археологический материал на местонахождении Тюмечин-4, расположенном в 2 км к востоку от Тюмечина-1, при выходе в долину р. Урсул ее правого притока р. Тюмечин [Шуньков, 1990; Шуньков, Николаев, Кривошапкин, 1993; Шуньков, Николаев, Феденева и др., 1998]. Он залегал в осадках финального этапа каргинского потепления. Ориентировочный возраст местонахождения Тюмечин-4 30–35 тыс. лет. Данная индустрия имеет некоторые отличительные черты, но в целом принадлежит к каракольской культуре. Наиболее отчетливо это определяется прежде всего по морфологии скребков, резцов, зубчато-выемчатых и бифасиальных орудий.

К каракольской культуре относятся такие местонахождения степного Алтая, как пещера Страшная и стоянка Ушлеп-б. Пещера Страшная, которая имеет культурные напластования до 10 м, к сожалению, до настоящего времени не исследована полностью [Окладников, Муратов, Оводов, Фридленберг, 1972; Derevianko, Zenin, 1997]. В ней прослеживается хорошая стратиграфическая последовательность. Анализ археологических материалов по горизонтам обитания свидетельствует об их четкой временной дифференциации: литологические слои 3, 4 относятся к верхнему палеолиту, а 5–10 – к среднему. Это позволит в дальнейшем проследить динамику палеолитических индустрий в пределах большого хронологического интервала [Зенин, Ульянов, 2007]. К раннему этапу верхнего палеолита относятся два культуросодержащих горизонта литологического слоя 3 и культуросодержащий слой 4. Для слоя 3 была получена открытая дата $> 37\ 360 \pm 430$ л.н. [Derevianko, Zenin, 1997]. Очень вероятно, что возраст 4-го культуросодержащего горизонта более 40 тыс. лет.

Многослойная стоянка Ушлеп-б находится в 200 м от северо-восточной окраины с. Новотроицкого в Горной Шории. На этом местонахождении исследо-

вателями выделены восемь культуросодержащих горизонтов, относящихся к финальной стадии среднего палеолита, и несколько этапов развития верхнепалеолитической индустрии [Кунгурев, 1998; Кунгурев, Маркин, Семибраторов, 2003; Барышников, Кунгурев, Маркин, Семибраторов, 2005]. С моей точки зрения, культуросодержащие слои 8–6 относятся к раннему верхнему палеолиту, а 5–3 – к развитому. Данный вывод хорошо согласуется с материалами многослойных местонахождений в пещерах и стоянок открытого типа в бассейне р. Ануя.

В самом раннем культуросодержащем горизонте 8 обнаружены более 4,5 тыс. артефактов, плохо выраженные очаги, костные остатки мамонта, шерстистого носорога, бизона, лошади, благородного оленя. По кости животного получены даты $> 42\ 000$ (СОАН-5045) и $39\ 800 \pm 1100$ л.н. (СОАН-5498) [Барышников, Кунгурев, Маркин, Семибраторов, 2005].

Первичное расщепление в материалах из горизонта 8 представлено в основном одно- и двухплощадочными нуклеусами, предназначенными для снятия пластин, пластинчатых отщепов и отщепов. Наиболее яркими и многочисленными являются торцовые нуклеусы. Они небольших размеров, некоторые сильно сработанные. Ударные площадки у них плоские или имеют острый угол с рабочей гранью, но всегда подработаны сколами либо фасетированы. С торцовых нуклеусов снимались пластины и микропластины. На местонахождении Ушлеп-6 отсутствуют ядрища леваллуазского типа и не обнаружено ни одного леваллуазского скола.

Орудийный набор из 8-го слоя весьма разнообразен. Скребла изготовлены из специальных заготовок или крупных отщепов. Представлены разнообразные скребки. Концевые выполнены на отщепах, пластинах или пластинчатых сколах. Рабочее лезвие у них оформлено краевой разнофасеточной крутой или полукрутой ретушью. Имеются скребки с «носиком». Скребки высокой формы типа карене оформлены мелкими пластинчатыми снятиями с дополнительной мелкой или средней крутой ретушью. В небольшом количестве обнаружены боковые двойные скребки, у которых одна сторона частично ретуширована. Резцы представлены двугранными асимметричными, угловыми, в т.ч. двойными. Многочисленную группу составляют шиповидные и выемчатые изделия, проколки. Они изготовлены из отщепов и пластинчатых сколов. Имеются листовидный симметричный бифас, оформленный мелкими сколами и глубокой разнофасеточной ретушью, и несколько фрагментов бифасиальных орудий.

В слое 8 найдено шесть костяных изделий. Два из них изготовлены из бивня мамонта, три – из диафизных трубок крупных копытных, одно – из ребра бизона. Наиболее выразительным является вкладышевое

орудие из ребра бизона. Из кости также изготовлены острие, лопатка или наконечник мотыги. Археологические материалы вышележащих слоев стоянки Ушлеп-6 отражают дальнейшее эволюционное развитие верхнепалеолитической индустрии.

Пещера Страшная и Ушлеп-6 находятся на значительном расстоянии от местонахождений в бассейне р. Ануя, на которых наиболее хорошо прослеживается эволюция каракольской индустриальной традиции. Удаленность, а также несколько иная среда обитания (более остеинтенсивные ландшафты) обусловили некоторые отличия технико-типологических характеристик каменного инвентаря. Но в целом эти местонахождения можно отнести к каракольской культуре.

Карабомовская культура на раннем и среднем этапах верхнего палеолита в Южной Сибири

Карабомовская культура раннего верхнего палеолита находит продолжение в индустриях верхних уровней обитания местонахождения Кара-Бом. Для 2-го культуросодержащего горизонта получены даты $32\ 200 \pm 600$ (ГИН-5934) и $33\ 800 \pm 600$ л.н. (ГИН-5935); для 3-го – $30\ 990 \pm 460$ (GX-17593-АМС); для 4-го – $33\ 780 \pm 570$ (GX-17594-АМС), $34\ 180 \pm 640$ (GX-17795-АМС) и $38\ 080 \pm 910$ л.н. (GX-17592-АМС).

Техника первичного расщепления представлена в основном верхнепалеолитическими вариантами. Леваллуазский принцип расщепления существует как элемент подготовки фронта скальвания, и совершенно исчезают ядрища для снятия острий. Наиболее типичны нуклеусы параллельного принципа расщепления с дополнительным фронтом снятия на торцах, а также торцовые и протоклиновидные.

Заготовками для орудий служили пластины, их фрагменты, микропластины, пластинчатые отщепы. В орудийном наборе много зубчато-выемчатых изделий, доля которых превышает показатели 5-го и 6-го уровней обитания. Типологический облик, оформление рабочего лезвия на продольных краях, анкоши, выполненные крутой или полукрутой ретушью, и некоторые другие элементы приближают эти орудия к среднепалеолитическим. Преемственная связь с индустриями финального среднего и раннего верхнего палеолита прослеживается по технико-типологическим характеристикам ножей, острий, скребков, зубчато-выемчатых изделий, резцов, пластин с ретушью, скребел, ножей-скребел и некоторых других орудий.

Ножи оформлялись на крупных пластинах или специальных заготовках. Почти все они представляют собой комбинированные орудия: нож-скребло, нож-резец, нож – выемчатое орудие. Обушок оформлял-

ся, как правило, крутой ретушью. Скребла относятся в основном к 4-му горизонту. Все обрабатывались с дорсала. В двух случаях к лезвию скребла приурочены резцовые снятия. Скребки оформлялись на пластинах и пластинчатых сколах. Наиболее типичны концевые, обработанные крутой или полукрутой параллельной ретушью. Есть скребки с двумя рабочими краями: овальной формы дистальным, оформленным полукрутой чешуйчатой или параллельной ретушью, и продольным, образованным чешуйчатой полукрутой, а ближе к дисталу – плоской ретушью. Скребки имеют прямые аналогии в инвентаре из горизонтов 5 и 6.

На местонахождении Кара-Бом для всех уровней обитания характерны острия. Они оформлялись на удлиненных пластинах. Конвергенция сторон достигалась полукрутой и крутой чешуйчатой ретушью, интенсивность которой возрастала у острия, особенно тщательно обработанного. Особую специфику имеют удлиненные остроконечники с утонченным основанием. Аналогичные орудия обнаружены и на других палеолитических местонахождениях карабомовской традиции, в частности на стоянке Кара-Тенеш, в Яломанской пещере. Подобные острия можно выделить в особый карабомовский тип. Резцы представлены угловыми, срединными, срезанно-угловыми, многофасеточными разновидностями. На пластинах с резцовыми сколами часто по краю наблюдается ретушь. Большинство комбинированных орудий имеет дополнительные резцовые сколы. В целом индустрия из культуроодержащих горизонтов 4–1 местонахождения Кара-Бом имеет те же основные технико-типологические характеристики, что и технокомплексы нижних уровней обитания.

К карабомовской ранневерхнепалеолитической культуре на территории Горного Алтая следует отнести стоянку Кара-Тенеш, пещеры Малояломансскую, Бийке и др. Местонахождение Кара-Тенеш находится в Чемальском р-не на левом берегу р. Нижний Куюс в 19 км от ее впадения в р. Катунь. Стоянка расположена на эрозионном останце делювиального склонового шлейфа северной оконечности урочища Бель, на высоте 860 м над ур. м. [Петрин, Николаев, Чевалков, Ануфриева, 1995; Археология..., 1998; Деревянко, Петрин, Кривошапкин, Николаев, 1999]. Культуроодержащим был 3-й слой, для которого по кости получены следующие даты: $28\ 875 \pm 625$ л.н. (СОАН-2134), $31\ 400 \pm 410$ (СОАН-2486), $34\ 760 \pm 1240$ (СОАН-2135), $42\ 165 \pm 4170$ л.н. (СОАН-2485), среднестатистическая – ок. 34 тыс. л.н. Явный пластинчатый характер индустрии, преобладание верхнепалеолитических типов орудий при наличии выразительной группы скребел и сохранении определенного леваллуазского элемента в технике первичного расщепления позволяют с уверенностью говорить, что стоянка относится к раннему этапу верхнего палео-

лита и входит в круг местонахождений карабомовской индустриальной традиции.

К карабомовской индустрии по технико-типологическим характеристикам инвентаря, сырью близок бийкинский комплекс, обнаруженный в 15 км от Кара-Тенеша. Пещера Бийке-1 и гrot Бийке II расположены на правом склоне долины р. Бийке, правого притока р. Катуни, на высоте 720–730 м над ур. м. Каменные орудия в пещере найдены в четырех горизонтах [Петрин, Нохрина, 2001]. К сожалению, четкой стратиграфии не выявлено: культурные остатки были частично нарушены более поздними включениями афанасьевского и скифского времени. В бийкинском комплексе первичное расщепление представлено нуклеусами леваллуазской традиции и для снятия пластин, как крупных, так и мелких. Среди орудий преобладают крупные пластины с ретушью, зубчатые скребла, ножи с обушком, скребки, бифасиальные остроконечники, в т.ч. и с подтеской основания, долотца [Петрин, Нохрина, Дергачева, Николаев, 2000].

В долине р. Катуни исследовалось палеолитическое местонахождение карабомовского типа в Малояломанской пещере, расположенной на левом берегу р. Малый Яломан в 12 км от ее впадения в Катунь. Пещера возвышается на 27 м над уровнем р. Малый Яломан и на 300 м над уровнем р. Катуни. Культуроодержащими были два нижних горизонта – 3-й и 4-й. Для верхней части 3-го получена дата $33\ 350 \pm 1145$ л.н. (СОАН-2550).

Посещение пещеры человеком началось, вероятно, ок. 40 тыс. л.н., когда она еще не была заполнена рыхлыми отложениями. В самой отдаленной ее части непосредственно на цоколе обнаружено обилие растительной оторфованной трухи, т.е. до начала осадконакопления в пещеру приносили траву. В слое 3 найдены остатки кострищ, расположенных на разных уровнях. Из оторфованного прослоя были отобраны пробы для спорово-пыльцевого и палеокарнологического анализов. В пробах встречаются склеенные комочки пыльцы, как это бывает при захоронении цветущих растений, но не обнаружено ни одного семени. Очевидно, трава была принесена в пещеру в июне, когда растения уже цветут, но семена еще не образовались.

Коллекция каменного инвентаря небольшая – 67 экз. О первичном расщеплении свидетельствуют плитка с негативами небольших снятий в параллельном направлении, а также вертикальные сколы с нуклеусов пластинчатого типа. Орудийный набор состоит из остроконечников с подтеской проксимальной части сентральной стороны, зубчато-выемчатых орудий, скребел, ретушированных пластин. Найдена также подвеска из клыка марала с нарезками.

Рассмотренные местонахождения карабомовской традиции Горного Алтая, отнесенные к раннему этапу верхнего палеолита – 40–30 тыс. л.н., объединяет

много диагностирующих технико-типологических показателей. Техника первичного расщепления преимущественно параллельная и субпараллельная. Леваллуазский принцип скальвания играет подчиненную роль, зачастую существуя лишь как элемент подготовки ядра. Появляются торцевые удлиненные нуклеусы и плиточные для снятия двух-трех крупных пластин, а также клиновидные. Торцевые и клиновидные ядра являются конечным этапом технологической цепочки утилизации плоскостного нуклеуса параллельного принципа расщепления. Индекс пластинчатости индустрии высокий – не меньше 30.

Для вторичной обработки характерны широкий спектр отжимной ретуши, а также распространенная и модифицирующая, чешуйчатая и параллельная. Техника резцового скола представлена в самых различных вариантах, часто встречаются преднамеренная фрагментация сколов (преимущественно крупных пластин) и центральная подтеска оснований у остроконечников, что составляет одну из особенностей карбомовской традиции.

В других крупных географических регионах Южной Сибири: Туве, Прибайкалье, Забайкалье – проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту изучена неодинаково. В Туве С.Н. Астаховым выявлены позднеашельские, средне- и верхнепалеолитические местонахождения. Трудность их интерпретации заключается в том, что подавляющее большинство относится к местонахождениям с поверхностным залеганием культурного горизонта [Астахов, 2008]. Преемственность между средним и верхним палеолитом Тувы проследить не удалось. По мнению С.Н. Астахова, это связано как с трудностью вычленения переходных индустрий лишь на основе технико-типологического анализа, так и с возможностью оттока населения в более благоприятные районы обитания из-за ухудшения климата [Там же, с. 119].

В Прибайкалье к наиболее раннему времени относят древние палеолитические местонахождения, расположенные на водораздельных поверхностях, получивших условное название «горы» (Гора Долгая, Гора Глиняная, Гора Олонская, Гора Криволукская и др.). Предварительно они отнесены к среднему плейстоцену [Медведев, 1975, 2001; Медведев, Алаев, Сокольский, 1978; Медведев, Воробьева, 1998]. Первичное расщепление было связано с галечными нуклеусами и раскалыванием без подготовки ударной площадки, использовался радиальный принцип, прослеживаются также элементы леваллуазской техники. Орудия представлены чопперами, чоппингами, скреблами различных модификаций. Негативы сколов сильно и средне коррадированы. Все древние местонахождения с поверхностным залеганием культурного горизонта.

Наиболее ранний археологический материал в стратифицированных условиях относится к казанцев-

скому межстадиалу. На Горе Игетей, местонахождении Георгиевском в игетейском педокомплексе обнаружены изготовленные из кварцитовых галек скребла продольные, *déjeté*, острия. Отдельные малочисленные палеолитические находки в Прибайкалье связаны с отложениями раннего вюрма.

Одно из интереснейших стратифицированных местонахождений самого раннего верхнего палеолита – Макарово-4, расположенное в долине верхнего течения р. Лены. Радиометрическим методом для культуросодержащих отложений стоянки получены даты > 38 тыс. л.н. (АА-8879) и > 39 тыс. л.н. (АА-8880) [Goebel, Aksenov, 1995], что соответствует первой половине каргинского потепления (изотопная стадия 3). Г.И. Медведев относит местонахождение Макарово-4, или «макаровский палеолитический пласт», к хронологическому интервалу 70–60 тыс. л.н. и определяет индустрию как североазиатский «перегордье» [Медведев, 2001]. Возраст этого важного для понимания процесса местонахождения, безусловно, нуждается в уточнении. Возможно, стоянка на несколько тысяч лет древнее радиометрических дат. Но для удревнения этой индустрии до 70–60 тыс. л.н. пока нет достаточных оснований. И очень важно отметить, что в Прибайкалье не известны более ранние хорошо стратифицированные палеолитические объекты, индустрии которых могли быть истоками макаровской.

На верхней Лене открыто еще одно местонахождение – Кистинево-9, где культуросодержащий горизонт с макаровским комплексом находится в более четких стратиграфических условиях, но по нему еще нет абсолютных дат [Аксенов, 1998]. Индустрия «макаровского пласта» стоит особняком, и не исключается, что она могла быть базовой для формирования селемдинской культуры на Дальнем Востоке.

В Прибайкалье выявлен ряд местонахождений, датируемых в интервале 35–30 тыс. л.н.: Братское – > 31 тыс. л.н. (ГИН-8481), Мамоны-2 – 31 400 ± 150 л.н. (ГИН-8480) [Воробьева, Генералов, Заграфский, 1998] и др. К сожалению, по многим прибайкальским палеолитическим объектам, которые относятся или могут относиться к этому времени, нет достаточно полного описания стратиграфических условий и анализа материалов.

В Забайкалье известны местонахождения финиля среднего палеолита и раннего этапа верхнего. Наиболее изученные финально-среднепалеолитические стоянки дислоцируются в долине р. Оны в двух районах. Первый связан с горой Хэнгэрэктэ, на склонах которой в большом количестве имеется материал хорошего качества, служивший исходным сырьем для изготовления орудий труда. В этом районе выявлено семь стоянок, объединенных в три местонахождения: Хэнгэр-Тын Скальная, Хэнгэр-Тын-2

и Барун-Алан. Все они с поверхностным залеганием палеолитических находок. Большинство стоянок следует отнести к мастерским [Ташак, 2002а–в, 2003а, б, 2004, 2005]. Первичное расщепление на этих местонахождениях представлено в основном леваллуазскими нуклеусами для снятия пластин и отщепов. В меньшей мере использовался радиальный принцип скальвания. В орудийном наборе наиболее многочисленны скребла: продольные и поперечные, обработанные краевой дорсальной и вентральной средне- и крупнофасеточной ретушью; поперечные, оформленные на длинном дистальном конце широких и коротких отщепов; с прямым лезвием. Обнаружены также рубящие орудия, в т.ч. типа чоппингов. Значительная часть артефактов имеет среднедефлированную поверхность. В.И. Ташак, исследовавший эти объекты, полагает, что переход от среднего к верхнему палеолиту на территории Западного Забайкалья «не наблюдается» [2005, с. 404].

На расстоянии ок. 20 км от стоянок в районе горы Хэнгэрэктэ, на левом берегу р. Оны исследуется местонахождение Хотык со сложной стратиграфией. Выделено десять стратиграфических подразделений и шесть разновременных уровней залегания артефактов [Лбова, Волков, Базаров, Намсараев, 2003]. К наиболее ранним относятся третий – шестой. Четвертый – шестой уровни содержат сравнительно небольшое количество материала. Среди нуклеусов преобладают ортогональные, дисковидные, а в четвертом уровне – леваллуазские. Орудия труда не составляют представительных серий. Среди них выделены скребла, зубчато-выемчатые и клювовидные изделия, а также отщепы с ретушью.

Наиболее информативным является третий уровень, где найдено 415 артефактов. Первичное расщепление характеризуется леваллуазским принципом, обнаружены плоскостные нуклеусы, монофронтальные двухплощадочные и однофронтальные. Орудийный набор представлен остроконечниками и остриями, ножами, скреблами, скребками, проколками, зубчато-выемчатыми изделиями, комбинированными долотовидными и клювовидными орудиями, ретушированными пластинчатыми сколами и отщепами. Важное значение для интерпретации этого культуросодержащего горизонта имеют предметы неутилитарного назначения: фрагмент птичьей трубчатой кости с подквадратным отверстием (по мнению Л.В. Лбовой, это свисток-манок [Лбова, Резанов, Калмыков и др., 2003]); пластина из агальматолита с боковым просверленным отверстием; два фрагмента кольца из черного камня; галечка талька с биконическим отверстием. Для шестого литологического горизонта, где зафиксирован третий культуросодержащий уровень, получены даты $34\ 000 \pm 6\ 000$ л.н. (ГИН СО РАН-244) и $28\ 770 \pm 275$ (СОАН-5082). Л.В. Лбова,

которая проводила полевые исследования на местонахождении Хотык, относит этот уровень к раннесреднекаргинскому периоду и считает, что его возраст может быть ок. 40–45 тыс. лет. Она определяет данный слой в культурно-хронологическом членении как «переход» от среднего к верхнему палеолиту или начало верхнего [Лбова, 2002]. С моей точки зрения, на территории Забайкалья пока не известны местонахождения, которые можно было бы бесспорно отнести к истокам верхнего палеолита. И, судя по всему, третий уровень следует датировать в интервале 39–38 тыс. л.н.

Ранневерхнепалеолитические комплексы Забайкалья в технико-типологическом отношении близки к карабомовской индустральной традиции. Л.В. Лбова выделяет на этой территории переходный этап от среднего к верхнему палеолиту и относит к нему Каменку А, С, третий культуросодержащий горизонт Варвариной Горы, третий уровень Хотыка.

Из ранневерхнепалеолитических стоянок Забайкалья особый интерес представляет Подзвонкая. Она расположена на востоке Кяхтинского р-на Республики Бурятия. Полевыми исследованиями в течение 1991–2000 гг. было установлено, что местонахождение многослойное и занимает значительную площадь [Ташак, 1996, 2002а]. Детальное и тщательное изучение культуросодержащих горизонтов позволило выявить очень важные детали структуры древнего поселения [Ташак, 2003а]. В третьем культурном горизонте обнаружены очаги сложной конструкции. Совокупность конструктивных особенностей, очистка очагов, обрядность, сопровождавшая этот процесс, и другие ценные наблюдения, сделанные в ходе раскопок, свидетельствуют о наличии культа очага и особого отношения к огню [Ташак, 2003а, 2005].

Все наиболее древние местонахождения Забайкалья, в хронологическом интервале 43–35 тыс. л.н., относятся к самому раннему этапу верхнего палеолита. Для стоянки Каменка получены даты от $40\ 500 \pm 3\ 800$ л.н. (АА-26743) до $30\ 220 \pm 270$ л.н. (СОАН-3354) [Лбова, 2000, 2002]. Подзвонкая датирована по кости из очага третьего культурного горизонта временем $38\ 900 \pm 3\ 300$ л.н. (АА-26741). Имеется более ранняя дата – $43\ 900 \pm 3\ 000$ л.н. (СОАН-4445). В.И. Ташак считает, что стоянка функционировала ок. 40 тыс. л.н. [2003а].

На местонахождениях ранней поры верхнего палеолита Забайкалья в первичном расщеплении сохраняются как реликтовые формы радиальные, ортогональные и леваллуазские нуклеусы. Но их количество незначительно, и присутствуют они не на всех местонахождениях. Наиболее распространенными являются нуклеусы параллельного принципа расщепления, одно- и двухплощадочные с преобладанием монофронтальных; плоскостные, призматические и

подпризматические с негативами встречных снятых [Лбова, Волков, Базаров, Намсараев, 2003]. Торцовые ядрища обнаружены во втором культурном горизонте местонахождений Варварина Гора (даты от 35 до 30 тыс. л.н.), Каменка А, Хотык. Для раннего этапа верхнего палеолита характерно использование в качестве заготовок пластин и пластинчатых сколов.

На крупных и средних удлиненных сколах оформлено подавляющее большинство орудий, в составе которых серийно представлены остроконечники и резцы, концевые скребки и проколки, долотовидные изделия и ретушированные пластины. Характерным компонентом этих комплексов является набор предметов неутилитарного назначения, включающий подвески, бусины и пронизи, изготовленные из трубчатых костей птиц, скорлупы страусовых яиц и мягкого поделочного камня [Там же; Ташак, 2002б], а также уникальное скульптурное изображение головы медведя, вырезанное палеолитическими обитателями Толбаги из зубовидного отростка шейного позвонка шерстистого носорога [Константинов, Сумароков, Филиппов, Ермолова, 1983]. Следует отметить, что некоторые поделки, как и персональные украшения карабомовской традиции, были обнаружены в сходном планиграфическом контексте возле очагов или других хозяйствственно-бытовых объектов. Несомненно, в хронологическом интервале 43–35 тыс. л.н. в Забайкалье распространялась верхнепалеолитическая культура.

Рассмотренные местонахождения Южной Сибири позволяют сделать вывод, что переход от среднего к верхнему палеолиту на этой территории начинает прослеживаться после 50 тыс. л.н., а в период 45–35 тыс. л.н. мы уже фиксируем в основном верхнепалеолитическую индустрию. В Туве, Прибайкалье и Забайкалье пока не получены надежные свидетельства перехода от среднего к верхнему палеолиту. Возможно, в этих регионах будет открыта среднепалеолитическая культура такого же типа, как и в Горном Алтае. Очевидно, что к 40 тыс. л.н. на всей территории Южной Сибири распространилась индустрия верхнепалеолитического облика. Нельзя исключать, что ее истоки могли быть в раннем палеолите Алтая.

Дискуссия

Подводя итоги изучения памятников палеолита в Южной Сибири, следует отметить, что на территории Алтая в ходе эволюционного развития среднепалеолитической индустрии начиная с 60 тыс. л.н. прослеживается увеличение количества верхнепалеолитических орудий (скребков, резцов, орудий, оформленных на пластинах) и, соответственно, возрастание доли ядрищ для пластинчатого расщепления, появля-

ются торцовые, клиновидные и другие нуклеусы для снятия пластин, уменьшается число ядрищ леваллуазского и радиального принципов расщепления. На территории Горного Алтая в переходный от среднего к верхнему палеолиту период выделяются две линии развития, индустриальные традиции, – карабомовская и каракольская, которые сохраняются на раннем этапе верхнего палеолита. Общее для этих традиций состоит в том, что на местонахождениях древностью 40–50 тыс. лет в небольшой степени еще представлены леваллуазский и радиальный принципы первично-го расщепления, а в орудийном наборе встречаются различные модификации скребел и некоторые другие элементы, типичные для финального этапа среднего палеолита. Но в то же время верхнепалеолитические технико-типологические характеристики карабомовской и каракольской линий развития приобретают существенные различия. И дальнейшее изучение местонахождений раннего верхнего палеолита позволит говорить не о разных индустриальных линиях развития, а о двух культурах.

В каракольской индустриальной традиции в первичном расщеплении наряду с техникой параллельной редукции леваллуазских и простых площадочных ядрищ начинают широко использоваться приемы серийного снятия удлиненных заготовок с призматических, конусовидных, клиновидных и торцовых нуклеусов. Отжимная техника снятия микропластин мягким отбойником получает распространение в переходный период и на самом раннем этапе верхнего палеолита. В орудийном наборе все больше, если не подавляющее большинство, орудий верхнепалеолитической группы: концевых скребков на пластинах, различных резцов, орудий на пластинах и др. Появляются и изделия ориньякских типов: скребки высокой формы типа карене, оформленные микропластинчатыми снятиями, многофасеточные резцы, микропластины с притупленным краем. Для каракольской линии развития характерны двусторонне обработанные орудия, среди которых наиболее выразительны бифасы листовидной формы. Важно отметить, что на местонахождениях этой индустриальной традиции, особенно в Денисовой пещере, широко распространены орудия из кости и украшения, находящие близкие аналоги в материалах ориньякских памятников Западной Европы и Ближнего Востока: подвески из зубов животных, костяные пронизи с симметричными рядами глубоких нарезок, раковины моллюсков с искусственными отверстиями, а также подвески из мягкого поделочного камня. Набор индивидуальных украшений и костяные орудия из Денисовой пещеры являются наиболее представительными и древними в палеолите Северной, Центральной и Восточной Азии.

У всех исследователей, непосредственно изучавших коллекции с палеолитических местонахождений

Горного Алтая, не вызывает сомнения сам факт формирования индустрии раннего верхнего палеолита на базе местной финально-среднепалеолитической. М.В. Аникович, который поддерживает эту точку зрения, считает, что «необъяснимым остается здесь внезапное и очень раннее (ок. 50 тыс. л.н.) появление высокоразвитой индустрии и набора украшений» [2010, с. 21]. Более того, для ряда исследователей, признающих эволюцию среднепалеолитической индустрии в верхнепалеолитическую, появление целого комплекса костяных орудий и украшений в 11-м слое Денисовой пещеры «выглядит скорее как некий революционный скачок, а не как результат постепенного развития» [Аникович, Аниюткин, Вишняцкий, 2007, с. 288].

Сомнения могли бы иметь основания, если считать, что все украшения из камня и костяные изделия из 11-го слоя Денисовой пещеры относятся к кратковременному этапу – ок. 50 тыс. л.н. Но мощность этого слоя более 1 м, он имеет пять прослоек, и процесс его формирования был очень длительным – ок. 6–8 тыс. лет. Важно и то, что в пещерах изделия из кости сохраняются, как правило, значительно лучше, чем на стоянках открытого типа.

Орудия и украшения из кости на местонахождениях раннего этапа верхнего палеолита найдены на Алтае не только в 11-м слое Денисовой пещеры, но и на ее предвходовой площадке, в Малояломанской и Усть-Канской пещерах, на стоянках открытого типа Кара-Бом, Усть-Каракол, Ушлеп-б; в Забайкалье – на стоянках Подзвонкая, Хотык, Каменка, Варварина Гора [Деревянко, Рыбин, 2003]. На верхнепалеолитических местонахождениях открытого типа такие находки немногочисленны, но они имеются. Кость для изготовления орудий и украшений стала использоваться на территории Южной Сибири ок. 50 тыс. л.н., но насколько массово – сказать невозможно из-за плохой сохранности этого материала. Несомненно, технология обработки кости появилась здесь конвергентно, потому что в радиусе нескольких тысяч километров не известны палеолитические местонахождения древностью 50–35 тыс. л.н., где были бы найдены костяные орудия и украшения.

Данные по геохронологии и хроностратиграфии многослойных алтайских комплексов свидетельствуют о параллельном существовании двух вариантов индустрии на протяжении, как минимум, первой половины верхнего плейстоцена. У нас нет оснований объяснить это сосуществованием двух обособленных групп первобытного населения. Различия индустриальных традиций обусловлены, скорее всего, разными сочетаниями природно-климатических, производственно-хозяйственных, сырьевых и других факторов, требовавшими выработки разных адаптационных стратегий. Подтверждением тому, что раз-

витие индустрии происходило в пределах единого этнокультурного пространства, служит следующее обстоятельство: каждый из двух вариантов ранней поры верхнего палеолита не обязательно напрямую был связан с более близким ему по территории среднепалеолитическим. Например, если каменные индустрии нижних культурных слоев стоянок Усть-Каракол-1 и Ануй-3 принадлежали карабомовскому варианту среднего палеолита, то на раннем этапе верхнего палеолита индустриальные цепочки должны были логично продолжить карабомовскую техническую традицию, однако дальнейшее развитие технологического процесса на этих многослойных стоянках пошло по каракольской линии. Такие отклонения возможны были только в рамках единого культурного поля [Деревянко, Шуньков, 2004, с. 32].

В хронологическом промежутке 50–35 тыс. л.н. на обширной территории Евразии наблюдается общая тенденция к прогрессивной модификации методов и способов изготовления пластин и микропластин и стандартизации их форм. Если рассматривать данный процесс как следствие только миграций, то придется признать, что древние популяции были в постоянном движении. Это, в частности, относится к ориньякской проблеме. Появление на Алтае 45–38 тыс. л.н. кареноидных и некоторых других форм каменных орудий, близких по типу к ориньякским, – результат развития местной индустрии, и никаких следов миграции с запада на Алтай или с Алтая на запад не прослеживается. Примеров конвергенции множество. Только конвергенцией можно объяснить появление бифасиально обработанных орудий типа ручных рубил ок. 1 млн л.н. в Восточной, Юго-Восточной и, вероятно, Южной Азии. Орудия геометрических форм (трапеции, сегменты) впервые зафиксированы в Южной Африке в индустрии ховисонс порт ок. 80–70 тыс. л.н. Они также были распространены на финальном этапе палеолита в Средиземноморье. Почти в то же время орудия в виде трапеций и сегментов известны на Корейском полуострове и юге Японии. Все это результат конвергенции. Не исключено, что элементы леваллуазской системы расщепления также появились в различных районах Африки и Евразии независимо друг от друга.

Рассматривая индустрию переходного этапа от среднего к верхнему палеолиту и раннего верхнего палеолита на Алтае, необходимо отметить длительное сохранение в первичном расщеплении леваллуазской системы, а в орудийном наборе – некоторых среднепалеолитических типов скребел и других изделий. Я убежден, что на тех территориях, где происходил эволюционный переход от среднего к верхнему палеолиту на автохтонной основе, должно прослеживаться в раннем верхнем палеолите продолжительное существование ряда элементов среднепалеолитической ин-

дустрии. Это естественный процесс инерции в развитии культуры человека, тем более что некоторые типы каменных орудий среднего палеолита были достаточно эффективны и могли длительное время сохранять свое значение, т.к. они были хорошо адаптированы к данной экологической нише. Революционная смена индустрии среднего палеолита верхнепалеолитической возможна только при замещении автохтонного населения пришлым. В процессе аккультурации инновации в первичном расщеплении и оформлении орудий не сразу могли вытеснить старые среднепалеолитические приемы в обработке камня. Специфика перехода от среднего к верхнему палеолиту и раннего этапа верхнего палеолита на Алтае состоит в том, что, с одной стороны, длительное время сохраняются некоторые среднепалеолитические элементы в индустрии, с другой – конвергентно появляются орудия ориньякского типа. Эта специфика не прослеживается на сопредельных территориях, что еще раз убеждает в автохтонности эволюционного перехода от среднего к верхнему палеолиту на Алтае.

Список литературы

Аксенов М.П. Исследование донеолита Верхней Лены // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 2. – С. 6–9.

Аникович М.В. Адаптация к природным условиям и социокультурная адаптация в верхнем палеолите Восточной Европы // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 18–26.

Аникович М.В., Аниюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. – СПб.: Нестор – История, 2007. – 355 с.

Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцене Горного Алтая / А.П. Деревянко, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, М.И. Дергачева, Т.А. Дупал, Е.М. Малава, С.В. Маркин, В.И. Молодин, С.В. Николаев, Л.А. Орлова, В.Т. Петрин, А.В. Постнов, В.А. Ульянов, И.Н. Феденева, И.В. Форонова, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 176 с.

Астахов С.Н. Палеолитические памятники Тувы. – СПб.: Нестор – История, 2008. – 180 с.

Барышников Г.Я., Кунгурев А.Л., Маркин М.М., Семибраторов В.П. Палеолит Горной Шории. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2005. – 277 с.

Воробьев Г.А., Генералов А.Г., Заграфский С.И. Палеолитические объекты 30-го тысячелетия на юге Средней Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 2. – С. 46–54.

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3 (7). – С. 70–103.

Деревянко А.П. Миграции, конвергенция, аккультурация в раннем палеолите Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. – М.: Наука, 2006. – Кн. 1. – С. 25–47.

Деревянко А.П. К проблеме обитания неандертальцев в Центральной Азии и Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 72 с. (на рус. и англ. яз.).

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 328 с.

Деревянко А.П., Волков П.В. Эволюция расщепления камня в переходный период от среднего к верхнему палеолиту на территории Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 2 (18). – С. 21–35.

Деревянко А.П., Волков П.В., Петрин В.Т. Зарождение микропластинчатой техники расщепления камня. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002а. – 169 с.

Деревянко А.П., Волков П.В., Петрин В.Т. Проблема генезиса микропластинчатой техники в Северной Азии // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002б. – С. 59–60.

Деревянко А.П., Зенин А.Н. Палеолитическое местонахождение Ануй-1 // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. – Новосибирск: ИФИФ СО АН СССР, 1990. – С. 31–42.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1992. – 223 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолит северо-запада Алтая-Саян // РА. – 1998. – № 4. – С. 17–34.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Кривошапкин А.А., Николаев С.В. Индустрія стоянки Кара-Тенеш // Гуманистические науки в Сибири. Сер. Археология и этнография. – 1999. – № 3. – С. 3–13.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае (по материалам стоянки Кара-Бом) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 33–52.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Динамика эволюционных изменений каменной индустрии многослойной стоянки Кара-Бом // Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 173–204.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3 (15). – С. 27–50.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрія с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1 (9). – С. 16–42.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3 (19). – С. 12–40.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Основные этапы развития палеолитических традиций на Алтае // Актуальные вопросы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005а. – С. 68–77.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Раннепалеолитическая стоянка Карама на Алтае: первые результаты исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005б. – № 3 (23). – С. 52–69.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая: Условия обитания в окрестностях Денисовой пещеры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 447 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Болиховская Н.С., Зыкин В.С., Зыкина В.С., Кулик Н.В., Ульянов В.А., Чиркин К.А. Стоянка раннего палеолита Карама на Алтае. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 88 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2 (34). – С. 13–25.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Постнов А.В. Исследования палеолита в устье реки Каракол // Палеоэкология плеистоценов и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: мат-лы Междунар. симп. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 162–173.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Постнов А.В., Ульянов В.А. Новый этап изучения палеолитической стоянки Усть-Каракол-1 на северо-западе Горного Алтая // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 71–79.

Зенин А.Н., Ульянов В.А. Стратиграфические исследования в пещере Страшная // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13. – С. 105–109.

Константинов М.В., Сумароков В.Б., Филиппов А.К., Ермолова Н.М. Древнейшая скульптура Сибири // КСИА. – 1983. – № 173. – С. 78–81.

Кунгурев А.Л. Пятый культурный слой палеолитического поселения Ушлеп-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4. – С. 119–124.

Кунгурев А.Л., Маркин М.М., Семибраторов В.П. Восьмой культурный слой многослойной палеолитической стоянки Ушлеп-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. 9, ч. 1. – С. 159–162.

Лаухин С.А., Ронен А., Ранов В.А., Поспелова Г.А., Бурдукевич Я.М., Шаронова З.В., Волгина В.А., Куликов О.А., Власов В.К., Цацкин А. Новые данные о геохронологии палеолита Южного Леванта (Ближний Восток) // Стратиграфия. Геологическая корреляция. – 2000. – Т. 8, № 5. – С. 82–95.

Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.

Лбова Л.В. К проблеме перехода от среднего к верхнему палеолиту (материалы Западного Забайкалья) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1 (9). – С. 59–75.

Лбова Л.В., Волков П.В., Базаров Б.А., Намсареев Д.В. Геоархеологические комплексы эпохи палеолита Западного Забайкалья // Природная среда и человек в неоплейстоцене. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – С. 30–61.

Лбова Л.В., Резанов И.Н., Калмыков Н.П., Коломиец Л.В., Дергачева М.И., Феденева И.К., Ващукевич Н.В., Волков П.В., Савинова В.В., Базаров Б.А., Намсареев Д.В. Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 208 с.

Медведев Г.И. Местонахождение раннего палеолита в Южном Приангарье // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1975. – Вып. 3. – С. 5–30.

Медведев Г.И. О геостратиграфии ансамблей эолово-коррадированных артефактов Байкальской Сибири // Современные проблемы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 267–272.

Медведев Г.И., Алаев С.Н., Сокольский А.А. О топографии раннепалеолитических местонахождений на высоких террасах южного Приангарья // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1978. – Вып. 4. – С. 5–30.

Медведев Г.И., Воробьев А.Г. К проблеме группировки геоархеологических объектов Байкало-Енисейской Сибири // Палеоэкология плеистоценов и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 148–159.

Окладников А.П., Муратов В.М., Оводов Н.Д., Фридлендер Э.О. Пещера Страшная – новый памятник палеолита Алтая // Материалы зонального совещания археологов и этнографов. Новосибирск, 1–3 дек. 1971 г.: тез. докл. и сообщ. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1972. – С. 3–4.

Оппенгеймер С. Изгнание из Эдема: Хроника демографического взрыва. – М.: ЭКСМО, 2004. – 637 с.

Петрин В.Т., Николаев С.В., Чевалков Л.М., Ануфриева Р.Д. Памятник эпохи палеолита Кара-Тенеш (Кара-Тамыш) // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 86–88.

Петрин В.Т., Нохрина Т.И. Комплексы каменного инвентаря пещеры Байке-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – Вып. 12. – С. 208–211.

Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Дергачева М.И., Николаев С.В. Байкинский пещерный комплекс на средней Катуни // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – Вып. 11. – С. 77–79.

Рыбин Е.П. Поведенческие стратегии и системы мобильности древнего человека на рубеже среднего и верхнего палеолита Горного Алтая (стоянка Кара-Бом) // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 183–188.

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4 (20). – С. 20–34.

Ташак В.И. Палеолитическое поселение Подзвонская // Новые палеолитические памятники Забайкалья. – Чита: Изд-во Читин. гос. пед. ин-та, 1996. – С. 48–69.

Ташак В.И. Подзвонкая: Палеолитические материалы Нижнего комплекса (Республика Бурятия) // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2002а. – С. 25–33.

Ташак В.И. Обработка скорлупы яиц страусов в верхнем палеолите Забайкалья // История и культура Востока Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002б. – Т. 2. – С. 159–164.

Ташак В.И. «Скальные» местонахождения каменного века Западного Забайкалья – аналоги пещерных стоянок // Мир Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002в. – Т. 1. – С. 57–60.

Ташак В.И. Огни палеолитического поселения Подзвонкая как источник по изучению духовной культуры древнего населения Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003а. – № 3 (15). – С. 70–78.

Ташак В.И. Средний палеолит стоянки Алана (Западное Забайкалье) // Забайкалье в geopolитике России: мат-лы Междунар. симп. «Древние культуры Азии и Америки». – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003б. – С. 24–26.

Ташак В.И. Археологические памятники среднего палеолита Западного Забайкалья // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2004. – С. 103–111.

Ташак В.И. Вариант развития среднепалеолитических индустрий Западного Забайкалья // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: Гипотезы и факты. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 393–404.

Шуньков М.В. Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. – Новосибирск: Наука, 1990. – 158 с.

Шуньков М.В., Николаев С.В., Кривошапкин А.И. Позднепалеолитическая стоянка Тюмечин-4 в Горном Алтае // Охрана и изучение культурного наследия Алтая: тез. науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. – Ч. 1. – С. 73–75.

Шуньков М.В., Николаев С.В., Феденева И.Н., Кривошапкин А.И., Петрин В.Т., Дергачева М.И. Геология, палеогеография и археология палеолитического местонахождения Тюмечин-4 // Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 259–282.

Bar-Yosef O. The Low and Middle Paleolithic in the Mediterranean Levant: Chronology and cultural entities // Man and Environment in the Paleolithic. – Liège: Université de Liège, 1995. – P. 247–263. – (Études et recherches archéologiques de L’Université de Liège; N 62).

Derevianko A.P., Markin S.V., Shun'kov M.V., Petrin V.T., Otte M., Sekiya A. Paleolithic of the Altai. – Brussels: Richard Liu Foundation, European Institute of Chinese Studies, 2001. – 311 p.

Derevianko A.P., Zenin A.N. The Mousterian to Upper Paleolithic transition through the example of the Altai cave and open air site // Suyanggae and Her Neighbours: The 2nd Intern. Symp. – Chungju, 1997. – P. 241–254.

Forster P. Ice Ages and the mitochondrial DNA chronology of human dispersals: a review // Philos. Trans. R. Soc. Lond. B. Biol. Sci. – 2004. – Vol. 359 (1442). – P. 255–264.

Goebel T., Aksenov M. Accelerator radiocarbon dating of the initial Upper Paleolithic in Southeast Siberia // Antiquity. – 1995. – Vol. 69, N 263. – P. 349–357.

Goren-Inbar N. The lithic assemblages of Berekhat Ram Acheulian site, Golan Heights // Paleorient. – 1985. – Vol. 11 (1). – P. 7–28.

Goren-Inbar N. The Acheulian site of Gesher Benot Ya'aqov: An African or Asian entity? // The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia. – Tokyo: Hokusei-Sha, 1992. – P. 67–82.

Goren-Inbar N., Zohar I., Ben-Ami D. A new look at old cleavers, Gesher Benot Ya'aqov // J. of the Israel Prehistoric Society. – 1991. – Vol. 24. – P. 7–33.

Jelinek A.J. Problems in the chronology of the Middle Paleolithic and the first appearance of early modern *Homo sapiens* in Southwest Asia // The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia. – Tokyo: Hokusei-sha, 1992. – P. 253–275.

Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Hublin J.J., Hänni C., Derevianko A.P., Pääbo C. Neanderthals in Central Asia and Siberia // Nature. – 2007. – Vol. 449. – P. 902–904.

Mercier N., Valladas H., Valladas G. Flint thermoluminescence dates from the CFR laboratory at GIF: contributions to the study of the chronology of the Middle Palaeolithic // Quaternary Science Reviews (Quaternary Geochronology). – 1995. – Vol. 14. – P. 351–364.

Mercier N., Valladas H., Valladas G., Reyss J.-L., Jelinek A., Meignen L., Joron J.-L. TL-dates of burnt flints from Jelinek’s excavations at Tabun and their implications // J. of Archaeological Science. – 1995. – Vol. 22. – P. 495–509.

Relethford J.H., Jorde L.B. Genetic evidence for larger African population size during recent human evolution // Am. J. of Phys. Anthropology. – 1999. – Vol. 108. – P. 251–260.

Schwarcz H.P., Rink W.J. Progress in ESP and U-Series Chronology of the Levantine Paleolithic // Neanderthal and Modern Humans in Western Asia. – N.Y.: Plenum Press, 1998. – P. 57–68.

Stekelis M. The Paleolithic Deposits of Jisr Banat Yaquib // Bull. of the Research Council of Israel. – 1960. – Vol. 69. – P. 61–87.

УДК 903.2

С.А. Гладышев¹, Д. Олсен², А.В. Табарев¹, Я.В. Кузьмин³¹*Институт археологии и этнографии СО РАН**пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: paleomongolia@yandex.ru**olmec@yandex.ru*²*Аризонский университет, США**School of Anthropology, The University of Arizona**1009 East South Campus Dr., P.O. Box 210030, Tucson, Arizona 85721-0030, USA**E-mail: jwo@arizona.edu*³*Институт геологии и минералогии СО РАН**пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: kuzmin@fulbrightmail.org*

ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ МОНГОЛИИ*

На основе палеолитических материалов многослойных стратифицированных стоянок в Хангайской горной стране и Гобийском Алтае рассматриваются проблемы периодизации верхнего палеолита Монголии. В научный оборот вводятся новые радиоуглеродные даты для стоянок Толбор-4, -15. Предложена периодизационная схема, включающая три раздела. Первый раздел – период раннего верхнего палеолита, который продолжался в интервале от 40 до 26 тыс. л.н. Комплексы этого времени обнаружены как в Хангае, так и в Гобийском Алтае. Второй раздел охватывает временной интервал примерно от 25 тыс. л.н., а время его окончания неизвестно. Он выделен по материалам стоянок орхонской группы. Третий раздел – заключительный, к нему относится комплекс горизонтов 3 и 4 стоянки Толбор-15. Окончание этого этапа совпадает с завершением палеолитической эпохи в целом.

Ключевые слова: верхний палеолит Центральной Азии, хронология и стратиграфия, пластинчатая индустрия, технико-типологический анализ, стратегия расщепления.

Введение

Уже более века территория Монголии привлекает внимание исследователей, занимающихся изучением древней истории человека. Первые широкомасштабные иссле-

дования в этом направлении на территории Центральной Азии проводились в связи с появлением гипотезы Г. Осборна и В. Мэтью о центрально-азиатской прародине человека. С целью проверки гипотезы были организованы в 1920-х гг. экспедиция Американского музея естественных наук под руководством Р.Ч. Эндрюса и в 1927–1935 гг. китайско-шведские экспедиции [Ларичев, 1969]. В 1949 г. начала работу Советско-монгольская археологическая экспедиция, которую возглавлял С.В. Киселёв. В ее состав входил палеолитический отряд, руководимый А.П. Окладниковым. Именно тогда были открыты памятник Мойлтын ам и ряд палеолитических местонахождений в долинах рек Орхон и Тола.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проекты № 09-06-00006 и 10-06-93160), РГНФ (№ 09-01-00028, 10-01-00548 а/г) и проекта «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (мероприятие 1.1 – VI очередь), а также Благотворительного фонда Аризонского университета по изучению археологии Центральной Азии им. Д. Цонгхапа.

Дальнейшее изучение палеолитической истории Монголии тесно связано с именами академиков А.П. Окладникова и А.П. Деревянко. В 1960-е гг. А.П. Окладников раскапывает многослойную стоянку Мойлтын ам [Окладников, 1981]; маршруты его экспедиций охватывают восточную и центральную часть Монголии. В 1983 г. начинает действовать Советско-монгольская историко-культурная экспедиция под руководством А.П. Деревянко. Ее отрядами были исследованы районы Западной Монголии: Монгольский Алтай и Котловина Больших Озер [Каменный век..., 1990], Долина Озер в Центральной Монголии [Каменный век..., 2000] и Гобийский Алтай, а также южные отроги Хангайской горной страны. Именно тогда были открыты и изучены многослойные стоянки Орхон-1, -7 в районе Харахорина [Деревянко, Петрин, 1990; Деревянко, Николаев, Петрин, 1992, 1994], памятники Орок-Нор-1, -2 и Нарийн-Гол-1–17 с поверхностным залеганием культурного слоя в Долине Озер, а также пещерные комплексы Цаган-Агуй и Чихэн-Агуй в Гобийском Алтае.

Качественно новый этап начинается в 1995 г., когда к археологическим исследованиям подключились американские специалисты под руководством Джона Олсена (Университет Аризоны, США). Время работы Российской-монгольско-американской археологической экспедиции отмечено открытием большого количества новых стоянок каменного века, правда, среди них преобладали объекты с поверхностным за-

леганием культурного слоя. Первостепенное значение приобретают материалы стратифицированных комплексов, особенно тех, для которых имеется серия абсолютных дат. Маршруты экспедиции охватили районы Гобийского Алтая и пустыни Гоби, долины Орхона и Селенги, а также окрестности оз. Хубсугул. Отдельными отрядами экспедиции интенсивно изучались многослойные пещерные комплексы Цаган-Агуй [Деревянко, Маркин, Олсен и др., 2000] и Чихэн-Агуй [Деревянко и др., 2001], стоянка Чихэн-2 в Гобийском Алтае, а также памятники Толбор-4, -15 в среднем течении р. Селенги.

На основе богатого фактического материала российскими археологами были разработаны гипотезы заселения территории Монголии древним человеком и периодизация каменного века этого региона [Окладников, 1981, 1983; Петрин, 1991; Зенин, 2004]. Последние пять лет активно исследуются стратифицированные стоянки в горах Хангая (бассейн Селенги) – многослойные памятники Толбор-4, -15. Описание и интерпретация археологического материала этих объектов достаточно хорошо освещена в печати [Деревянко и др., 2007; Деревянко, Гинчинсурэн, Гладышев и др., 2008; Коломиец и др., 2009; Gladyshev, Tabarev, 2009]. Для этих комплексов получена большая серия радиоуглеродных дат.

Предмет данной работы – периодизация комплексов верхнего палеолита Монголии, разработанная на базе результатов радиоуглеродного датирования

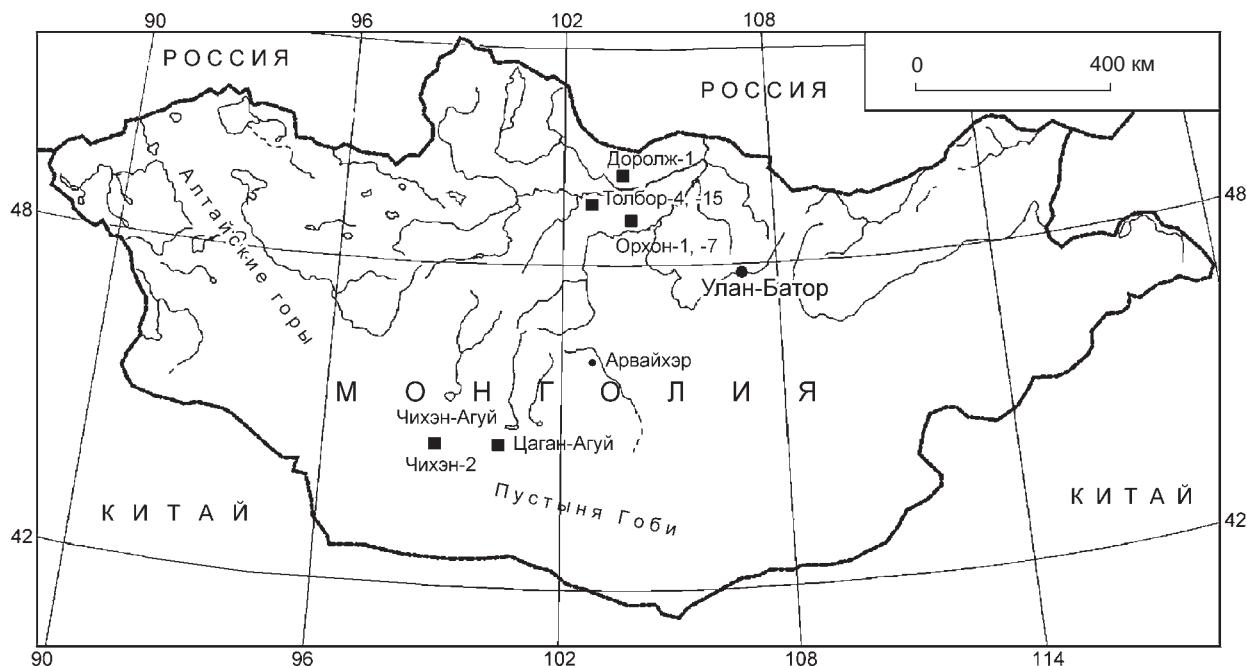

Рис. 1. Карта-схема расположения палеолитических памятников Монголии, для которых имеются радиоуглеродные даты.

(включая новые даты для памятников Толбор-4, -15), и сопоставление археологического материала. Анализируемая информация включает материалы стоянок Толбор-4, -15, Доролж-1 в Северном Хангае, Орхон-1, -7 в Южном Хангае, грот Чихэн-Агуй и стоянка Чихэн-2 в Гобийском Алтае (рис. 1). В научный оборот вводятся ранее не публиковавшиеся радиоуглеродные даты, полученные за последние два года и определяющие возраст верхнепалеолитических индустрий памятников Толбор-4 и -15. Археологический материал пещеры Цаган-Агуй [Деревянко, Олсен, Цэвэндорж и др., 2000], стоянки Толбор-4 [Деревянко и др., 2007], грота Чихэн-Агуй [Деревянко и др., 2001], пункта Чихэн-2 [Деревянко, Маркин, Олсен и др., 2000; Derevianko et al., 2004] и памятников орхонской группы опубликован достаточно полно [Деревянко, Николаев, Петрин, 1994; Кандыба, 2009; Колобова, Славинский, Цыбанков, 2007, Славинский, Цыбанков, 2006]. В этой работе мы проанализируем только каменный инвентарь комплексов верхнего палеолита новой стоянки Толбор-15, еще не отраженный в российской печати. Говоря о материалах памятника Доролж-1, мы опираемся на информацию, опубликованную французскими исследователями [Jaubert et al., 2004].

Материалы и обсуждение

Первые радиоуглеродные даты, характеризующие возраст стоянки Толбор-4, были получены в 2008 г. по образцам из археологических горизонтов 5 и 6. Еще восемь дат определены в 2009 г., одна из них соответствует комплексу горизонта 4 памятника Толбор-4, остальные семь – археологическим горизонтам 3–5 и 7 стоянки Толбор-15.

Два нижних горизонта (5, 6) стоянки Толбор-4 относятся к раннему этапу верхнего палеолита Монголии. Ассамбляж этих горизонтов характеризуется доминированием объемных одно- и двуплощадочных бипродольных нуклеусов торцового и фронтального типов, преобладанием крупных пластин среди сколов и небольшой долей орудий. Ведущие типы орудий: концевые скребки высокой формы, сделанные из пластин; выемчатые, зубчатые и зубчато-выемчатые формы; шиловидные изделия и скребла не среднепалеолитического облика. Материалы горизонта 6, почти не отличающиеся от индустриального комплекса горизонта 5, имеют чуть более высокий индекс пластинчатости [Деревянко и др., 2007]. В материалах из горизонтов 5, 6 присутствуют реберчатые и полуреберчатые сколы оформления нуклеусов, что свидетельствует о применении техники реберчатого скальвания, способствовавшей более рациональному использованию нуклеуса. В настоящее время имеются две даты, определяющие возраст толборской ранне-

верхнепалеолитической индустрии: горизонт 5 – более 41 050 л.н. (AA-79326), горизонт 6 – $37\ 400 \pm 2\ 600$ л.н. (AA-79314). На сегодняшний день это самый древний комплекс раннего верхнего палеолита Монголии с ярко выраженным пластинчатым обликом каменной индустрии.

К позднему мустье – раннему верхнему палеолиту относятся археологические материалы из пещеры Цаган-Агуй, содержащиеся в отложениях, связанных с третьим циклом осадконакопления, и датируются в интервале от 34 до 31 тыс. л.н. [Деревянко, Олсен, Цэвэндорж и др., 2000].

Несколько более позднему этапу ранней поры верхнего палеолита соответствуют материалы стоянки Доролж-1 и комплексы горизонтов 3, 4 раскопа 1 памятника Орхон-7. Стоянка Доролж-1 изучалась группой французских археологов в 1999 г. [Jaubert et al., 2004]. По данным стратиграфии, культурный слой стоянки залегает в основании 4-метрового разреза отложений, в толще, насыщенной обломочным материалом. Отмечаются следы мерзлотных нарушений и морозного растрескивания. Как считают исследователи, археологическая коллекция представляет собой однородный комплекс, принадлежащий стадии Ориньяк II (по европейской шкале). В каменной индустрии выделяются дисковидные нуклеусы для получения отщепов. Технологию получения пластинчатых заготовок характеризуют плоскостные одноплощадочные ядрища, подпризматические однофронтальные нуклеусы – одно- и двуплощадочные, а также крупные торцовые однофронтальные бипротропные нуклеусы. Орудия представлены концевыми скребками, сделанными из пластин, ретушированными острями, скреблами, зубчатыми и выемчатыми изделиями, пластинами и отщепами с элементами ретуши. Единичны резцы и долотовидные орудия. В культурном слое стоянки впервые были обнаружены просверленные подвески из скорлупы яиц ископаемых страусов. Это первое свидетельство непроизводственной деятельности древнего человека, зафиксированное в комплексах ранней поры верхнего палеолита Монголии.

Французскими специалистами были получены серии дат, характеризующих возраст памятника. Первая серия: $29\ 540 \pm 390$ л.н. (GifA-99561), $29\ 910 \pm 310$ л.н. (GifA-99560) и $31\ 880 \pm 800$ л.н. (GifA-11664). Две первые даты установлены по кости, третья – по скорлупе яйца страуса. Вторая серия: $21\ 820 \pm 190$ л.н. (GifA-102451) и $22\ 030 \pm 180$ л.н. (GifA-102453) кардинально отличается от первой. Как отмечают французские исследователи, последние даты противоречат облику каменного инвентаря, который относится к раннему верхнему палеолиту, и не могут быть моложе начала сартанского оледенения [Ibid.]. Такое несоответствие дат они объясняют возможным проникно-

вением более поздних (сартанских) отложений в тело каргинской толщи вследствие криогенных процессов [Ibid., p. 230].

К ранней поре верхнего палеолита относится и комплекс археологического материала орхонской группы стоянок, обнаруженного только в горизонтах 3, 4 раскопа 1 стоянки Орхон-7. Среди нуклеусов этого подразделения выделяются одноплощадочные монофронтальные изделия и многоплощадочные многофронтальные ядрища с признаками параллельной техники раскалывания. Значительную долю составляют двуплощадочные монофронтальные нуклеусы, подвергавшиеся скальванию по продольной линии. Очень выразительна немногочисленная группа подпризматических двуплощадочных монофронтальных нуклеусов [Кандыба, 2009]. Среди орудий выделяются такие же типы, которые характерны для комплексов стоянки Доролж-1. Количество преобладают ретушированные сколы, зубчато-выемчатые изделия, скребла и скребки. Менее представительную группу составляют шиповидные орудия и проколки [Колобова, Славинский, Цыбанков, 2007]. Как было установлено благодаря реконструкции процесса утилизации монофронтальных одноплощадочных нуклеусов, находки из верхнепалеолитических слоев Орхона-7 отражают применение плоскостной техники получения пластинчатых конвергентных заготовок, без использования техники реберчатой пластины [Славинский, Цыбанков, 2006]. Материалы индустрии орхонских комплексов, относящихся к раннему верхнему палеолиту, датируются $33\ 785 \pm 300$ л.н. (СОАН-2885) [Деревянко, Маркин, 1992; Кандыба, 2009].

Открытая стоянка Чихэн-2 находится в Гобийском Алтае. В ходе ее раскопок было установлено, что для нижних слоев (3 – 2.5) характерно наличие крупных и широких пластин с гладкими или фасетированными площадками. Залегающие выше слоя 2.5 пластинчатые заготовки морфологически изменились: они стали менее массивными, уменьшились в размерах. Для слоя 2.5 была получена радиоуглеродная дата $30\ 550 \pm 410$ л.н. (АА-31870) [Derevianko et al., 2004, p. 210]. Первичное расщепление характеризуется одноплощадочными леваллуазскими нуклеусами треугольной формы, небольшими по размерам. Кроме того, выделяются одно- и двуплощадочные ядрища с признаками параллельной огранки фронта скальвания. Редкими образцами представлены двуплощадочные двусторонние продольно-поперечные разновидности.

Практически в каждом слое среди орудий имеются зубчато-выемчатые изделия, сделанные из отщепов и пластин. Встречаются также концевые и боковые скребки, ретушированные сколы. Скребла, резцы и долотовидные орудия представлены единичными изделиями. Для индустрий слоев 2.1 и 2.4 характерны

мелкие леваллуазские треугольные остроконечники, а для комплексов слоев 2.5 и 2.8 – крупные удлиненные предметы. В слое 2.7 были обнаружены небольшие овальные бифасы [Деревянко, Маркин, Олсен и др., 2000].

Остальные комплексы раннего верхнего палеолита Монголии укладываются во временной интервал 30–26 тыс. л.н. Прежде всего это ассамбляж горизонтов 5–7 стоянки Толбор-15. В коллекциях этих горизонтов преобладают нуклеусы для получения крупных пластин и пластинок. Выделяются следующие типы ядрищ: объемные подпризматические, плоскостные и торцовые нуклеусы, ортогональные ядрища, а также ортогональные и торцовые микронуклеусы. Типологический набор орудий небогат. В подразделениях горизонтов 5–7 выделяются концевые скребки высокой формы, сделанные из массивных пластин, а также изделия с тщательно выделенным клювом на проксимальном конце пластин, шиповидные орудия и струги. Последние немногочисленны, но типологический облик и характер их обработки не меняется в горизонтах 7–3 (рис. 2, 2, 5, 9–20). Выемчатых и зубчатых орудий крайне мало, единичными предметами представлены также острия с притупленным краем и ретушированные пластины и отщепы. Для комплекса горизонта 7 имеется дата $29\ 150 \pm 320$ л.н. (АА-84138); материалы из горизонта 5 датируются временем $28\ 460 \pm 310$ л.н. (АА-84137). К последнему хронологическому отрезку относится ассамбляж горизонта 4 стоянки Толбор-4, дата для которого $26\ 700 \pm 300$ л.н. (АА-84135). Каменная индустрия горизонта 4 памятника Толбор-4 имеет тот же типологический состав нуклеусов и орудий, что и комплексы горизонтов 5–7 стоянки Толбор-15. Такие же характеристики соответствуют материалам палеолитического слоя грота Чихэн-Агуй (Гобийский Алтай), для которых по образцу угля из очага установлена дата $27\ 430 \pm 870$ л.н. (АА-26580), хотя некоторые исследователи отмечают влияние леваллуазской техники в приемах оформления нуклеусов и в морфологии отдельных сколов [Деревянко и др., 2001]. Следует отметить, что в горизонте 5 стоянки Толбор-15 обнаружен клиновидный микронуклеус с признаками применения техники отжима микропластин. Это одно из самых ранних свидетельств применения отжимной техники в палеолите Северной и Центральной Азии (рис. 2, 15).

Стадия среднего этапа верхнего палеолита Монголии представлена материалами памятников Орхон-1 и Орхон-7. Комплексы этого периода обнаружены в горизонте 2 раскопа 1, 2 и горизонте 2 раскопа 3 стоянки Орхон-1, а также в горизонте 1 раскопа 2 и горизонтах 1, 2 раскопа 3 стоянки Орхон-7. В расщеплении ведущая роль принадлежит параллельной системе получения заготовок, ориентированной на получение

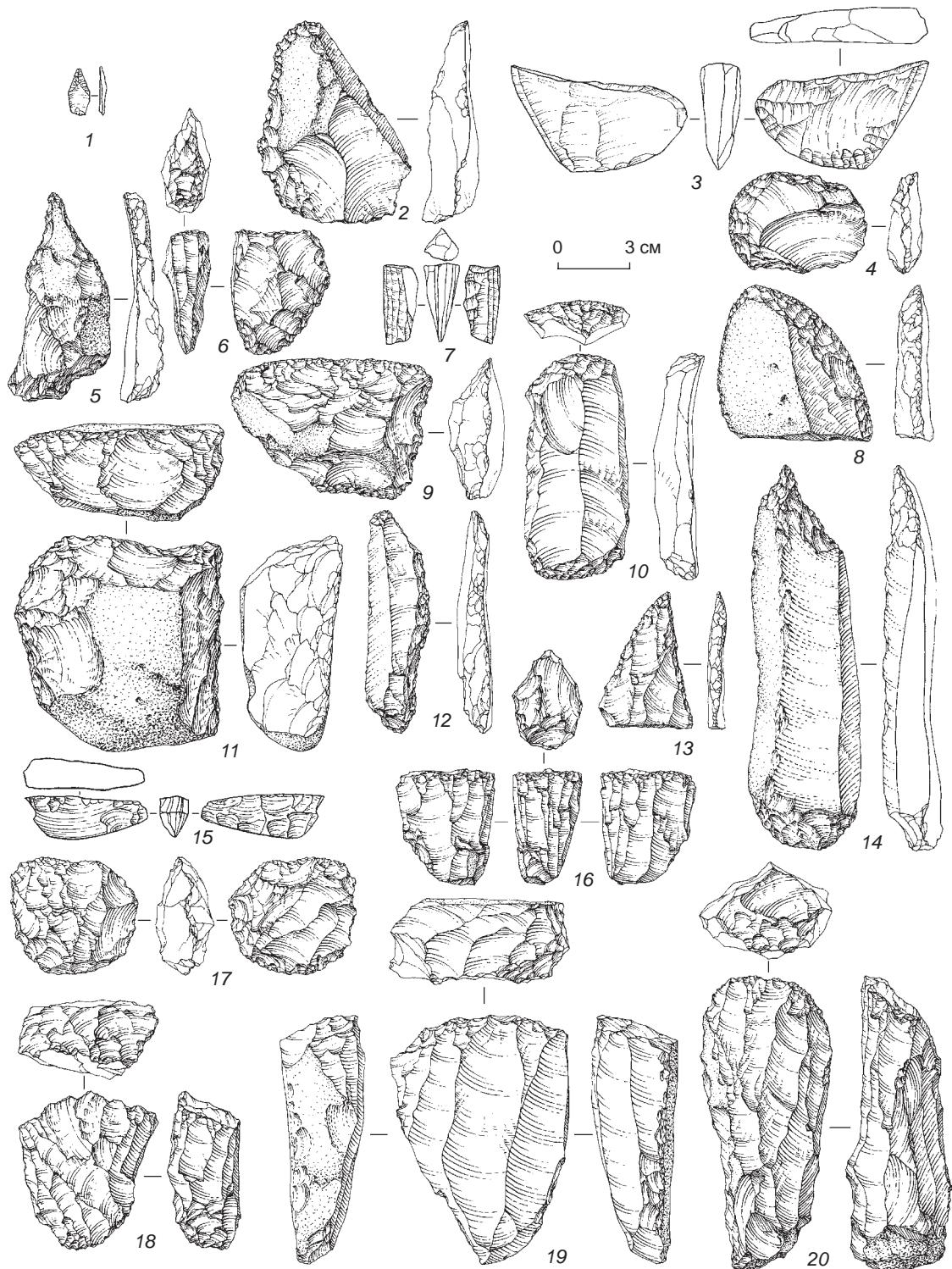

Рис. 2. Каменный инвентарь из горизонтов 3, 4 (1, 3, 4, 6–8) и 5–7 (2, 5, 9–20) стоянки Толбор-15.

преимущественно отщепов. Доля предметов с признаками призматической техники скальвания существенно сокращается. Ортогональная и радиальная системы расщепления практически исчезают. Среди сколов до-

минируют отщепы. Среди орудий преобладают сколы со следами ретуши, выемчатые, зубчато-выемчатые и зубчатые изделия и скребла. Значительно увеличивается количество скребков, резцов, проколок и доло-

тогидных орудий. Время этого этапа определено по образцам из раскопов 1 и 3 стоянки Орхон-7. Для горизонта 2 раскопа 1 установлена дата $23\,595 \pm 155$ л.н. (СОАН-2883).

Возраст материалов из горизонта 2 раскопа 3 определяется двумя датами: $25\,400 \pm 1100$ л.н. и $25\,500 \pm 1\,400$ л.н. Они были получены в Университете Юж-

ной Калифорнии с помощью одного из неравновесно-урановых методов (Ра-231 и Тh-230); более детальная документация отсутствует [Деревянко, Маркин, 1992, с. 90]. Эти значения являются «календарными» [Вагнер, 2006, с. 100–132], поэтому для сопоставления с радиоуглеродными датами, которыми мы оперируем в данной работе, их необходимо перевести в шкалу радиоуглеродного возраста [Там же, с. 161–173]. Учитывая самые современные данные о соотношении двух возрастов [IntCa 109..., 2009, р. 1125–1126], можно сказать, что эти неравновесно-уранные даты соответствуют примерно 21 500–19 700 радиоуглеродных л.н., что в целом близко к дате СОАН-2883. На других рассматриваемых в настоящей работе памятниках отложений, сформировавшихся в это время, не зафиксировано.

Заключительный этап существования древнего человека верхнепалеолитического времени на территории Монголии иллюстрируется комплексами горизонтов 3, 4 стоянки Толбор-15 и горизонтов 2, 3 стоянки Толбор-4. Они существенно отличаются от индустрий нижних горизонтов господством клиновидных и торцевых микронуклеусов и абсолютным преобладанием мелких отщепов, чешуек и микропластин в индустрии сколов. Среди орудий доминирующее положение занимают концевые скребки низких форм небольших размеров, различные острия, фрагменты наконечников и ретушированные микропластины (рис. 2, 1, 3, 4, 6–8). Эти технокомплексы, расположенные выше по разрезу, безусловно, моложе нижележащих материалов. В 2009 г. получены четыре даты для горизонтов 3, 4 памятника Толбор-15. Анализы выполнены в лаборатории Университета Аризоны (штат Аризона, США) и в лаборатории BetaAnalytic (штат Флорида, США). Все даты укладываются в диапазон 14 900–14 000 л.н. Для материалов из горизонта 3 имеются даты $14\,055 \pm 80$ л.н. (AA-84136) и $14\,930 \pm 70$ л.н. (Beta-263742). Возраст коллекции артефактов из горизонта 4 определяется $14\,680 \pm 70$ л.н. (Beta-263744) и $14\,820 \pm 70$ л.н. (Beta-263745). Вероятно, это верхняя граница существования «отщеповых» индустрий на территории Монголии (рис. 3).

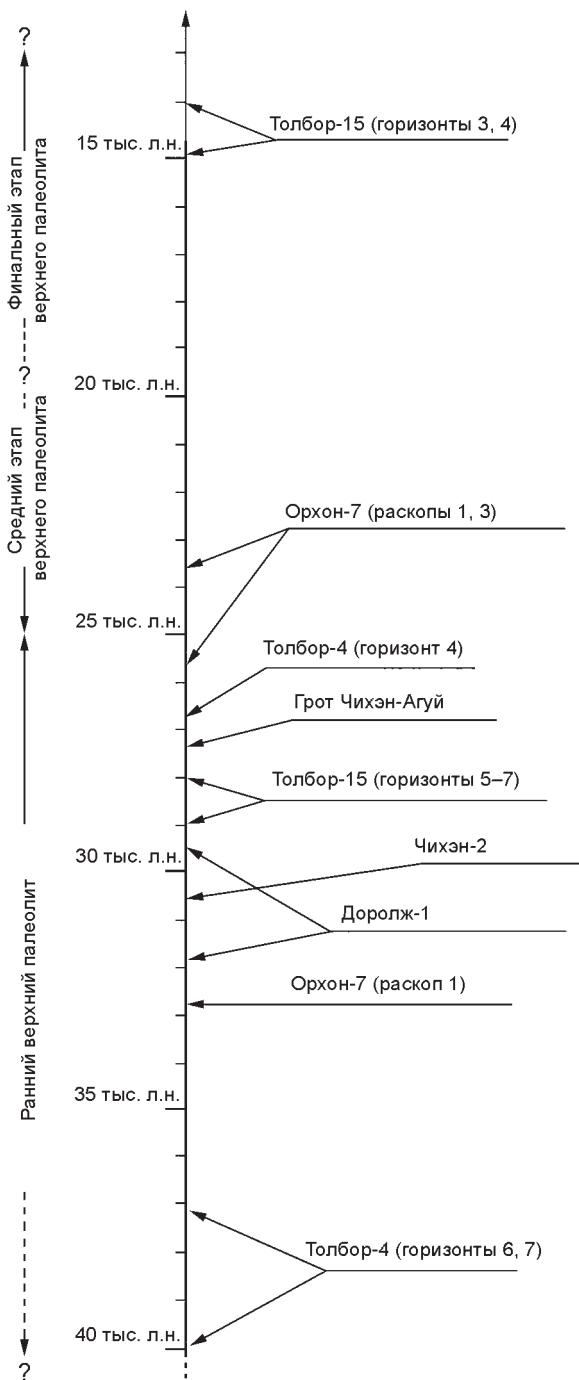

Рис. 3. Хронологическая схема стратифицированных памятников верхнего палеолита Монголии.

Заключение

Суммируя приведенные выше археологические данные и абсолютные даты, можно сделать следующие выводы:

1. Ранний этап верхнего палеолита Монголии длился значительное время и, на наш взгляд, может быть разбит на два подраздела. Первый – наиболее древний – от 40 до 35 тыс. л.н. Представляющие его материалы обнаружены пока только в Северной Мон-

голии: горизонты 5, 6 стоянки Толбор-4. Индустрия данного раздела отличается от коллекций более позднего раздела раннего этапа верхнего палеолита более высоким индексом пластинчатости. Среди нуклеусов велика доля торцовых и подпризматических двуплощадочных монофронтальных бипродольных разновидностей для получения крупных пластин. Большинство орудий изготовлено из пластин и их фрагментов. Второй подраздел характеризуется материалами памятников Хангайской горной страны (Толбор-4, -15, Орхон-7) и Гобийского Алтая (пещера Цаган-Агуй, грот Чихэн-Агуй, стоянка Чихэн-2). Его временные границы – 33–26 тыс. л.н. Особенностью этого подраздела является постепенное постепенное увеличение среди продуктов первичного расщепления доли плоскостных одноплощадочных монофронтальных нуклеусов, ориентированных на получение пластин средних размеров. С течением времени деградирует техника оформления ядрищ с применением реберчатого скола. Например, в материалах стоянок Орхон-7, -15 (горизонт 5) этот прием вообще не получил отражения. Уменьшается доля орудий, сделанных из пластин, да и сам индекс пластинчатости очень медленно, но уменьшается. Типологический реестр орудий обоих подразделов раннего этапа верхнего палеолита не изменяется. Кроме того, во всех слоях памятников, принадлежащих раннему этапу верхнего палеолита, фиксируются микронуклеусы объемно-плоскостных (близких морфологически подпризматическим нуклеусам) и торцовых разновидностей. Одним из важнейших моментов, характеризующих окончание данного этапа верхнего палеолита, является зарождение отжимной техники утилизации микронуклеусов, в частности, клиновидного типа.

2. *Средний этап верхнего палеолита Монголии* выделяется пока только по материалам стоянок орхонской группы. Он начинается примерно 25 тыс. л.н. В материальной культуре пластинчатые индустрии полностью вытесняются отщеповыми комплексами, развивается торцовое и клиновидное отжимное микрорасщепление. Среди орудий уменьшается доля скребел и зубчато-выемчатых изделий. Продолжительность этого этапа пока не установлена.

3. *Поздний (заключительный) этап верхнего палеолита Монголии* – в настоящее время хорошо датирован только его заключительный период. К нему относится индустрия горизонтов 3, 4 стоянки Толбор-15. Этот этап отмечен преобладанием микронуклеусов как отжимного, так и ударного способа раскалывания и появлением ретушированных наконечников, сделанных из отщепов, а также увеличением доли микропластин среди пластинчатых заготовок.

Мы надеемся, что дальнейшие работы в Монголии позволят ликвидировать «белые пятна» в периодиза-

ции верхнего палеолита этого региона. Не исключено, что новые материалы не только дополнят предложенную схему, но и в некоторой степени изменят ее.

Список литературы

- Вагнер Г.А.** Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. – М.: Техносфера, 2006. – 576 с.
- Деревянко А.П., Гладышев С.А., Олсен Д., Петрин В.Т., Цэрэндагва Я.** Характеристика каменной индустрии пещеры Чихэн (Гобийский Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 25–39.
- Деревянко А.П., Гунчинсурэн Б., Гладышев С.А., Болорбат Ц., Цыбанков А.А., Одсурэн Д., Чаргынов Т.Т.** Археологическое изучение многослойного палеолитического памятника Тулбэр-15 в 2008 году // Археологий судлал. – Улаанбаатар, 2008. – № VI (XXVI). – С. 5–26.
- Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Гунчинсурэн Б.** Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии (стоянка Толбор-4) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 1. – С. 16–38.
- Деревянко А.П., Маркин С.В.** Мустье Горного Алтая (по материалам пещеры им. Окладникова). – Новосибирск: Наука, 1992. – 225 с.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Олсен Д., Цэрэндагва Я., Петрин В.Т.** Местонахождение каменного века Чихэн-2 в Южной Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 2000 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 50–54.
- Деревянко А.П., Николаев С.В., Петрин В.Т.** Геология, стратиграфия, палеогеография палеолита Южного Хангая. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992. – 87 с.
- Деревянко А.П., Николаев С.В., Петрин В.Т.** Стратиграфия и палеогеография палеолитических памятников Хангая // Altaica. – 1994. – № 4. – С. 69–71.
- Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Кривошапкин А.И., Петрин В.Т., Брантингхэм П.Д.** Многослойная пещерная стоянка Цаган-Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 23–36.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т.** Стратиграфия палеолита Южного Хангая (Монголия) // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: докл. Междунар. симп. – Новосибирск, 1990. – С. 161–173.
- Зенин А.Н.** Ранний и средний палеолит аридной зоны Центральной Азии (Монголия и Южный Казахстан): дис. ... д-ра ист. наук в виде науч. докл. – Новосибирск, 2004. – 58 с.
- Каменный век** Монголии: Палеолит и неолит Монгольского Алтая / А.П. Деревянко, Д. Дорж, Р.С. Васильевский, В.Е. Ларичев, В.Т. Петрин, Е.В. Девяткин, Е.В. Малаева. – Новосибирск: Наука, 1990. – 646 с.
- Каменный век** Монголии: Палеолит и неолит Северного побережья Долины Озер / А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, Д. Цэвээндорж, Е.В. Девяткин, В.Е. Ларичев, Р.С. Васильевский. – Новосибирск: Наука, 1990. – 646 с.

евский, А.Н. Зенин, С.А. Гладышев. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 440 с.

Кандыба А.В. Палеолит Южного Хангая (по материалам памятников Орхон-1, Орхон-7): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2009. – 27 с.

Колобова К.А., Славинский В.С., Цыбанков А.А. Орудийная коллекция начала верхнего палеолита памятника Орхон-7 (по материалам первого раскопа) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: мат-лы Всерос. конф. – Иркутск, 2007. – Т. 1. – С. 296–301.

Коломиец В.Л., Гладышев С.А., Безрукова Е.В., Рыбин Е.П., Летунова П.П., Абзаева А.А. Природная среда и человек в позднем неоплейстоцене Северной Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 1. – С. 2–14.

Ларичев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1969. – Ч. 1: Азия и проблема родины человека (история идей и исследования). – 388 с.

Окладников А.П. Палеолит Центральной Азии. Мойлтын ам (Монголия). – Новосибирск: Наука, 1981. – 464 с.

Окладников А.П. Палеолит Монголии в свете новейших исследований // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 8–21.

Петрин В.Т. Палеолит Западной Монголии: дис. ... д-ра ист. наук в виде науч. докл. – Новосибирск, 1991. – 54 с.

Славинский В.С., Цыбанков А.А. Реконструкция технологии расщепления камня технокомплекса Орхон-7 (раскоп 1), Южный Хангай (по данным ремонта) // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 151–173.

Derevianko A.P., Brantingham P.J., Olsen J.W., Tseveendorj D. Initial Upper Paleolithic Blade Industries from the North-Central Gobi Desert, Mongolia // The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe. – Berkeley, Los Angeles, L.: University of California Press, 2004. – P. 207–222.

Gladyshev S., Tabarev A. New Data on the Early Upper Paleolithic of Northern Mongolia // Current Research in the Pleistocene. – 2009. – Vol. 26. – P. 17–18.

Jaubert J., Bertran P., Fontugne M., Jarry M., Lacombe S., Leroyer C., Marmet E., Taborin Y., Tsogtbaatar, Brugal J.P., Desclaux M., Poplin F., Rodière J., Servelle C. Le Paléolithique supérieur ancien de Mongolie: Dörölj 1 (Egiün Gol). Analogies avec les données de l'Altaï et de Sibérie // Acts of the XIVth UISPP Congress, University of Liège, Belgium, 2–8 September 2001. Section 6: Le Paléolithique Supérieur. – Oxford: Archaeopress, 2004. – P. 225–241.

IntCa 109 Special Issue / ed. P.J. Reimer // Radiocarbon. – 2009. – Vol. 51, № 4. – P. 1111–1186.

Материал поступил в редакцию 25.01.10 г.

УДК 903

Ли Хёну

Национальный университет Чонбук, Республика Корея
Chonbuk National University, Jeon-ju City, South Korea, 561-756
E-mail: hwlee@hotmail.com

НАКОНЕЧНИКИ МЕТАТЕЛЬНЫХ ОРУДИЙ И ИХ НАЗНАЧЕНИЕ

В статье дается морфологический анализ дистанционных орудий, обнаруженных на стоянках финальной стадии верхнего палеолита – неолита Корейского полуострова. Рассматриваются вопросы классификации наконечников, способы их обработки и возможности использования в военной и производственной сферах.

Ключевые слова: наконечники метательных орудий, насилие, период перехода от верхнего палеолита к неолиту.

Введение

В рамках данного исследования рассматривались наконечники метательных орудий – каменные артефакты заостренной формы, относящиеся к верхнему палеолиту и периоду перехода от палеолита к неолиту. Эти наконечники использовались для колющих ударов или в качестве метательных орудий. Согласно этнографическим реконструкциям [Keeley, 1996] и экспериментальным данным [Ahler, Geib, 2000; О Ёнсук, 2004], они могли применяться в качестве дротиков, а также наконечников копий и стрел.

На Корейском полуострове подобные наконечники верхнепалеолитической эпохи называются черешковыми, а переходного от палеолита к неолиту периода – наконечниками копий или стрел (рис. 1). Далее они подразделяются по степени стандартизации, совершенства и по характеру технологии.

Благодаря проведению в последние годы многочисленных систематических раскопок, количество археологических памятников в Корее, на которых были обнаружены наконечники метательных орудий, увеличилось (рис. 2). Получен значительный объем информации, позволяющий составить представление о типах наконечников, их разновидностях и закономерностях распространения в пространстве и времени. В ходе

некоторых исследований предполагалось по артефактам реконструировать поведение людей, а также установить определенные особенности присваивающей экономики и миграций. Изучение наконечников метательных орудий, вероятно, поможет ответить на вопросы, касающиеся насилия. Каменные наконечники, будучи эффективным инструментом для добывания пищи, использовались также в качестве оружия в конфликтах между индивидуумами и между группами людей.

Располагая материалами только археологических памятников на территории Кореи, трудно обнаружить прямые свидетельства проявления насилия в поведении людей эпохи палеолита. Найденные из других регионов указывают на то, что насилие уходит корнями в средний палеолит. Частота встречаемости археологических материалов, указывающих на насилие в отношениях между людьми, резко увеличивается начиная с верхнего палеолита и еще более возрастает в период неолита [Vencl, 2004].

Широкое распространение насилия как явления коррелирует с увеличением количества сломанных и целых каменных наконечников, залегающих среди костей или вблизи человеческих останков. Наконечники метательных орудий представляют собой идеальный материал для реконструкции развития явления насилия в эпоху палеолита – период перехода к неолиту. Про-

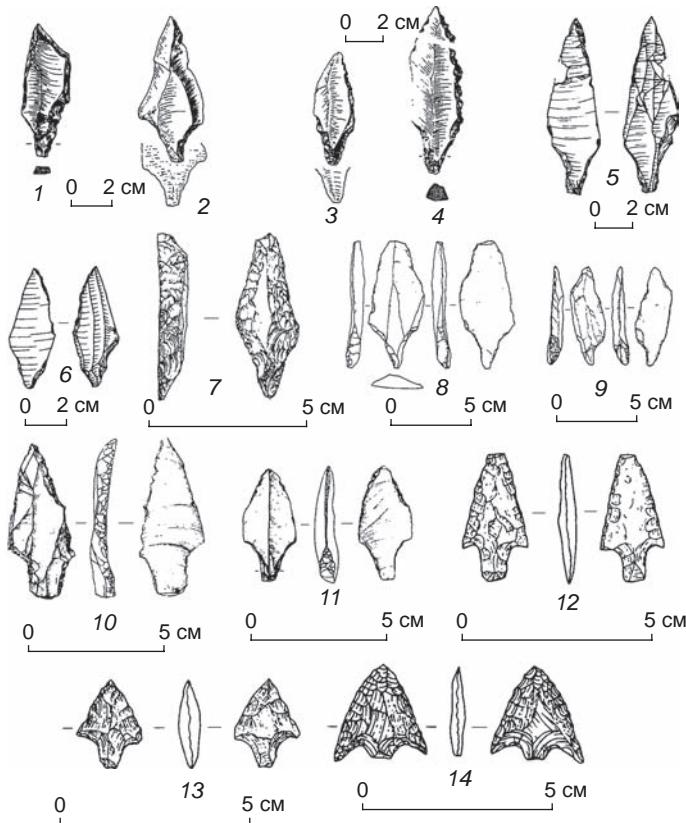

Рис. 1. Наконечники метательных орудий периода верхнего палеолита (I–II) и переходного от верхнего палеолита к неолиту периода (12–14) из памятников Кореи.
1–4 – Суянге [Ли Юндже, У Джоньюн, 1997]; 5, 6 – Йонсандон [Ким Хваниль, 2004]; 7 – Самри [Хан Чхангюн, Хон Миён, Ким Гитхэ, 2003]; 8, 9 – Корери [Со Ённам, 1998]; 10, 11 – Йонходон [Хан Чхангюн, 2002]; 12–14 – Косанри [Ли Чхонгю и др., 1998].

цессы распространения насилия в это время напрямую связаны с климатическими изменениями. Адаптация к новым природно-климатическим условиям, вероятно, влияла на социальное поведение, хозяйствственные стратегии и численные характеристики групп людей. Возрастала вероятность изменений в структуре конфликтов. Речь идет о том, что появление оседлого общества 14 тыс. л.н. явилось, вероятно, ключевым моментом в развитии межгруппового насилия [Keeley, 1996].

Изменение демографической ситуации и усложнение социальных отношений привели к усилению соперничества между группами людей [Read, Leblanc, 2003], которое, в свою очередь, повлекло интенсификацию насилия. Социальное поведение – важный фактор явления насилия. Поскольку формирование социальных контактов предшествовало насилию, именно эти контакты можно считать важнейшей причиной насилия. Таким образом, расширение социальных контактов вызывало как положительные явления (совместное использование пищи и заготовка ресурсов), так и отрицательные (конфликты и насилие).

Рис. 2. Расположение памятников, на которых были обнаружены наконечники метательных орудий, описанные в данной статье.

Гипотеза о связи между охотой и насилием

Суть основополагающей гипотезы заключается в том, что увеличение контактов в результате усложнения социальной структуры и развивающаяся присваивающая экономика способствовали повышению степени насилия, а интенсивность насилия повышалась по мере увеличения размеров групп. Насилие в переходный период было более интенсивным, чем в предшествовавший. Этот вывод основан на результатах анализа археологических данных, в частности, количественных показателях наконечников метательных орудий.

О проявлениях насилия в эпохи палеолита и неолита свидетельствуют повреждения на человеческих скелетах. На костном материале отмечены травмы, нанесенные остриями, дубинами и топорами. Наконечники метательных орудий традиционно рассматриваются главным образом как орудия охоты, но имеются данные, указывающие, что они использовались и в ка-

честве боевого оружия. Следы поражения каменными наконечниками отмечены на человеческих останках, найденных на памятниках, которые относятся к периоду не ранее среднего палеолита. Имеются свидетельства того, что степень насилия увеличилась начиная с этого периода. Наконечники метательных орудий типа остроконечников часто (особенно на верхнепалеолитических памятниках) обнаружают застрявшими в кости. На памятниках в Италии, Судане, Украине и Индии обнаружены костные остатки с признаками намеренных повреждений – со следами поражения каменными орудиями [Bachechi, Fabbri, Mallegni, 1997]. В периоды мезолита и неолита явление насилия эволюционировало от столкновений между индивидуумами к межгрупповым стычкам. На ряде захоронений зафиксированы следы массовых межгрупповых боевых стычек [Vencl, 2004].

Таким образом, насилие в доисторический период проявилось в различных формах. По археологическим данным, широкое распространение насилия характерно для периода, сменившего палеолит, когда наконечники метательных орудий стали служить не только инструментами для хозяйственной деятельности, но и боевым оружием. Чтобы проверить, использовались ли каменные наконечники в столкновениях, необходимо проанализировать их с точек зрения следующих гипотез.

Первая – отношение количества наконечников метательных орудий к общему количеству артефактов может отражать их преимущественное использование в стычках или на охоте. Например, высокая концентрация наконечников стрел вдоль ограждения неолитической стоянки в Англии [Keeley, 1996] свидетельствует о том, что каменные наконечники имелись в большом количестве и служили оружием боя. Если каменные наконечники использовались в ходе столкновения, повторно их применить было невозможно, если же они использовались для охоты, то могли эксплуатироваться неоднократно. Многочисленность остроконечников в районе памятника может рассматриваться как свидетельство преобладания данных предметов в качестве оружия для боевых целей, а не для охоты.

Вторая – присутствие бокового выступа в виде шипа указывает на истинное использование орудия. Если шип существенно выделяется, то каменный наконечник, скорее всего, использовался для насилиственных действий (рис. 3). Наконечники метательных орудий, использовавшиеся в боевых стычках, были сделаны с расчетом, чтобы их трудно было извлечь и они наносили максимальный вред противнику. Наконечники для орудий охоты можно было легко извлечь и повторно использовать [Ibid.]. Некоторые наконечники дистанционных орудий предназначались не только для боевого оружия. Однако стилистика оформления различных разновидностей наконечников, независимо от их дальнейшего использования,

была одинаковая. Поэтому нельзя утверждать, что все каменные наконечники без шипов предназначались не для боевого оружия.

Третья – наконечники метательных орудий удлиненной формы могут свидетельствовать о применении процедуры подправки (рис. 3, 4). Каменные наконечники, в отличие от изготовленных из других материалов, не отличаются особой прочностью [Pokines, 1998]. Если исходить из стратегии расщепления [Flenniken, 1985], то можно предположить, что удлиненный наконечник изначально изготавливается с учетом повторного использования. Слегка поврежденные наконечники, возможно, подправлялись при появлении нового рабочего края. Такие орудия можно было брать на многодневную охоту [Ahler, Geib, 2000]. По-

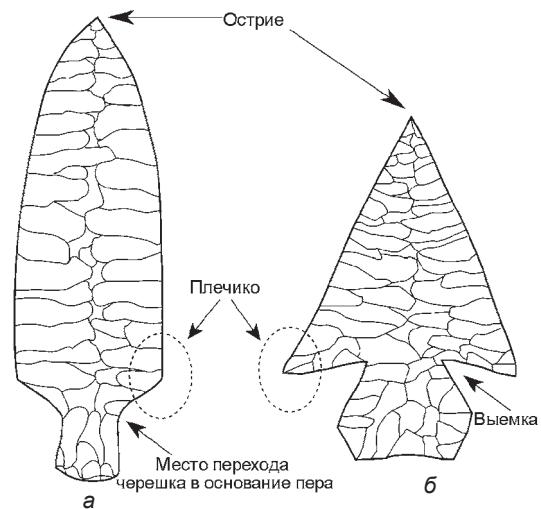

Рис. 3. Наконечник без шипов (а) и с шипами (б) (термины даны по: [Justice, Kudlaty, 1999]).

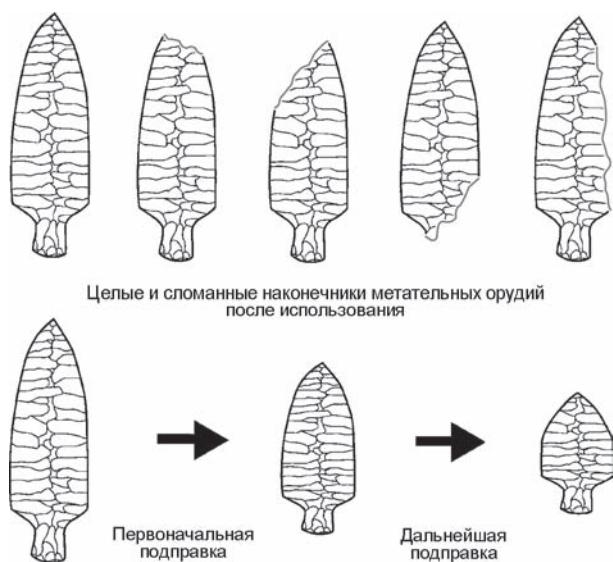

Рис. 4. Последовательность подправки орудия.

скольку при ударе повреждались чаще всего конец и нижняя часть наконечника [Bergman, Newcomer, 1983; Flenniken, Raymond, 1986], целесообразно провести сравнение наконечников по длине, оно может помочь в определении сферы их использования. Поскольку повреждение оказывалось чаще на длине орудия, чем на ширине, подновленные наконечники должны были уменьшаться в длину, но не в ширину.

Общие черты рассматриваемых памятников

Изучение проводилось на материалах из памятников Кореи. Сформулированные гипотезы проверялись с использованием «кабельного», а не «цепочного» методов. Последний основывается на изучении единичных признаков, «кабельный» метод по своей сути является многорядным. Недостаток «цепочного» метода заключается в том, что довод не принимается, если одна из логических ступеней остается недоказанной [Lewis-Williams, 2002]. При использовании «кабельного» метода неприемлемые объяснения не являются проблемой, поскольку довод будет подкреплен другими объяснениями. Таким образом, с помощью «кабельного» метода возможно связать три гипотезы в один логический ряд и проводить дальнейшие исследования даже при дефиците каких-либо свидетельств. В некоторых случаях орудия могут использоваться как для боевых действий, так и для добычи пищи [Lambert, 2002]. При интерпретации свидетельств должен использоваться «кабельный» метод.

Гипотезы проверялись на материалах памятников Суянге, Чингыныль, Йонхондон, Йонсандон, Кокчхон, Чуксан, Чхимкоокри, Вольпхён, Корери, Самри, Чанхынни и Косанри. Все памятники (кроме последнего) относятся к верхнему палеолиту, Косанри принадлежит переходному периоду от верхнего палеолита к неолиту. Археологические раскопки были проведены на всех объектах. Во избежание ложной интерпретации хронологии не рассматривались те памятники, на которых наконечники метательных орудий собраны с современной дневной поверхности.

До раскопок памятника Суянге в палеолите Кореи наконечники метательных орудий не были известны. Раскопки проводились с 1983 по 1996 г. [Ли Юндже, У Джонъюн, 2006]. В культурном слое IV были найдены каменные наконечники, для которых получена дата по ^{14}C 18 630–16 400 л.н. [Ли Сонбок, 1996; Кон Суджин, 2006]. Позже с помощью AMS-датирования она была уточнена: 15 410–15 350 л.н. [Ли Юндже, Ким Джончхан, 2006].

Чингыныль раскапывается с 2000 г. Были обнаружены два культурных слоя: нижний, находки из которого имеют признаки среднего и нижнего палеолита,

и верхний с артефактами, типичными для верхнего палеолита. Коллекция находок включает примерно 12 тыс. ед. В ней представлены наконечники метательных орудий и пластины. Их большая часть образовывала скопления; некоторые артефакты восстановлены с помощью ремонта. Это свидетельствует о том, что на памятник не влияли современные техногенные процессы разрушения. Для нижнего слоя не имеется данных абсолютного возраста; возраст верхнего слоя, установленный по образцам древесного угля с помощью AMS-датирования, составляет $22\ 850 \pm 350$ л.н. [Ли Гигиль, 2004а].

Памятник Йонхондон раскапывался в 1999–2001 гг. Он включает три культурных слоя (самый верхний слой 1), которые относятся к верхнеплейстоценовым отложениям. Наконечники метательных орудий были обнаружены в слоях 2 и 3. В слое 2 представлены зубчатые орудия и скребла. С помощью AMS-датирования для слоя определена дата $38\ 500 \pm 1000$ л.н. [Goldstein, 2000]. Слой 3, для которого не имеется абсолютных дат, очевидно, древнее слоя 2. Каменные наконечники из слоя 3, вероятно, следует считать самыми древними в Корее [Чхве Самъён, 2004].

Памятник Йонсандон раскапывался в 2004–2005 гг. Среди 22 тыс. артефактов, обнаруженных на нем, наряду с продуктами расщепления было отмечено 67 орудий. Из восьми зафиксированных литологических слоев только один включал культурный слой (слой 3). По почве с помощью радиоуглеродного метода определена дата $24\ 430 \pm 870$ л.н. [Ким Хваниль, 2004]. Однако исследованиями установлена тенденция к повторной обработке артефактов. Отложения в слое 3 отражают коллювиальные явления; слой 4, расположенный под слоем 3, имеет флювиальное происхождение. Учитывая концентрацию артефактов в нижней части слоя 3, можно предположить, что изделия были перемещены в это место водой. В таком случае их местонахождение представляет собой вторичный контекст. Существуют сомнения по поводу того, была ли сила перемещения достаточной для образования подобного вторичного контекста.

Памятник Кокчхон, расположенный в районе Хонам на юго-западе Корейского полуострова, раскапывался в 1986–1987 гг. Это были первые палеолитические раскопки в данном регионе, в ходе которых зафиксировано восемь культурных слоев; данных об абсолютном возрасте этих слоев нет. Среди находок имеются наконечник метательного орудия, скребла и микропластинчатые нуклеусы, указывающие на верхнепалеолитический возраст [Ли Юндже, У Джонъюн, Ха Мунсик, 1990].

Памятник Чуксан, расположенный около памятника Кокчхон, исследовался в 1988–1989 гг. Оба объекта раскопаны примерно в одно и то же время, в период строительства плотины. Для памятника Чуксан нет

данных абсолютного возраста. Среди 200 артефактов имеются только три качественно ретушированных орудия (скребло, чоппер и каменный наконечник) и относительно много пластиин. Обнаруженные на памятнике каменные наконечники типологически можно отнести к верхнему палеолиту [Ibid.].

На памятнике Чхимкокри собрано более 800 артефактов, в т.ч. наконечники метательных орудий, пластины, нуклеусы для снятия пластин, а также разного рода орудия на отщепах. AMS-датирование проводилось по образцам почвы, но результатов получено не было. Согласно геологическим исследованиям, артефакты были отложены между 10–20 тыс. л.н. После изучения пространственных закономерностей использования сырья, геологического контекста и проведения экспериментальных работ материалы памятника рассматривались как единый культурный комплекс. Установлено, что место расположения некоторых артефактов изменилось, но незначительно; большинство артефактов можно считать залегавшими *in situ*.

Большая часть памятников, которые рассматриваются в данной статье, исследовалась с помощью методов спасательной археологии. Стоянка Вольпхён, имеющая статус памятника национального значения, изучалась иначе: объем финансирования позволял вести плановые раскопки, которые велись здесь в течение трех полевых сезонов – в 1998, 2001 и 2006 гг. Результаты полевых работ двух первых сезонов уже напечатаны; публикация результатов третьего этапа ожидается в скором времени. При проведении раскопок в 1998 г. обнаружены артефакты в положении *in situ*, некоторые из них представляли собой части одного изделия. В отчете отмечены три наконечника метательных орудий и типичные верхнепалеолитические артефакты [Ли Гигиль, 2002]. Во время дальнейших полевых исследований получены аналогичные археологические объекты в условиях стратиграфии. Каменные наконечники обнаружены в слоях 3 и 4, возраст которых более 18 тыс. лет. Возраст установлен по образцам почв из мерзлотных текстур, отражающих последний ледниковый максимум Кореи [Ли Гигиль, 2004б; Ли Хёну, 2006].

Памятник Кореи характеризуется присутствием двух культурных слоев. Типы артефактов, обнаруженных в верхнем слое, соответствуют верхнепалеолитической культуре. Наконечники метательных орудий были обнаружены в нижнем культурном слое. Датирование проводилось по вулканическому пеплу. Была изучена тефра Aira-Tn (AT) из места концентрации артефактов [Со Ённам, 1998]. Для нее определена дата AT 24–21 тыс. л.н. [Ли Сонбок, 1996].

Памятник Самри был раскопан в 2000 г. В 1999 и 2000 гг. в районе Самри проводились полевые исследования и разведочные раскопки. Было изучено пять местонахождений, собрано 3 900 артефактов (в т.ч. де-

битаж). Артефакты обнаружены в слоях 1 и 2. В слое 2 пятого местонахождения найдены: каменный наконечник, чоппинги, многогранники и пластины. Попытки определить абсолютные даты не увенчались успехом. На основании данных по фрагментам почв была установлена относительная дата для слоя 2 – менее 15 тыс. л.н.

Памятник Чанхынни характеризуется наличием двух культуросодержащих отложений. Важная коллекция получена главным образом из верхней пачки отложений (слой 1). Один наконечник метательного орудия был обнаружен вместе с орудиями на отщепах. Коллекция памятника включает типологически разнообразные орудия: скребла, ножи, пластины, резцы, остроконечники, чоппинги и отбойники. По мнению исследователей, они найдены в своем первоначальном контексте. На орудиях не отмечены следы выветривания. Некоторые артефакты были настолько «свежими», что их можно было исследовать с помощью растрового электронного микроскопа (РЭМ) на предмет износа. Даты для слоя 1 выражений не вызывают, поскольку проводилась перекрестная проверка дат для этого слоя, полученных AMS-методом и с помощью анализа тефры. Возраст слоя 1 – приблизительно 24 тыс. лет – принимается большинством специалистов.

Характеристики наконечников метательных орудий

Согласно отчетам о раскопках в Косанри [Кан Чанхва, О Ёнсук, 2003; Ли Чонгю и др., 1998], наконечники в коллекции составили более 46 % от общего количества каменных артефактов, не включая дебитаж. Однако доли подобных изделий на различных участках стоянки сильно варьируют. В наборе артефактов много микропластин, которые часто использовались в качестве вкладышевых орудий. Таким образом, не все микропластины соответствуют конкретному орудию; наконечников метательных орудий должно быть больше, чем орудий. Орудия, относящиеся к группе под названием «разное», включали пластины, микропластины и ретушированные орудия. Последние были плохого качества и характеризовались отсутствием устойчивых форм. Таким образом, можно предположить, что данные артефакты являлись изделиями в начальной стадии оформления.

В Косанри обнаружено большое количество наконечников метательных орудий. На верхнепалеолитических памятниках было получено лишь небольшое количество метательных орудий. Исключение составляют местонахождения Суюнге и Чингыныль. На памятнике Чингыныль было получено наибольшее количество материала, в т.ч. почти 90 наконечников метательных орудий.

Процентные показатели представляются более убедительными, нежели количественные. В отличие от верхнепалеолитических памятников Косанри характеризуется высокой долей каменных наконечников (70,01 %). Среди верхнепалеолитических объектов по удельному весу этих изделий лидирует Йонсандон (58,33 %). В индустриях остальных памятников этот показатель не превышает 20 %.

Точные данные по датировке не представлены, однако можно предположить, что Косанри был заселен позже 12 тыс. л.н. [Кан Чанхва, 2002]. Этот памятник представлен одним культурным слоем. Хотя были отмечены и изучены два возможных культурных слоя – чернозем (слой II) и желто-серый глинистый слой (слой III), установлено, что орудия в слой II попали из слоя III [Ко Джэвон, 1996]. Не на всех памятниках отмечается хорошая стратиграфия. Стоянки Суянге, Чхимкокри, Йонсандон и Самри могут рассматриваться как ненарушенные объекты, содержащие наконечники одного культурного комплекса.

Суянге является многослойным памятником. Большинство верхнепалеолитических артефактов были получены из слоя суглинка (слой IV). По результатам недавних исследований, артефакты типа остроконечников, включающие каменные наконечники, составляли 14,1 % от всех орудий, без учета отщепов и дебитажа [Ли Юндко, Кон Суджин, Чон Гвонхи, 2004]. Следовательно, доля только каменных наконечников должна быть еще ниже. Памятник Чхимкокри характеризуется только двумя культурными слоями, причем один из них переотложен. Результаты геологических исследований подтвердили, что первичным является слой II, который представляет целостный культурный контекст [Ли Хёну, 2004]. Среди 43 орудий было отмечено два каменных наконечника, или 4,65 % от находок из данного слоя. В первом слое обнаружены многочисленные артефакты, но все они происходили из слоя II. Их доля не превышает 2,15 %, следовательно, наконечники метательных орудий изготавливались в крайне небольшом количестве. В Самри процентный показатель изделий этой группы был ниже. Общее количество найденных на объекте артефактов, включая отщепы и дебитаж, составило 3 900 ед. В культурном слое I, относящемся к периоду не ранее 15 тыс. л.н., залегали 1 870 артефактов, из них только 82 орудия. Был обнаружен лишь один каменный наконечник, доля которого 1,22 %. В коллекции памятника Йонсандон каменные наконечники среди орудий составляли 50 %. Все орудия (24 ед.) происходили, вероятно, из одного ненарушенного слоя. Отчет о проведении полномасштабных раскопок пока не опубликован, поэтому данные, характеризующие отношение длины к ширине, нельзя считать полностью достоверными. Судя по низким процентным показателям, каменные наконечники почти из всех верхнепалеолитических памятников имели иное назначение, чем находки из Косанри.

Каменные наконечники, обнаруженные на стоянке Косанри на о-ве Чеджу, подтвердили важность памятника в формировании представления о переходном периоде от палеолита к неолиту. Опубликованы два отчета по раскопкам объекта [Ли Чонгю и др., 1998; Кан Чанхва, О Ёнсук, 2003], а также несколько критических обзоров [Justice, Kudlaty, 1999; Кан Чанхва, 2002; Ко Джэвон, 1996; Ли Чонгю, 1995; О Ёнсук, 2004].

Нами изучались наконечники метательных орудий со стоянки Косанри и с верхнепалеолитических памятников. К концу 1990-х гг. такие орудия были найдены на многих объектах, в т.ч. Согджанни, Корери, Чуссан, Кокчхон и Вольпхён [Ли Гигиль, 1999]. К настоящему времени круг таких памятников расширился, в него вошли Чанхынни [Чхве Боггю, Чхве Са-мъён, Чхве Сынъёп, 2001], Йонходон [Хан Чхангюн, Хон Миён, Ким Гитхэ, 2003], Чингыныль [Ли Гигиль, 2004а], Чхимкокри [Ли Хёну, 2004] и Йонсандон [Ким Хваниль, 2004]. Относительно большое количество каменных наконечников обнаружено на Суянге.

Морфологические характеристики, в частности, величина угла шипов, использовались при анализе функций шипов. Поскольку каменные наконечники, как правило, симметричные, измерялся шип только с одной стороны. Метод измерения достаточно прост: проводятся две линии – одна от дистального конца шипа до конца острия, а другая от дистального конца шипа до выемки или плечика, между ними измеряется угол. Изделия с углом бокового выступа более 110° относились к категории X; с углом 90° и менее – к категории O. В категорию M включены насады с величинами углов между 90 и 110°. Такие шипы квалифицировались как имеющие промежуточную функциональную ценность.

На памятнике Косанри было обнаружено более 1 тыс. каменных наконечников, но их полномасштабный анализ пока не завершен. Нами было изучено небольшое количество артефактов. Отмечена многочисленность бесчерешковых типов на памятнике Косанри. С целью сравнения изучались главным образом черешковые каменные наконечники.

Каменные наконечники, обнаруженные на памятнике Суянге, либо были без шипа, либо шип не имел функциональной значимости (рис. 5). Ни на одном из 22 наконечников не было отмечено ярко выраженных шипов; большинство шипов (91 %) отнесено к категории X. На находках из памятников Чингыныль, Йонходон, Йонсандон, Кокчхон, Чуссан, Чхимкокри, Вольпхён, Корери, Самри и Чанхынни шипы функционально не выраженные, как правило, категории X; исключение составляет артефакт с памятника Йонходон.

Большинство каменных наконечников с Косанри характеризуется наличием четко выраженных, выступающих шипов. Из 59 черешковых наконечников 32 (54 %) имеют шипы, которые с уверенностью можно

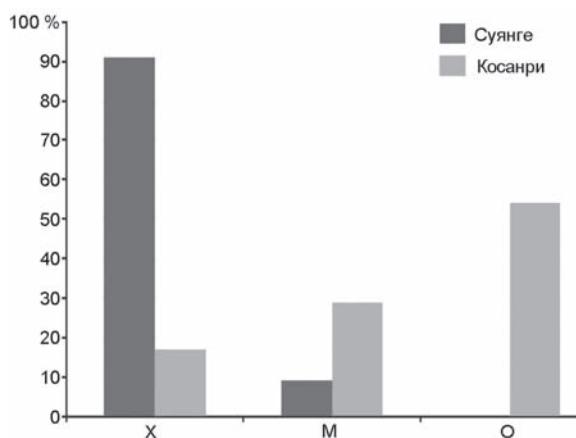

Рис. 5. Наконечники с различными по форме шипами на Суянге и Косанри.
Усл. обозн. см. в тексте.

отнести к категории О, 17 изделий (29 %) – к категории М. Это говорит о том, что 83 % наконечников с памятника Косанри демонстрируют устойчивость форм.

Обнаружить в верхнепалеолитических отложениях наконечники стрел удается очень редко, тогда как наконечники копий или дротиков – вполне реально. Таким образом, свидетельств, позволяющих понять, как формировалось поведение, связанное с насилием, в период верхнего палеолита, недостаточно. Сегодня никакие признаки проявления насилия не могут быть выделены лишь на основании наконечников метательных орудий, обнаруженных на верхнепалеолитических памятниках.

Каменные наконечники с памятника Косанри имели многочисленные морфологические признаки оформления шипов. После предварительного анализа многие метательные орудия классифицировались как наконечники [Чо Хёнджон, 2001]. Таким образом, наконечники метательных орудий переходного периода от палеолита к неолиту могли использоваться в ходе вооруженного противостояния.

Различные закономерности в повторном использовании каменных наконечников верхнего палеолита и переходных периодов могут быть установлены при изучении соотношения между длиной и шириной, поскольку при повторном использовании изделия в значительно большей степени изменялась его длина, нежели ширина. Большая часть данных была получена нами в ходе самостоятельного изучения артефактов, некоторые сведения почерпнуты из археологических отчетов. В отдельных случаях средние значения не могли быть учтены, поскольку был обнаружен лишь один каменный наконечник.

Черешковые наконечники в количестве 59 ед. из Косанри характеризуются следующими средними показателями: длина 2,93 см, ширина 1,83 см, отношение длины к ширине 1,6. Данные измерений верхнепа-

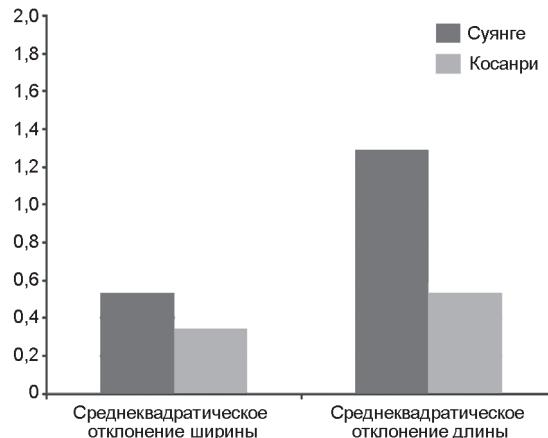

Рис. 6. Величины среднеквадратического отклонения для каменных наконечников с памятников Суянге и Косанри.

леолитических находок были получены из различных источников [Чхве Боггю, Чхве Самъён, Чхве Сынъёп, 2001; Deacon, 1999; Хан Чхангюн, Хон Миён, Ким Гитхэ, 2003; Кан Чханхва, 2003; Ли Гигиль, 1999; Ли Юнджо, Кон Суджин, 2002; Со Ённам, 1998]. Образцы из Суянге имеют такие средние показатели: длина 6,0 см, ширина 2,4 см, отношение 2,5.

Величина отношения длины к ширине более 2,0 соответствует всем памятникам, кроме Йонходон – 1,85 и Косанри – выше значения 1,6. Таким образом, в эпоху верхнего палеолита преобладали каменные наконечники с более высоким показателем отношения длины к ширине, из чего предварительно можно сделать вывод, что они изготавливались с целью повторного использования. Для лучшего понимания важности этого показателя, вероятно, полезно применить метод среднеквадратического отклонения.

Фленникен и Раймонд провели серии экспериментальных исследований по вопросу производства, использования и подправки остроконечников [Flenniken, Raymond, 1986]. Их метрические данные соответствуют находкам до экспериментальной процедуры и после экспериментальной эксплуатации и подправки. Эти данные можно анализировать с применением метода среднеквадратического отклонения. Установлено, что длина сильнее изменилась после экспериментальной подправки, таким образом, показатель величины среднеквадратического отклонения для длины был выше аналогичного показателя для ширины.

Из палеолитических памятников наиболее богат материалом Суянге, поэтому сравнительному изучению подверглись каменные наконечники из Суянге и Косанри (рис. 6). Была отмечена существенная разница в показателях среднеквадратических отклонений для длины каменных наконечников обоих памятников. Для 22 наконечников с памятника Суянге величины средне-

квадратического отклонения составили 1,29 (длина) и 0,53 (ширина), для 59 черешковых наконечников с памятника Косанри – 0,53 и 0,34 соответственно, для 26 бесчерешковых наконечников – 0,63 и 0,41 соответственно. Более низкие величины среднеквадратического отклонения для наконечников Косанри объясняются небольшими различиями между длиной и шириной, что указывает на отсутствие подправки после изготовления орудий. Судя по данным для Суянге, наконечники с этого памятника, вероятно, подвергались повторной подправке. Как объяснялось выше, серьезные повреждения от удара концентрируются главным образом на проксимальном и дистальном концах орудия; в результате длина орудия в ходе обработки или подправки изменяется в большей мере, нежели его ширина. Существенные расхождения в показателях величин среднеквадратического отклонения для обеих групп наконечников были обусловлены, возможно, различиями в стратегии повторного использования орудий.

Различия между наконечниками из Косанри и Суянге по показателю отношения длины к ширине и величинам среднеквадратических отклонений указывают на повторное использование орудий в верхнем палеолите, но не в более поздние периоды. В более позднее время орудия, вероятно, использованы в боевых стычках.

Заключение

Согласно археологическим материалам, проявления насилия в отношениях между индивидуумами могут варьировать в зависимости от степени развития культуры. В настоящей работе это утверждение изучалось по наконечникам метательных орудий различных периодов из памятников с территории Южной Кореи, при этом принимались во внимание данные этнографии и результаты экспериментов.

Проводился анализ нескольких вариантов каменных наконечников различных временных отрезков с различных памятников. При этом отмечались вариации в морфологическом оформлении дистанционных орудий. В данном исследовании были изложены возможные объяснения для таких вариаций на основании качественных и количественных признаков проявления насилия.

Параметры наконечников с памятника Косанри, который относится к периоду перехода от верхнего палеолита к неолиту, были больше связаны с количественными и качественными изменениями в проявлениях насилия, чем наконечников с более ранних объектов. Наличие шипов, признаки подправки и закономерности распространения типов артефактов на памятнике Косанри свидетельствуют о целенаправленной подготовке обитателей памятника к вооруженным столкновениям.

Список литературы

Кан Чханхва. Формирование и развитие культуры начального неолита на острове Чеджу // Че 26-хве хангук когохак чонгук тэхве пальпхё ёджи (Мат-лы 26-го Общекорей. археол. симп.). – Сеул, 2002. – С. 9–33 (на кор. яз.).

Кан Чханхва. Общество до образования государства Тамна и формирование государства Тамна // Канджва Хангук кодэса (Лекции по древней истории Кореи). – Чханвон: Гос. ин-т культурного наследия Кая, 2003. – С. 1–42 (на кор. яз.).

Кан Чханхва, О Ёнсук. Чеджу Косанри юджок (Памятник Косанри на острове Чеджу). – Чеджу: Музей Ун-та Чеджу, 2003. – 101 с. (на кор. яз.).

Ким Хваниль. Памятник эпохи палеолита Йонсандон в городе Тэджон: по материалам первого этапа полевых исследований // Хангук кусокки хагбо. – 2004. – № 10. – С. 83–94 (на кор. яз.).

Ко Джэвон. Чеджудо Косанри соки-ый пунсок ёнгу (Анализ каменной индустрии памятника Косанри на острове Чеджу): магистр. дис. – Сеул: Ун-т Ханъян, 1996. – 85 с. (на кор. яз.).

Кон Суджин. Открытая стоянка эпохи палеолита в уезде Чунвон: каменная индустрия // Чунвон чиёк-ый кусокки муунхва (Палеолитическая культура уезда Чунвон). – Сеул: Хагъён муунхваса, 2006. – С. 331–338 (на кор. яз.).

Ли Гигиль. Черешковые наконечники метательных орудий и сопровождающий инвентарь // Йоннам чибан-ый кусокки муунхва (Культура палеолита в районе Йоннам). – Пусан: Археол. об-во района Ённам, 1999. – С. 83–96 (на кор. яз.).

Ли Гигиль. Сунчхон Вольпхён юджок (Памятник Вольпхён в городе Сунчхон). – Кванджу: Музей Ун-та Чосон, 2002. – Т. 1. – 234 с. (на кор. яз.).

Ли Гигиль. Культурный слой эпохи палеолита на памятнике Чингынъиль в уезде Чинан и его значимость // Хонам когохакпо. – 2004а. – № 19. – С. 5–24 (на кор. яз.).

Ли Гигиль. Особенности памятника верхнего палеолита Йонпхён в городе Сунчхон // Хангук кусокки хагбо. – 2004б. – № 9. – С. 1–7 (на кор. яз.).

Ли Сонбок. Датировка памятников эпохи палеолита в бассейне реки Имджинган // Хангук когохакпо. – 1996. – № 34. – С. 135–159 (на кор. яз.).

Ли Сонбок, Кан Хёнсук, Ли Гёдон, Ким Ёнха, Сон Чхунтхэк. Памятники верхнего палеолита Кымпхён в деревне Синпхённи и Чуксан в деревне Токсанни // Чуамдэм сумоль чигу муунхва юджок пальгуль чоса погоса VII (Отчет об археологических раскопках памятников в зоне затопления ГЭС Чуам). – Кванджу: Музей гос. Ун-та Чоннам, 1990. – Т. VII. – С. 21–76 (на кор. яз.).

Ли Хёну. Реконструкция и интерпретация культурного комплекса памятника Чхимкокри // Хангук кусокки хагбо. – 2004. – № 10. – С. 51–66 (на кор. яз.).

Ли Хёну. Интерпретация палеоклиматических условий района археологических памятников по материалам речных террас // Хангук кусокки хагбо. – 2006. – № 23. – С. 85–114 (на кор. яз.).

Ли Хонджон. Финальный этап эпохи верхнего палеолита в Корее и проблема перехода к неолиту // Чонхванги когохак: Че 20-хве хангук сангоса хавхве пальпхё ёджи (Археология переходного времени: мат-лы 20-го симпози-

ума Об-ва древней истории Кореи). – Провинция Чоннам, 1998. – С. 9–41 (на кор. яз.).

Ли Чонгю. Чеджудо когохак ёнгу (Археология острова Чеджу). – Сеул: Хагъён мунхваса, 1995. – 378 с. (на кор. яз.).

Ли Чонгю, Кан Чанхва, Ко Джэвон, О Ёнсук. Чеджу Косанри юджок (Памятник Косанри на острове Чеджу). – Чеджу: Музей Ун-та Чеджу, 1998. – 225 с. (на кор. яз.).

Ли Чонгю, Ко Джэвон. Каменные артефакты памятника Косанри // Асеа комунхва (Древняя культура Восточной Азии). – Сеул: Хагъён мунхваса, 1995. – С. 109–130 (на кор. яз.).

Ли Юндже, Ким Джончхан. Абсолютные датировки памятника эпохи палеолита Суянгэ // Чунвон чиёг-ый кусокки мунхва (Культура эпохи палеолита района Чунвон). – Сеул: Хагъён мунхваса, 2006. – С. 299–307 (на кор. яз.).

Ли Юндже, Кон Суджин. Новые результаты исследований черешковых наконечников метательных орудий памятника Суянгэ // Хангук кусокки хагбо. – 2002. – № 6. – С. 13–24 (на кор. яз.).

Ли Юндже, Кон Суджин, Чхон Гвонхи. Культура эпохи верхнего палеолита в бассейне реки Намханган: по материалам памятников Суянгэ и Чханнэ // Тонбук Асия хуги кусокки мунхва-ва Чанхын Синбук (Памятник Синбук в уезде Чанхын и культуры верхнего палеолита в Северо-Восточной Азии). – Кванджу: Музей Ун-та Чосон, 2004. – С. 39–48 (на кор. яз.).

Ли Юндже, У Джонъюн. Археологические раскопки памятника Суянгэ и их значение // Суянгэ-ва ки иут: Че 1-хве кугдже хаксуль хвей (Суянгэ и его соседи: мат-лы 1-го Междунар. симп.). – Провинция Чунгбук, 1997. – С. 75–108 (на кор. яз.).

Ли Юндже, У Джонъюн. Археологические раскопки памятника Суянгэ и их значение // Чунвон чиёг-ый кусокки мунхва (Культура эпохи палеолита района Чунвон). – Сеул: Хагъён мунхваса, 2006. – С. 357–375 (на кор. яз.).

Ли Юндже, У Джонъюн, Ха Мунисик. Древний памятник Кокчхон в деревне Усанни // Чумадэм сумоль чигу мунхва юджок пальгуль чоса погосо VII (Отчет об археологических раскопках памятников в зоне затопления ГЭС Чуам). – Кванджу: Музей гос. Ун-та Чоннам, 1990. – Т. VII. – С. 77–139 (на кор. яз.).

Ли Юндже, У Джонъюн, Юн Ёнхён. Археологические раскопки памятника Суянгэ и их значение // Суянгэ-ва ки иут: Че 1-хве кугдже хаксуль хвей (Суянгэ и его соседи: мат-лы 1-го Междунар. симп.). – Провинция Чунгбук, 1996. – С. 1–17 (на кор. яз.).

О Ёнсук. Памятники и артефакты эпохи неолита острова Чеджу // Хангук синсокки хакхве хаксуль семина (Мат-лы научного семинара по проблемам неолита Кореи). – Пусан: Об-во изучения неолита Кореи, 2004. – С. 33–62 (на кор. яз.).

Со Ённам. Краткий обзор результатов археологических раскопок памятника Корери в уезде Миран // Че 41-хве чонгук ёксахак тэхве пальпхёмун (Мат-лы 41-го Общекорей. ист. симп.). – Сеул, 1998. – С. 316–332 (на кор. яз.).

Хан Чхангюн. Памятник эпохи палеолита Йонходон в городе Тэджон // 2002 Чонгонни кусокки юджок кинём кугдже хаксуль семина (Мат-лы Междунар. науч. семинара, посвящ. годовщине открытия памятника эпохи палеолита Чонгонни (2002 г.)). – Сеул: Гос. ин-т куль-

турного наследия Республики Корея; Ун-т Ханъян, 2002. – С. 44–45 (на кор. яз.).

Хан Чхангюн, Хон Миён, Ким Гитхэ. Кванджу Самри кусокки юджок (Памятник эпохи палеолита Самри в окрестностях города Кванджу). – Сувон: Фонд культуры провинции Кёнгидо, 2003. – 441 с. (на кор. яз.).

Чо Хёнджон. Чеджу-ый ёкса-ва мунхва (История и культура острова Чеджу). – Чеджу: Гос. музей Чеджу, 2001. – 259 с. (на кор. яз.).

Чхве Боггю, Чхве Самъён, Чхве Сынъёп. Исследование памятника периода позднего палеолита Чанхынни в уезде Чхольвон // Хангук кусокки хакхве че 2-чха хакчуль тэхве пальпхёджип (Мат-лы 2-й конференции Об-ва изуч. палеолита Кореи). – Вонджу: Хангук кусокки хакхве, 2001. – С. 37–42 (на кор. яз.).

Чхве Самъён. Памятники эпохи палеолита в бассейне реки Кымган // Ури нара-ый кусокки мунхва (Палеолитическая культура Кореи). – Сеул: Изд-во Ун-та Йонсе, 2004. – С. 153–176 (на кор. яз.).

Ahler S., Geib P. Why Flute? Folsom point design and adaptation // J. of Archaeological Science. – 2000. – Vol. 27. – P. 799–820.

Bachechi L., Fabbri P., Mallegni F. An arrow-caused lesion in a late Upper Palaeolithic human pelvis // Current Anthropology. – 1997. – Vol. 38. – P. 135–140.

Bergman C., Newcomer M. Flint arrowhead breakage: example from Ksar Akil, Lebanon // J. of Field Archaeology. – 1983. – Vol. 10. – P. 238–243.

Deacon H. J. Human beginnings in South Africa. – 1999. – Cape Town: Walnut Creek. – 228 с.

Flenningen J. Stone tool reduction techniques as cultural markers // Stone tool analysis / Eds. M. Plew, J. Woods, M. Pavescic. – New Mexico: University of New Mexico Press, 1985. – P. 265–276.

Flenningen J., Raymond A. Morphological projectile point typology: Replication experimentation and technological analysis // American Antiquity. – 1986. – Vol. 51. – P. 603–614.

Goldstein B. Камгак-ква чигак (Ощущение и восприятие). – Сеул: Сигма пресс, 2000. – 533 с. (на кор. яз.).

Justice N., Kudlaty S. Field guide to projectile points of the Midwest. – Bloomington: Indiana University Press, 1999. – 53 р.

Keeley L. War before civilization. – N.Y.: Oxford: Oxford University Press, 1996. – 245 с.

Lambert P. The archaeology of war // J. of Archaeological Research. – 2002. – Vol. 10. – P. 207–241.

Lewis-Williams D. The mind in the cave, consciousness and the origin of art. – L.: Thames and Hudson, 2002. – 320 с.

Pokines J. Experimental replication and use of Cantabrian Lower Magdalenian antler projectile points // J. of Archaeological Science. – 1998. – Vol. 25. – P. 875–886.

Read D., Leblanc S. Population growth, carrying capacity and conflict // Current Anthropology. – 2003. – Vol. 44. – P. 59–77.

Vencl S. Stone age warfare // Ancient warfare / Eds. J. Carman, A. Harding. – Thrupp: Sutton Publishing, Phoenix Mill, 2004. – P. 57–72.

УДК 903.2

И.В. Шмидт

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
 пр. Мира, 55а, корп. 2, Омск, 640077, Россия
 E-mail: schmidt_irina@everymail.net

ОСОБЕННОСТИ «МАЛЬТИНСКОГО РЕАЛИЗМА». К ПРАКТИКЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АНТРОПОМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ПАЛЕОЛИТА СИБИРИ

В статье дается комплексная интерпретация части коллекции антропоморфной пластики палеолитического поселения Мальта. Акцентируется внимание на семиотическом объяснении небольшой группы костяных фигурок и их метрических показателях, отражающих т.н. младенческую диспропорцию тела. С привлечением результатов исследований смежных с археологией дисциплин (антропология и этнография) обозначена новая для палеоискусствоведения тема – изображение детей.

Ключевые слова: палеолитическое искусство, палеокультура, культура детства эпохи палеолита.

Введение

Если попытаться составить библиографическую справку о работах, посвященных палеолитическому поселению Мальта и находкам с данного памятника, то в руках у нас окажется увесистый том. Многое сказано и многое сделано. Очередное обращение к материалам Мальты видится целесообразным только в контексте герменевтической установки, утверждающей принципиальную неисчерпаемость содержания любого объекта исследования, в нашем случае изобразительного текста палеолита.

Антропоморфные фигурки из кости со стоянок Мальта и Буреть в Приангарье известны уже более полувека. Они поражают стилистическим своеобразием, а история исследований – многочисленными интерпретационными концепциями. Историографический анализ позволяет отметить активное использование отечественными исследователями метода этнографических параллелей, точнее метода иллюстративного сравнения [Шнирельман, 1984, с. 102]. Последний, безусловно, красочно демонстрирует потенциал археологического материала, но «опасен» при реконструк-

ции семантики древних предметов. В результате его применения костяные фигурки эпохи палеолита воспринимаются как владычицы стихий, повелительницы животного и природного мира, символы плодородия и всего остального, что только может быть связано со сферой активности зрелой женщины [Герасимов, 1931, с. 16; 1958; Иванов, 1934, 1936, с. 69; 1949, с. 210–212; Гущин, 1937, с. 107; Абрамова, 1962, с. 68; Токарев, 1961, с. 14–15; 1990, с. 555; Окладников, 1949, с. 116; 1967, с. 76–83; История Сибири..., 1968, с. 53; Хлобыстина, 1987, с. 98–99; Salmoni, 1931, S. 3; Drössler, 1967, S. 83; 1980, S. 167; Hančar, 1940, S. 149; Ozols, 1971, S. 40–41]. При многочисленности семантических тем, возможно, ярко раскрывающих суть символа, очевидно невнимание их авторов к знаковым характеристикам исследуемого объекта (мальтинского антропоморфного изображения): большинство не подходит для раскрытия символа по формальным признакам. Противоречия между образом и его интерпретацией не вызывают особых дискуссий, если специфика изображения (формы) находит «отзвук» в ключевой теме самой интерпретации. Так, пересмотр упомянутых семантических гипотез на материалах западно-

европейских коллекций антропоморфной пластики невозможен: тучные тела Венер непроизвольно поддерживают темы «плодородия», «хозяек-владычиц», «покровительниц». Но сибирские образцы демонстрируют нам совершенно иные формы. В данном случае мы, очевидно, сталкиваемся с концептуальным противоречием. Состоит оно в следующем. Согласно теории, палеолитические мастера испытывали особую тягу к реалистичной передаче объектов природной и социальной среды. Если, например, изображали мамонта или лошадь, то пропорции их тел были близки к реальным [Любин, 1990, 1991; Bosinski, 1989, S. 76], если изображали женщин, то их фигуры были узнаваемы, а специфика форм подчеркивала содержательные особенности («тучность» → «благосостояние»; «беременность» → «продолжение жизни», «генетический оптимизм»). Как бы сказали герменевтики, данные тексты однозначно читаемы, прозрачны.

Оставаясь в контексте рассуждений о приоритете реализма в изобразительном творчестве палеолита, обратимся к сибирскому материалу. Реализм мальтийских антропоморфных изображений неоднократно ставился под вопрос (преимущественно западными исследователями). Эти скульптурки называют предельно стилизованными, схематично и даже грубо выполненными [Hančar, 1940, S. 118; Bandi, Maringer, 1955, S. 30; Graziosi, 1956, S. 22, 43; Drößler, 1980, S. 35]. Однако обнаруженные в Мальте фигурки мамонта, лебедей, змей реалистичны настолько, что можно установить возраст, видовую принадлежность и даже сезонные особенности животных [Герасимов, 1931, с. 17, 24–25; 1958, с. 39; Hančar, 1940, S. 114]. Итак, реализм характерен для работ косторезов Мальты, но не для изображений человека.

Отечественными исследователями мальтийский реализм воспринимается как должное: в нем никто не сомневается, но лишь до момента метрического контроля пропорций фигурок. Такое исследование было проведено З.А. Абрамовой еще в 1960-х гг. (см. напр.: [1966, с. 12; 1987, с. 28–36]). Ею отмечено, что на всех без исключения изображениях голова по сравнению с туловищем непропорционально велика. Факт интересный, но он не стал поводом для переосмыслиния содержательности материала, уточнения его интерпретаций. Таким образом, проблема обусловленности образных и тематических границ «мальтийского реализма» остается открытой.

Цели и методы исследования

Предлагаемое исследование вряд ли разрешит когнитивный кризис, но шагом к его преодолению может стать усиление внимания к интерпретации деталей изображений: изменение восприятия частностей в

палеообразе позволит иначе взглянуть на его содержательность. Необходимо сосредоточиться на метрических особенностях антропоморфных изображений Мальты. Результаты промеров, сгруппированные в таблице, отчетлиwie обозначают метрическую гомогенность фигурок. В данном случае не требуется миллиметровая точность замеров, поэтому в качестве источника могут быть использованы иллюстрации, приведенные в труде З.А. Абрамовой [1962, с. 85]. Полученные в ходе исследования метрические характеристики и выявленные знаковые особенности образов применимы за показатели, важные для интерпретации. С учетом археологического контекста находок и данных смежных с археологией дисциплин попытаемся дать им возможное объяснение.

Коллекции Мальты и Бурети включают почти 40 антропоморфных изображений. К исследованию могут быть привлечены чуть более десяти, остальные неудовлетворительно сохранности или представлены фрагментами.

Обсуждение

Уже первые результаты показали наличие значительного количества дробных величин, которые удобнее свести к целым по принципу тяготения к большей условной единице (см. *таблицу*).

Как удалось установить в ходе анализа конкретных мальтийских фигурок, у большинства голова по отношению к телу составляет 1/4. Первый результат (предвосхищенный замечанием З.А. Абрамовой) – в мальтийской коллекции преобладают изображения большеголовых людей. В разряд фактов переведен и тезис о неоднородности единиц коллекции по метрическим показателям, что не только исключает формальную типологизацию, но и в условиях возведения полученных данных в статус знаковой характеристики образов не позволяет интерпретировать фигурки в рамках одной темы.

Для дальнейшего исследования может оказаться важной такая особенность изображений, как тщательно проработанные черты лица. Ее обсуждение началось с описания М.М. Герасимовым первой найденной им, не похожей на западно-европейские образцы, статуэтки: «Широкое овальное лицо с высоким выпуклым лбом украшено очень солидным, приплюснутым носом, с хорошо выраженным широкими ноздрями. Глаза слегка намечены выступанием надбровных дуг, рот отсутствует, подбородок выражен слабо. Весьма старательно отделаны волосы, они длинными волнистыми прядями ниспадают до плеч» [1931, с. 19]. В этом описании обращают на себя внимание замечания автора о стилистике и характерных деталях образа, возможно, в реальности присущих прототипу.

Результаты метрического анализа антропоморфных изображений Мальты и Бурети

Номер фигурки в работе З.А. Абрамовой [1962]	Номер таблицы с изображением в работе З.А. Абрамовой	Размеры головы по отношению к размерам тела	Место обнаружения
<i>Мальта</i>			
1	XLV, 1	1/5	–
2	XLIV, 5	1/5	Жилище
3	XLVII, 1	1/3	»
4	XLVII, 9	1/5	»
5	XLV, 2	1/4	»
6	XLV, 4	1/4	»
7	XLV, 3	1/4	»
8	XLV, 1	1/6	–
9	XLV, 5	1/5	Жилище
10	XLVII, 8	1/7	–
12	XLVIII, 1	1/4	–
13	XLVII, 2	1/4	–
14	XLVII, 3	1/4	–
20	XLVIII, 5	1/3	–
23	XLVI, 8	1/4	Жилище
24	XLVI, 6	1/4	»
25	XLVIII, 7	1/6	»
27	XLVIII, 8	1/6	»
28	XLVIII, 9	1/4	»
<i>Буреть</i>			
1	LVII, 1	1/6	Жилище
3	LVII, 2	1/4	–
4	LVII, 5	1/5	–

М.М. Герасимов заметил их в передаче именно черт лица. А.П. Окладников о том же сказал ярче: «Лицо (у первой обнаруженной им статуэтки. – И.Ш.) моделировано наиболее тщательно. Оно выпукло и объемно в основных своих деталях. Просто, но отчетливо переданы маленький выпуклый лоб, выдающиеся щеки и скулы, круглый и мягко очерченный подбородок. Рта не обозначено, но он “угадывается”, отсутствие его не бросается в глаза. Как бы расплывшийся, мягко очерченный “монгольский” нос резко ограничен снизу. Глаза переданы в виде узких миндалевидных углублений. Впечатление от них совершенно необычно: узкие и раскосые, они невольно вызывают в памяти черты лица, свойственные представителям монгольской расы» [1941, с. 105].

Г. Мюллер-Карпе, опираясь на это же описание, считает, что прототипом сибирских антропоморфных изображений выступали представительницы не монголоидной, а африканской расы [Müller-Karpe, 1998, S. 187–188]. Зарубежным исследователям, знакомым

с сибирским материалом только по каталогам, особенно интересны лица антропоморфных фигур. Некоторые из них даже видят отсутствующие в реальности детали, например рот [Hančar, 1940, S. 117; Bandi, Maringer, 1955, S. 30; Ozols, 1971, S. 36].

Продолжая исследование, еще раз отметим для себя следующее: ведется анализ группы изображений большеголовых людей, с не до конца проработанными, но реалистично переданными чертами лица. Принимая эти особенности за денотативные характеристики образов и переходя к их объяснению, важно помнить, что речь идет лишь о численно ограниченной группе сохранившихся антропоморфных фигурок. Это не позволит вывести интерпретационную гипотезу в их отношении на уровень общезначимых концепций, привлечь для пояснений общепринятые искусствоведческие и культурологические критерии.

Итак, пытаясь разобраться в особенностях «мальтийского реализма», не будем спешить с обвинениями мастера в невнимании к соблюдению пропорций –

изобразительный ансамбль памятника включает и идеальные с точки зрения палеореализма образцы. В данном случае нельзя исключать целенаправленного искажения в передаче некоторых деталей. Если художественная диспропорция неслучайна, то мысль о причинах ее существования можно развивать в нескольких направлениях. Предположим, что диспропорция тела как определенного рода феномен время от времени имела место в группах первобытных людей. Ее появление можно объяснить генетическим нарушением в развитии организма, например, макроцефалией. И история, и этнография располагают массой примеров, когда общества с большим вниманием относились к отклонениям в строении тела. Уверена, можно найти и изобразительные примеры их фиксации. По мнению некоторых специалистов, большеголовость могла быть не только частным случаем, но и нормой. Об этом напомнила вновь поднимающаяся дискуссия о *Homo capensis* [Lynch, Granger, 2008].

Обратим внимание на возможность фиксации косторезами Мальты онтологически обусловленной диспропорции человеческого тела. Начнем с краткой постнатальной справки. От момента рождения и до истечения первых полутора-двух лет жизни голова человека составляет 1/3 – 1/4 длины всего тела [Zimmer, 1996, S. 75]. Такие пропорции характерны и для мальтийско-буретских антропоморфных изображений. Оставаясь на позициях палеореализма, мы фиксируем необычный для палеоискусствоведения факт – наличие в палеолите изображений детей раннего возраста. Они редки, но, как считают некоторые исследователи, все же присутствуют. Например, глиняные скульптуры Павлова, не демонстрирующие характерные для тела взрослого человека признаки, Б. Климои были интерпретированы как изображения детей [Klima, 1989, S. 89]. Им же предложено необычное объяснение гравировок «танцующих людей» из Гённердорфа: фигуры, вероятно женщин, изображены с узлами за спиной, напоминающими африканские платки-повязки для ношения детей. Исследователь находит возможным воспринимать данные сюжеты как изображение матери с закрепленным на ее спине ребенком [Ibid. S. 77].

Правомерность предложенных интерпретаций подкрепляется этнографическими данными, иллюстрирующими непростые отношения между человеком, состоявшимся в культуре и «прибывшим» в нее. Материализованный знаково-символический мир детства велик, как и мир взрослых. Его функция заключается, с одной стороны, в защите новорожденного от всевозможных воздействий извне, с другой – в охране пространства от младенца.

В традиционных обществах и процесс рожде-
ния, и новорожденный нередко рассматриваются как нечто опасное, угрожающее гармонично существую-

щему порядку вещей [Ploss, Bartels, 1913, S. 10–13]. То, что произведено на свет женщиной, не является «готовым» человеком, а лишь может им стать при условии соблюдения некоторых правил. Но превращение не всегда завершается удачно. Умерший младенец, как и его люлька и послед, передаются миру духов. Тела выкинутой и «беззубых» замуровывают в дуплах деревьев, топят в болоте [Гемуев, 1980, с. 135; Головнев, 1995, с. 278, 506]*.

Младенцы опасны не только тем, что не являются «людьми», но и тем, что приносят с собою: они могут привлекать к себе силы, враждебные человеку. Преодоление опасной фазы развития ребенка продолжительно и предполагает соблюдение ряда предосторожностей. Для «безопасного» общения с младенцами имеются специально созданные «предметы-барьеры»: ножи для перерезания пуповины, сосуды для хранения последа, трубочки для обливания водой во время купания, люльки и др. [Ploss, Bartels, 1913, S. 410, 414; Abb. 564–565, 568–569].

Вышесказанное может поставить под вопрос расхожий тезис о внебытийности младенцев – от «никого» не защищаются всеми возможными способами; за ними ведется пристальное наблюдение. Любая реакция ребенка расценивается как знаковое явление. Интерпретация сигналов, подаваемых им, корректирует отношение к ребенку; его начинает «читать» культура, признавая своим или оставляя в группе чужих. Например, в племенах северной оконечности о-ва Слоновой Кости ребенок не является членом коллектива до тех пор, пока не протянет руку к общему котлу с «нормальной» пищей. С этого времени начинают отсчет его жизни, малышу дается имя. Приобщение ребенка к котлу происходит в два-три года [Hartge, 1983, S. 104]. В других обществах показательно-переломными считаются моменты, когда ребенок самостоятельно пошел [Schomerus-Gernböck, 1983, S. 186] или же у него появились зубы [Егорова, 2009, с. 60–62]. Примеров можно привести много, и все они демонстрируют развитие в маленьком существе «человеческого потенциала». Психофизические изменения становятся очевидными приблизительно к двум-трем годам. Маленького человека окончательно принимают в коллектив в ходе первых инициаций. Ему изменят или дополнят имя, о его существовании станет известно социуму (старейшинам, предкам и т.д.), в нем начнут видеть не только антропологическое соответствие образу человека, но и социальную сущность, представителя культуры. Интересно, что знаковое выражение «настоящего человека» идет прежде всего через рот: он

*Можно отметить, что подобное характерно не только для североазиатских, но и для южно-азиатских этносов [Bartels, 1893, S. 18–19].

приобщается к миру через рот – начинает есть нормальную пищу, у него появляются зубы, речью он демонстрирует богатство формирующегося собственного мира соплеменникам и родственникам. Значимость этой части организма прослеживается по неолитическим материалам: у керамических сосудов богато украшена зона венчика, к которому прикасаются губы. Декор защищает «границу миров» в том месте, где они, соприкасаясь, контактируют друг с другом. В результате контакта сосуд, образно выражаясь, «дарит» жизнь (либо нечто другое). Принятие дара ведется через рот, что подчеркивает специфичность ротовой полости [Этинген, 2006, с. 219–225]. По интуитивно понятным причинам малтийские фигурки, запечатлевшие диспропорцию младенческих тел, могли быть созданы без изображения рта. Они – воплощения «потенциальных людей», не говорящих, не контактирующих с миром, как это делает человек культурный.

Итак, появление детских изображений и их образные особенности могут найти объяснение в этнографических данных. Но мы работаем с археологическим материалом, особенность которого – отсутствие «панорамных» подробностей культуры. Возможно ли в данной ситуации рассуждать о детстве в эпоху палеолита? Мальта, на мой взгляд, один из немногих памятников, который позволяет это сделать.

Восприятие малтийских антропоморфных фигурок как изображений детей становится возможным благодаря другому «персонажу» образного ансамбля памятника – бескрылой, «ущербной» птице. В одном из предыдущих сообщений, посвященных орнитоморфным изображениям со стоянки [Шмидт, 2008], мной было указано на необходимость интерпретации именно образной пары (а не единичных образов) – птицы с обрезанными крыльями и антропоморфного изображения. По ряду признаков они семиотически тяготеют друг к другу: оба являются «маркерами» поселения; могли находиться в жилищах, за их пределами, в пространстве, огороженном каменными плитами; отверстия для привешивания расположены в нижней части статуэток; фигурки были оставлены на памятнике, покинутом группой людей, как предметы, очевидно, уже выполнившие свою роль. Таков археологический контекст, оказывающий влияние на интерпретацию необычных образов. Сама же связь антропо- и орнитоморфного изображений обладает особым характером. Попробуем его раскрыть.

Первое, о чем необходимо помнить, рассуждая о содержательности странной пары – уже не птицы и еще не человека: обе составляющие, каждая по-своему, указывают на «половинность», переходность, «превращение» одной формы в другую. Учитывая привязанность этих символов к друг другу и к миру людей, предположим, что их содержательность отве-

чала потребностям и устремлениям к определенной форме/содержанию самого человека. Возможно, эти предметы помогали превратиться «чему-то» в человека, маркировали последовательность его превращения из потустороннего существа в существо социальное; при этом они являлись одновременно магически сильными и полными изящества сопроводительными знаками «опасного» процесса.

Знаково-символическая сфера превращения-перехода, окружавшая маленькое существо, была нацелена на его удержание в мире «живых» и перерождение в полноценного члена коллектива. На этапе раннего детства люди похожи друг на друга; после рождения жизнь каждого развивается по одному из двух сценариев – выживание (жизнь) или ранняя смерть. Поэтому и окружающая их символика не может быть образно и семиотически разнообразной*. Все подчинено стремлению «недочеловека» к человеческой жизни. Ему было необходимо «получить» душу и найти силы противостоять всему, что несет смерть (в понимании данного явления социумом). Эта внехронологическая и внекультурная установка запечатлена в «мальтийском тексте». В последующие времена она повторялась в различных культурах, меняясь лишь некоторые детали и, возможно, характер их внутренней связи. Приведем несколько примеров из различных сфер – мифологической, этнографической, археологической.

Мифология. У различных народов существуют мифологические представления о душе-птице. Это и душа зародыша, иногда и душа ребенка до года. В момент «открытия миров» душа в виде птицы спускается на землю; миры открываются во времена прилета и отлета перелетных птиц** [Головнев, 1995, с. 315, 413, 506]. Попадая в женщину, эта сущность дает начало жизни ребенка. Если ребенок умирал до года, то его душа-птица возвращалась в мир нерожденных душ и через некоторое время могла вновь вселиться в мать (см.: [Мифы народов мира, 1997, с. 347]).

*Отметим, что в рамках одной культурной традиции знаково-символическая сфера будет обладать одним набором образов, в рамках другой – иным.

**Если человек умер или же родился в другой, не связанный с миграциями птиц период года, то проводы души или ее встреча переносятся на ближайший месяц передвижения птиц [Головнев, 1995, с. 353]. Таким образом, рождение не означает моментальное приобретение души, она может заставить себя ждать. Вероятно, долгие ожидания души могли быть нежелательными, и раз уж душами «занимались» птицы, то, возможно, с просьбами о подарке обращались и к неперелетным птицам. Это объяснило бы образно-видовое разнообразие коллекций орнитоморфных изображений эпохи палеолита Северной Азии. Но для утверждения данного положения нам не хватает фактов.

Этнография. Некоторые сюжеты из мира материальной культуры северных обществозвучны мифологическим текстам. «...Из шкурок чирка, размятых и вычищенных березовой стружкой, матери шьют сахи (теплые шубки) для своих детей...» [Головнев, 1995, с. 353]. В том, что ребенок носит одежду «из птицы» (она хорошо защищает и от холода, и от влаги), можно видеть не только элемент рациональной практики, но и символическое выражение тесной связи между птицей и ребенком. Очевидно, значимость их взаимоотношений уже предельно редуцирована и сводится лишь к экологическому удобству, но она не исчезла.

Ненцы, делая кукол для своих детей, использовали в качестве головы фигуру надклювие водоплавающей птицы с кусочком лобной шкурки. Голову кукол-«мужчин» изготавливали из клюва гуся, а кукол-«женщин» – из клюва утки. Куклы-«младенцы», которых укладывали в небольшую игрушечную колыбель, представляют собой небольшой тряпичный сверток или маленький сплененный кловик [Малыгина, 1988, с. 130]. Маленький ребенок, одетый в платье «из птицы», оказывается не только под ее защитой, но и может быть ею полностью заменен, стать ею самой в ином культурном измерении.

Археология. О некогда существовавшей тесной связи ребенка и птицы сообщают и археологические материалы. Например, в памятниках носителей катакомбной культуры эпохи средней бронзы Центрального Предкавказья среди сопроводительного инвентаря погребенных детей (до 12–13 лет) обнаружены модели глиняных колыбелей. Они находились в окружении костей птиц [Kalmykov, 2007]. В некоторых захоронениях найдены антропоморфные фигуры, изготовленные из кости птицы и помещенные в глиняные колыбели. В ряде случаев кости птиц заменили антропоморфные изображения [Ibid. S. 132–133]. Упрощая сюжет погребальной практики, обратим внимание лишь на интересующий нас «текст»: кость птицы (птица); антропоморфная фигурка, нередко выполненная из кости птицы; колыбель, связывающая этих двух участников (птицу и изображение человека), и останки ребенка.

Различные эпохи, археологические культуры и культурные сферы, но неизменный в знаковом наборе «текст»: птица, антропоморфное изображение и ребенок. С учетом развития любой традиции допустимо предположить, что в палеолите «текст» обладал содержательными особенностями, но, безусловно, был связан с ребенком, обеспечивая («настраивая») его бытие.

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что в эпоху верхнего палеолита в группах, населявших Приангарье, душа младенца изображалась в виде ее «приносителя-дарителя». Для того чтобы удержать этого «подвижного переносчика», совершался маги-

ческий акт* – он изображался с подрезанными крыльями или же бескрылым – с признаками «небесной природы», но лишенный свободы передвижения. Фигурка принадлежала конкретному младенцу и сопровождала его до определенного возраста либо до трагического стечения обстоятельств (смерти) на первом этапе его жизни, что, судя по археологическим и этнографическим источникам, не являлось редкостью [Hartge, 1983, S. 106; Бужилова, 2004а, б].

Сложно сказать, как долго человек оставался под « властью птицы». Возможно, это продолжалось до момента, когда «тело» начинало превращаться в «человека», параллельно приобретая навыки и характеристики, реакции и способности социальной единицы, определенными знаками (телесными или поведенческими) выдавая разрыв связи с другими мирами. В это время менялась и магически активная знаково-символическая среда**. Символ птицы уступал место символу, образно напоминавшему человека, но «недоделанного», «не до конца готового», – фигурке непропорционально сложенного человека без рта. Статус «человека» приносил с собой и независимость от мира унифицированных символов, сопровождавших одинаково опасные для всех первые переходные периоды. Но первичная символическая пара для каждого появившегося члена мальтинского коллектива была определена не его способностями и особенностями, а традициями группы.

Объяснимо и определенное сходство в pragmatike («судьбе») рассматриваемых нами изображений. Как было отмечено, фигурки постепенно теряли свою актуальность. Принадлежавшие пограничному миру (будучи его «стражами»), данные изображения были обречены в нем и остаться (или туда возвратиться): большинство изображений птиц вынесены за пределы мира людей, жилища; некоторые помещены в т.н. каменные ящики, напоминающие по конструкции единственное на поселении погребение***. Фигурки

*Понятие «магия» и производные от него предлагаю рассматривать в контексте работы М. Мосса [2000].

**«Одухотворенное тело» могло и не превратиться в «нормального» человека; этому препятствовали отклонения в анатомическом или интеллектуальном развитии, немота, глухота, слепота. В младенчестве эти недостатки могут остаться незамеченными, но позже они объясняются недостаточностью знаково-символической охранительной сферы, окружавшей ребенка.

***В данном случае погребальная конструкция, возможно, в уменьшенном «символичном» масштабе, могла служить или исполнять роль необходимого прохода в иной мир. Для того чтобы вернуться в привычную им среду, изделия-изображения должны были быть погребены. Уходили ли они с младенцами, которым принадлежали, или же могли обладать своим отдельным погребальным комплексом – судить сложно.

детей, напротив, чаще оставались в зоне жилищ, имея на то, вероятно, больше прав.

Место унифицированного символа занимал символ индивидуальный. Он ежеминутно презентировал владельца, следовал за ним. «Забытыми» оказались лишь символы «раннего перехода» – ввиду либо неактуальности, либо привязанности к владельцам, от тел которых не осталось следов. Учитывая преобладание символов «удержания души» и «раннего детства» на сибирских поселениях, можно предположить, что они так или иначе потеряли своих хозяев и оказались ненужными другим членам коллектива.

Критика выдвинутого предположения возможна, и она отчасти приведена в тексте статьи. Но в данном случае речь не шла о реконструкции некой культурной реальности палеолита. Сложно судить и о типичности выявленного – на других памятниках подобного символического «текста» (по ряду причин) может и не оказаться. В данной работе предпринята попытка объяснить сохранившиеся «текстуальные» явления, локализованные в пределах мальтинского археологического комплекса.

Вывод

На сибирском палеолитическом памятнике Мальта были обнаружены серийно представленные изображения птиц и людей. Эти изделия, по-видимому, принадлежали конкретным возрастным группам родовой организации: «бескрылый лебедь» – младенцам раннего возраста, фигурки, передающие младенческую диспропорцию тела, – детям постарше. Результаты проведенного исследования дают основания предположить, что эти предметы сопровождали и определенным образом способствовали «переходу» индивида из одного мира (возрастной категории) в другой, «удержанию» его души в мире людей, «охраняли» от суровых реалий повседневной жизни*. В связи с этим данные изображения могут быть условно назва-

*Под реалиями повседневной жизни в данном случае имеются в виду естественные и опасные ситуации, с которыми человек сталкивается ежеминутно. Разница в восприятии этих реалий культурно обусловлена. Например, больной в традиционном обществе – пассивный участник болезни, «потерпевший» от нападения заболевания. Знакомясь с литературой по данному вопросу, легко заметить, насколько окружавшая человека реальность и повседневность ранее были активными и нередко агрессивными по отношению к нему. Взрослый человек имел возможность справиться с данной «агgressivностью», придерживаясь правил поведения и культурных предписаний [Bartels, 1893, 361 S.]. Ребенок этого еще не мог сделать в силу очевидного незнания правил. Поэтому дети испытывали особую необходимость в оберегающей их жизнь символике.

ны магическими оберегами постнатального и раннего периодов жизни мальтина. С моментом его взросления они постепенно теряли свою актуальность и выпадали из образно-символической сферы взрослого человека.

Список литературы

- Абрамова З.А.** Палеолитическое искусство на территории СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 85 с.; 63 табл. – (САИ; вып. А 4/3).
- Абрамова З.А.** Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. – М.; Л.: Наука, 1966. – 221 с.
- Абрамова З.А.** О некоторых особенностях палеолитических женских статуэток Сибири // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 28–36. – (Первобытое искусство).
- Бужилова А.П.** К вопросу о семантике коллективных захоронений в эпоху палеолита // Этология человека и смежные дисциплины: Современные методы исследований. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2004а. – С. 21–35.
- Бужилова А.П.** Коллективные захоронения в палеолите. Анализ антропологических находок // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А.А. Формозова). – М.: ИА РАН, 2004б. – С. 123–134.
- Гемуев И.Н.** К истории семьи и семейной обрядности селькупов // Этнография Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 86–138.
- Герасимов М.М.** Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные): результаты работ 1928/29 г. – Иркутск: Власть труда, 1931. – 34 с.
- Герасимов М.М.** Палеолитическая стоянка Мальта (Раскопки 1956–1957) // СЭ. – 1958. – № 3. – С. 28–53.
- Головнев А.В.** Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.
- Гущин А.С.** Происхождение искусства. – М.: Наука, 1937. – 112 с.
- Егорова О.В.** Антропология детского тела: описание, функции, семантика (на примере чувашей Урало-Поволжья) // Вестн. Чуваш. гос. ун-та. – 2009. – № 3. – С. 58–63.
- Иванов С.В.** Сибирские параллели к магическим изображениям из эпохи палеолита // СЭ. – 1934. – № 41. – С. 91–101.
- Иванов С.В.** Орнаментированные куклы ольчей // СЭ. – 1936. – № 6. – С. 50–69.
- Иванов С.В.** Человеческие фигурки в скульптуре алеутов // Сб. МАЭ. – 1949. – Т. XII. – С. 195–212.
- История Сибири** с древнейших времен до наших дней. – Л.: Наука, 1968. – Т. 1. – 454 с.
- Любин В.П.** Изображения мамонтов в Каповой пещере // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: ИА АН СССР, 1990. – С. 56–64.
- Любин В.П.** Изображения мамонтов в палеолитическом искусстве (по материалам Каповой пещеры) // СА. – 1991. – № 1. – С. 20–41.
- Малыгина А.А.** Куклы народов Сибири (по коллекциям МАЭ) // Сб. МАЭ. – 1988. – Т. XLII: Материальная и духовная культура народов Сибири. – С. 129–139.

- Мифы народов мира.** Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Рос. энциклопедия, 1997. – Т. 2. – 719 с.
- Мосс М.** Социальные функции священного. Избранные произведения. – СПб.: Евразия, 2000. – 448 с.
- Окладников А.П.** Палеолитическая статуэтка из Бурети (раскопки 1936 года) // МИА. – 1941. – № 2. – С. 104–108.
- Окладников А.П.** Очерки по истории Якутии от палеолита до присоединения к Российскому государству (тезисы докторской диссертации, защищенной в Ученом совете исторического факультета Ленинград. гос. ун-та в мае 1947 г.) // КСИИМК. – 1949. – Вып. XXIX. – С. 116–118.
- Окладников А.П.** Утро искусства. – Л.: Искусство, 1967. – 135 с.
- Токарев С.А.** К вопросу о значении женских изображений эпохи палеолита // СА. – 1961. – № 2. – С. 12–20.
- Токарев С.А.** Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.
- Хлобыстина М.Д.** Говорящие камни: Сибирские мифы и археология. – Новосибирск: Наука, 1987. – 126 с.
- Шмидт И.В.** Об одной забытой гипотезе и возможности ее развития (на примере сибирской орнитоморфной пластики палеолита) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 1. – С. 109–114.
- Шнирельман В.А.** Этноархеология – 70-е годы // СЭ. – 1984. – № 2. – С. 100–113.
- Этнинген Л.Е.** Мифологическая анатомия. – М.: Ин-т общегум. исслед., 2006. – 528 с.
- Bandi H.-G., Maringer J.** Kunst der Eiszeit. Levantekunst. Arktische Kunst. – Basel: Holbein Verlag, 1955. – 170 S.
- Bartels M.** Medizin der Naturvölker. Beiträge zur Urgeschichte der Medizin. – Leipzig: Th. Grieben's Verlag (L. Fernau), 1893. – 361 S.
- Bosinski G.** Gravierungen und figürliche Kunst im Paläolithikum // Religion und Kult. – Berlin: Akademie Verlag, 1989. – С. 73–80.
- Drössler R.** Die Venus der Eiszeit. Entdeckung und Erforschung altsteinzeitlicher Kunst. – Leipzig: Prisma Verlag, 1967. – 268 S.
- Drössler R.** Kunst der Eiszeit (von Spanien bis Siberien). – Leipzig: Koehler & Amelang, 1980. – 242 S.
- Graziosi P.** Die Kunst der Altsteinzeit. – Florenz: Sansoni, 1956. – 300 S.
- Hartge R.** Zur Geburtshilfe und Säuglingsfürsorge im Spiegel der Geschichte Afrikas // Gurare. – 1983. – S.-Bd. 1. – S. 95–106.
- Hančar F.** Zum Problem der Venusstatuetten im eurasischen Jungpaläolithikum // Prähistorische Zeitschrift. – 1940. – Bd. XXX/XXXI (1939–1940). – S. 85–156.
- Kalmykov A.A.** Tonmodelle von Wiegen aus mittelbronzezeitlichen Bestattungen im Egorlyk-Kalaussk-Zwischenstromgebiet // Eurasia Antiqua. – 2007. – Bd. 13. – S. 113–138.
- Klima B.** Figürliche Plastiken aus der paläolithischen Siedlung von Pavlov (ČSSR) // Religion und Kult. – Berlin: Akademie Verlag, 1989. – S. 81–90.
- Lynch G., Granger R.** Big Brain: The Origins and Future of Human Intelligence. – L.: Palgrave Macmillan, 2008. – 259 p.
- Müller-Karpe H.** Geschichte der Steinzeit. – Augsburg: Bechtemünz Verlag, 1998. – 393 S.
- Ozols J.** Zum Schamanismus der jungpaläolitischen Rentierjäger von Malta // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. – 1971. – Bd. 12. – S. 27–49.
- Ploss H., Bartels M.** Das Weib in der Natur- und Völkerkunde. – Leipzig: Th. Grieben's Verlag (L. Fernau), 1913. – 904 S.
- Salmoni A.** Die Kunst des Aurignacian in Malta (Sizilien) // Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst. – 1931. – S. 1–6.
- Schomerus-Gernböck L.** Die traditionelle Geburtshilfe bei den Madagassen // Curare. – 1983. – S.-Bd. 1. – S. 181–190.
- Zimmer K.** Das Leben vor dem Leben. Die seelische und körperliche Entwicklung im Mutterleib. – München: Kösel Verlag, 1996. – 95 S.

Материал поступил в редакцию 22.09.08 г.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 904

В.И. Молодин, А.В. Нескоров

Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия.

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

КОЛЛЕКЦИЯ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИХ БРОНЗ ИЗ ПРИИРТЫШЬЯ (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века)

В научный оборот вводятся находящиеся в частном собрании бронзовые предметы (вильчатые наконечники копий, кельты, кинжалы, навершия жезла), которые были обнаружены во время несанкционированных раскопок, вероятно, на могильнике эпохи бронзы в окрестностях г. Омска. Большая часть публикуемых артефактов – уникальные изделия сейминско-турбинского типа, имеющие особую научную ценность. Находки свидетельствуют о том, что носители одновременно и кротовской культур, расселявшиеся в Обь-Иртышье в период ранней – развитой бронзы, имели передовое для своего времени металлургическое производство и совершенное оружие. В работе публикуются фотографии и прорисовки, а также подробные характеристики вещей. Указываются их аналоги.

Ключевые слова: Нижнее и Среднее Приомье, Прииртышье, эпоха развитой бронзы, сейминско-турбинские бронзы, вильчатые наконечники копий, кельты, кинжалы, навершия, бугровщичество, законодательство.

Введение

В конце XVII – начале XVIII в. Западную Сибирь захлестнула волна бугровщичества. Специально снаряженные отряды т.н. гуляшников грабили хорошо заметные на поверхности курганы, а найденные золотые и серебряные вещи продавали, меняли на пиво и водку, сдавали в кассы и приказы. Им потворствовали сибирские воеводы, забиравшие себе часть добычи [Вадецкая, 1981, с. 5]. Деятельность «гуляшников» нанесла невосполнимый ущерб отечественной и мировой науке: были уничтожены тысячи уникальных предметов, нарушены сотни археологических комплексов, утеряна бесценная научная информация.

Петр I, видевший в бугровщичестве опасность для исторического наследия, издал несколько указов, направленных на сохранение древностей и связанной с ними научной информации. Стремясь прекратить хищническое разграбление сибирских курганов, царь

повелел «гробокопателей, что сыскивают золотые стремена и чашки, смертью казнить, ежели пойманы будут» [Радлов, 1891, с. 24]. Так было положено начало борьбе с бугровщичеством в Сибири.

И кто же мог подумать, что с этой, казалось бы, давно забытой, проблемой мы столкнемся сегодня, в просвещенном XXI в.?! Современный бугровщик – не чета своему далекому предшественнику. Он вооружен современным поисковым оборудованием и при отсутствии надлежащего законодательства чувствует себя безнаказанным. «Появился новый фактор уничтожения археологического наследия, быстро выдвинувшийся на первый план. Это грабительские раскопки с целью получения древних вещей для продажи» [Макаров, 2004, с. 4]. В настоящее время специалистами Института археологии РАН составлен список археологических памятников, подвергающихся разграблению современными бугровщиками. Удручающе выглядит карта Российской Федерации, на которой

обозначены территории, охваченные грабительскими раскопками [Энговатова, Зеленцова, 2004, с. 15–43, рис. 1]. Многие регионы Сибири и Дальнего Востока, как и европейской части страны, уже поражены этой болезнью. Вывод очевиден – нужно следовать примеру царя-реформатора, если мы не хотим в ближайшем будущем остаться у разбитого корыта, ибо урон, наносимый современными бугровщиками, невозможно оценить ни в какой валюте!

Сегодня археологи (и другие профессиональные исследователи, например искусствоведы), чтобы получить доступ к материалам, обнаруженным бугровщиками, вынуждены обращаться к коллекционерам (как правило, это богатые люди, покупающие древности). По разным причинам, например, испытывая чувство патриотизма, коллекционеры идут на контакт с профессиональными исследователями. За рубежом археологи, чтобы ввести в научный оборот уникальные предметы, хранящиеся в частных собраниях, часто обращаются к их владельцам. Например, предметы из частных коллекций в своих работах широко использует Э. Банкер (см., напр.: [Bunker, 1997]). Российские специалисты, например искусствоведы, занимающиеся церковной металлопластикой, также обращаются к материалам (порой совершенно уникальным!) частных собраний в Болгарии, Венгрии, Голландии, Германии, Польше, США, Финляндии, Франции [Gnutova, Ruzsa, Zotova, 2005], России [Станюкович, Осипов, Соловьев, 2003].

Российские археологи изучали произведения тонкого и ювелирного искусства Северного Причерноморья II в. до н.э. – II в. н.э., хранящиеся в частных коллекциях в Донбассе, Киеве и Москве [Мордвинцева, Трейстер, 2007], мозаичное панно III–V вв. из Сирии, находящееся в частном собрании в Москве [Кошеленко, Гаibов, 2007].

Не являясь сторонниками подобного увлечения, потому что это в определенной степени если не оправдывает, то морально легализует преступную в своей основе деятельность как перекупщиков, так и бугровщиков, мы тем не менее считаем сложившуюся практику явлением скорее положительным: уникальные предметы таким способом вводятся в научный оборот, хотя и без сопутствующей научной информации; сохраняется какая-то надежда, что со временем предметы окажутся в экспозиции или хранилище музея либо в научной лаборатории. Бывают (пока, к сожалению, редко) и такие случаи.

Неожиданно для себя мы получили возможность познакомиться с вещами, добытыми «черными археологами» и находящимися в частном владении. Тобольский коллекционер, пожелавший остаться неизвестным, будучи человеком просвещенным и доброжелательным, любезно предоставил нам для публикации материалы коллекции, которую он собирал в

течение последних лет: уникальные бронзовые предметы сейминско-турбинского облика. Судьба этого собрания может сложиться по-разному, поэтому подготовить его научную публикацию мы сочли своим профессиональным долгом.

Набор бронзового литья – лишь часть обширного собрания. Публикуемые в настоящей работе вещи в какой-то степени не представляют для их владельца особой коллекционной ценности, поскольку его интересы связаны с раритетами гораздо более позднего времени. Но, купив первые два предмета, он стал приобретать и другие предлагавшиеся продавцами изделия, выполненные в том же стиле, и составил небольшую, но уникальную в научном плане коллекцию.

Точной информации о месте и условиях обнаружения данных предметов у нас нет, известно лишь, что найдены они в окрестностях г. Омска. Анализ материалов позволяет предполагать, что находки, скорее всего, из могильника типа Ростовка [Матющенко, Синицына, 1988]. Поиск вещей производился, по-видимому, с помощью металлоискателя. Отдельные стилистические особенности, на первый взгляд, свидетельствуют о принадлежности артефактов к одному культурно-историческому комплексу. Учитывая, что некоторые предметы коллекции не имеют аналогов, они уникальны, легко представить, какова научная ценность подвергшегося атаке бугровщиков древнего памятника.

Описание вещей

Поскольку публикуемые предметы являются частной собственностью и доступ специалистов к ним затруднен, вполне уместно привести их подробное описание. За основу типологии нами взята классификация Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989], представляющаяся наиболее универсальной на сегодняшний день. Монография Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых представляет практически полную сводку сейминско-турбинских бронз территорий Евразии. В поисках аналогов мы обращались к ней и другим работам, появившимся ранее и в последние годы.

Наконечники копий. В рассматриваемой коллекции имеется два бронзовых наконечника копий, которые вне всякого сомнения принадлежат к сейминско-турбинским бронзам*.

*Во время подготовки публикации нам удалось получить дополнительную информацию, включающую фотографии нескольких предметов из бронзы (часть из них, весьма вероятно, была найдена также в районе Омска), которые относятся к изделиям сейминско-турбинского типа. Судя по снимкам, существует еще четыре таких наконечника. Судьба этих вещей не известна. Их невозможно ни зарисовать,

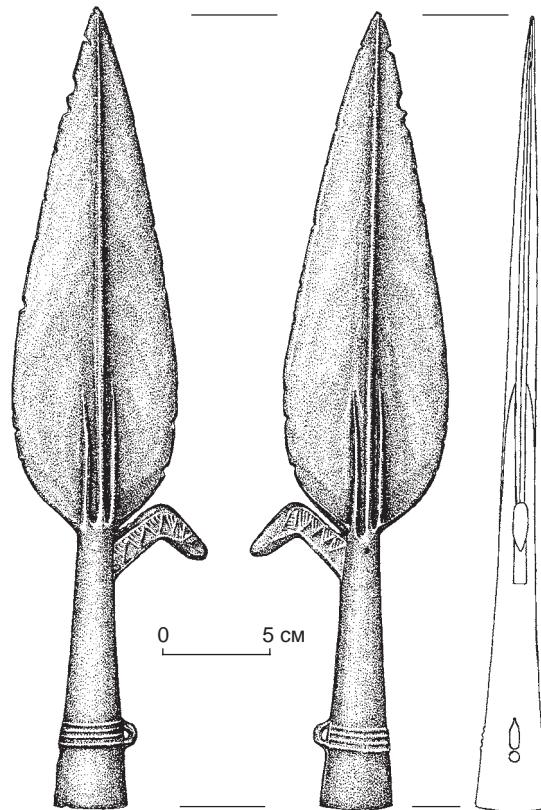

Рис. 1. Бронзовое копье с крюком.

Рис. 2. Бронзовое копье с крюком.
а – правая сторона; б – левая.

Изделие 1 (рис. 1, 2). Относится к разряду КД-10 [Там же, с. 67]. Общая длина наконечника 38,3 см; длина втулки 12,8 см, диаметр – 3,3 см на входе, у основания пера – 1,8 см; длина пера 25,5 см; максимальная ширина 8,5 см.

Крюк Г-образной формы, почти вплотную примыкающий к основанию пера, расположен на той же стороне, что и ушко на втулке. Расстояние от крюка до тыльной части пера около места его крепления к втулке 0,1 см, на середине колена 0,3 см и перед изгибом 0,4 см. Основание крюка находится под углом примерно 120° к оси втулки, параллельно основанию пера. Изгиб крюка составляет ок. 100°, т.е. он изогнут почти под прямым углом. Нижнее колено крюка длиной 5,1 см, шириной в средней части 2,3 см; верхнее колено дли-

ной 3,7 см, шириной 2,0 см. Окончание крюка закруглено и отстоит от втулки на 5 см. В разрезе крюк треугольной формы, острие обращено в сторону древка.

У основания втулки – два круглых отверстия диаметром ок. 0,5 см, служащих для крепления наконечника к древку копья, и полукруглое ушко (диаметр по внешнему краю до 1,2 см), расположенное в 3 см от устья втулки.

Четыре декоративных валика украшают втулку наконечника копья в форме гофрированного пояска, не выходящего за внешние пределы ушка. Другой элемент декора наконечника – нанесенный с обеих сторон крюка ряд обращенных вершинами вниз равнобедренных заштрихованных треугольников – отличает данный образец от аналогичных копий этого разряда.

Почти полными аналогами описанного предмета являются четыре наконечника из могильника Ростовка (у них не орнаментирован крюк) [Матюшенко, Синицына, 1988, рис. 18, 2; 43, 1; 72, 1]. Изделие похожей формы, только с узким пером, обнаружено на р. Чарыш на равнинном Алтае [Уманский, Демин, 1983, рис. 1, с. 145]. Более отдаленные аналоги бронзовых наконечников копий с крюком имеются среди изделий, найденных на территории Китая, однако одно из них, опубликованное С.В. Киселевым, от-

ни по-настоящему описать. Мы сочли возможным опубликовать фотографии и сделанные по ним прорисовки указанных вещей. Это представляется важным по двум причинам: наконечники рано или поздно могут стать достоянием профессионалов и тогда окажутся хотя бы как-то территориально привязаны; кроме того, их вероятное присутствие в комплексе находок из Нижнего Приомья делает Нижнее – Среднее Приомье и Прииртышье еще более значимыми по объему найденных здесь сейминско-турбинских бронз.

Рис. 3. Бронзовые вильчатые копья.

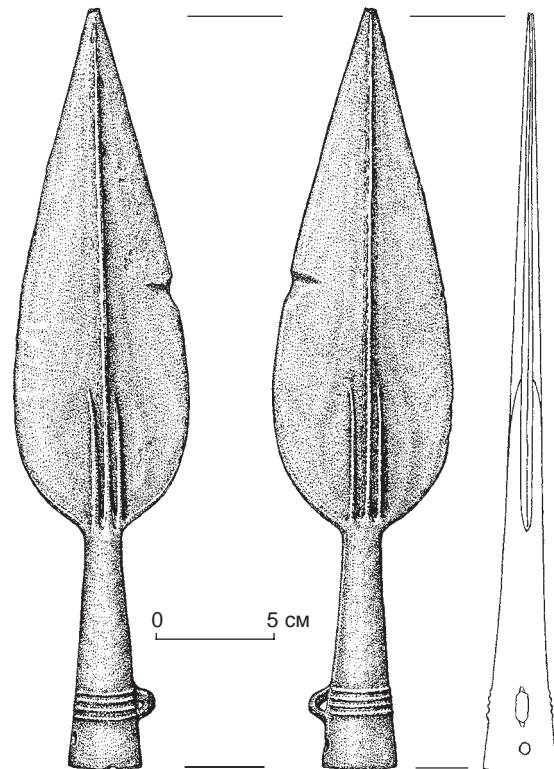

Рис. 4. Бронзовое вильчатое копье.

носится к I тыс. до н.э. [1960, рис. 8, 26]. Следовательно, сопоставление его с сейминско-турбинскими наконечниками некорректно (что отмечал Е.Н. Черных [1970, с. 100]). Другой наконечник сравнительно недавно обнаружен в Цинхае [Wagner, 2001, S. 55, Abb. 3] и отнесен одним из авторов статьи и С.А. Комиссаровым к изделиям сейминско-турбинского типа [Молодин, Комиссаров, 2001]. У этой находки отсутствует вильчатое перо, вместе с тем, несмотря на незавершенное проковкой острие, его длина составляет 61,5 см, благодаря чему данный наконечник считается самым крупным. Еще один наконечник с крюком может быть отнесен к анализируемой коллекции по наличию на крюке копья декора в виде треугольного зигзага (рис. 3, 2). Эта особенность характерна только для двух наконечников. Таким образом, к пяти перечисленным наконечникам с крюком добавилось еще два, при этом шесть изделий относятся к району нижней Оми, что едва ли можно квалифицировать как случайность. Отметим, что верховья Иртыша ближе всего к северо-западу Китая.

Изделие 2 (рис. 4, 5). Относится к разряду КД-8 (может быть отнесена и к разряду КД-18) [Черных, Кузьминых, 1989, с. 65]. Это одноушковые втульчатые наконечники, украшенные по низу втулки пояском из четырех валиков. (Изделия разрядов 18 и 8 различа-

Рис. 5. Бронзовое вильчатое копье.
а – правая сторона; б – левая.

Рис. 6. Бронзовое вильчатое копье.

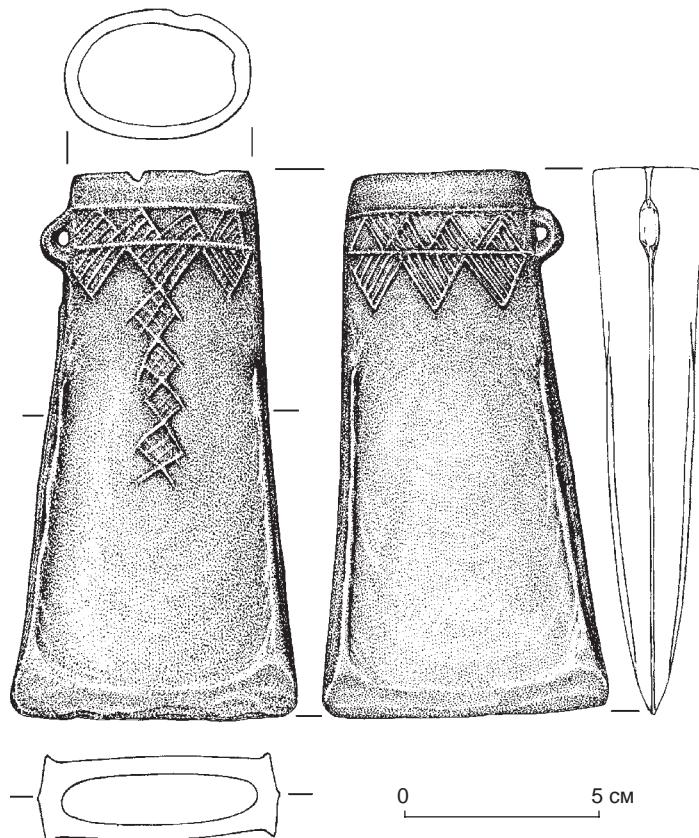

Рис. 8. Бронзовый кельт.

ются, как указывают исследователи, по «орнаментальному оформлению» [Там же, с. 70], хотя на приводимых в монографии рисунках никакого оформления не наблюдается.) Длина характеризуемого изделия 31,6 см, максимальная ширина пера 7,8, длина пера 22,1, длина втулки 9,5 см. Максимальный диаметр 8,7 см, у основания пера – 1,4 см. На втулке с противоположной от ушка стороны имеются два сквозных крепежных отверстия: у основания круглое, несколько выше – овальное.

К этому же разряду относятся два изделия, запечатленные на рис. 3, I; 6. Очевидно, что наконечники данного разряда – типичные образцы втульчатых наконечников копий сейминско-турбинского типа. Такие изделия почти в равном количестве представлены на памятниках в Прикамье и Западной Сибири [Там же, с. 65, 70].

Еще один бронзовый наконечник на представленной нам фотографии (рис. 7) относится к разряду КД-42 [Там же, с. 89]. У изделий этого разряда, как и у характеризуемого наконечника, округлый стержень пера, имеющий продольный рельефный валик, широкое перо и короткая втулка. Три аналогичных наконечника и одна литейная форма для их изготовления, обнаруженные в могильнике Ростовка [Матюшенко, Синицына, 1988, рис. 12, I; 43, 2; 52, 3], были отнесены Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых к узко локальному типу [1989, с. 89]. Справедливость этого вывода подтверждают публикуемая здесь фотография и аналогичный наконечник, найденный на памятнике Преображенка-б на средней Оми [Молодин и др., 2005, рис. 2, 2].

Кельты. Представлены двумя образцами.

Изделие 1 (рис. 8). Относится к разряду К-20 [Черных, Кузьминых, 1989, с. 57]. Изделиям данного разряда присущи одно боковое ушко и достаточно стандартная орнаментальная схема, характерная (с некоторыми вариациями) для значительной группы сейминско-турбинских кельтов. Данный образец трапециевидной формы, имеет четырехгранное клиновидное в сечении лезвие длиной 14 см, невыделенную подпрямоугольную в сечении втулку с заостренными углами и краями длиной по линии разреза 4,5 см. Глубина втулки 9,0 см, длина по узкой грани 2,6 см, по широкой – 3,5 см.

Острье лезвия шириной 6,9 см. Широкие грани изделия усилены подпрямоугольными в сечении ребрами жесткости толщиной до 0,3 см. Вдоль средней части узких граней изделия имеются необработанные небольшие

литейные швы шириной 0,2 и высотой 0,1 см. Округлое ушко диаметром по внешнему краю 1,2 и толщиной 0,3 см с аккуратным округлым отверстием (внутренний диаметр 0,26 и 0,33 см) расположено в 0,8–0,9 см от устья втулки. Напротив ушка с обеих сторон изделие украшено орнаментальным поясом – две параллельные линии, между которыми изображены равнобедренные и равносторонние треугольники, заполненные тремя параллельными линиями. От пояса по направлению к лезвию спускаются более крупные треугольники-фестоны, заштрихованные по вышеназванному принципу, но с большим количеством (четыре–пять) штрихов. Линии направлены в разные стороны. На одной из сторон кельта от центрального фестона опускается цепочка из пяти ромбов, из которых нижний недооформлен. Ромбы покрыты сетчатым узором.

Изделие 2 (рис. 9). Аналогично предыдущему. Относится к разряду К-20. По сравнению с изделием 1 этот кельт более массивный. Его втулка плавно расширяется от орнаментального пояса в зоне ушка к устью. Длина изделия 15,3 см, ширина по лезвию 8,0, продольное сечение втулки 5,0, поперечное – 4,0 см. Ушко с аккуратным круглым отверстием диаметром 2 см. Орнаментальный поясок под ушком уже, чем у предыдущего кельта; орнаментальные схемы в целом одинаковые, но различаются в деталях построения, что не позволяет отождествлять эти изделия. Орнаментальный поясок на одной стороне кельта украшен параллельными, вертикально поставленными палочками, образующими горизонтальную «лесенку» – орнаментальный элемент, наиболее характерный для сейминско-турбинских кельтов [Там же, 1989, с. 46]. На другой стороне орудия – поясок из свисающих штрихованных треугольников, под ним изображены более крупные равнобедренные треугольники (тоже штрихованные); композиция типична для сейминско-турбинских изделий. На этой же стороне туловище кельта украшено дополнительной цепочкой из трех штрихованных ромбов.

Еще четыре кельта известны по довольно качественной фотографии, по которой удалось выполнить прорисовку изделий в натуральную величину (по крайней мере с одной стороны). Два из четырех предметов относятся к разряду К-20. Несмотря на скучность информации по этим изделиям (отсутствие изображений предмета со второй стороны, а также в разрезе),

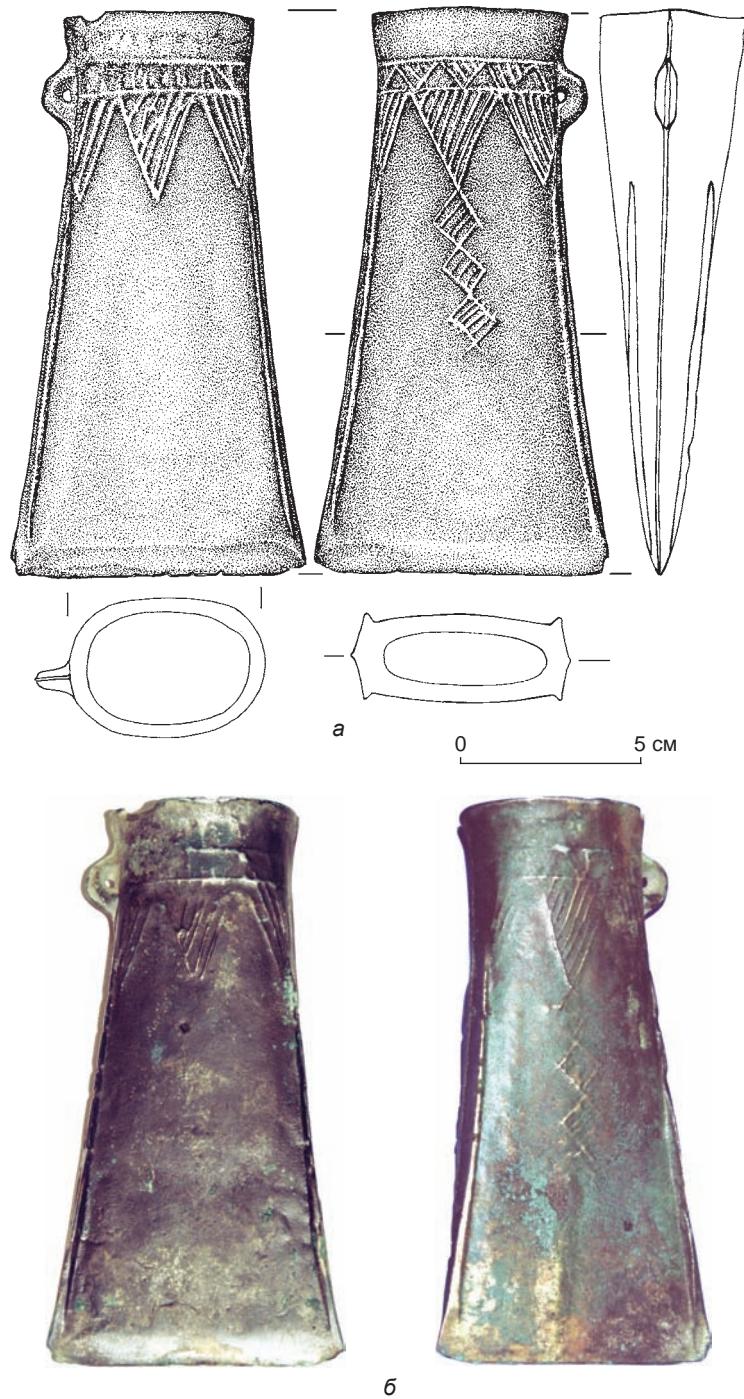

Рис. 9. Бронзовый кельт.
а – правая сторона; б – левая.

мы сочли необходимым включить их в данную сводку. Один из четырех кельтов, длина которого 14 см, ширина втулки 4,4 см, чуть овального лезвия – 6,4 см, имеет выделенные ребра жесткости. Кельт одноушковый (рис. 10). Ушко с аккуратным сегментовидным отверстием шириной 1,3 см выступает за тело кельта на 0,8 см. На уровне ушка изделие украшено орнамен-

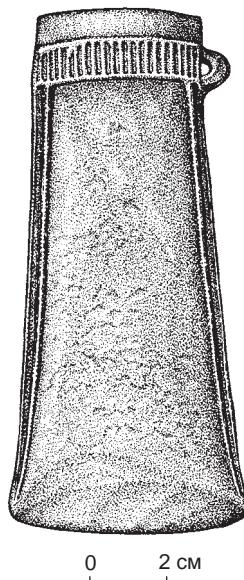

Рис. 10. Бронзовый кельт.

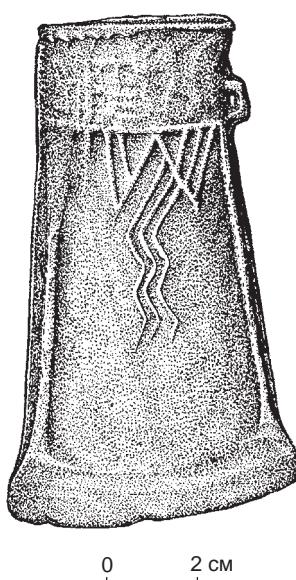

Рис. 11. Бронзовый кельт.

тальным пояском в виде горизонтальной «лесенки». Второй кельт, его длина 11 см, ширина втулки 4,3 см, лезвия – 6,5 см, также имеет выделенные ребра жесткости. Кельт одноушковый (рис. 11). Ушко подпрямоугольной формы, с небольшим (максимальный диаметр 0,3 см) овальным отверстием, выступает за тело кельта на 0,5 см. Изделие уировано двумя крупными равнобедренными треугольниками, которые заполнены штрихами, ориентированными в разных направлениях. В центре туловища более чем на половине изделия – три параллельные зигзагообразные линии, спускающиеся от одного из треугольников.

Итак, все вышеперечисленные кельты имеют аналоги прежде всего в материалах из бассейна Иртыша [Там же, с. 57], в их числе – четыре изделия из могильника Ростовка [Матющенко, Синицына, 1988, рис. 18, 1; 32, 2; 38, 1; 43, 3]. Лишь один аналог с территории Республики Коми (урочище Зарни-Яг) [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 18, 5]. Весьма близки по форме изделиям разряда К-20 два бронзовых кельта с Шайтанского Озера-1 на Урале [Сериков и др., 2008, рис. 1, 1, 2], они имеют «ложные» ушки, что свидетельствует, по мнению исследователей памятника, об их принадлежности к кельтам кижировского типа [Сериков и др., 2009, с. 76]. Последняя особенность была отмечена в фундаментальном исследовании Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых [1989, с. 147]. Однако указанные вещи, по нашему мнению, правильнее было бы отнести к переходным типам, поскольку по другим признакам, например, по орнаментальной схеме, они более соответствуют сейминско-турбинской, нежели кижировской культуре. В принципе тоже самое можно сказать и о орнаментальной полоске

в верхней части изделия, где вместо типичной для сейминско-турбинских кельтов горизонтальной «лесенки» мы наблюдаем поясок штрихованных треугольников (см. рис. 8), а на одном образце – сочетание этих элементов (см. рис. 9).

Мы располагаем фотографиями еще двух кельтов. Один относится к разряду К-6 [Там же, с. 39], характеризуется скромным орнаментом: два горизонтальных валика по венчику (на других изделиях этого разряда, как правило, три-четыре валика). Длина изделия 11,0 см, ширина втулки 4,4 см, лезвия – 5,7 см (рис. 12). Кельты разряда 6 – наиболее многочисленная группа среди сейминско-турбинских орудий рассматриваемой категории [Там же]. Они локализуются в Прикамье, доминируют на Турбинском могильнике [Бадер, 1964]. На территории Сибири кельт данного разряда – едва ли не первая находка.

Другой кельт относится к разряду К-18 (рис. 13) [Черных, Кузьминых, 1989, с. 46, 49]. Его длина 11,1 см, ширина втулки 4,1 см, лезвия – 5,9 см. Орудие орнаментировано пояском из двух рельефных валиков, к которым примыкают ориентированные острым углом вниз два равнобедренных треугольника, между ними – вертикальная цепочка из трех ромбов (в одном штрихи образуют сетку, в двух – выстроены параллельно). Отсутствие в верхней части кельта горизонтальной «лесенки» – орнаментальной черты, типичной для данного разряда, – сближает описываемый образец с литейной формой и в какой-то мере с бронзовым кельтом из захоронения литейщика на могильнике Сопка-2 в среднем течении Оми [Молодин, 1983], а также со случайной находкой из бывшей Казанской губ. [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 16, 4].

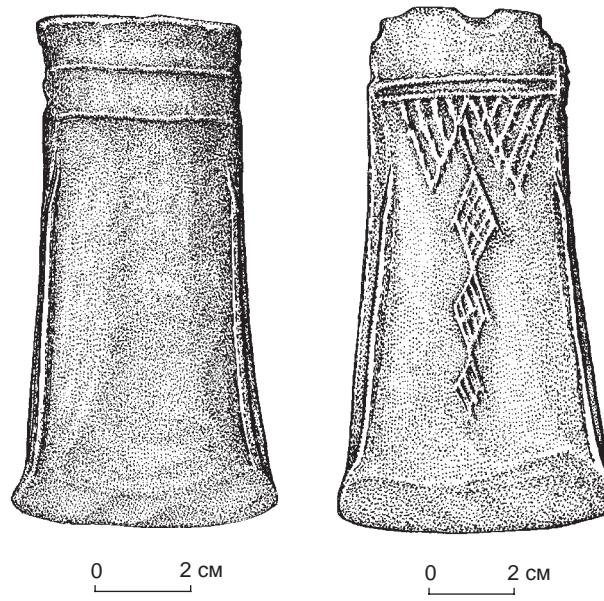

Рис. 12. Бронзовый кельт.

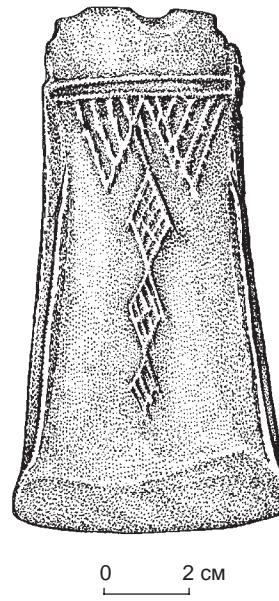

Рис. 13. Бронзовый кельт.

Вообще же кельты разряда К-18 представлены практически во всем ареале сейминско-турбинских бронз – от Енисея до Прикамья [Там же, рис. 11].

Кинжал (рис. 14–16). Относится к разряду КЖ-10 [Там же, с. 117]. Кинжал однолезвийный, выгнуто-обушковый. Принадлежит к кругу немногочисленных уникальных изделий со скульптурным навершием на рукояти. Навершием является скульптурное изображение двух лошадок. Общая длина орудия 36,6 см, длина рукояти без навершия 7,7, ширина у лезвия 2,6, у навершия – 2,2, толщина лезвия в середине 0,2, ширина обушка в верхней точке изгиба 0,8, толщина рукояти в середине 0,6, у лезвия – 0,6–0,8, у навершия – 1,0 см.

Образец отличается от себе подобных не только своеобразной композицией в виде двух рядом стоящих лошадок, но и эффектной зигзаговой полосой орнамен-

та из волнообразных линий, сглаженных на перегибах, на обушке лезвия; эта полоса подчеркнута зубчато-гребенчатой линией, повторяющей изгиб лезвия.

Отлитые по восковой модели фигурки двух лошадей исполнены изящно и реалистично. Четко выделены мелкие детали: уши, глаза, дугообразные стриженные гривы, грудные мышцы и пышные хвосты, поводья узды либо две коновязи. Ребристый орнамент в виде треугольников, направленных вершиной вверх, создает иллюзию растительного покрова, на котором стоят лошади.

Оригинальность данного кинжала определена конструкцией рукояти, которая у основания навершия имеет углубление, как бы рассекающее рукоять на две части (на глубину 2,7 см). Каждая часть увенчана фигурой лошади. Высокое навершие (минимальная высота 3,3 см, максимальная 5,3 см, общая длина руко-

Рис. 14. Бронзовый однолезвийный кинжал.
а – правая сторона; б – левая.

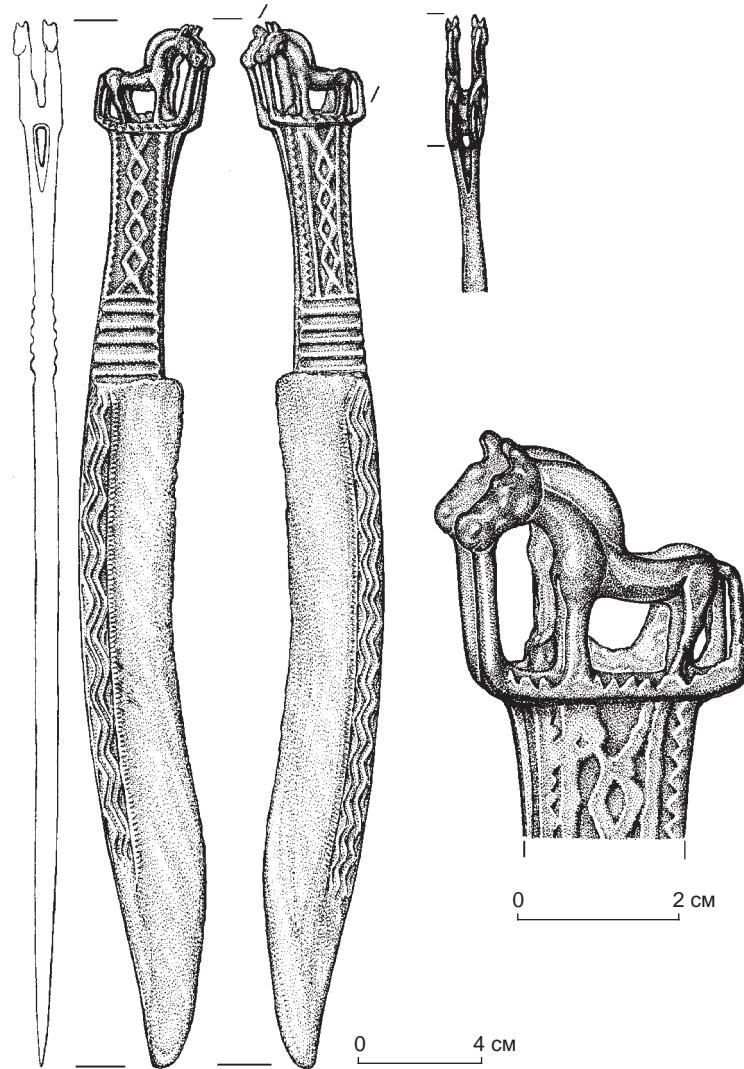

Рис. 15. Бронзовый однолезвийный кинжал, рядом
увеличенное навершие.

Rис. 16. Рукоять бронзового однолезвийного кинжала.

яти с навершием 11,0 см), удаленные друг от друга на 0,8 см фигуры лошадок, как бы слитые в одно целое, рельефный орнамент не только на рукояти, но и на лезвии делают его настоящим произведением декоративно-прикладного искусства. Мощное, украшенное оригинальным узором лезвие; небольшая, изящная и как бы сдвоенная рукоять, декорированная в нижней части шестью горизонтальными рельефными валиками, а в верхней – рельефной цепочкой из шести незаштрихованных ромбов, которые на одной стороне находятся между двумя выпуклыми зубчатыми полосками из объемных треугольников, а на другой – между двумя прямыми валиками и такими же полосками; оригинальное навершие – эти особенности делают характеризуемый предмет уникальным; на сегодняшний день ему нет аналогов.

Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых подчеркивают, что изделия данного разряда являются «наиболее яркими представителями сейминско-турбинского оружия» [Там же, с. 122], хотя серия эта очень малочисленна. К шести безусловным кинжалам (имеется еще два условных обломка), анализируемым в указанной выше монографии, в конце 1980-х гг. добавился лишь обломок рукояти изделия из Горного Алтая [Киреев, Кудрявцев, 1988, с. 166]. Таким образом, с учетом публикуемой находки их всего восемь, из них пять найдено в Западной Сибири. Близки только кинжалы с Горного и равнинного Алтая (см.: [Кирюшин, 1985, рис. II; Киреев, Кудрявцев, 1988, с. 166]), остальные, несмотря на близость формы, имеют индивидуальные

особенности. Если сравнивать навершия кинжалов данного разряда, то ближе всего к анализируемому – изделие из сейминского могильника: на его навершии изображены также две лошади, расположенные одна за другой [Бадер, 1970, с. 76; 1971, рис. 44]. Нельзя не отметить определенную близость публикуемого изделия с кинжалом из Ростовки [Матющенко, 1970, рис. 33, 34] – территориально, по-видимому, наиболее близкой находке, у которой на навершии показана очень похожая лошадка.

Вообще, если коснуться канонов изображения лошадок, то следует отметить, что навершия кинжалов сейминско-турбинского времени рассматриваемого разряда, двулезвийные кинжалы этой же эпохи [Кирюшин, Шульга, Грушин, 2006, рис. 1, 1; Самашев, Жумабекова, 1993], предметы мелкой пластики [Глушков, 1984, рис. 2], каменные жезлы данного культурно-исторического пласта, найденные в Западной Сибири [Мошинская, 1952; Славнин, 1949; Черников, 1960], выполнены в соответствии с изобразительной традицией: животные запечатлены с массивной «тяжелой» головой и высокой, вероятно, специально стриженной гривой. Последнее позволяет даже говорить о «прическе» у животного [Ковтун, 2008]. Как справедливо отмечает И.В. Ковтун, «под этот иконографический стандарт (гипертрофия головы и/или шеи и гривы. – Авт.) стилизовался любой изображенный объект, будь то баран, лошадь или человек» [2006, с. 67]. Отражение этих канонов, вероятно, можно считать не только хронологическим, но и семантическим признаками. Именно данные изобразительные черты стали критерием для выделения сейминско-турбинской изобразительной традиции, в т.ч. на петроглифах [Пяткин, Микашевич, 1990, рис. 1].

Кинжал с обоюдоострым лезвием (рис. 17). Массивное изделие, изготовленное, вероятно, путем одновременной отливки лезвия и рукояти в двустворчатой литейной форме. Рукоять прямая, слегка расширяющаяся к клинку, увенчана кольцевидным навершием. Перекрестье отсутствует. Лезвие более широкое, чем рукоять, и расположено в верхней части почти под прямым углом к последней. Лезвие плавно расширяется к острию, на уровне примерно двух третей клинка резко сужается. Навершие рукояти круглой формы, с небольшим отверстием в центре. По контуру отверстия имеются выступы в виде валиков. Рукоять рубчатая, украшена с каждой стороны пятью продольными гладкими валиками, между которыми по всей длине рукояти нанесен рубчатый узор в виде горизонтально расположенных насечек. Клинок украшен двумя долами с каждой стороны и ребром жесткости посередине. Долы оформлены цепочками вписанных друг в друга ромбов, а внешний контур орнаментальной зоны – цепочкой рельефных миниатюрных треугольников. Длина изделия 31,6 см, клинка – 21,75, диаметр навер-

шия 2,75, отверстия в нем – 0,5, длина рукояти 7,1, минимальная ширина клинка 4,5, максимальная ширина – 5,8, минимальная ширина рукояти – 2,3, максимальная – 3,0, максимальная толщина клинка 0,7, рукояти – 0,37 см. Полные аналоги кинжалу нам не известны. Изделие относится к группе кинжалов, обнаруженных одним из авторов *in situ* в захоронениях кротовской культуры на могильнике Сопка-2 [Молодин, 1993]. Перечень близких аналогов таких изделий с территорий Сибири, Средней Азии и Казахстана, а также Грузии и Афганистана опубликован [Там же, рис. 8]. К настоящему времени к этим изделиям добавились четыре кинжала из Павлодарского Прииртышья [Грушин и др., 2006, рис. 4], Алтайского края [Кирюшин, Шульга, Грушин, 2006, рис. 1, 1], Восточного Казахстана [Самашев, Жумабекова, 1993], Кулундинской степи [Каталог..., 2009, с. 67]. Однако все эти предметы, как и кинжал, характеризуемый в настоящей работе, оказались вне археологического контекста до того, как попали в руки ученых. Поэтому опорными для определения их относительной даты и в какой-то степени культурной принадлежности (хотя, по-видимому, они соответствуют нескольким культурам сейминско-турбинского круга юга Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии) по-прежнему являются три кинжала из захоронений на могильнике Сопка-2. Мы акцентируем на этом внимание только потому, что авторы некоторых статей и монографий, даже ссылаясь на указанную статью с перечнем аналогов, предлагают совершенно иную интерпретацию таких изделий*. Не представляются правильными отнесение подобных кинжалов к «постсейминскому» этапу в развитии сейминско-турбинского феномена, а также предлагаемая его дата (вторая половина II – первая четверть I тыс. до н.э.) [Грушин, 2008, с. 394, рис. 1, 28].

Имеющиеся в нашем распоряжении комплексы кротовской культуры позволяют полагать, что данные предметы бытовали в лесостепной зоне южной части Западной Сибири (как и на территориях Казахстана и Средней Азии) до прихода сюда андроновцев (федоровцев), точнее до времени опосредованного

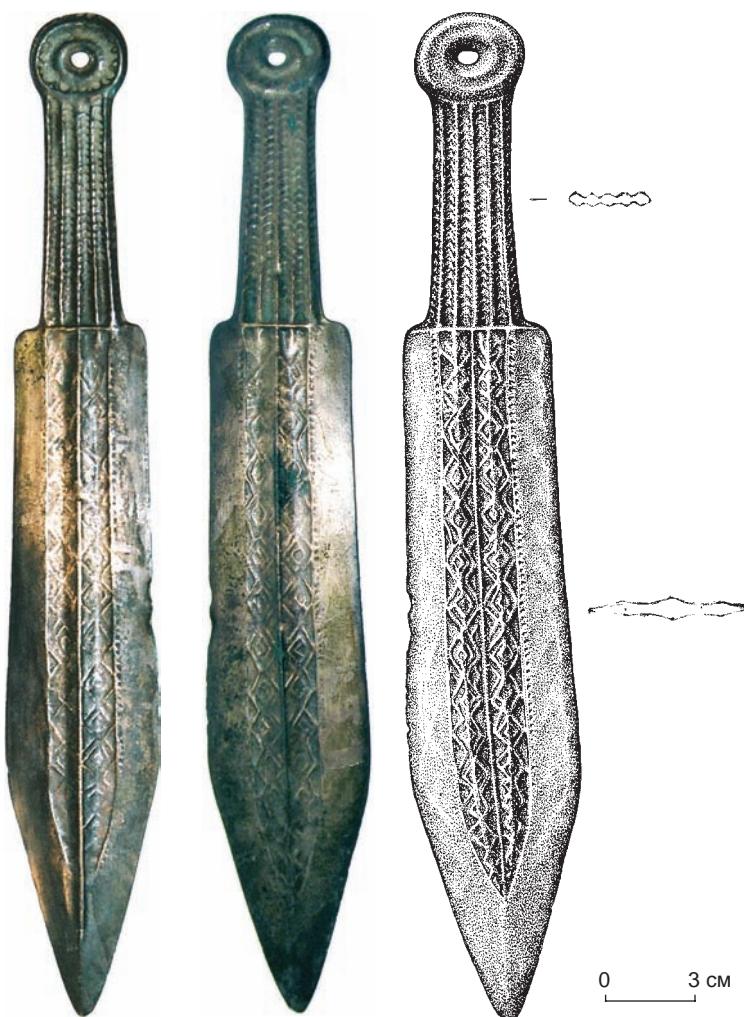

Рис. 17. Бронзовый двулезвийный кинжал.
а – правая сторона; б – левая.

воздействия последних на аборигенов, проявившееся только в позднекротовское время, когда сейминско-турбинский металл меняется на срубно-андроновский. Значительные серии калиброванных радиоуглеродных дат, появившиеся в последнее время, по выражению Е.Н. Черных, «довольно безжалостно разбивают наши прежние представления о календарной позиции основных восточно-европейских степных общностей» [2008, с. 45]. Накопление данных, по-видимому, повлечет также изменение календарных позиций и азиатских общностей. Удревнение андроновской (федоровской) культуры [Там же, с. 48, рис. 10; Молодин и др., 2008] неминуемо отодвинет предшествовавшую ей свиту культур, в т.ч. одновскую, елуинскую и кротовскую классическую, ко второй половине III – началу II тыс. до н.э., позднекротовскую – по-видимому, к началу II тыс. до н.э., первой его четверти. Отметим, что к III – середине II тыс. до н.э. относятся близкий

*Авторы монографии «Алтай в системе металлических провинций энеолита и бронзового века», опубликованной в 2009 г., кинжалы указанного разряда сначала относят к эпохе поздней бронзы (рис. 18, 1, 2; с. 107, 108), а затем к сейминско-турбинским комплексам (табл. I, 28).

публикуемому по форме кинжал из Грузии [Куфтин, 1949, с. 72, табл. X, 1] и аналогичный из Афганистана [Сарианиди, 1977, с. 77].

Однако вернемся к анализируемому кинжалу. Его своеобразие очевидно: в центральной части лезвие оформлено двумя орнаментированными долами и выступающим между ними ребром. Формой лезвия это изделие, у которого отсутствует гарда, напоминает современные кавказские кинжалы кама [Холодное оружие..., 2006, с. 106, 107 и др.]. Кольцевидное навершие на рукояти говорит, вероятно, о проявлении трансформации сейминско-турбинской традиции: на смену навершиям в виде фигур животных (прежде всего характерных для эпохи изображений лошадок) пришли кольцевидные навершия, как на кинжале из позднекротовского захоронения на могильнике Сопка-2 [Молодин, 1985, с. 62, рис. 29, 1]. Вместе с тем по орнаментации лезвия орудие сопоставимо с предыдущим однолезвийным кинжалом (см. рис. 15); возможно, оба были изготовлены в одном центре. Из приводимого перечня аналогов (включая и отмеченные В.И. Молодиным [1993]) данному образцу, пожалуй, ближе всего кинжал из Шемонаихи (Восточный Казахстан) [Самашев, Жумабекова, 1993] (опубликован в недавно вышедшем альбоме [Самашев, Ермолаева, Кущ, 2008 с. 55]). Их роднит и массивность, и типичный для этого разряда вещей угол почти 90° между рукоятью и лезвием, ребро жесткости по центру лезвия,

а также легкое расширение клинка ближе к острию. Наличие кольцевидного навершия позволяет предположить, что анализируемый кинжал несколько может классических находок сейминско-турбинского типа (в т.ч. из рассматриваемой коллекции).

Навершие жезла (посоха?) (рис. 18, 19). Оригинальное изделие, не имеющее аналогов. Выполнено в виде реалистически переданной головы лошади на изогнутой полой втулке. На голове и шее – стилизованный втулке – стилизованная грива. Втулка, которую венчает изображение головы лошади с роскошной гривой, по форме копирует насад сейминско-турбинских копий, что можно считать веским аргументом при отнесении рассматриваемого предмета к изделиям сейминско-турбинского типа. Основание втулки украшено тремя рельефно выполненным поясами валиками, также характерными для украшений втулок копий. На втулке под орнаментальным пояском, вероятно, некогда было и ушко, утраченное к настоящему времени.

Голова лошади передана мастерски: она объемна, реалистична, соблюдены пропорции глаз, ноздрей, пасти. Умело показаны настороженные, слегка развернутые в стороны уши. Мастер тщательно проработал ушные раковины, блестящие передал рельеф на голове животного, в частности, скуловой. При этом грива изображена стилизованно – в виде массивного сегмента с двумя цепочками прорезных треугольни-

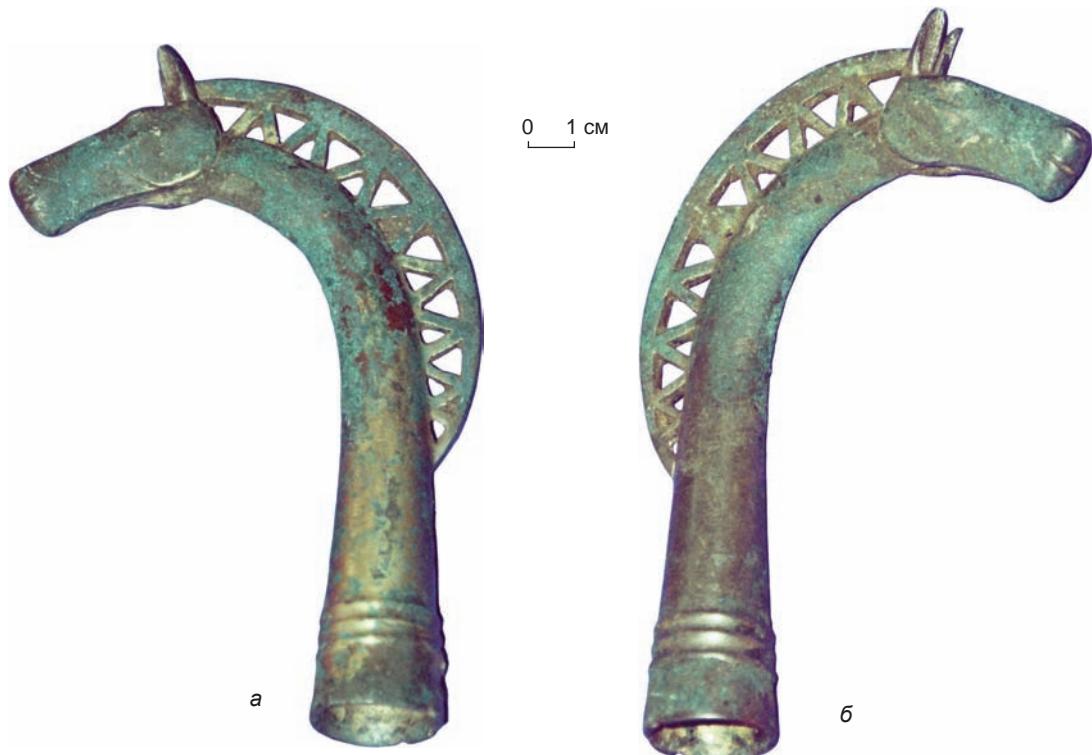

Рис. 18. Бронзовое навершие.
а – правая сторона; б – левая.

ков, вершины которых обращены друг к другу и образуют зигзаг*. Такое сочетание реализма и стилизации в одном произведении, конечно же, не случайно. Выше мы уже отмечали стилистическую особенность сейминско-турбинских изображений лошадей – слегка утяжеленная голова и подстриженная или с «прической» грива.

Учитывая, что увидеть этот замечательный предмет не представляется возможным, мы считаем необходимым привести его параметры. Высота навершия от края втулки до кончика уха составляет 15,75 см, глубина втулки 8,5, диаметр устья втулки по внешнему краю 2,3, диаметр обломанного ушка 0,9, максимальная высота гривы 1,6, толщина втулки-«шеи» у головы по вертикали 1,7, по горизонтали – 1,0, диаметр втулки-«шеи» у нижнего конца гривы 2,0; ширина гривы в средней части 0,47, длина головы 4,8, ширина около ушей – 1,44, максимальная высота головы 2,1, длина правого уха 1,7, левого – 1,6, глубина ушной раковины 0,1, длина глаза 0,4, ширина – 0,2 см.

Несколько слов следует сказать о вероятной семантической нагрузке характеризуемого предмета. Как уже приходилось отмечать, у носителей западносибирских культур ранней – развитой бронзы (одиновской, елунинской, кротовской) имелись каменные и костяные жезлы. Теперь очевидно, что были и бронзовые жезлы. Все они передают образы лошади, птицы и рептилии [Молодин, Чемякина, 2010, с. 12]. Доминирующим персонажем является лошадь. Образ лошади воплощен, как правило, в камне (к нему добавилось навершие из бронзы). Это позволило исследователям, в частности Ю.Ф. Кирюшину, поставить вопрос о формировании культа коня в эпоху развитой бронзы в степном и лесостепном Обь-Иртышье [1987; Кирюшин, Грушин, 2009]. Особая роль лошади в жизни населения степи эпохи бронзы прослеживается и по памятникам Европы: здесь типичными были жезлы, увенчанные каменной головой лошади [Головнев, 2009, с. 165]. Символ лошади занимает важное место во многих мифологических системах народов Евразии [Иванов, 1980, с. 666] в рассматриваемую эпоху. Анализируемый предмет является свидетельством, вероятно, зарождавшейся системы вождества: символами вождя-всадника были жезлы с навершием в виде головы лошади [Головнев, 2009, с. 162]. Не исключено, что в этих символах проявлялся культ коня как тотемного животного. Появившийся в эпоху бронзы символ культа коня, зафиксированный в виде навершия жезла или посоха, получил воплощение в культурах переходного времени от бронзы к железу [Труфанов, 1983], а также раннего железа Евразии [Патрушев, Халиков, 1982, табл. 129, 1; 1a].

*На фотографиях на одном треугольнике на гриве не видно просвета, поскольку он сильно корродирован.

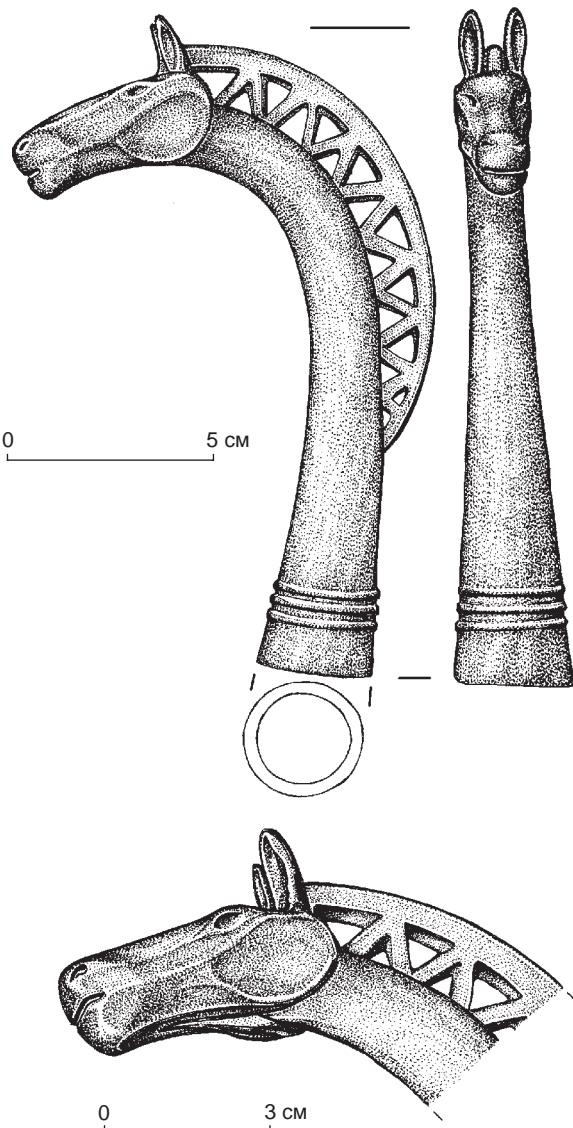

Рис. 19. Бронзовое навершие.

Заключение

Публикуемые находки (по крайней мере значительная их часть) являются уникальными изделиями сейминско-турбинского типа, ранее неизвестными и потому особо значимыми. Благодаря введению в научный оборот рассматриваемой коллекции существенно увеличивается численность бронзовых предметов сейминско-турбинского облика (как самих предметов, так и литьевых форм для их изготовления) из районов нижнего и среднего течения Оми, в частности, из могильников Преображенка-6 и Тартас-1 [Молодин и др., 2004, рис. 1, 1, 2; Молодин и др., 2005, рис. 2; 23; Молодин, Чемякина, 2009, с. 619–621; Молодин, Мыльникова, Новикова и др., 2009, рис. 1, 3]. Это свидетель-

ствует о том, что носители одиновской и кротовской культур, обитавшие в период ранней – развитой бронзы в Обь-Иртышской лесостепи, обладали мощной индустрией и самым современным для своей эпохи оружием. Кроме того, у них был ярко выраженный культ лошади, характерный для населения равнинного Алтая [Кириюшин, 1987] и, по-видимому, евро-азиатских степей и лесостепей в целом [Головнев, 2009, с. 162, 165; Молодин, Чемякина, 2010, с. 12].

Приходится сожалеть, что анализируемая коллекция находится в частных руках и вряд ли (по крайней мере в ближайшем будущем) будет доступна для дальнейшего изучения. Более того, уникальному памятнику (или памятникам?), откуда происходят предметы, нанесен существенный, а возможно, и непоправимый урон. Остается надеяться на появление законов, запрещающих кладоискательство и регулирующих продажу и использование металлодетекторов, и создание правовой основы для регулирования оборота историко-культурных ценностей в стране. Только таким образом можно покончить с т.н. черной археологией – бугровществом XXI в.

Список литературы

Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века / Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – С. 157.

Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. – М.: Наука, 1964. – 176 с.

Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. – М.: Наука, 1970. – 175 с.

Бадер О.Н. Бронзовый нож из Сеймы с лошадьми на навершии // КСИА. – 1971. – Вып. 127. – С. 98–103.

Вадецкая Э.Б. Сказы о древних курганах. – Новосибирск: Наука, 1981. – 113 с.

Глушков И.Г. Кротовская культура на Иртыше (по материалам поселения Саранин II) // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1984. – С. 33–56.

Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). – Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. – 496 с.

Грушин С.П. Бронзовый век Алтая: генезис сейминско-турбинского комплекса // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале, 2008 г. – М.: Изд-во ИА РАН, 2008. – Т. I. – С. 392–395.

Грушин С.П., Мерц В.К., Папин Д.В., Пересветов Г.Ю. Материалы эпохи бронзы из Павлодарского Прииртышья // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. – С. 4–17.

Иванов В.В. Конь // Миры народов мира. – М.: Сов. энциклопедия, 1980. – Т. 1. – С. 666.

Каталог. Из музеиных собраний Новосибирской области / сост. Н.В. Ермакова, М.А. Овчарова; ред. А.В. Ша-

повалов. – Новосибирск: Сибирское музейное агентство, 2009. – 157 с.

Киреев С.М., Кудрявцев П.И. Новые находки эпохи бронзы из Горного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1988. – С. 164–166.

Кириюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1987. – С. 100–125.

Кириюшин Ю.Ф. О культурной принадлежности памятников предандроновской бронзы лесостепного Алтая // Урало-алтаистика: Археология, этнография, язык. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 72–76.

Кириюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Предметы мобильного искусства раннего и среднего бронзового века лесостепного Обь-Иртышья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 4. – С. 67–75.

Кириюшин Ю.Ф., Иванов И.Г. Новый сейминско-турбинский могильник Шипуново V на Алтае // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 43–52.

Кириюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Грушин С.П. Случайные находки бронзовых предметов в северо-западных предгорьях Алтая // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. – С. 45–53.

Киселев С.В. Неолит и бронзовый век Китая (по материалам научной командировки в КНР) // СА. – 1960. – № 4. – С. 244–266.

Ковтун И.В. Фигуративные навершия выгнутообушковых ножей сейминско-турбинского типа // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. – С. 65–72.

Ковтун И.В. Древнейшее скulptурное изображение лошадиных «причесок» в Северной и Центральной Азии // Тропою тысячелетий. – Кемерово: Кузбассиздат, 2008. – С. 139–143. – (Тр. Сиб. ассоц. исслед. первобыт. искусства; вып. IV).

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. Сирийская мозаика с изображением сцены охоты // Вестник истории, литературы и искусства. – М.: Собрание, 2007. – С. 442–446.

Куфтин Б.А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. – Тбилиси: Изд-во АН ГрузССР, 1949. – 230 с.

Макаров Н.А. Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России. – М: Изд-во ИА РАН, 2004. – 43 с.

Матюченко В.И. Нож из могильника у деревни Ростовка // КСИА. – 1970. – Вып. 123. – С. 103–105.

Матюченко В.И., Синицына Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1988. – 136 с.

Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1983. – С. 96–109.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Новый вид бронзовых кинжалов в потреблениях кротовской культуры // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 4–16.

- Молодин В.И., Комиссаров С.А.** Сейминское копье из Цинхая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 374–381.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Соловьев А.И., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А.** Этнокультурные процессы у населения центральной Барабы в эпоху развитой бронзы (По материалам исследования могильника Тартас-1 в 2009 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 337–342.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Марченко Ж.В., Пиенонка Х., Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Гришин А.Е.** Первые радиоуглеродные даты погребений эпохи бронзы могильника Тартас-1 (попытка осмысления) // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале, 2008 г. – М.: Изд-во ИА РАН, 2008. – Т. 1. – С. 325–328.
- Молодин В.И., Чемякина М.А.** Работы на памятнике Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // АО 2006 года. – М.: Наука, 2009. – С. 619–621.
- Молодин В.И., Чемякина М.А.** Орнитоморфные навершия одновременной культуры (западно-сибирская лесостепь) // Урал. ист. вестн. – 2010. – № 1. – С. 5–14.
- Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Софейков О.В., Михеев О.А., Позднякова О.А.** Археологогеофизические исследования памятника Преображенка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. I. – С. 378–383.
- Молодин В.И., Чемякина М.А., Позднякова О.А., Гаркуша Ю.Н.** Результаты археологических исследований памятника Преображенка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 418–423.
- Мордвинцева В., Трейстер М.** Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. 2 в. до н.э. – 2 в. н.э. – Симферополь; Бонн: Тарпан. – 2007. – Т. II. – 173 с.
- Мошинская В.И.** О некоторых каменных скульптурах из Прииртышья // КСИИМК. – 1952. – Вып. 43. – С. 55–65.
- Патрушев В.С. Халиков А.Х.** Волжские ананынцы (Старший Ахмыловский могильник). – М.: Наука, 1982. – 276 с.
- Пяткин Б.Н., Миклашевич Е.А.** Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Наука, 1990. – С. 146–153.
- Радлов В.В.** Сибирские древности. – СПб., 1891. – Т. 1, вып. 2.
- Самашев З.С., Ермолаева А., Күш Г.** Древние сокровища Казахского Алтая. – Алматы: Энер, 2008. – 200 с.
- Самашев З.С., Жумабекова Г.** К вопросу о культурной атрибуции некоторых случайных находок из Казахстана // Изв. НАН Республики Казахстан. Сер. обществ. наук. – 1993. – № 5. – С. 23–33.
- Сарианиди В.И.** Древние земледельцы Афганистана. – М.: Наука, 1977. – 172 с.
- Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И.** Бронзовый век Урала: новые перспективы // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале, 2008 г. – М.: Изд-во ИА РАН, 2008. – Т. 1. – С. 341–346.
- Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И.** Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 2. – С. 67–78.
- Славин П.П.** Каменный жезл с головой коня // КСИИМК. – 1949. – Вып. 25. – С. 125–126.
- Станюкович А.К., Осипов И.Н., Соловьев А.М.** Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X–XX веков из частных собраний. – М.: [б.и.], 2003. – С. 256.
- Труфанов А.Я.** Скульптура лошади из Среднего Прииртышья // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 109–111.
- Уманский А.П., Демин М.А.** Наконечники копий сейминско-турбинского типа на Алтае // Древние горняки и металлурги Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1983. – С. 143–150.
- Холодное оружие** в собрании Российского этнографического музея / сост. А. Лютов. – СПб.: Мак, 2006. – 248 с.
- Черников С.С.** Восточный Казахстан в эпоху бронзы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 272 с. – (МИА; вып. 88).
- Черных Е.Н.** Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. – М.: Наука, 1970. – 177 с. – (МИА; № 172).
- Черных Е.Н.** Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 3. – С. 36–53.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.** Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.
- Энговатова А.В., Зеленцова О.В.** Археологические памятники России – объекты систематических грабительских раскопок // Макаров Н.А. Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России. – М.: Изд-во ИА РАН, 2004. – С. 15–43.
- Bunker E.C.** Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from the Arthur M. Sackler Collections. – N.Y.: The Arthur M. Sackler Foundation, 1997. – 401 p.
- Gnutova S., Ruzsa Gy., Zotova E.** Prayers Locked in Bronze. Russian Metal Icons. – Budapest: Museum of Applied Arts, 2005. – 247 s.
- Wagner M.** Kayue – ein Fundkomplex des 2. Jahrtausends v. Chr. am Nordweststrand des chinesischen Zentralreiches // Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend: Akten des Internationalen Kolloquiums Berlin, 23. bis 26 November 1999. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte 6 (Bonn, 2001). – Bonn, 2001. – S. 25–35.

УДК 903'63

Н.А. Берсенева

Южно-Уральский филиал

Института истории и археологии УрО РАН
ул. Коммуны, 68, Челябинск, 454000, Россия

E-mail: bersnatasha@mail.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ: ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ*

Статья посвящена слабоизученным проблемам, связанным с реконструкцией гендерных отношений в древних обществах. Анализу были подвергнуты погребальные памятники саргатской культуры Среднего Прииртыша (VI в. до н.э. – III/IV в. н.э.). Применение не использовавшегося ранее подхода, согласно которому погребенный и сопровождающие его артефакты рассматриваются как единый «ансамбль», позволило высказать предположения относительно гендерной структуры саргатского общества и существовавших в нем гендерных стереотипов.

Ключевые слова: гендерная археология, погребальная обрядность, саргатская культура, ранний железный век, «ансамбль» артефактов.

Введение

Концепция *гендера* и его связи с биологическим полом широко обсуждалась в рамках социологии и психологии [Берн, 2007]. Главная идея здесь заключается в установлении различий между биологическим полом (*sex*) и социальным (*gender*). Пол (мужской или женский) биологически детерминирован набором хромосом; гендер создается внутри общества, представляет собой социально-биологическую характеристику личности и «культурно прививается» с раннего детства, когда дети начинают усваивать гендерные роли – наборы ожидаемых образцов поведения (норм) для мужчин и женщин.

Гендерный стереотип отражает устоявшееся мнение о личностных качествах группы людей. В сущности, это социальные нормы, т.е. основные правила, которые определяют поведение человека в обществе,

регулируют, какое именно поведение и внешний вид считаются правильными для представителя той или иной гендерной категории [Там же, с. 33–34]. Гендерные стереотипы и схемы, несомненно, играли огромную роль в жизни древних коллективов. Внешний облик индивида (его одежда, оружие, аксессуары, татуировки и т.д.) определялся прежде всего его гендером, вертикальным социальным статусом*, и, вероятно, принадлежностью к какой-либо этнической группе. В отсутствие централизованного управления и записанных законов гендерные стереотипы, закрепленные в т.ч. визуально, должны были быть необычайно сильны. Их трансформация происходила, вероятно, медленно и болезненно.

**Вертикальный социальный статус* – это термин, широко используемый в англо-американской археологии для того, чтобы охарактеризовать положение индивида в обществе, он связан со ступенью, занимаемой человеком в общественной иерархии (вождь, общинник, раб и т.д.); *горизонтальный социальный статус* отражает членство в общине, принадлежность к роду или клану [Parker Pearson, 1999, p. 74].

*Работа подготовлена в рамках комплексного интеграционного проекта УрО и СО РАН при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-01-85118а/У).

Изучение гендерных отношений в дописьменный период истории представляет собой немалую проблему. В подавляющем большинстве случаев главным источником информации являются погребальные памятники. Современной археологией признается принципиальная возможность исследования гендера через материальную культуру [Nelson, 1997; Sorensen, 2000] (подробнее см.: [Шарапова, Берсенева, 2006, с. 29–33]). Гендер умершего может быть отражен в археологическом источнике через локализацию захоронения в пространстве, структуру погребального снаряжения, состав сопроводительного инвентаря. При этом если первые две позиции могут не иметь гендерного оттенка, то размещение артефактов в погребении по гендерному признаку является одним из немногих аспектов, хорошо фиксирующихся археологически.

В мировой археологии и этнографии известно множество примеров, когда гендер умершего отражался в погребальной сфере через определенные предметы или/и их сочетание. Как правило, эти предметы ассоциируются с конструкцией «женственности» или «мужественности», принятой в обществе, и могут символизировать роли, исполняемые индивидами различного пола. Например, «мужчина может быть погребен с колчаном, отражающим его деятельность как охотника и воина; с сосудом, отражающим его взрослый статус как лица, которое пьет с другими взрослыми мужчинами... Женщина может быть погребена с бусами, отражающими ее статус как незамужней девушки; с камнями для добывания огня, отражающими ее статус как жены; с терочником, отражающим ее статус как матери» [Ucko, 1969, р. 265]. По данным кросскультурных этнографических исследований Л. Бинфорда и К. Карра, именно гендерной принадлежностью погребенного обусловлены его ориентация в могиле и набор сопроводительного инвентаря [Binford, 1971; Carr, 1995].

Целью данной работы являются интерпретация памятников саргатской культуры с гендерной точки зрения и, по возможности, реконструкция гендерных отношений, существовавших в саргатском обществе.

Анализ погребальных памятников саргатской культуры Среднего Прииртыша (VI в. до н.э. – III/IV в. н.э.)

Памятники саргатской культуры активно изучались в течение последних десятилетий; материалы раскопок вошли в обобщающие труды [Полосыма, 1987; Корякова, 1988; Матвеева, 1993, 1994, 2000; Хабдулина, 1994]. Значительный вклад в социальные исследования внесли работы Л.Н. Коряковой [1988, 1994, 1997], Л.И. Погодина [1988, 1997], Н.П. Матвеевой [2000].

Саргатское население проживало в постоянных поселениях. Основой экономики, по-видимому, явля-

лось скотоводство. Погребения производились в ямах под курганными насыпями, окружеными одним или несколькими рвами. Погребальный обряд был в достаточной мере унифицирован: устойчивая позиция и ориентировка погребенных, обязательное наличие посуды и/или остатков мясной пищи в составе сопроводительного инвентаря. Умершие часто сопровождались оружием, деталями конской узды, украшениями, предметами быта. Несмотря на разнообразие артефактов, найденных в саргатских погребениях, орудия труда в них практически отсутствуют.

В последнее время все больше исследователей саргатских древностей склоняются к мнению о селективном характере «курганной популяции» [Корякова, Булдашев, 1997, с. 137]. Об этом свидетельствуют далекий от нормального демографический профиль этой популяции, а также явное несоответствие количества захороненных в курганах числу людей, которые могли проживать в современных им поселениях [Ражев, Ковригин, 1999]. Для многих традиционных обществ характерно одновременное существование различных способов обращения с покойниками, и саргатская культура не является исключением. По-видимому, в курганах не погребалась значительная часть умерших. Данная выборка является селективной, и критерии посмертного отбора неизвестны. Соответственно, ниже речь пойдет о той части населения, которая была погребена в курганах, впоследствии обнаружена и исследована.

Для анализа привлечены материалы всех раскопанных на текущий момент саргатских погребальных памятников Среднего Прииртыша (26 могильников)*, за исключением некоторых очень плохо документированных (рис. 1).

В курганах хоронили умерших обоего пола, разных возрастных групп, в т.ч. детей. Из 191 непотревоженной могилы 6 (31 %) – кенотафы, в 65 (34,1 %) захоронены дети и подростки, в 120 – взрослые: 47 (24,6 %) – мужчины, 40 (20,9 %) – женщины, 33 (17,3 %) – пол не определен. Мужские погребения количественно пре-вышают женские: среди взрослых погребенных, пол которых определен, 54 % – мужчины, 46 % – женщины. Схожие данные приведены в работе Д.И. Ражева: 59,6 % мужчин и 41,4 % – женщин [2001, табл. 1], считая от количества взрослых погребенных. В рамках отдельных памятников соотношение мужских и женских захоронений может существенно варьировать**.

*Выражают искреннюю благодарность Л.И. Погодину и А.Я. Труфанову за возможность использования неопубликованных материалов их раскопок.

**Интересно, что почти такое же соотношение было установлено для ранних сарматов (могильник Покровка): из 174 идентифицированных скелетов 35 % составляли женские и 65 % – мужские [Davis-Kimball, 1998, р. 142].

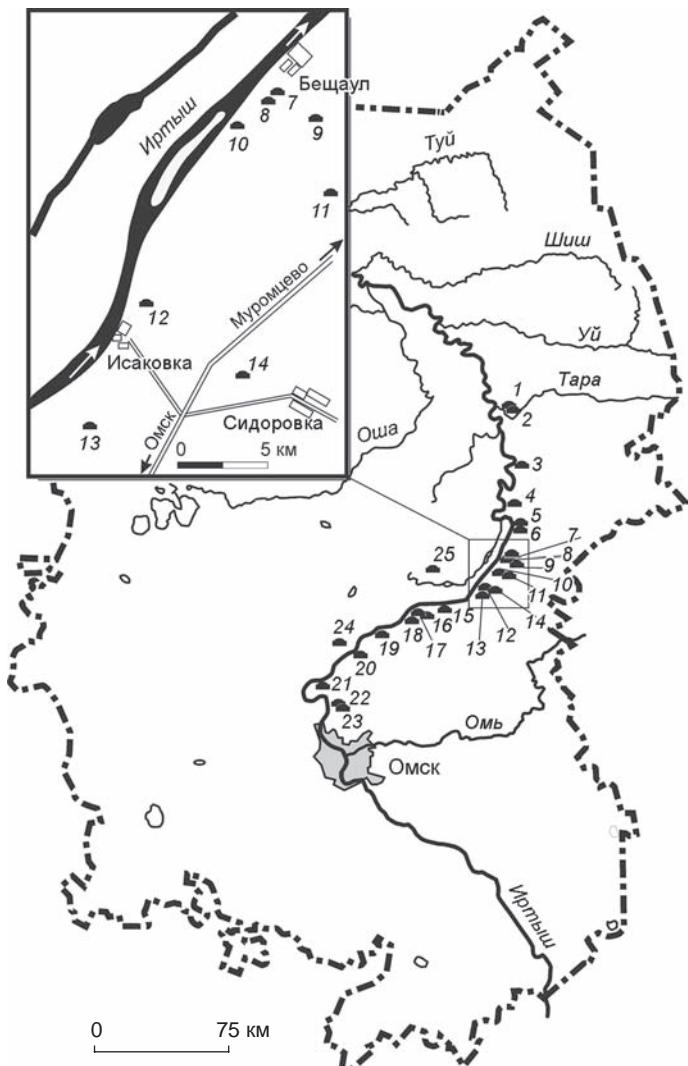

Рис. 1. Локализация саргатских могильников Среднего Прииртышья.

1 – Окунево II; 2 – Окунево IIIа; 3 – Сеткулово; 4 – Артын; 5 – Карташево I; 6 – Карташево II; 7 – Бешаул III; 8 – Бешаул II; 9 – Бешаул IV; 10 – Стрижево I; 11 – Стрижево II; 12 – Исаевка I; 13 – Исаевка III; 14 – Сидоровка; 15 – Саратово; 16 – Богданово III; 17 – Богданово I; 18 – Богданово II; 19 – Новооболонь; 20 – Горная Бития; 21 – Красноярка; 22 – Коконовка I; 23 – Коконовка II, III; 24 – Калачевка II; 25 – Старокарасук.

Вопрос о существовании и, соответственно, составе мужских и женских «погребальных наборов» неоднократно поднимался исследователями саргатских памятников. Л.Н. Корякова [1988, с. 55–56] статистическим путем установила, что состав погребального инвентаря в первую очередь определялся полом умершего при влиянии других социальных факторов. Женский набор включал зеркало, бусы, сосуды и пряслица, мужской – предметы вооружения и конской упряжи, специфически детского выявлено не было. В.А. Могильников, напротив, отметил однообразие погребального инвентаря, которое «затрудняет поло-

вое и возрастное разграничение погребенных». В мужских захоронениях, согласно его наблюдениям, «представлены предметы вооружения, орудия труда, детали конского снаряжения, отдельные украшения, поясные и колчанные крючки и пряжки»; в женских и детских – украшения и орудия труда [Могильников, 1992, с. 300]. По мнению Н.П. Матвеевой, инвентарь (в его комплексе) может служить «индикатором пола погребенного». Она выделила примерно те же маркеры пола, что и предыдущие авторы, исключив орудия труда как характерные признаки мужских захоронений [Матвеева, 1993]. В одной из последних работ Н.П. Матвеева с помощью методов кластерного анализа установила, что «основные категории инвентаря коррелируют с полом погребенного следующим образом: помещение ножа и пряслица – индифферентные признаки, оружие и поясные пряжки – преимущественно мужской. Бусы и серьги были женскими аксессуарами в ранний период... но в заключительный все основные виды украшений становятся индифферентными к полу» [2000, с. 154]. Далее она отметила, что «помещение пряслица в могилу оказалось маркером женского пола независимо от социального статуса» [Там же, с. 190].

К сожалению, применение статистических операций к погребальным материалам далеко не всегда гарантирует получение более или менее объективной картины. Как правило, они дают некую усредненную модель женского или мужского захоронения [Там же, с. 188] и/или фиксируют статистическую корреляцию между определенным типом инвентаря и полом погребенного [Корякова, 1988, с. 54–56]. Связь, например, между признаками «мужчина» и «меч» (или между признаками «много бусин» и «женщина») очевидна, но может сложиться впечатление, будто все мужчины погребались с оружием, а все женщины – с украшениями. Несмотря на несомненную пользу грамотной статистической корреляции, погребенные и предметы, их сопровождавшие, в этом случае разделяются и оказываются вырваными из контекста. Улавливается некая статистическая закономерность, которая может не оправдываться при анализе конкретных захоронений. За скобками остаются погребения с «нестереотипным» инвентарем или с предметами, не демонстрирующими жесткой взаимосвязи с полом или возрастом (в случае с детьми) умерших. На мой взгляд, для получения убедительных социальных реконструкций статистический анализ должен обязательно дополняться контекстуальным.

Таблица 1. Локализация непотревоженных погребений

Показатель	Всего	Централь-ные	Периферийные			Во рву	В заполнении других ям
			Углубленные в материк	На уровне материка	Выше материка		
Общее кол-во	409	115	145	18	125	4	2
Из них непотревоженные	191	8	89	15	73	3	2
% от кол-ва погребений данной локализации	46,8	6,9	61,4	83,3	58,4	75	100
% от общего кол-ва непотревоженных погребений	100	4,2	46,8	7,9	38,4	1,6	1,1

Интересный подход был предложен С. Люси в его исследовании англосаксонских кладбищ в Йоркшире [Lucy, 1997]. Он выделил четыре «ансамбля»: 1) все предметы вооружения; 2) украшения; 3) артефакты, которые нельзя отнести к первым двум категориям, включая посуду и кости животных; 4) без сохранившегося инвентаря. Первые два не пересекаются между собой, предметы из нейтрального набора встречаются во всех трех категориях. Для каждого погребения был определен соответствующий «ансамбль» и проведена корреляция между ним и полом погребенного.

Попытка применения подобной методики на саргатских материалах дала некоторые любопытные результаты. Для анализа были взяты все известные мне непотревоженные погребения Среднего Прииртышья (общим числом 191), чтобы констатация отсутствия или присутствия предмета в каждом конкретном случае предполагала его преднамеренное исключение из погребального ансамбля или включение в него. К сожалению, в рамках одного курганного могильника таких захоронений слишком мало, поэтому в выборку вошли могилы из разных памятников. Необходимо уточнить, что в абсолютном большинстве они периферийные (табл. 1), поскольку центральные практически все разграблены. Зато благодаря индивидуальности периферийных погребений принадлежность веющей конкретному индивиду не вызывала сомнений.

Нужно заметить, что корреляция между типами сопроводительного инвентаря и полом погребенного, произведенная в свое время Л.Н. Коряковой [1988], в принципе, не утратила своей актуальности. Действительно, женщин никогда не хоронили с мечами и защитным доспехом; эти предметы ассоциируются исключительно с мужчинами*. Поэтому инвентарными наборами, подтверждающими традиционные гендерные стереотипы, было принято считать: для

мужчин – предметы вооружения и конской узды, для женщин – большое количество металлических и стеклянных украшений*.

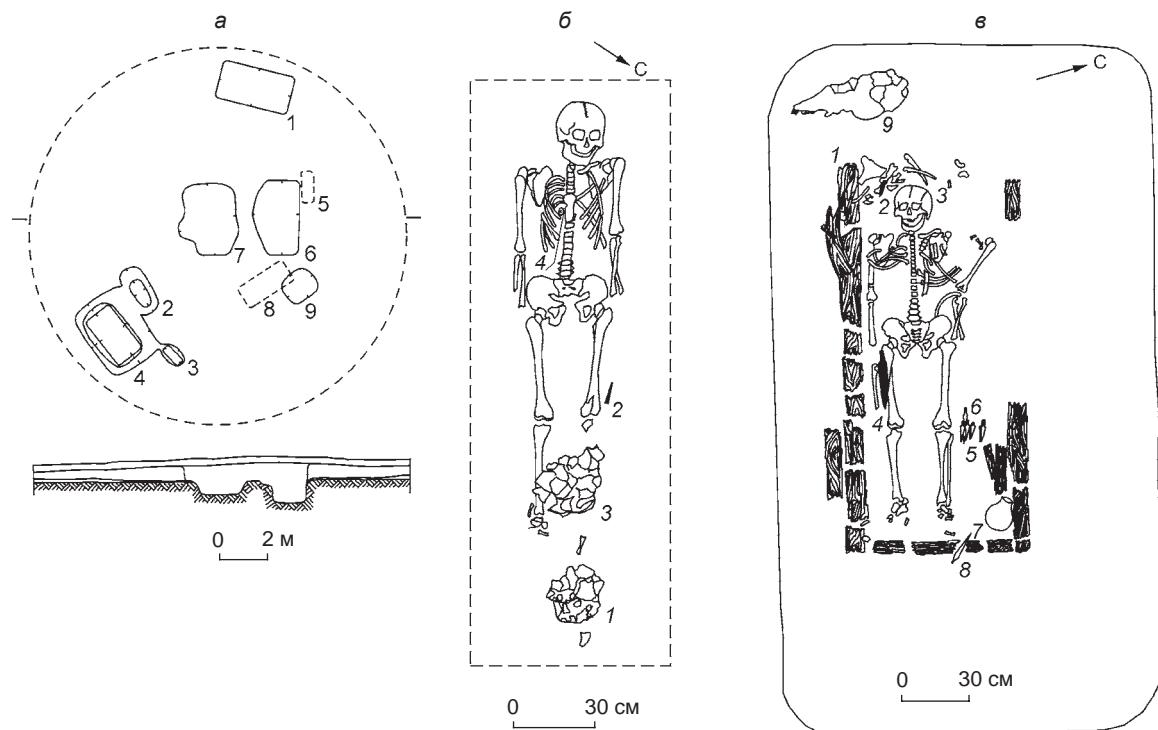
В первую очередь были выделены погребения с «ансамблем» артефактов «оружие». К нему отнесены все предметы вооружения (оружие ближнего и дистанционного боя, защитный доспех) и детали конской упряжи. В данную группу вошли погребения, содержащие хотя бы один из названных предметов (рис. 2, а). Далее (из оставшихся) были выделены погребения с «ансамблем» артефактов «украшения», т.е. содержащие более 20 бусин и/или хотя бы пару металлических украшений (рис. 3, б). Следующую группу составили могилы с нейтральным набором предметов, не попадающих в первые две категории: сосудами, костями животных, бытовыми ножами, пряжками от одежды, единичными украшениями, пряслицами и др. (см. рис. 2, б). Условность подобного разделения понятна, однако наглядность выводов, изложенных ниже, демонстрирует, что искажение не могло быть значительным. Отдельную группу составили погребения без сохранившихся артефактов. Нетрудно заметить, что первый «ансамбль» традиционно связывается с мужчинами, а второй – с женщинами.

Во избежание возможных неточностей были проведены два варианта подсчетов. В первом (А) учитывались все погребения (191), включая детские, коллективные и кенотафы; во втором (Б) – лишь индивидуальные захоронения взрослых с установлен-

шее 25 лет. Однако количество сохранившихся в погребении костей невелико, череп отсутствовал [Новые памятники..., 2003, с. 108, рис. 54–56]. Не ставя под сомнение правильность антропологического заключения, полагаю, тем не менее, что в таких случаях требуется проведение нескольких независимых экспертиз.

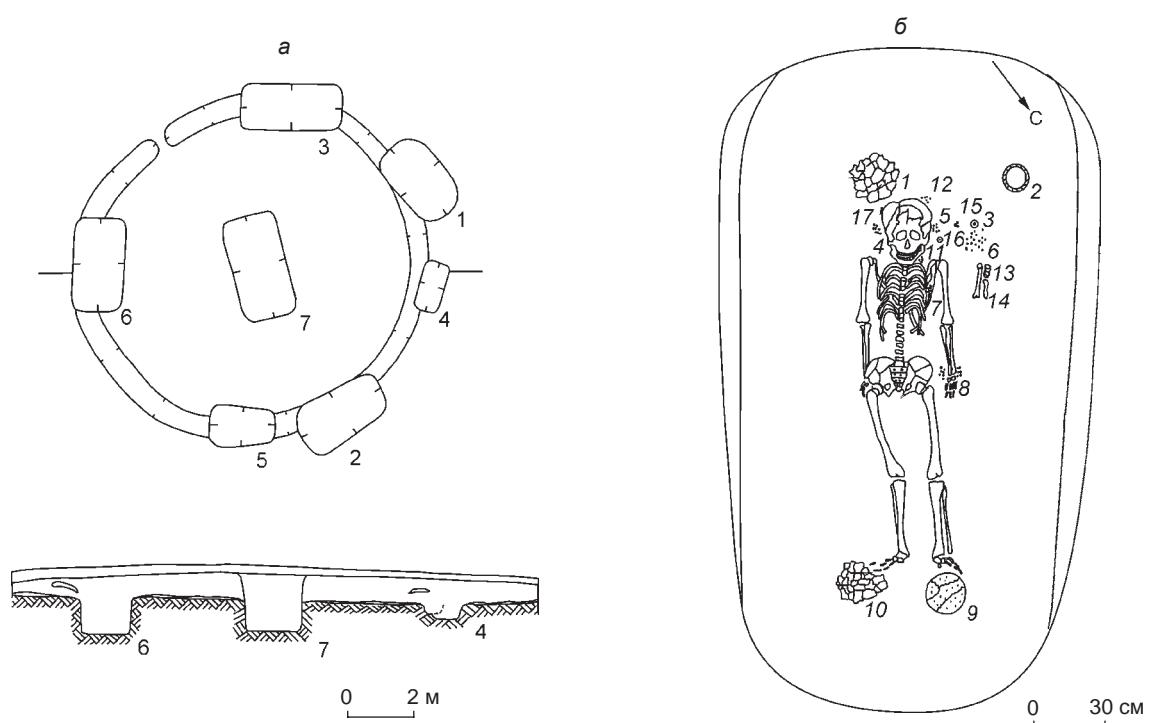
*Вопрос о том, что считать «большим количеством украшений», достаточно сложен. Единичные пронизи, бусины, серьга или перстень равно могли дополнять внешний облик как мужчин, так и женщин. Однако когда обнаруживали десятки и сотни бусин, браслеты или парные серьги, при отсутствии оружия такие наборы относили к «ансамблю» артефактов «украшения».

*Н.П. Матвеева предполагает, как минимум, одно исключение: в кург. 35 могильника Старо-Лыбаевский-4 (Приобье) центральное погребение содержало фрагменты костяного панциря и меча, а скелетные остатки из него предварительно определены как принадлежащие женщине стар-

Ruc. 2. Курган 3 могильника Исаковка III (по: [Погодин, Труфанов, 1991]).

а – план и разрез кургана: 1–9 – номера погребений; б – план погр. 8: 1, 3 – сосуды, 2 – железный нож, 4 – керамическое пряслище; в – план погр. 1: 1 – костяная застежка, 2 – железный нож и кости животного, 3 – концевые накладки на лук, 4 – железный кинжал, 5, 6, 8 – костяные наконечники стрел (9 экз.), 7 – сосуд, 9 – череп лошади.

Ruc. 3. Курган 2 могильника Исаковка III (по: [Погодин, Труфанов, 1991]).

а – план и разрез кургана: 1–7 – номера погребений; б – план погр. 2: 1, 2, 10 – сосуды, 3 – керамическое пряслище, 4–8, 11, 12 – стеклянные бусины (всего 288 экз.), 9 – керамическое блюдо, 13 – кости животного, 14 – железный нож, 15, 16 – бронзовые бляшки, 17 – бронзовая заколка.

Таблица 2. Соотношение «ансамблей» артефактов, рассчитанное по варианту А

Категория	Оружие		Украшения		Нейтральный		Без инвентаря	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Мужчины	31	53,2	2	8,7	12	12,5	2	16,7
Женщины	8	12,9	9	31,1	21	21,8	2	16,7
Взрослые, пол которых не определен	8	12,9	6	26,1	12	12,5	3	25,0
Дети и подростки	9	14,5	6	26,1	46	49,0	4	33,3
Кенотафы, парные погребенные и др.	4	6,5	—	—	5	5,2	1	8,3
<i>Всего</i>	60	100	23	100	96	100	12	100

Таблица 3. Соотношение «ансамблей» артефактов, рассчитанное по варианту Б

Категория	Оружие		Украшения		Нейтральный		Без инвентаря	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Мужчины	31	79,5	2	18,2	12	36,4	2	50,0
Женщины	8	20,5	9	81,8	21	63,6	2	50,0
<i>Всего</i>	39	100	11	100	33	100	4	100

Таблица 4. Соотношение «ансамблей» артефактов в мужских и женских погребениях

Категория	Оружие		Украшения		Нейтральный		Без инвентаря	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Мужчины	31	65,9	2	4,3	12	25,5	2	4,3
Женщины	8	20,0	9	22,5	21	52,5	2	5,0

ным биологическим полом (87 могил)*. Оба варианта представляют собой распределение погребений по «ансамблям» артефактов, при этом один «ансамбль» всегда соответствовал одному погребению.

В результате группировки по варианту А (191 могила) получилось, что примерно половина (95, или 49,7 %) погребений не содержала ни оружия, ни большого количества украшений, т.е. вещей, которые более или менее недвусмысленно могли бы указать на пол умершего. Это могилы с нейтральным «ансамблем». Погребения с оружием составили чуть более трети (61, или 31,1 %), а с украшениями – и того меньше (23, или 12 %).

Сопоставление инвентарных «ансамблей» с результатами биологической идентификации пола позволило получить следующие результаты (табл. 2). Более половины погребений с оружием являются мужскими; женские и детские вместе составляют 27,4 %. Этот факт не вызывает удивления, т.к. в общем характерен для курганных могильников раннего

железного века лесостепной и степной полосы Евразии. Взрослых и детских погребений с нейтральным «ансамблем» зафиксировано приблизительно равное количество. Интересно, что большая часть кенотафов также относится к этой категории. В группе с «ансамблем» артефактов «украшения» большинство составляют погребения взрослых. В двух случаях это мужские захоронения, но преобладают, конечно, женские. Категория «без инвентаря» относительно немногочисленная (всего 12). Все группы погребенных представлены здесь почти в равной пропорции, но дети по отношению ко всем взрослым составляют меньшинство.

При подсчетах по варианту Б (87 могил) абсолютные показатели несколько иные (табл. 3). Изменения вполне прогнозируемые. Среди взрослых погребений с оружием увеличились доли как мужских, так и женских – соответственно с 53,2 до 79,5 % и с 12,9 до 20,5 %. Возрос процент мужских захоронений и в группах с нейтральным набором (с 12,5 до 36,4 %) и с «ансамблем» артефактов «украшения» (с 8,7 до 18,2 %).

Распределение «ансамблей» артефактов внутри категорий «мужчины» и «женщины» (табл. 4) пока-

*Антropологические определения сделаны В.А. Дремовым, А.Н. Багашевым, Д.И. Ражевым.

зывает, что среди мужских погребений доминируют с оружием (31 против 16), а среди женских – с нейтральным набором, хотя и с небольшим перевесом (21 против 19). Безынвентарных погребений в целом немного, и они, как уже отмечалось выше, вполне равномерно распределяются по различным половозрастным категориям. Видимо, они не составляют единого целого, т.е. не характеризуют какую-то общественную группу.

Обсуждение

По результатам группировки погребений по «ансамблям» артефактов получается, что не менее 46 % (40 могил) от общего количества погребенных демонстрируют определенную взаимосвязь между гендером умершего и сопроводительным инвентарем: мужчина – оружие (31 могила), женщина – украшения (9 могил). Интересно, что в гораздо большей степени это касается мужчин: как минимум, 60 % мужских погребений содержали те или иные предметы вооружения. Большое количество украшений зафиксировано лишь в 22,5 % женских захоронений. Около 20 % женских погребений содержали отдельные предметы вооружения и/или конской упряжи, остальные «ансамбли» выглядят нейтральными.

Объяснение изложенных выше фактов только возможностью ошибок в идентификации пола некоторых погребенных недостаточно убедительно. Неизбежная погрешность составляет в среднем до 12 % [Parker Pearson, 1999; Bello et al., 2006]. Но если отвергать правильность идентификации пола в этих случаях, то тогда нужно подвергнуть сомнению и остальные определения, включая те погребения, где гендерные стереотипы соблюдены в полной мере.

Интересно, что и в англосаксонской археологии наблюдается подобная картина. На разных кладбищах от 30 до 60 % погребений не содержали предметов, которые можно было бы непосредственно связать с полом (гендером) умершего [Lucy, 1997; Harke, 2004]. К сожалению, из публикаций по более близким во всех отношениях скифским и сарматским памятникам подобную информацию получить непросто. По подсчетам Е.П. Бунятян, 97,4 % скифских мужских погребений и не менее половины женских содержали оружие [1985, с. 91–92]. Однако, поскольку пол большинства погребенных устанавливался исследовательницей на основании сопроводительного инвентаря, эти цифры, скорее всего, не отражают реального соотношения. Но сам факт наличия в скифских женских погребениях оружия не вызывает сомнений. В кург. 7 могильника Новозаведенное II была захоронена женщина 20–25 лет в сопровождении предметов вооружения, из которых со-

хранились фрагменты меча, копья, топора, боевого ножа, а также наконечники стрел и детали конской упряжи. Наряду с этим в могиле находились и традиционные для женских захоронений вещи: два пряслица, множество бусин из стекла, янтаря, сердолика, фаянса и гагата [Петренко, Маслов, Канторович, 2004, с. 184–186]. В целом, согласно данным Е.Е. Фиалко, 25 % скифских погребений с оружием являются женскими (см.: [Там же, с. 195]).

Не так давно были пересмотрены данные по количеству «савроматских» (VI – начало IV в. до н.э.) женщин, погребенных с предметами вооружения [Стрижак, 2007]. В результате оказалось, что сложившееся мнение о «воинственности» женщин ранних кочевников сильно преувеличено. Среди женских захоронений, имеющих антропологические определения, лишь несколько содержали единичные наконечники стрел и одно – кинжал. В выборке по ранним сарматам ок. 11 % погребений с оружием были определены антропологами как женские (20 из 176 могил) [Там же, с. 75]. По подсчетам Д. Дэвис-Кимболл, на памятнике Покровка до 94 % сарматских мужских погребений и не менее 15 % женских содержали предметы вооружения [Davis-Kimball, 1998, р. 143]. К сожалению, в литературе не подвергаются анализу захоронения людей с гендерно-нейтральным набором артефактов, хотя из публикаций материалов раскопок очевидно, что они есть (см., напр.: [Веддер и др., 1993; Яблонский, Дэвис-Кимболл, Демиденко, 1995; Древности..., 2006]).

На памятниках пазырыкской культуры Горного Алтая, датируемых ранним железным веком (IV–II вв. до н.э.), обнаружено несколько женских погребений с оружием. С 16-летней девушкой (могильник Ак-Алаха-1) были положены железные чекан и кинжал, лук и горит со стрелами. Более того, она была одета в мужскую одежду – шубу и штаны [Полосьмак, 2001, с. 58]. По мнению Н.В. Полосьмак, такая ситуация может считаться уникальной, т.к. пазырыкских женщин (в т.ч. погребенных в «царских» курганах) обычно хоронили в женских нарядах и лишь с украшениями и набором посуды [Там же, с. 274–276]. Интересно, что немногочисленные погребения с гендерно-нейтральным инвентарем являются мужскими (могильник Ак-Алаха-5, курганы 3 и 5) [Там же, с. 94–97].

Приведенный выше краткий обзор призван продемонстрировать общее сходство моделей погребальной обрядности в среде «курганных» культур раннего железного века Евразии. Наличие четырех «ансамблей» артефактов с некоторыми вариациями можно проследить в погребальных памятниках каждой из них. Особенно показательно, что погребения с гендерно-нейтральным инвентарем, а также с артефактами, характерными для противоположно-

го пола, по-видимому, панкультурны. Соответственно, и гендерные стереотипы в этих обществах могли иметь что-то общее. Для изучения социальных структур саргатской культуры исторический фон особенно важен, т.к. позволяет если не заполнить пробелы, то косвенно подтвердить некоторые концепции при отсутствии любых источников, кроме археологических.

Таким образом, захороненных в саргатских курганах взрослых* можно разделить на четыре группы:

1. Погребенные с гендерно-стереотипными наборами инвентаря («оружие», «украшения») в соответствии со своим биологическим полом. Эта группа составляет не менее 46,0 % от общего количества (даже без учета разграбленных погребений, исключенных из выборки для данного анализа).

2. Погребенные с наборами инвентаря, более характерными для противоположного пола. Это единичные мужские захоронения без оружия, с большим количеством украшений (два случая) и женские с предметами вооружения (восемь). Данная группа составляет 11,5 %.

3. Погребенные с гендерно-нейтральными наборами инвентаря. Это достаточно большая группа (33,9 %) с преобладанием женских захоронений (21 из 33).

4. Погребенные без сохранившегося инвентаря (четыре случая) – 4,6 %.

Наличие первой группы не требует объяснений, т.к. соответствует традиционным представлениям о социальных ролях мужчин и женщин. Больше всего споров обычно вызывает вторая группа. Погребения мужчин с украшениями единичны, и их невозможно адекватно интерпретировать. Предложенные ранее варианты включают ряд возможностей от «среднестатистической» антропологической ошибки до ритуального «травестизма» [Троицкая, 1987]. Однако ввиду малочисленности подобных случаев и наличия разнотечений в установлении пола вряд ли сейчас можно предложить какое-нибудь действительно убедительное объяснение. Что касается женских погребений с оружием, то они, несомненно, существуют и их количество в евразийских «курганных» культурах раннего железного века колеблется в среднем от 10 до 25 %. Основываясь на исторических и этнографических данных, многие авторы полагают, что захоронение женщин с «мужскими» артефактами часто говорит об их повышенном статусе [McHugh, 1999; Parker Pearson, 1999]. Средневековых королев Западной Европы хоронили с оружием и в доспехах; это также было показателем их высокого положения [McHugh, 1999]. Скифские женские захоронения с оружием об-

наружены в элитных курганах [Петренко, Маслов, Канторович, 2004]. Исследователи нередко отмечают, что стереотипы вроде «оружие – значит, мужчина; прядлище, бусины – значит, женщина» часто не оправдываются в контекстах отдельных памятников [McHugh, 1999, p. 33].

Группы людей, похороненных в сопровождении нейтральных «ансамблей» или вообще без инвентаря, могли идентифицировать свою гендерную принадлежность, не используя материальные символы, строго эксклюзивные для каждого биологического пола (или используя легко разрушающиеся, например, только одежду). Однако такие погребения обычно имеют и весьма скромные погребальные конструкции. Иными словами, это достаточно «бедные» могилы.

Кроме того, нельзя быть уверенными, что весь сопроводительный инвентарь принадлежал лично умершему (был его собственностью), – это могли быть подношения как самому погребаемому, так и его уже отбывшим в потусторонний мир предкам или родственникам, а также разнообразным божествам и духам. Погребальный памятник отражает персональные (и социальные) характеристики не только умершего, но и в немалой степени тех, кто его хоронил.

Выводы

В саргатской погребальной практике гендерная структура нашла отражение в «ансамблях» артефактов, сопровождающих не менее половины умерших, а также, в меньшей степени, в локализации погребений в пространстве (женщин в центральных могилах погребено втрое меньше, чем мужчин). Оружие, конская узда и украшения, хотя и часто имели непосредственное отношение к полу погребенного, не выступали маркерами биологического пола как такого. Скорее, эти предметы можно назвать маркерами гендера. Для женщин оружие, возможно, символизировало их вертикальный социальный статус. Значительное количество женских погребений с оружием, а также число захоронений мужчин, женщин и детей с нейтральными по отношению к биологическому полу предметами подтверждает сказанное. Гендерные характеристики при всей своей несомненной важности, очевидно, не были единственными при выборе погребального инвентаря.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Гендерные структуры древних обществ, нормы и стереотипы, им присущие, были гораздо сложнее, чем представляется сейчас, и не сводились к простому бинарному разделению на мужчин-воинов и женщин-домохозяек.

*Гендерным характеристикам детей и подростков посвящены отдельные работы [Berseneva, 2006, 2008].

2. Несмотря на то что в погребальном источнике наиболее полно представлена гендерная категория мужчин-воинов, значительное количество мужчин было погребено с нейтральным набором артефактов (не менее 25 % от общего количества мужских погребений).

3. Различия между индивидами, погребенными с нейтральными и стереотипными наборами инвентаря, возможно, следует искать в области не только гендерных, но и вертикальных статусных отношений. Обстоятельства смерти также могли играть определенную роль. Есть основания предположить, что в саргатских женских захоронениях оружие является прежде всего символом социального статуса.

4. Предполагая, что количество мужчин и женщин в обществе должно быть приблизительно равным, факт дисбаланса среди погребенных можно объяснить повышенной смертностью мужчин в силу их занятий, или особенностями погребальной практики, регулирующими способы отдаления для женщин, или экономическими причинами, когда семья не могла гарантировать устройство сложного погребения всем женщинам.

5. Что же касается социальных ролей мужчин и женщин, то погребальный обряд не дает оснований констатировать их полную «непересекаемость». В некоторых сферах жизни, не исключая управленческую, производственную и военную, они могли быть вполне сравнимы. Хотя круг предметов, обнаруженных в женских погребениях, достаточно широк, в мужских инвентарь в целом разнообразнее. В связи с этим можно предположить, что и в жизни социальные роли женщин были более ограничены (но и более стабильны), нежели мужчин.

Список литературы

Берн Ш. Гендерная психология: Законы мужского и женского поведения. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 318 с.

Бунятын Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии: На материале скифских могильников IV–III вв. до н.э. – Киев: Наук. думка, 1985. – 228 с.

Веддер Дж., Егоров В., Дэвис-Кимболл Дж., Моргунова Н., Трунаева Т., Яблонский Л. Раскопки могильников Покровка 2 и Покровка 8 в 1992 году // Курганы левобережного Илека. – М.: Ин-т археологии РАН, 1993. – Вып. 1. – С. 18–55.

Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.) / Б.Ф. Железчиков, В.М. Клепиков, И.В. Сергацков. – М.: Вост. лит., 2006. – 159 с.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – 240 с.

Корякова Л.Н. Урало-Иртышская лесостепь // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во

Том. гос. ун-та, 1994. – Т. 2: Мир реальный и потусторонний. – С. 113–169.

Корякова Л.Н. Гаевский могильник в контексте эволюции саргатской культурной общности // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. – С. 138–154.

Корякова Л.Н., Булдашев В.А. Погребальная обрядность // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. – С. 130–137.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 175 с.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 160 с.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). – Новосибирск: Наука, 2000. – 399 с.

Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 292–312. – (Археология СССР).

Новые памятники бронзового и раннего железного веков: (Древности Ингальской долины: Археолого-палеогеографическое исследование) / Н.П. Матвеева, Е.Н. Волков, Н.Е. Рябогина. – Новосибирск: Наука, 2003. – Вып. 1. – 174 с.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II (предварительная публикация) // Археологические памятники раннего железного века Юга России. – М.: Изд-во Ин-та археологии РАН, 2004. – С. 179–210.

Погодин Л.И. К характеристике погребального обряда саргатской культуры // Источники и историография: Археология и история. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1988. – С. 27–37.

Погодин Л.И. К характеристике военной структуры саргатской общности // IV исторические чтения памяти М.П. Грязнова: (мат-лы науч. конф.). – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1997. – С. 116–121.

Погодин Л.И., Труфанов А.Я. Могильник саргатской культуры Исаковка III // Древние погребения Обь-Иртышия. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1991. – С. 98–127.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.

Ражев Д.И. Население лесостепи Западной Сибири раннего железного века: реконструкция антропологических особенностей: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2001. – 22 с.

Ражев Д.И., Ковригин А.А. Курганные могильники саргатской культуры и социально-демографическая структура древнего общества // Экология древних и современных обществ: тез. докл. – Тюмень: Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 1999. – С. 171–175.

Стрижак М.С. О женских погребениях с оружием кочевников Приуралья и Поволжья в VI – начале IV в. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та, 2007. – С. 71–75.

Троицкая Т.Н. Явление травестизма в скифо-сибирском мире // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 59–63.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Гылым Ракурс, 1994. – 170 с.

Шарапова С.В., Берсенева Н.А. Социальная символика: система понятий и проблемы изучения // Урал. истор. вестн. – 2006. – № 14. – С. 25–35.

Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 году // Курганы левобережного Илека. – М.: Ин-т археологии РАН, 1995. – Вып. 3. – С. 9–47.

Bello S.M., Thomann A., Signoli M., Dutour O., Andrews P. Age and Sex Bias in the Reconstruction of Past Population Structure // Am. J. of Physical Anthropology. – 2006. – N 129. – P. 24–38.

Berseneva N. Archaeology of Children: Sub-adult Burials during the Iron Age in the Trans-Urals and Western Siberia // The Archaeology of Cult and Death. – Budapest: Archaeolingua, 2006. – P. 179–192.

Berseneva N. Women and Children in the Sargat Culture // Are All Warriors Male? Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe. – N.Y.: AltaMira Press, 2008. – Ch. 7. – P. 131–151.

Binford L.R. Mortuary practices: their study and their potential // An Archaeological Perspective. – N.Y.: Seminar Press, 1971. – P. 209–243.

Carr C. Mortuary practices: their social, philosophical-religious, circumstantial, and physical determinants // J. of Archaeological Method and Theory. – 1995. – N 2. – P. 105–200.

Davis-Kimball J. Statuses of Eastern Iron Age Nomads // Papers from the EAA Third Annual Meeting at Ravenna 1997. – Oxford: Archaeopress, 1998. – Vol. 1: Pre- and Protohistory. – P. 142–149. – (BAR; N 717).

Harke H. The Anglo-Saxon weapon burial rite: an interdisciplinary analysis // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. – М.: Изд-во Ин-та археологии РАН, 2004. – Вып. 3. – С. 197–207.

Lucy S.J. Housewives, warrior and slaves? Sex and gender in Anglo-Saxon burials // Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology. – L.: Leicester University Press, 1997. – P. 150–168.

McHugh F. Theoretical and quantitative approaches to the study of mortuary practice. – Oxford: Archaeopress, 1999. – 152 p. – (BAR; N 785).

Nelson S.M. Gender in Archaeology: Analyzing Power and Prestige. – Walnut Creek: AltaMira Press, 1997. – 197 p.

Parker Pearson M. The Archaeology of Death and Burial. – Stroud: Sutton publishing limited, 1999. – 250 p.

Sorensen M.L.S. Gender Archaeology. – Cambridge: Polity Press, 2000. – 225 p.

Ucko P.J. Ethnography and the archaeological interpretation of funerary remains // World Archaeology. – 1969. – N 1. – P. 262–290.

Материал поступил в редакцию 01.07.08 г.

УДК 903:550.3

М.Г. Иванова¹, И.В. Журбин²¹*Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
ул. Ломоносова, 4, Ижевск, 426004, Россия**E-mail:adm@ni.udm.ru*²*Физико-технический институт УрО РАН
ул. Кирова, 132, Ижевск, 426000, Россия**E-mail:zhurbin@udm.ru*

АРХЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ*

В статье рассматривается методика изучения земляных укреплений, основанная на комплексном применении методов археологии и геофизики. Такая методика позволяет выявлять археологические объекты, не выраженные в рельефе, восстанавливать их форму и определять геометрические параметры. Археологические раскопки дают возможность соотнести наблюдавшиеся аномалии с реальными объектами. Заключительным этапом является построение трехмерной реконструкции оборонительных сооружений по геофизическим данным. Результативность предложенного подхода продемонстрирована при археолого-геофизических исследованиях городища Иднакар – одного из наиболее крупных поселений Прикамья эпохи средневековья.

Ключевые слова: оборонительные сооружения, поиск, форма, структура, городище Иднакар, геофизика, методика исследований, трехмерная реконструкция, система обороны укрепленных поселений.

Реконструкция процессов формирования и развития древних поселений основывается на совместном анализе планировки и системы укреплений. Эффективным способом решения данной задачи является комплексное применение методов археологии и геофизики. Принятая в настоящее время стратегия таких исследований предполагает геофизическую съемку всей территории памятника, позволяющую получить предварительные сведения о его планиграфии в целом и определить место раскопа для целенаправленного изучения выбранных объектов. В свою очередь, археологическое изучение ключевых участков не только уточняет и верифицирует полученную информацию, но и решает ряд специфических задач: выявление конструктивных особенностей отдельных сооружений, этапов развития и хронологических рамок

существования поселения, определение этнокультурной принадлежности и пр. В дальнейшем интерпретация планировки и структуры памятника основывается главным образом на результатах геофизических измерений [Чича..., 2004]. При таком подходе методы геофизики играют весьма существенную роль, следовательно, методика исследований должна обеспечивать высокую степень достоверности при определении местоположения, границ и структуры археологических объектов.

Геофизические методы широко используются для поиска сооружений, котлованов, ям, печей и других элементов поселений, однако при реконструкции системы укреплений применяются достаточно редко. Наиболее выразительные результаты получены при выявлении погребенных остатков каменных конструкций: фундаментов башен и стен, подземных ходов и других элементов фортификационных сооружений [Слепак и др., 2004; Слухин, 1988; Эпель-

*Исследования выполняются при финансовой поддержке РФФИ (проект № 08-06-00002а).

баум и др., 2006]. С учетом высокой контрастности физических свойств камня по отношению к грунту используется практически весь спектр геофизических методов: электро-, магнито-, сейсморазведка, георадарная съемка и пр. Исследованиям земляных оборонительных сооружений посвящено относительно немного публикаций. При этом в большинстве случаев решается частная задача – определение расположения линий укреплений, которые в настоящее время визуально не прослеживаются, например, засыпанных рвов и сложенных распашкой валов [Домбровский и др., 1962; Молодин и др., 2001; Скаун, Тарасов, 2000; Тибелиус, 1995]. Спектр используемых геофизических методов не так широк: магнито-, электроразведка и высокочастотное электромагнитное зондирование.

Актуальной задачей для археогеофизики является не только поиск оборонительных сооружений, но и их детальное изучение. В частности, метод электрораззондирования принципиально позволяет восстановить форму сохранившейся части укреплений, выявить структуру (слоистость/однородность) и оценить состав грунтов. Анализ этих данных предоставит возможность предварительно реконструировать технологию возведения укреплений. В некоторых случаях такая информация позволяет обосновать предположения об относительной хронологии развития поселения и особенностях этнокультурной ситуации. Например, изучение состава валов Яблоновского городища в Белгородской обл. методом электроразведки выявило, что при сооружении одного из валов использовался камень, тогда как остальные состояли только из грунта, укрепленного деревянными конструкциями [Дьяченко и др., 1999]. Это позволило исследователям определить разновременность элементов линии укреплений: система обороны была возведена в скифскую эпоху, а один вал реконструирован в средневековье. Аналогичные по подходу междисциплинарные исследования проводились на городище Луковня в Подмосковье [Станюкович, 1997, с. 24–25]. Электрораззондирование выявило, что валы поселения раннего железного века сформированы грунтами высокого сопротивления с неоднородной структурой. Как показали последующие раскопки, это суглинок и песок с большим количеством известняковых обломков. Более поздние укрепления – древнерусские – состояли из однородных суглинков низкого сопротивления. Использование электротомографии на Знаменском городище дьяковской культуры позволило не только реконструировать систему обороны поселения (выявлено два вала, практически не выраженные в рельефе), но и установить форму этих сооружений и технологию возведения (песчаная насыпь на материковом суглинке) [Бобачев и др., 2006]. Безусловно, для определения хронологии

формирования укреплений, выявления их конструктивных особенностей, а также изучения технологии их возведения необходимы раскопки. Однако без геофизического прогноза археологические исследования оборонительных сооружений малоэффективны. Более того, разработка геофизической методики всестороннего изучения этих сооружений создает реальную альтернативу раскопкам при реконструкции системы обороны укрепленных поселений.

Оборонительные сооружения городища Иднакар: основные итоги археологических исследований

Одно из наиболее крупных поселений Прикамья эпохи средневековья – древнеудмуртское городище Иднакар – было основано во второй половине IX в. и существовало на протяжении четырех веков [Иванова, 1998]. За столь продолжительный период оно периодически расширялось, о чем свидетельствует наличие трех разновременных линий оборонительных сооружений (рис. 1). С востока, с напольной стороны, визуально фиксируются два мощных вала: внешний ограничивает площадку, средний делит ее на две примерно равные части. Внутренняя линия укреплений в рельефе не выражена, впервые она была выявлена при раскопках С.Г. Матвеева в 1927–1928 гг. В настоящее время контур внутреннего оборонительного вала восстановлен по данным геофизических измерений. Обобщение результатов археологических исследований позволило наметить следующие этапы эволюции оборонительной системы [Там же, с. 20–27]:

I этап – основание городища и возведение первой линии укреплений – конец IX – начало X в.;

II этап – возведение второй линии укреплений – середина X в.;

III этап – усиление средней и возведение наружной линии укреплений, прекращение функционирования внутренней – середина XI в.;

IV этап – расширение средней и наружной линий укреплений – XII – начало XIII в.

Как показали раскопки, внутренняя линия не реконструировалась за весь период ее существования в качестве оборонительного сооружения. Средняя и внешняя линии укреплений функционировали до XIII в. Их валы отличаются значительной мощностью в результате многократных расширений: выявлено не менее четырех этапов реконструкции среднего вала и два – внешнего. Кроме того, все линии укреплений различаются по технологии их возведения. Раскопки показали, что основу внутреннего вала составляет бревенчатая конструкция из срубов, заполненных плотной, практически однородной глиной (рис. 2). В среднем и внешнем валах таких конс-

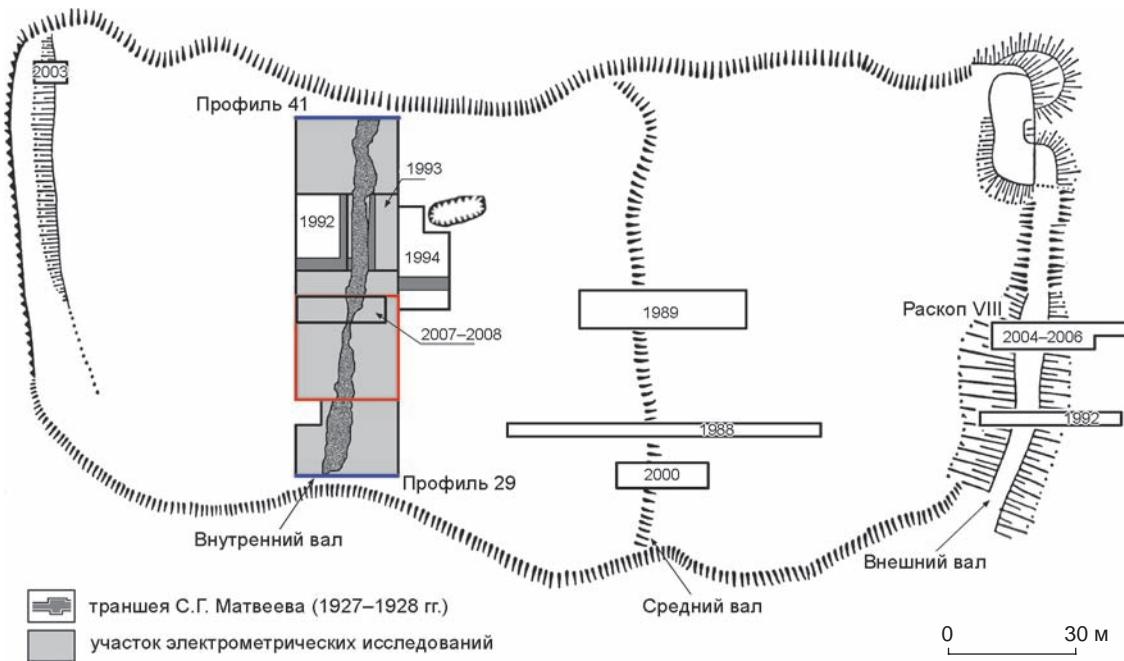

Рис. 1. План городища Иднакар. Расположение участков археологических раскопок оборонительных сооружений и планшета геофизической съемки.

Рис. 2. Нижние венцы срубных конструкций (вид с юга). Городище Иднакар, раскоп 2008 г., внутренний вал, участок У-14 (уровень фиксации -340).

структур нет. Археологически фиксируются площадки прокаленной глины, остатки плетня и вымостки из бревен, укреплявшие склоны. Оборонительные сооружения отличаются и по форме. В частности, внутренняя сторона внешнего и внутреннего валов близка к вертикальной, а наружная – достаточно пологая. Средний вал покатый с обеих сторон. Кроме того, различен состав грунтов, формирующих массив каждого вала. Внутренний образован из однородной материковой глины, в которой прослеживаются пят-

на темного золистого суглинка и вкраплений светло-коричневой глины. Иная структура среднего и внешнего валов: в их основании фиксируются мощные слои песка, перекрытые суглинком. Состав грунтов среднего вала отличается значительным разнообразием по сравнению с внешним. Встречаются слои глины, суглинка, песка и участки прокаленной глины, фиксирующие различные этапы подновления. Вызывает интерес то, что структура оборонительных сооружений не одинакова на всем их протяжении. Например, основу центральной части среднего вала (раскопки 1988 и 1989 гг.) составляют слои песка с весьма сложным сочетанием напластований глины и суглинка с различными примесями (гумус, уголь, мергель и пр.), а южной – практически чистая материковая глина, перекрытая глиной с небольшими включениями гумуса (раскопки 2000 г.). Поэтому есть основания полагать, что на различных этапах существования городища население использовало разные строительные приемы.

Таким образом, все три линии защитных сооружений Иднакара значительно отличаются друг от друга по форме, структуре и конструктивным особенностям. Наличие участков, различных по технологии строительства, позволяет предположить, что у населения городища не существовало единого стандарта при возведении земляных оборонительных сооружений. Для выявления всех перечисленных особенностей формирования системы укреплений Иднакара необходимо детальное изучение каждой линии обороны по всей

длине. Методической основой таких исследований может быть комплексное применение методов археологии и геофизики. Следовательно, актуальным направлением является разработка специализированной методики междисциплинарных исследований земляных укреплений. Археогеофизическая составляющая такой методики должна обеспечивать возможность оперативного поиска оборонительных конструкций, не выраженных в рельефе, а также изучение их формы, состава и структуры. Не менее важны методы и технологии интерпретации данных геофизики.

Объекты поиска при геофизических исследованиях

Анализ результатов предварительных археологических исследований позволил сформулировать критерии, необходимые для качественной и количественной интерпретации геофизических аномалий. При раскопках внутренних оборонительных сооружений городища Иднакар установлены параметры насыпи, С.Г. Матвеевым предложена реконструкция в виде ряда срубов, поставленных один к другому и засыпанных плотной красной глиной. Предположительно по верху вала проходил тын, следы которого уничтожены длительной распашкой. При раскопках М.Г. Ивановой в 1993–1994 гг. получены сведения о размерах: ширина основания вала 5,5–6,0 м, высота сохранившейся части насыпи 1,0–1,3 м, ров шириной 7,0–7,8 м углублен в материк на 1,5–1,6 м [1998, с. 22]. Анализ стратиграфии показывает, что верхняя часть вала была срыта еще во время существования поселения, а ров засыпан – в нижнем слое его заполнения прослеживается слой глины, перемешанной с гумусом, мощностью 0,40–0,50 м (рис. 3). Именно в связи с этим в настоящее время линия оборонительных сооружений в рельефе не выражена. С внутренней стороны благодаря стенкам срубов вал оставал-

ся практически вертикальным, а наружный его склон был достаточно пологим [Там же, с. 20–22]. В соответствии с этим планиграфическая геофизическая аномалия, вызванная внутренним оборонительным валом, вероятно, имеет линейную форму и вытянута в направлении север – юг, ее ширина составляет примерно 5,0–6,0 м.

В процессе раскопок выявлены остатки внутриваловых конструкций в виде прослоек дерева, ориентированных по линии север–юг вдоль насыпи (см. рис. 2). Характер залегания слоев позволяет предположить, что строители устанавливали на подготовленную поверхность один венец сруба и забутовывали его глиной, получаемой при выборке рва, после чего глину уплотняли и устанавливали следующий венец; в дальнейшем операция повторялась. Об этом свидетельствуют стратиграфические данные: внутри сруба прослойки практически чистой материковой коричневой глины мощностью 0,10–0,15 м перемежаются тонкими прослойками серого суглинка – палеопочвы. После сооружения основы вала была осуществлена отсыпка его внешнего и внутреннего склонов плотной красно-коричневой глиной. Следовательно, внутренний вал состоял из достаточно однородной, плотно утрамбованной глины и существенно отличался по составу и структуре от культурного слоя (крайне неоднороден – аморфный темный гумус, в различной степени насыщенный линзами и прослойками прокаленной глины, угля, золы, супеси, древесного тлена и пр.). Это определяет существенный контраст удельного сопротивления массива вала и грунта в межжилищном пространстве. Вероятно, абсолютная величина данного показателя грунта на участке городища, содержащем вал, должна быть 20–40 Ом · м. Оценка удельного сопротивления различных грунтов, составляющих культурный слой, приведена в изданиях, посвященных археогеофизическим исследованиям (см., напр.: [Слукин, 1988, с. 46–48]).

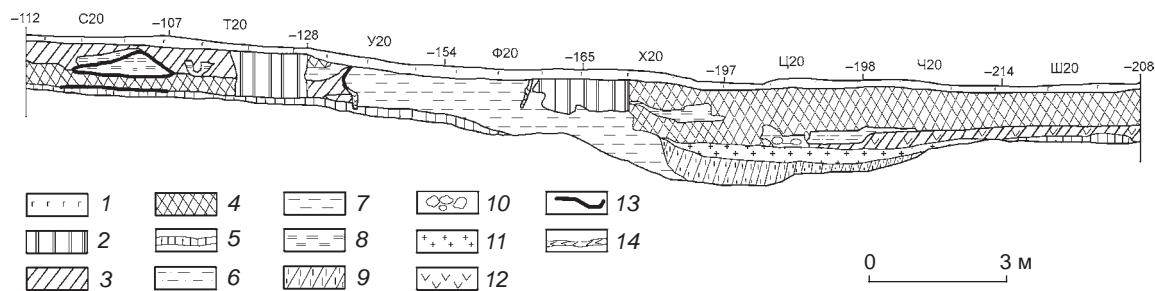

Рис. 3. Разрез внутренней линии оборонительных сооружений по материалам раскопок 1992–1994 гг.
(вид с юга).

1 – дерново-пахотный слой; 2 – перекоп, насыпной слой; 3 – золистая супесь; 4 – темный гумус; 5 – погребенная почва; 6 – глина с песком; 7 – глина; 8 – обожженная глина; 9 – плотный суглинок с гумусом; 10 – камни; 11 – рыхлый слой глины с гумусом; 12 – уголь; 13 – углистые прослойки; 14 – деревянные конструкции.

Методика геофизических исследований земляных оборонительных сооружений: основные положения и этапы работ

При изучении земляных укреплений методом электроразведки использованы основные элементы методики комплексных геофизических исследований культурного слоя [Журбин и др., 2007]. В этом случае археогеофизика позволяет реконструировать планиграфию и стратиграфию оборонительных сооружений. На основе результатов «планиграфических» измерений (электропрофилирование) производится оценка изменения контура вала и рва в горизонтальной плоскости, параллельной современной поверхности. Если укрепления не выражены в рельефе, интерпретация этих данных позволяет установить их местоположение, а также предварительно определить глубину залегания объектов. При «стратиграфических» геофизических измерениях (электротомография) строятся вертикальные сечения оборонительных сооружений. Геоэлектрические разрезы позволяют оценить структуру напластований и форму изучаемых объектов. С точки зрения представления информации, наблюдается прямая аналогия с набором стратиграфических разрезов вдоль бровок археологического раскопа. Обязательным условием проведения комплексных измерений является единая координатная сетка археолого-геофизических исследований. Оптимальный способ представления полученных результатов – пространственная модель археологического объекта по геофизическим данным.

Важным элементом методики интерпретации является обоснованный выбор участка геофизических исследований. Первоначально комплексные измерения проводятся на небольшой площади вблизи раскопов предыдущих лет. Сведения о пространственных характеристиках вала и рва, составе грунтов используются для оценки корректности предварительной геофизической реконструкции. Дальнейшие исследования связаны с раскопками ключевых участков линии обороны, которые выявлены по геофизическим данным. При этом предполагается изучение не только самих оборонительных сооружений, но и территории, непосредственно примыкающей к линии укреплений. Такая проверка археогеофизических реконструкций позволит создать эталоны для выявления различных типов напластований по геофизическим данным. Это обеспечивает верификацию методики определения формы, размеров и структуры оборонительных сооружений.

Следующий этап предполагает геофизическое исследование укреплений в целом, которое проводится на основе разработанной методики. Целью работ является построение трехмерной модели всей линии оборонительных сооружений (восстановление формы и геомет-

рических характеристик), а также выявление участков с различной структурой вала и рва (анализ состава и особенностей расположения напластований).

Комплексные исследования оборонительных сооружений городища Иднакар

Апробация методики археолого-геофизических исследований осуществлена при изучении внутренней линии укреплений городища. На первом этапе было проведено картирование центральной части поселения методом электрометрии (площадное электропрофилирование). По результатам анализа контура, расположения и амплитуды выявленных аномалий, внутреннему оборонительному валу соответствует область низкого сопротивления линейной формы, ориентированная в направлении север – юг (см. рис. 1). Основным результатом данной стадии работ является определение местоположения и конфигурации внутренней линии укреплений городища: вал пересекает всю площадку городища Иднакар; с севера и юга оборонительные сооружения ограничены современными склонами холма. С внешней стороны вала зафиксировано несколько врезок, которые, по-видимому, связаны с поздней деятельностью жителей городища. В частности, наличие одной врезки в массиве вала подтверждено раскопками, проведенными в 1993 г. после завершения электрометрических исследований [Иванова, 1998, рис. 4]. Необходимо отметить, что форма в плане и удельное сопротивление аномалии, соответствующей валу, хорошо согласуются с предварительными предположениями.

Следующий этап заключался в проведении комплексных геофизических измерений – электропрофилирования и электротомографии. Главная задача – определение геометрических параметров объекта и его формы. Исследования проведены по всей длине внутренней линии укреплений городища Иднакар. Однако наибольший интерес, с точки зрения анализа системы оборонительных сооружений поселения, вызывает резкое сужение вала в центральной части этой линии укреплений (см. рис. 1, граница участка показана красным цветом). По результатам площадного электропрофилирования (рис. 4) однозначно выделяются границы оборонительного вала (линии Т–Ф). Очевидно, вал частично разрушен. В северной и южной частях планшета геофизической съемки его ширина составляет 4,5–5,0 м, а в центре не превышает 1,5 м. Вероятны разрушения вершины вала (кв. Т9–Т8, Т13–Т11 и Т14–У14). Последующие измерения методом электротомографии подтвердили данные предположения. Исследования проведены по системе параллельных профилей, ориентированных по линии запад–восток, поперек обо-

Рис. 4. Планиграфия центрального участка внутренней линии оборонительных сооружений по результатам электропрофилирования. Расположение профилей 2, 4 и 7.

ронительных сооружений (всего 41 геоэлектрический разрез, расстояние между смежными профилями 1,5 м). В статье приведены геоэлектрические разрезы только по трем профилям (их расположение показано на рис. 4), наиболее контрастно отражающим изменение формы вала и рва (рис. 5). Геофизические разрезы позволили выявить причины возникновения искажений «планиграфической» аномалии вала. При «стратиграфических» исследованиях восстановлена своеобразная форма вала – близкая к вертикальной внутренняя сторона и ступенчатообразная внешняя (рис. 5, а, б). Участок, расположенный в центральной части этой линии укреплений (см. рис. 4; 5, в), разрушен в боль-

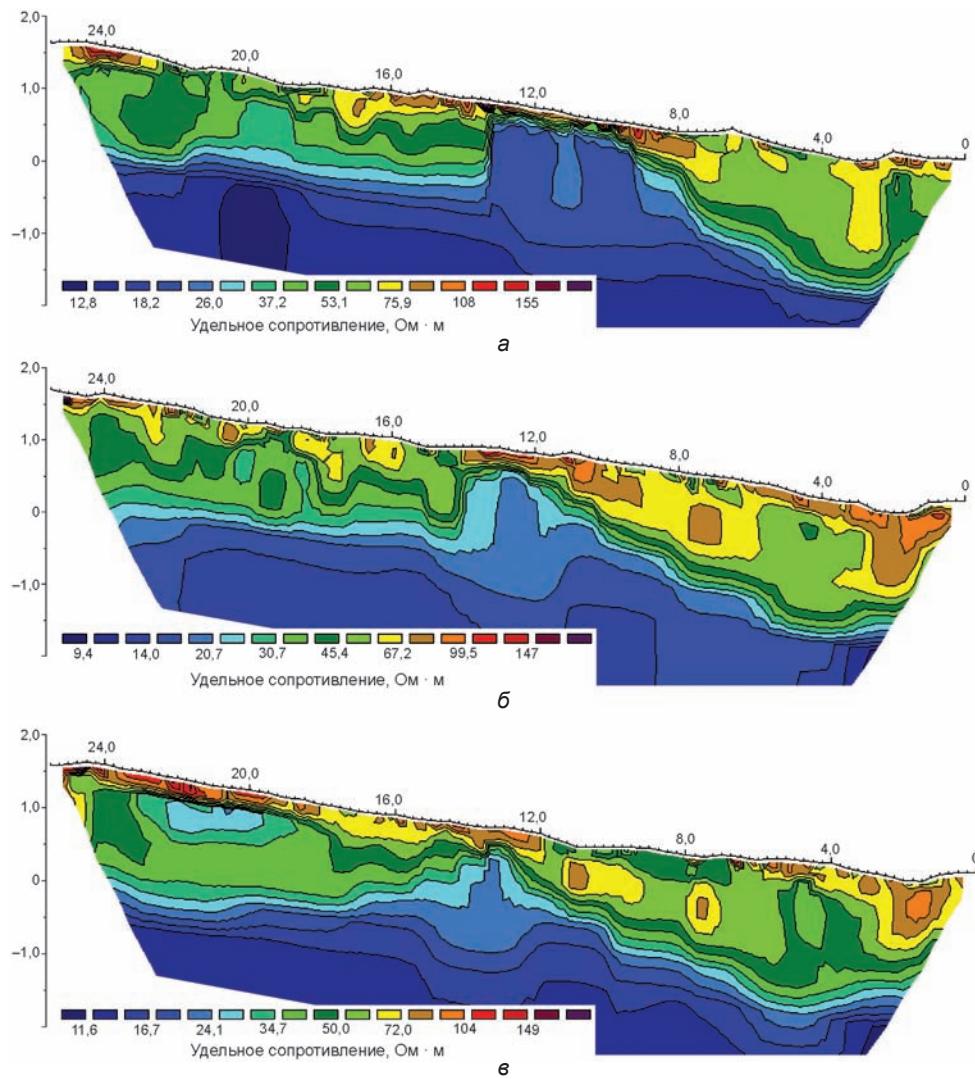
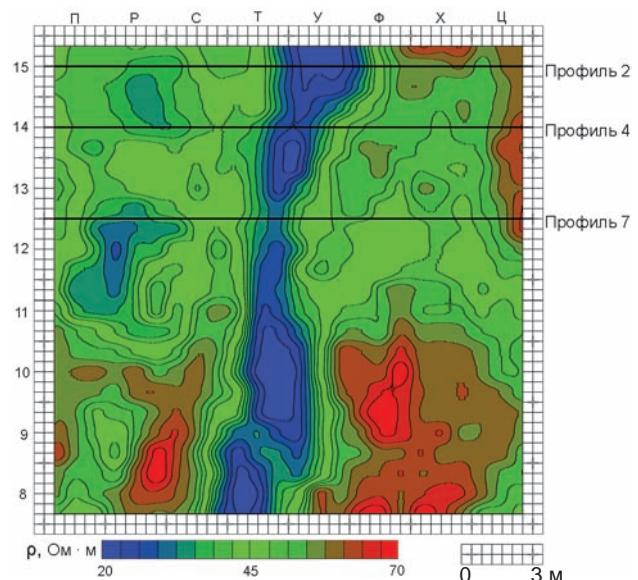

Рис. 5. Электротомография участка внутренней линии оборонительных сооружений (вид с юга).
 а – профиль 2; б – профиль 4; в – профиль 7.

шей степени. Очевидно, что такое существенное изменение геометрических характеристик сохранившегося основания вала и определяет «разрывы» и «сужения» аномалии на «планиграфической» геофизической карте. Пространственные параметры рва внутренней линии оборонительных укреплений хорошо реконструируются на «стратиграфических» разрезах. При этом возникает возможность оценить не только его ширину, но и глубину, а также особенности заполнения. В центральной части внутренней линии укреплений ров практически засыпан глиной, вероятно срезанной с вала. Наиболее контрастно эта особенность фиксируется на геоэлектрическом разрезе по профилю 7 (см. рис. 5, в). Следовательно, экспериментальные исследования показали, что «планиграфические» карты и «стратиграфические» разрезы взаимно дополняют друг друга. Сравнительный анализ позволяет уточнить геометрические параметры объектов и повысить достоверность реконструкции их формы.

Безусловно, такая интерпретация носит предварительный характер. Для уточнения геофизического прогноза необходимы раскопки. Именно поэтому третий этап связан с археологическим изучением ключевых участков. Это позволяет соотнести наблюдаемые аномалии с реальными объектами и создать эталоны аномалий, вызванных различными грунтами. Раскопки исследованного участка проводились в 2007–2008 гг. (см. рис. 1). На рис. 6, а и 7, а контур вала по результатам этих раскопок показан красным цветом. Сравнение данных археологии и геофизики показало, что конфи-

гурация геоэлектрических аномалий хорошо согласуется с реальной формой насыпи вала.

Не менее важным результатом третьего этапа междисциплинарных исследований является нахождение соответствия между различными грунтами и уровнем зарегистрированного удельного сопротивления. Иными словами, при прямом сравнении геофизической карты с археологическими разрезами определяется диапазон изменения сопротивления, соответствующий каждому из выделенных объектов и слоев. Границы диапазонов созданной шкалы позволяют оценить уровень сопротивления, маркирующий границы различных составляющих культурного слоя на данном памятнике. Применительно к описанным исследованиям диапазон изменения сопротивления насыпи вала хорошо согласуется с предварительными предположениями – 20–40 Ом · м. Кроме того, на геоэлектрических разрезах вал выявляется как достаточно однородный по структуре массив, что совпадает с результатами раскопок. При этом на всех полученных геофизических профилях его насыпь выявляется аналогичным образом. В качестве примера приведены два геоэлектрических разреза, соответствующие северной и южной оконечностям внутренней линии оборонительных сооружений, – профили 41 и 29 соответственно (см. рис. 1, 8). Таким образом, анализ результатов раскопок позволил оценить корректность реконструкции формы, геометрических параметров и структуры внутреннего вала по материалам электроразведки. Поскольку координатная сетка при раскопках и геофизической съемке совпадала, возникла возможность прямого сравнения полученных данных по стратиграфии и планиграфии культурного слоя. Сопоставление показало, что комплексные электрометрические исследования обеспечивают высокую точность при реконструкции формы сохранившегося основания вала, а также при определении размеров объектов и выявлении границ напластований.

Заключительным этапом комплексных исследований является реконструкция оборонительных сооружений. Пространственная модель фрагмента укреплений, построенная на основе геофизических разрезов, наглядно демонстрирует особенности формы вала и рва (рис. 9, а). По данным, полученным в ходе раскопок этого участка внутренней линии обороны, была создана модель только вала (рис. 9, б), т.к. раскопки рва не завершены. Таким образом, разработанный подход дает возможность более наглядно представить результаты археологических и геофизических исследований, а также обеспечивает удобство их анализа. Кроме того, построение пространственной модели всей ли-

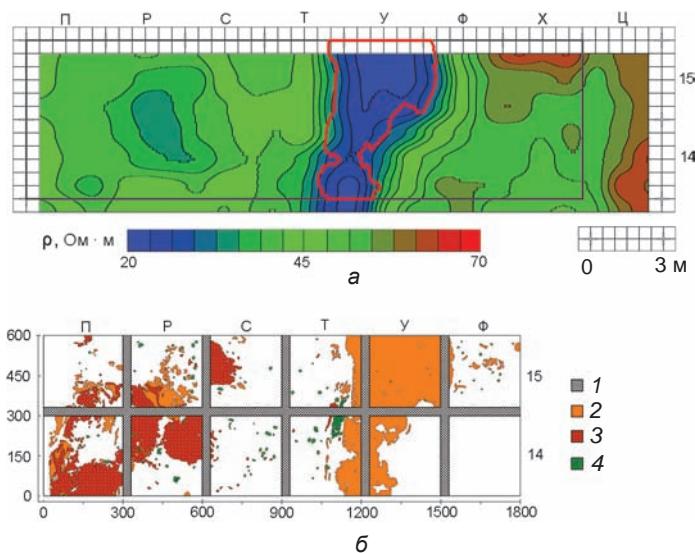
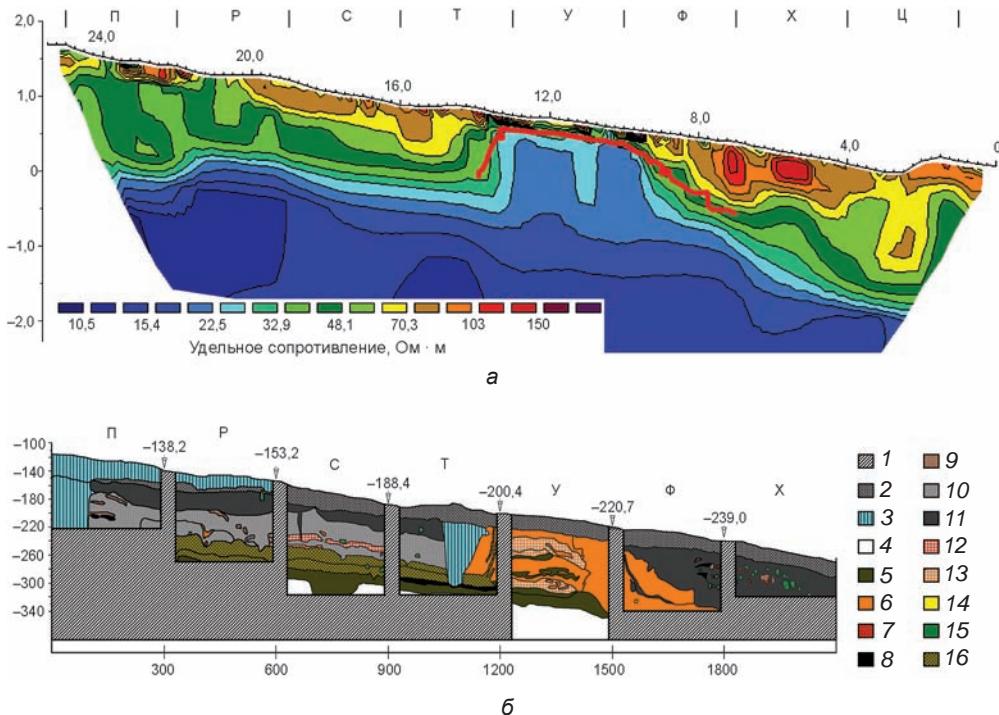

Рис. 6. Результаты междисциплинарных исследований на территории раскопа 2007–2008 гг. (планиграфия).

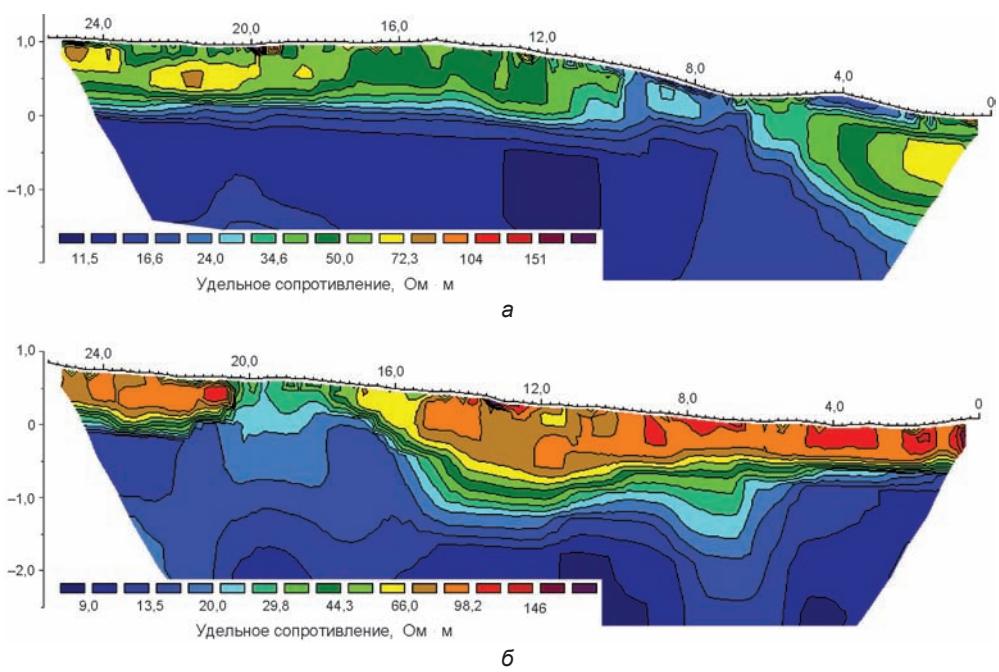
а – карта распределения сопротивления; б – сводный план расположения слоев глины, прокаленной глины и камней.

1 – консервация; 2 – глина различных оттенков; 3 – прокаленная глина; 4 – камень.

Rис. 7. Результаты междисциплинарных исследований на территории раскопа 2007–2008 гг. (стратиграфия).

a – геоэлектрический разрез по профилю 1 (вид с юга); б – линия 15, профиль северной стенки.
 1 – консервация; 2 – пахотный слой; 3 – перекоп; 4 – материк; 5 – серый суглинок; 6 – глина различных оттенков;
 7 – прокаленная глина; 8 – уголь; 9 – зола; 10 – светло-серый золистый легкий суглинок; 11 – темно-серый золистый средний суглинок; 12 – глина с содержанием гумуса; 13 – глина различных оттенков с включениями гумуса, угля; 14 – фрагменты дерева; 15 – камень; 16 – бурый гумус.

Rис. 8. Электротомография участка внутренней линии оборонительных сооружений (вид с юга).

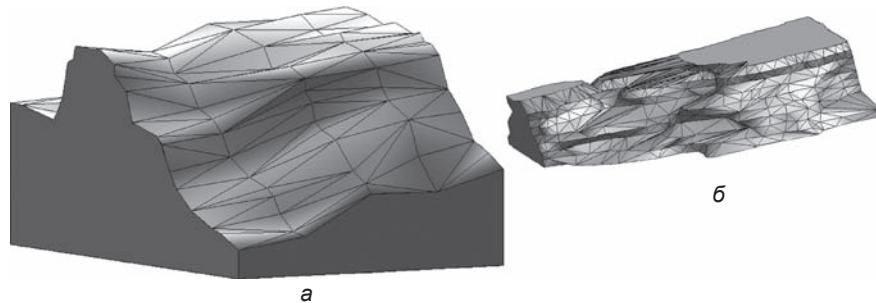

Рис. 9. Фрагмент пространственной модели внутренней линии оборонительных сооружений городища Иднакар (участок П–Ц/14–15).
а – по геофизическим данным; б – по результатам археологических раскопок.

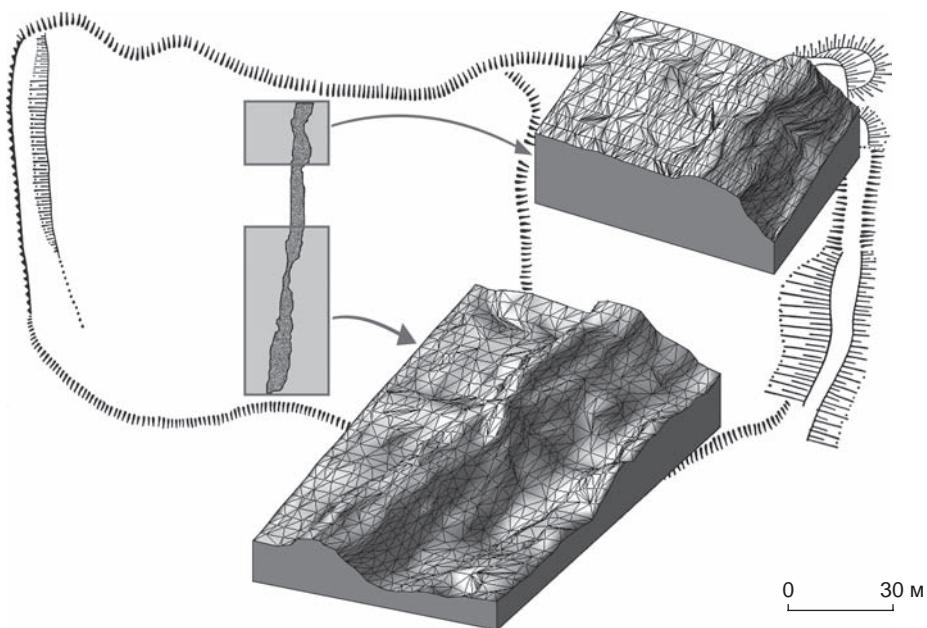

Рис. 10. Пространственная модель внутренней линии оборонительных сооружений по геофизическим данным.

нии оборонительных сооружений по геофизическим данным (рис. 10) позволяет восстановить исходную форму объектов, не искаженную поздними наносами и современными почвенными отложениями.

Исходя из результатов археолого-геофизических исследований внутренней линии оборонительных сооружений городища Иднакар, можно предположить, что вал представлял собой достаточно однородный массив глины длиной не менее 84 м. В целом форма вала в профиле на всем его протяжении практически неизменна: близкая к вертикальной внутренняя сторона и пологий наружный склон. На разрушенных участках (врезки с внешней стороны вала) ров практически полностью заполнен глиной, вероятно срезанной при позднем выравнивании этой линии укреплений.

Заключение

Анализ результатов междисциплинарных исследований внутренней линии укреплений городища Иднакар показал эффективность методики реконструкции формы, размеров и структуры археологических объектов по геофизическим данным. К достоинствам предложенного подхода можно отнести возможность оперативного поиска оборонительных сооружений, не выраженных в рельефе, и, следовательно, определения конфигурации и размеров поселения на различных этапах его развития. Дальнейшие исследования позволяют оценить форму и структуру земляных укреплений по результатам геофизических измерений, что дает возможность установить этапы и технологию возведения этих укреплений. Кроме того, трехмерная

модель оборонительных сооружений на всем их протяжении обеспечивает наглядность анализа системы обороны укрепленных поселений. Эффективность метода основана на комплексном использовании археологических и геофизических данных.

Список литературы

Бобачев А.А., Горбунов А.А., Модин И.Н., Шевнин В.А. Электротомография методом сопротивлений и вызванной поляризации // Приборы и системы разведочной геофизики. – 2006. – № 2. – С. 14–17.

Домбровский К., Стопинский П., Ступницкая Е. Исследование археологических памятников методом определения величины электросопротивляемости грунта // СА. – 1962. – № 3. – С. 105–115.

Дьяченко А.Г., Погорелов Ю.С., Семушев М.И. Археолого-геофизические исследования Яблоновского городища в лесостепном Приосколье // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий: тез. докл. науч. конф. – Липецк: Липецк. гос. пед. ин-т, 1999. – С. 159–165.

Журбин И.В., Бобачев А.А., Зверев В.П. Комплексные геофизические исследования культурного слоя археологических памятников (городище Иднакар, IX–XIII вв.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 2(30). – С. 114–124.

Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. – 294 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнэевайс Й., Бекер Х., Фассбinder Й., Чемякина М.А., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Васильев С.К., Мыльникова Л.Н., Балков Е.В. Археолого-геофизические исследования городища переходного от бронзы к железу времени

Чича-1 в Барабинской лесостепи: Первые результаты Российско-Германской экспедиции // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3(7). – С. 104–127.

Скакун Н.Н., Тарасов В.А. Результаты применения магниторазведки и каппаметрии при исследовании поселения трипольской культуры Бодаки // Археологические вести. – 2000. – Вып. 7. – С. 60–69.

Слепак З.М., Нугманова Г.Г., Гилязов И.И. Прогнозирование сохранившихся остатков древних строений по данным электромагнитного зондирования территории исторического центра г. Казани // Археология и естественные науки Татарстана. – Казань: Изд-во Ин-та истории АН РТ, 2004. – Кн. 2. – С. 26–43.

Слукин В.М. Неразрушающие методы исследования памятников архитектуры. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – 220 с.

Станюкович А.К. Основные методы полевой археологической геофизики // Естественно-научные методы в полевой археологии. – М.: Ин-т археологии РАН, 1997. – Вып. 1. – С. 19–42.

Тибелиус В.Я. Результаты геофизических исследований на Аркаиме // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: мат-лы конф. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1995. – Ч. 5, кн. 2. – С. 184–193.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / В.И. Молодин, Г. Парцингер, Ю.Н. Гаркуша, Й. Шнэевайсс, А.Е. Гришин, О.И. Новикова, М.А. Чемякина, Н.С. Ефремова, Ж.В. Марченко, А.П. Овчаренко, Е.В. Рыбина, Л.Н. Мыльникова, С.К. Васильев, Н. Бенеке, А.К. Манштейн, П.Г. Дядьков, Н.А. Куллик. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2. – 336 с. – (Материалы по археологии Сибири; вып. 4).

Эпельбаум Л.В., Хесин Б.Э., Иткис С.Е. Особенности геофизических исследований на археологических объектах Израиля // РА. – 2006. – № 1. – С. 59–70.

Материал поступил в редакцию 07.04.09 г.

УДК 904

С.Г. Скобелев

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: skob@gklass.nsu.ru

«ГОРОДКИ» ЕНИСЕЙСКИХ КИРГИЗОВ В РУССКИХ СООБЩЕНИЯХ XVII ВЕКА И АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ* *

В статье реализовано стремление опровергнуть сложившееся в последнее время в отечественной научной литературе мнение о том, что информация русских письменных источников XVII в. о существовании «каменных городков» енисейских кыргызов, которые могли служить убежищами в период военной опасности, является ошибочной. С точки зрения выразителей такой оценки, за каменный городок на р. Белый Июс были приняты вертикально установленные плиты на курганах тагарской культуры, укрепление у устья р. Сыда являлось не крепостью, а простейшими «защитами и бойницами» на вершине горы, каменная стена на «Тагыр-острове» на Енисее представляла собой не рукотворное сооружение, а природное образование. На основе данных полевых исследований, проведенных нами в указанных районах, было установлено, что каменным городком на Белом Июсе в источниках XVII в. могла считаться гора Первый Сундук, доступ на возвышенную и обрывистую часть которой защищен длинными каменными стенами. На горе Унюк у устья Сыды реально имеется крупное сооружение со рвами и мощными каменно-земляными валами. На «Тагыр-острове» (ныне о-в Каменный) на Енисее уверенно прослеживаются остатки стены длиной более 1 км из обломков плит девонского песчаника, защищавшей большую площадь на уплощенной вершине горы. Таким образом, русские первопроходцы прекрасно знали осваиваемую территорию и адекватно отражали в своих сообщениях ее главные особенности и характерные черты.

Ключевые слова: енисейские кыргызы, укрепления, русские первопроходцы, сообщения, археология, «каменный городок», гора Первый Сундук, крепость, гора Унюк, каменная стена, «Тагыр-остров».

Введение

Некоторые вопросы истории южной части Средней Сибири позднего средневековья и начала Нового времени, несмотря на многочисленность письменных источников русского и иностранного происхождения, в исторической литературе решаются еще недостаточно полно. Например, подвергаются сомнению предположения о существовании «каменного городка» на р. Белый Июс, а также укреплений в устье р. Сыда и на «Тагыр-острове» на Енисее выше устья р. Абакан.

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 10-01-00258а.

Отдельные исследователи, опираясь на результаты собственного историко-географического анализа известных русских документов, пытаются доказать, что мнение о существовании «каменных городков» и использовании их кыргызами в качестве убежищ в периоды военной опасности в XVII в. основано на недоразумениях, обусловленных поверхностным знанием исторических документов и некритичным отношением к ним [Добжанский, 2007]. Одно из сообщений источников даже охарактеризовано как «фантастические утверждения» [Резун, 1982, с. 16]. Однако эти критики не учитывают весьма важные данные, связанные с топонимикой, топографией и археологией региона. Поэтому представляется весьма актуальной задача уточнения и дополнения высказанных предположе-

ний по поводу таких сообщений русских письменных источников XVII в. сведениями, собранными нами в ходе собственных полевых исследований. Можно надеяться, что они помогут более определенно говорить о возможности существования объекта, называемого «каменным городком», укрепления у устья Сыды и наличии укрепления с каменной стеной на «Тагыр-острове».

Существовали ли «каменный городок» на Белом Июсе и укрепление у устья Сыды?

«Каменный городок» кыргызов на Белом Июсе неоднократно упоминается в различных русских документах, включая карту С.У. Ремезова [Бутанаев, Абдыкаликов, 1995, № 16, с. 72; № 20, с. 90; № 24, с. 102; Русско-монгольские отношения..., 1974, с. 134; 1996, с. 56]. Однако В.Н. Добжанский в статье, опубликованной в данном журнале, выразил сомнение в том, что «городок» вообще существовал. По его мнению, русские первоходцы приняли за «каменный городок» установленные вертикально крупные каменные плиты на курганах тагарской культуры [2007, с. 84]. При этом В.Н. Добжанский, опираясь на данные письменных источников, отмечает, что, вероятнее всего, этот «каменный городок» в виде оград курганов находился на Белом Июсе в районе современной горы Сундук. При анализе данного предположения в первую очередь исключим суждение об ошибке первоходцев в интерпретации назначения каменных плит на курганах тагарской культуры. Сообщения о «каменных городках» на других территориях в регионе, где сохранились такие же тагарские курганы, в русских источниках отсутствуют. В исторических документах «каменный городок» наиболее часто локализуется поблизости от горного массива Сундуки. В данном районе, кроме курганов тагарской культуры, кстати не самых крупных на Енисее, имеется своеобразное природное образование, единственное в своем роде, – гора Первый Сундук, на которой расположена каменная стена (рис. 1). Эта гора с обрывистыми краями выходов девонского песчаника, с трех сторон возвышающаяся над обширной равниной в долине Белого Июса (максимальная высота 491 м), является почти готовой крепостью. Достаточно было перегородить пологий подъем на нее с западной стороны (именно здесь отмечены остатки стен, сооруженных из обломков каменных плит), чтобы иметь мощную и весьма крупную по площади крепость. В настоящее время остатки стен представляют собой валы из сильно задернованных обломков плит девонского песчаника, в основном среднего размера, когда-то уложенных плашмя друг на друга (рис. 2). Современная высота

остатков стен в среднем 0,5–0,6 м. Стена, ориентированная по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток, пересекает пологий подъем на гору между ее обрывистыми северным и южным краями и отделяет каменистую вершину почти без растительности от двух обширных логов на западном склоне со степной растительностью (рис. 3), где временно могли поместиться несколько тысяч голов скота. На некоторых участках горы сохранились крупные останцы девонского песчаника, по подпрямоугольным очертаниям напоминающие стены или башни.

Можно предположить, что именно гору Первый Сундук со сложенной в западной части каменной стеной, а не курганы тагарской культуры русские первоходцы называли «каменным городком». К сожалению, установить время сооружения стены пока не представляется возможным, соответственно, нет оснований приписывать ее создание кыргызам. Однако не исключено, что последние, например, использовали уже готовое сооружение в оборонительных целях. Чтобы дать более точный ответ на этот вопрос, необходимо провести раскопочное изучение остатков стены.

В.Н. Добжанский критически относится к информации о «каменном городке ниже Сыды-реки», содержащейся в отписке 1652 г. красноярского воеводы М.Ф. Скрябина. Автор документа описал осаду северомонгольским Алтын-ханом городка, в котором засел его племянник Мерген-тайша. По мнению В.Н. Добжанского, названное сооружение не городок, а лишь нечто похожее на «защиты и бойницы», т.е. наспех сложенные небольшого размера конструкции [2007, с. 86]. Однако данное предположение нуждается в уточнении. В 1735 г. Г.Ф. Миллер отмечал, что на скале «Unnjuk-камень – на восточной стороне Енисея, немного ниже устья реки Сиды... замечены остатки бывшего города» [Сибирь XVIII века..., 1996, с. 57–58]. В 1739 г. он, побывав в этом месте, составил описание памятника: «Древнее укрепление... состоит из двойных рвов и валов. ...Внутренний вал высотой в половину человеческого роста, внешний ниже. Рвы находятся рядом с валами, с их внешней, или материковой, стороны, а земля из них набросана на валы. Кроме того, на горе имеется обширная прекрасная степь, поэтому представляется вероятным, что создатели этого укрепления во время войны укрывались здесь со своим скотом» [Там же, с. 164–165]. Наличие на горе Унок крупного сооружения с двумя линиями каменно-земляных стен-валов было замечено и наиболее компетентным современным исследователем «све» Хакасско-Минусинской котловины А.И. Готлибом [1999, с. 9].

Таким образом, рассматриваемый объект не похож на наспех сложенные «защиты и бойницы»; это было весьма мощное сооружение, создание которого требо-

Рис. 1. Курганы тагарской культуры в окрестностях горы Первый Сундук (на заднем плане в середине; вид с северо-северо-востока).

Рис. 2. Участок стены, перегораживающей северный лог горы Первый Сундук (вид с севера).

а

б

Рис. 3. Котловины северного (*а*) и южного (*б*) логов горы Первый Сундук (стрелки указывают на остатки стены; вид с востока).

вало больших трудозатрат. Объект строился явно как долговременный и оборонительный (не обязательно людьми Мерген-тайши или кыргызами) и в этом качестве мог использоваться кыргызами. Поэтому нельзя согласиться с В.Н. Добжанским, отвергающим возможность существования здесь настоящей крепости.

Имелось ли укрепление на «Тагыр-острове» на Енисее?

Большинство исследователей отождествляет «Тагыр-остров» с современным о-вом Тагарским, образуемым Минусинской протокой Енисея. Как считает В.Н. Добжанский, «киргизская крепость» на о-ве Тагарском на Енисее выше устья Абакана ни в каких документах не значится. По его предположению, крепость «появилась сначала под пером С.В. Бахрушина, а затем А. Абыкалыкова. Первый назвал ее острогом... а второй – городком» [2007, с. 89]. Исследователь скептически относится к информации о крепости на «Тагыр-острове», приведенной в известных письменных документах – отписке кузнецкого воеводы 1680/81 г., сообщениях служилых людей о маршрутах в «Киргизскую землю» с указанием удобного для постройки острога места, сведениях красноярского сына боярского Г. Ермолаева 1684 г. Согласно первому из этих документов, вверх по Енисею выше устья Абакана есть «Тагыр-остров длиной 5 верст, с одной стороны на том острове залегает камень, подоб-

ный городовой стене» [Там же, с. 84]. Во втором документе, который В.Н. Добжанский цитирует по работе С.В. Бахрушина, говорится, что длина того острова ок. 5 верст, сам остров находится посреди Енисея, с одной стороны на том острове залегает камень, подобный городовой стене; само это место удобно для создания острога [Там же, с. 89]. Третий документ – текст допроса воеводой К.О. Щербатовым красноярского сына боярского Г. Ермолаева. В нем говорится, что к этому острову на Енисее от устья Абакана ехать степью на лошадях около половины дня и меньше; остров находится посреди Енисея, с нижней стороны (от Абакана) поперек острова залегает «камень» в длину около версты или меньше, высокий, подобный городовой стене, образующий крепость крупного размера [Там же]. Именно на основании двух последних документальных сообщений С.В. Бахрушиным и А. Абдыкалыковым сделаны выводы, правильность которых В.Н. Добжанский подвергает сомнению: «Приводимая обоими авторами цитата из документа, хранящегося в фонде Сибирского приказа (стб. 715), полностью противоречит их утверждениям о наличии на Тагарском острове острога или городка киргизов» [Там же, с. 89]. По его мнению, исследователи неверно интерпретировали данные воеводы К.О. Щербатова, составленные со слов служилых людей, о том, что находившийся на острове «камень» на самом деле является природной крепостью [Там же, с. 89].

Действительно, на современном о-ве Тагарском на Енисее, расположенном напротив устья Абакана, где находится современный г. Минусинск (рис. 4), какие-либо следы созданной людьми «крепости великой» – «камня», подобного «городовой стене», «камня на версту или меньше, высокого, подобного городовому делу», не обнаружены. Исследователи, отрицающие наличие на о-ве Тагарском крепости, которая могла использоваться кыргызами, формально правы, но только в том случае, если иметь в виду современный о-в Тагарский. К сожалению, они не уточняют, о каком именно острове на Енисее идет речь, но, судя по логике рассуждений, именно о последнем. В «Истории Хакасии» «Тагыр-остров» и современный о-в Тагарский вполне определенно отождествляются [1993, с. 156].

Следует подчеркнуть, что выше современного устья Абакана имеются два острова, которые в настоящее время носят фактически одно название: собственно Тагарский (от «таг» или «тах» – камень) и Каменный – современная русскоязычная калька слова «Тагыр» (также от «таг» или «тах»); не случайно соленое озеро на правом берегу Енисея, к северо-востоку от о-ва Каменного, до сих пор называется Тагарским. Г.Ф. Миллер в 1735 г. уверенno отмечал, что «Umai-taiga – последняя скала Саянских гор в северном направлении, на восточном берегу реки Енисея.

Tagir-tag или -камень – высокая скала на острове, образованном двумя рукавами реки Енисея, приблизительно на полпути между предыдущей скалой Umai-taiga и устьем реки Абакана» [Сибирь XVIII века..., 1996, с. 57]. Абсолютно ясно, что речь в этом сообщении идет именно о современном о-ве Каменном, а не современном Тагарском, который находится не между скалой Умай и устьем Абакана, а почти напротив устья Абакана (рис. 4).

То, что Г.Ф. Миллер имел в виду о-в Каменный – Tagir-tag, подтверждается и его сообщением о расположении собственно о-ва Тагарского: «Tagar-камень – на восточной стороне реки Енисея, напротив устья реки Абакана» [Там же]. Кроме того, поблизости от о-ва Тагарского нет соленых озер. Говоря же об о-ве Каменном, Г.Ф. Миллер отмечал: «На восточной стороне Енисея, напротив вышеуказанной скалы Tagir-камень, приблизительно в 3 верстах от берега имеется Tagирское соленое озеро (выделено нами. – С.С.)...» [Там же]. Не следует думать, что Г.Ф. Миллер перепутал название. Согласно источникам XVII в., подобный топоним на Енисее имели географические объекты не только этого микрорайона. Так, под названием Тагыр указано местность в устье р. Упса (ныне Туба) [Бахрушин, 1955,

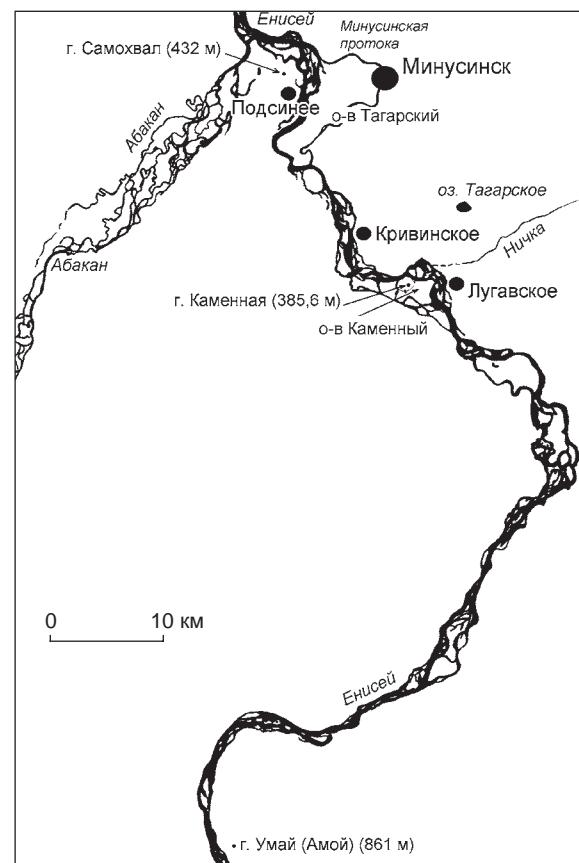

Рис. 4. Современная карта местности между городом Умай и устьем Абакана.

с. 208], здесь правый берег реки представляет собой высокую каменную гору с отвесной стеной-обрывом.

Остров, известный сегодня под названием «Каменный», находится в 25 км от современного устья Абакана и 15 км (по прямой линии) выше современного о-ва Тагарского, между селами Лугавское и Кривинское Минусинского р-на Красноярского края, напротив устья р. Ничка – небольшого правого притока Енисея (рис. 4). Этот остров – один из самых крупных в среднем течении Енисея. В отличие от большинства островов на Енисее, в данном районе, как правило, низменных и слаборельефных, возникших в результате перемещения рекой галечного и песчаного материала, это природное образование является останцом горы красного девонского песчаника и характеризуется большой высотой (385,6 м, максимальная высота над уровнем Енисея 150–160 м). С южной, восточной, а также части западной сторон останец ограничен почти вертикальным каменным обрывом. Остров Каменный считается одним из самых заметных объектов рельефа в бассейне среднего Енисея, хотя верхняя по течению реки (большая по площади) его часть низменная и слаборельефная; назван по останцу, который именуется горой Каменной. Остров хорошо виден с больших расстояний с обоих берегов Енисея.

Расположение и топографические характеристики о-ва Каменного полностью соответствуют приведенным выше описаниям «Тагыр-острова» (Tagir-tag по Г.Ф. Миллеру). Действительно, о-в Каменный находится выше устья Абакана, а не почти прямо напротив него, как современный о-в Тагарский: расстояние от устья Абакана, если его преодолевать на лошадях – около половины дня и меньше, что соответствует 25–27 км, а не 5–7 км, как от современного устья Абакана до о-ва Тагарского. Кроме того, степью от устья Абакана можно проехать по левому берегу Енисея лишь к о-ву Каменному, по правому берегу путь к о-ву Тагарскому лежит по гористой и сильно пересеченной, а затем лесистой (по состоянию на настоящее время, но наличие здесь воды могло и ранее обеспечивать произрастание древесной растительности) местности, по невысоким берегам Минусинской протоки Енисея. Однако и при проезде к о-ву Каменному по правому берегу Енисея местность также гористая и сильно пересеченная, лесистая.

В настоящее время Абакан впадает в Енисей целиком ниже горы Самохвал. Однако известно древнее русло одного из рукавов устья Абакана, впадавшего в Енисей выше Самохвала (у северной окраины современного с. Подсинее, где местность до сих пор заболочена). Следовательно, современный о-в Тагарский не мог находиться выше устья Абакана, он реально располагается напротив, а значит, расстояние от Абакана до о-ва Каменного на несколько километров меньше, чем подразумевается в источнике, –

дорога к острову шла только по степи, т.к. в данном случае не требовалось на своем пути преодолевать гору Самохвал, т.е. «ехать горюю».

Формулировка «остров посреди Енисея» в значительно большей степени соответствует о-ву Каменному; его берега приблизительно на равном протяжении омываются на севере водами основного русла Енисея, на юге – протоки. Современный о-в Тагарский на востоке омывается длинной петлеобразной Минусинской протокой, значительно более протяженной, чем основное русло (рис. 4). Длина современного о-ва Тагарского (по линии юго-запад – северо-восток) составляет ок. 12 км, тогда как в источниках указано: «в длину верст с 5». Современный о-в Каменный в длину протянулся на 4 км. Таким образом, оба острова не соответствуют описаниям источников, хотя о-в Каменный им ближе.

В документах говорится, что «с одного де конца на том острову залег камень подобен городовой стене» (цит. по: [Там же, с. 219–220]), «с нижнего де конца от Абакана реки по обе стороны того острова... камень, на версту или меньше, высокой подобно городовому делу и крепость де великая» (цит. по: [Абдыкалыхов, 1968, с. 9–10]).

В нижней части о-ва Каменного, имеющей вид полукруга, действительно находится упомянутый выше, омываемый на большом протяжении с двух сторон водами Енисея очень высокий и почти вертикальный, похожий на стену (в плане полукруглый) каменный обрыв горы-останца. Подъем по нему со стороны верхней части острова, ровной и низменной, покрытой луговой и древесной растительностью, без специального снаряжения невозможен. Кроме того, под обрывом находится узкая протока, которая частично пересыхает при низкой воде, а при высокой полностью отделяет останцовую часть острова, превращая ее в отдельный остров округлой формы. Но в самой нижней части острова (у северо-западного подножия горы-останца) местность также ровная и низменная, покрытая луговой и древесной растительностью. В этом месте переход от возвышенной части острова к низменной (т.е. склон горы) длинный и пологий, позволяет свободно и легко достигнуть уплощенной вершины горы. Самое важное, что именно здесь находится каменная стена длиной немного более 1 км («камень, на версту или меньше, высокий подобно городовому делу»), сложенная без связующего материала из обломков плит девонского песчаника. Это довольно крупное искусственное сооружение видно не только с близкого расстояния (рис. 5), но и из космоса.

Стена с северо-востока на юго-запад (с небольшими отклонениями) пересекает нижнюю часть острова поперек, от одного края обрыва до другого в самой узкой части останца, где было возможно с минимальными трудозатратами создать надежное укрепление для

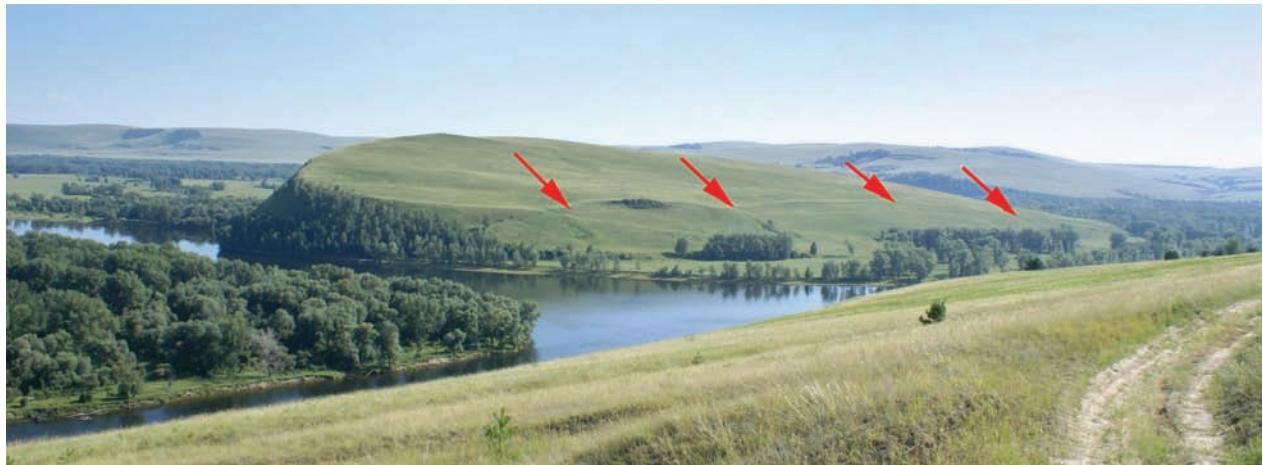

Рис. 5. Остатки стены на о-ве Каменном (показаны стрелками; вид с севера).

защиты со стороны низменной части. Несмотря на заметную задернованность поверхности, частично разрушенная стена (камни сместились и осели, видимо, под действием естественных факторов) уверенно прослеживается на всем протяжении. В настоящее время в высоту она (с внешней стороны) достигает в среднем более 1,5 м, в ширину ок. 1,5 м. Вероятно, первоначально высота стены с внешней стороны была не менее 2 м.

Данное укрепление изучалось И.А. Грачёвым; ему принадлежит наиболее полное описание объекта. Сооружение представляет собой комбинацию крепостных стен, рвов и эспланад. В сплошной линии оборонительных укреплений, соединяющих обрывистые склоны горы, имеется четыре проема – ворота. От проемов I и III к подножию горы спускаются две дороги-рампы. Ширина дорог, созданных путем выборки тела горы, составляет 4 м. На участке между проемами I и II стена, выгибаясь в напольную сторону, образует бастион. Кроме основной стены, имеются и отдельные изолированные сооружения в виде стен, закрывающие лога и врезающиеся в обрывистый юго-западный склон горы. В прилегающем к стене склоне горы хорошо видны следы масштабной выемки грунта (рис. 5). Данное сооружение, по мнению И.А. Грачёва, появилось в эпоху поздней бронзы [2006].

Стена огораживает и защищает весьма крупный участок самой возвышенной части острова («крепость... великая»). Здесь могло разместиться большое количество людей и скота, который можно было пасти на уплощенной вершине и склонах горы, покрытых обычной степной растительностью. С остальных сторон защиту обеспечивал отвесный обрыв. На ряде его участков (в северо-восточной и юго-западной зонах, где высота значительно меньше, чем в самой высокой южной зоне, а непосредственно под ними находятся основное русло и протока Енисея) с площади укрепления возможен подъем воды наверх, например, в кол-

жаных ведрах на веревках. Таким образом, в отличие от большинства обычных для юга Средней Сибири небольших по размерам сооружений «све», не имевших доступа к воде и не располагавших достаточными площадями для размещения значительного количества людей, чтобы их можно было считать крепостями, предназначенными для длительного укрытия людей и скота, данный объект в наибольшей степени соответствует определению «крепость».

В пользу нашего предположения говорит и сообщение Г.Ф. Миллера, датированное 1739 г. В своих записях, сделанных во время путешествия по Енисею, он назвал о-в Каменный уже почти его современным именем – «Каменной»; тогда же он указал и точное местоположение объекта – напротив устья р. Нички, и размеры – длиной «в 2 версты и почти такой же ширины», и наличие на его возвышенной части чистой степи. Самое важное, Г.Ф. Миллер сообщил: «Говорят, что в старые времена на этом острове жили также кыргызы и однажды, когда против них воевали калмыки, они нашли здесь себе убежище со всем своим скотом, так как остров укреплен от природы и лишь с западной стороны имеется не очень широкий подъем, а с восточной стороны он состоит из отвесных скал» [Сибирь XVIII века..., 1996, с. 157].

Сопоставление сведений письменных источников с археологическими данными дает возможность сделать следующие выводы:

в «Тагыр-острове», указанном в русских документах XVII в., в рассматриваемом районе следует видеть современный о-в Каменный, а не Тагарский, топографические характеристики которого не отвечают описаниям в источниках;

сообщения о наличии на «Тагыр-острове» каменной стены, т.е. укрепления, которое, возможно, использовалось енисейскими кыргызами, соответствуют действительности;

стена, о которой говорится в письменных источниках, является искусственным, а не природным объектом, как это предлагают считать некоторые специалисты.

Рассмотренные материалы позволяют признать правоту исследователей, допускающих возможность существования укрепления на «Тагыр-острове». Трудно сказать, имелись ли у С.В. Бахрушина и А. Абдыкалыкова какие-либо дополнительные сведения о наличии на острове недалеко от устья Абакана укрепления, куда во время военной опасности «для крепости и охранения киргизские люди и иные разные роды отсылали жен своих и детей и лошадей и скотину и всякие животы» [Бахрушин, 1955, с. 183], или же эти специалисты основывались лишь на анализе данных письменных источников. Но даже если они и не располагали дополнительной информацией, доверие к сообщениям русских источников, продемонстрированное указанными авторами, вполне оправдано.

Заключение

Историко-географический анализ документов, привлечение современных топографических материалов, а также результатов археологических исследований позволяют сделать следующие выводы:

не все выводы о «киргизских городках» основаны на «недоразумении» или обусловлены некритичным отношением к историческим документам современными исследователями;

«каменный городок» на Белом Июсе, отмеченный в русских источниках XVII в., – вероятно, дополненное искусственным сооружением в виде каменной стены своеобразное природное образование – гора Первый Сундук; данный комплекс мог использоваться кыргызами в целях обороны;

на горе Унюк у устья Сыды имеются остатки весьма мощного для данной территории укрепления с двойной линией каменно-земляных стен-валов, которое в 1652 г., согласно достоверным данным, использовалось для обороны войском Мерген-тайши и могло использоваться для этих же целей и кыргызами;

утвердившееся в литературе мнение о существовании укрепления на «Тагыр-острове», под которым реально следует понимать не современный о-в Тагарский, а о-в Каменный на Енисее, подтверждается документально, а также наличием на последнем остатков длинной и высокой каменной стены, отделяющей крупный участок возвышенной местности; это укрепление и служило убежищем для кыргызов в период военной опасности.

Таким образом, русские первопроходцы XVII в. прекрасно знали осваиваемую территорию, подмечали ее главные особенности, характерные черты и адекватно отражали их в своих сообщениях, в ряде случаев даже более достоверно и детально, чем учёные-путешественники XVIII в.

Приведенные выше соображения и фактические данные следует учитывать при планировании в будущем археологических исследований, направленных на изучение крупных и интересных памятников истории региона, которые, по сведениям письменных источников, использовались в оборонительных целях в позднем средневековье и начале Нового времени.

Список литературы

Абдыкалыков А. Енисейские кыргызы в XVIII веке: (Исторический очерк). – Фрунзе: Ылым, 1968. – 138 с.

Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в. // Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. III: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв.; ч. 2: История народов Сибири в XVI–XVII вв. – С. 176–224.

Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII в. – Абакан: Хак. гос. ун-т, 1995. – 257 с.

Готлиб А.И. Горные сооружения-святыни Хакасско-Минусинской котловины: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1999. – 18 с.

Грачёв И.А. Фортifikационные особенности крепостных сооружений эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинского региона // Радловские чтения 2006: тез. докл. – СПб., 2006. – С. 253–256.

Добжанский В.Н. «Городки» енисейских киргизов в XVII веке: историографический миф или историческая реальность? // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 4. – С. 81–90.

История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. – М.: Наука, 1993. – 525 с.: ил.

Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII века. – Новосибирск: Наука, 1982. – 220 с.

Русско-монгольские отношения. 1636–1654: сб. док-тов / сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. – М.: Наука, 1974. – 469 с.

Русско-монгольские отношения. 1654–1685: сб. док-тов / сост. Г.И. Слесарчук; отв. ред. Н.Ф. Демидова. – М.: Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 1996. – 560 с.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – 310 с. – (Сер. «История Сибири. Первоисточники»; вып. 6).

УДК 904

Вл.А. Семенов

*Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: ranbov@yandex.ru*

УСУНИ НА СЕВЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Китайские династийные истории упоминают наряду с сюнну другие степные народы, в частности, юечжи и усуней. Под давлением сюнну юечжи и усуни были вынуждены оставить свои кочевья и переселиться в среднеазиатское Семиречье. Многочисленные памятники позднескифского времени в Туве (уюкско-саглынская культура), по материалам которых можно проследить контакты с сюнну, позволяют предполагать, что они были оставлены усунями. Такие предметы из могильников Суглуг-Хем-1, -2 и Хайыракан в Туве, как зеркала с боковой ручкой, заколки для волос, проволочные серьги, деревянные столики на четырех ножках, керамика с росписью и др., сопоставимы с находками из рядовых погребений усуней Семиречья. В Семиречье усуни переселились, преодолев Саяно-Алтайское нагорье и Иртыш ниже оз. Зайсан, где они оставили следы своего присутствия в памятниках кулажургинского типа, для которых характерны захоронения со скорченными скелетами в каменных ящиках, близкие тувинским по форме керамические изделия и весьма бедный сопроводительный инвентарь.

Ключевые слова: гунно-сарматское время, усуни, сюнну, Центральная Азия, Тува, Семиречье, уюкско-саглынская культура, могильник, погребальный обряд, археологический комплекс, хронологические индикаторы, керамика.

Введение

Этноним «усуни», который в гунно-сарматское время относился к одному из племенных объединений, кочевавшему между оз. Лобнор на юге и Алтае-Саянским нагорьем на севере, стал известен благодаря ханьским династийным историям. Эти источники («Хоуханьшу» и «Цяньханьшу») сообщают, что во II в. до н.э. сюннуский шаньюй Маодунь нанес поражение юечжи в районе Чжанье-Ганьчжуо и покорил Лоулань, Усунь, Хуззе и пограничные с ними 26 уделов. Юечжи, согласно различным источникам, обитали в степном районе от Дуньхуана на западе до Ганьчжуо на востоке. Местоположение Лоулань – небольшого оазиса-государства – приурочено к оз. Лобнор. Усуни, вероятно, граничили с Лоулань на юге и Хуззе на севере [Семенов, 1995, с. 157].

Усуни упоминаются и в античных источниках. Помпей Трог называл их «асианы», Птолемей – «исседоны»; впервые отождествил эти народы с усунями Гудзон [Ельницкий, 1977, с. 80].

Во время военной экспансии сюнну орды юечжи, а вслед за ними и усуней вторглись на территорию среднеазиатского Семиречья. Усуни создали здесь раннегосударственное объединение кочевников, границы которого на западе проходили по междуречью Чу и Таласа, на востоке – по отрогам Тянь-Шаня, на севере – по оз. Балхаш, а на юге достигали оз. Иссык-Куль, где находился г. Чигу – ставка усуньских куньмо (вождей). Согласно китайским источникам, народонаселение этого образования состояло из 120 тыс. кибиток (семей), 630 тыс. душ; численность строевого войска достигала 183 тыс. [Бичурин, 1950, с. 190–191]. Усуньский племенной союз просуществовал со II в. до н.э. по IV в. н.э., а точнее, до вхождения его в состав Тюркского каганата. Среди казахов Старшего жуза, киргизов Иссык-Кульской котловины и части узбеков сохранились родовые этнонимы «сары-уйсун», «уйшун» и др., свидетельствующие о возможном участии усуней в этногенезе этих народов [Акишев, Кушаев, 1963, с. 139].

Анализ археологических источников

Археологические памятники, которые можно связывать с усунями на территории Семиречья, исследовались А.Н. Бернштамом, Г.А. Кушаевым, Ю.А. Заднепровским и др. Этими специалистами были изучены материальная культура, погребальный обряд, антропологические остатки представителей усуньских племен.

Почти всеми исследователями отмечалось, что в усуньский период на территории Семиречья существовало несколько этносов. Местный субстрат был представлен среднеазиатскими саками, на территории расселения которых сначала вторглись юечки, а затем усуни. Как считает Ю.А. Заднепровский, для юечки были характерны погребения в ямах с подбоями и катакомбами, а местное сакское население хоронило усопших в простых грунтовых ямах вытянуто на спине [1992, с. 73–100; 1997, с. 73–79]. Могильники усуньского времени и собственно усуней, которые, по словам Помпея Трога, были «царями тохаров», т.е. кочевнических центрально-азиатских орд, разрушивших Греко-Бактрию, трудно различимы. Этим объясняется появление терминов «сако-усуньская культура» и «сако-усуньские памятники», введенные в научный оборот А.Н. Бернштамом и Г.А. Кушаевым.

Особого внимания заслуживают элитные курганы, в которых могли быть захоронены предводители отдельных групп племенного союза, т.е. собственно усуней. Таким памятником Ю.А. Заднепровский считал Талгарский могильник (на окраине г. Талгар в Казахстане) [1997, с. 82]. На этом могильнике насчитывается 444 курганные насыпи диаметром 4–56 м и высотой 0,1–4,5 м. В 1956 г. здесь было исследовано 13 небольших (диаметр ок. 10 м) курганов, в 1973–1976 гг. – 6 больших (диаметр 18–56 м и высота 1,2–4,5 м). Все большие курганы однотипны по устройству погребальных сооружений. Могильные ямы размежеваны (3,0–4,5) × (2,0–3,0) м, глубиной 0,8–1,2 м. Стенки ямы обкладывались камнем, яма перекрывалась накатом из бревен тянь-шаньской ели. Возможно, в некоторых курганах сооружался сруб. Поверх покрытия ямы клади камень, а затем возводили земляной курган, который облицовывали камнем. В этих курганах (все они были разграблены) обнаружены керамические изделия ручной лепки и сделанные на гончарном круге, сердоликовые бусы, глиняная печать с изображением крылатого козла, железный нож и др. Почти во всех могилах находились золотые бляшки, служившие украшением погребального костюма. В кург. 4 зафиксировано ок. 500 таких изделий. Бляшки были нашиты на одежду из кожи, окрашенной в красный цвет. Первично исследовательница этих курганов А.Г. Максимова отнесла памятники к IV–III вв. до н.э. [1980, с. 114–122], но затем К.А. Акишев датировал могильник II–I вв. до н.э. [1983, с. 174–177].

Курганы Талгара, безусловно, оставлены усуньской племенной верхушкой, о чем косвенно свидетельствуют определенные черты погребальных камер, характерные для памятников Центральной Азии. Среди последних в первую очередь следует отметить памятники позднескифской культуры на территории Тувы, хорошо изученные по материалам таких могильников, как Аймырлыг [Мандельштам, 1992, с. 178–196], Суглуг-Хем-1 и -2 и Хайыракан [Семенов, 2003], Озен-Ала-Белиг [Вайнштейн, 1966], а также Улангом в Монголии и др. Их отличают захоронения в деревянных срубах площадью 16,0–20,0 м², сложенных, как правило, в четыре венца. Погребальные камеры были средних размеров (6–9 м²) и устанавливались в ямах глубиной 2–3 м. Часть погребений совершилась в каменных ящиках рядом со срубами или срубном перекрытии.

В перечисленных могильниках, за исключением Аймырлыга, нами учтено 90 срубов, датируемых III–II вв. до н.э. В них было захоронено 392 чел. (из них 306 взрослых и 86 детей). Как отмечалось, почти все срубы были частично или полностью разграблены, поэтому не по всем учтенным человеческим останкам можно судить о положении погребенных. Тем не менее статистические данные позволяют сделать вывод о том, что подавляющее большинство умерших было погребено на левом боку (153 могилы) в скорченном положении (с согнутыми ногами). В 82 могилах находились похороненные на правом боку. На запад – северо-запад были обращены головой 117 чел., на север – северо-восток – 45, на юго-запад или юг – 37 погребенных. В отдельных случаях хоронили ничком (6 скелетов) и вытянуто на спине (2 скелета). По нашим наблюдениям, некоторые кости были разрушены преднамеренно или же останки были преданы земле после долгого хранения на открытом воздухе – на костях, находящихся не в анатомическом порядке, имеются погрызы собак или волков. И в срубах, и в каменных ящиках зафиксированы многочисленные керамические сосуды (учтено более 200 ед.), деревянная посуда, железное и бронзовое оружие, золотые украшения – нашивки на одежду, кусочки засохшего красного лака, бронзовые зеркала и др.

А.М. Мандельштам среди материалов погребений скифского времени в срубах и каменных ящиках, раскопанных на могильном поле Аймырлыга, выделил вещи, аналогичные имеющимся в усуньских комплексах из среднеазиатского Семиречья. К таковым он отнес железные булавки с шаровидным навершием, бронзовые зеркала с боковой ручкой и отверстием, прямоугольные пряжки-обоймы, подвески типа костылька из бронзы и кости, керамические изделия, украшенные горизонтальным рифлением или росписью [1983, с. 46–48].

Все перечисленные предметы, перенесенные усунями из Центральной Азии в Семиречье, представлены на могильнике Суглуг-Хем, а также на других памятниках в Туве и Северо-Западной Монголии. Это и железные булавки с шаровидным навершием, иногда пластированные золотом, и подвески типа «костылька», и расписные и рифленые керамические сосуды, и медальонные зеркала с боковыми ручками разных типов, иногда зооморфных очертаний, и характерные для усуней серьги из золотой и медной проволоки, и деревянные столики на четырех ножках, и керамические пряслица, бронзовые прямоугольные пряжки, оселки, впрочем, обычные и для сакских погребений, и наконечники стрел с четырехгранный боевой частью и зажимным насадом. Последние, известные по материалам могильника Капчигай III (кург. 20) в Казахстане, получили распространение, вероятно, в ходе экспансии сунну. Они встречаются как в могильниках сунну в Забайкалье, так и в погребениях позднескифского времени в Туве [Семенов, 1999, с. 177–121].

Традиционно считалось, что культуры скифского типа Саяно-Алтайского нагорья полностью исчезли в III в. до н.э., их сменили новые культуры, связанные с притоком центрально-азиатских монголоидов. Однако, как установлено археологическими исследованиями, на территории Тувы и Северо-Западной Монголии скифская культура, претерпевая не очень значительные изменения, продолжала существовать во II и, возможно, I вв. до н.э. Устоявшиеся даты для ряда могильников и отдельных погребений уюкско-саглынской культуры в данном регионе были пересмотрены с учетом хронологических индикаторов – вещей суннского происхождения или их копий, а также характерных предметов скифского облика, встречающихся в одних комплексах с изделиями сунну. Было выбрано 13 индикаторов из срубов, каменных ящиков и склепов на могильниках Суглуг-Хем-1 и -2, Хайыракан (группа 4 и 5), Улангом и др. (рис. 1).

Большая часть комплексов уюкско-саглынской культуры синхронизируется по наличию в них ажурных пятикольчатых бляшек (рис. 1, 1), представленных часто в сочетании с вещами, характерными для культуры сунну. К последним относятся найденные на могильниках Суглуг-Хем-1 и -2 костяные ложечковидные застежки (рис. 1, 3), миниатюрные модели бронзовых котелков-подвесок (рис. 1, 4); втульчатые трехлопастные наконечники стрел (рис. 1, 5), трехлопастные железные наконечники стрел (рис. 1, 8), прямоугольные массивные железные поясные пряжки или обоймы (рис. 1, 12). Из числа этих индикаторов наиболее характерными являются миниатюрные котелки, встречающиеся в погребениях могильников Суглуг-Хем и Хайыракан, а также в Косогольском кладе (рис. 1, 4а), который датируется II–I вв. до н.э. [Дэвлет, 1980, с. 14]. Косогольский клад включает вещи,

принадлежавшие культуре сунну, например, ажурные поясные пластины и бронзовые ложечковидные застежки (рис. 1, 2), имитации которых встречаются в Туве на могильнике Хайыракан, склеп 5/1 (рис. 1, 2а). В этом же комплексе имеются пятикольчатая бронзовая бляшка и железный нож (рис. 1, 9). Аналоги последнему известны по материалам Иволгинского городища [Давыдова, 1995, табл. 186] и тесинских могил в Минусинской котловине. В других погребениях Хайыракана обнаружены пятикольчатые бляшки, костяные ложечковидные застежки, миниатюрные котелки, трехлопастные втульчатые наконечники стрел, ажурные бронзовые колокольчики (рис. 1, 6), костяные наконечники стрел с расщепленным насадом (рис. 1, 7), железные поясные пряжки (рис. 1, 12). По аналогии и ряду признаков этот могильник наиболее тесно связан с культурой сунну. В нем отсутствуют характерные для скифов бронзовые зеркала, изображения в зверином стиле, но представлены уюкско-саглынская керамика, много изделий и оружия из железа, наряду со срубами имеются коллективные усыпальницы в каменных склепах.

Могильник Улангом расположен в Северо-Западной Монголии и может быть включен в круг памятников уюкско-саглынской культуры. На нем раскопаны 23 сруба и 17 погребений в каменных ящиках. Комплекс датировался в пределах VII–III вв. до н.э. [Цэвэндорж, 1980, с. 95–100]. Э.А. Новгородова традиционно относила могильник к V–III вв. до н.э. [1989, с. 278]. По ее мнению, «улангомцы» покинули свою территорию, когда там появились сунну. Погребальный инвентарь не менее пяти срубов (возможно, больше) включал вещи, характерные для культуры сунну: наконечники стрел со скрытой втулкой (рис. 1, 5), железные массивные пряжки (рис. 1, 12), пуговицы с изображением медведя (рис. 1, 13) из сруба 23. Подобные пуговицы обнаружены в погр. 100 и 138 Иволгинского некрополя (рис. 1, 13а), а также в мог. 102 Дырестуйского могильника. В последней обнаружены также три ложечковидные застежки, бронзовые ажурные колокольчики, пластины-накладки с изображением дерущихся лошадей и монета *y-шу*, которая определяет 118 г. до н.э. как *terminus post quem* для данного комплекса, а шире и для всего могильника, поскольку таких монет здесь было найдено несколько [Миняев, 1998, с. 72–75]. В целом Дырестуйский могильник С.С. Миняев датирует I в. до н.э. Так же он датирует и Иволгинский комплекс, который А.В. Давыдова склонна относить ко II–I вв. до н.э. [1996, с. 24–25]. Основываясь на том, что часть индикаторов уюкско-саглынских курганов встречается на Иволгинском городище и в некрополе (железные изделия – рис. 1, 8, 9, 10, 12), трехлопастные наконечники стрел (рис. 1, 5) и ложечковидные застежки из бронзы и кости), я датирую могильник Улангом в пределах II–I вв. до н.э.

Культура	Памятник	Индикаторы													Время
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	
Скифского типа	Суглуг-Хем-1														
	сруб 2														
	» 13														
	» 14														
	» 16														
	» 25														
	» 26														
	» 27														
	склеп 23														
	Суглуг-Хем-2														
	сруб 6														
	» 8														
	Хайыракан-5														
	сруб 3														
	» 4														
	» 7														
	Хайыракан-4, -7														
	Хайыракан-5														
	склеп 1/1														
	» 1/2														
	» 5/1														
	Кызыл, п.о.1														
	Туран IV, кург. 128														
	Улангом														
	кург. 47														
	» 23														
	» 31, 33, 36, 46														
Сюнну	Косогольский клад														
	Иволгинский могильник														
	мог. 175														
	» 188														
	» 38, 100														
	» 9, 35, 48, 55, 75														
	» 46, 57, 84, 96, 171														
	» 101														
	Иволгинское городище														
	Дырестуйский могильник														
Пазыркская	мог. 16														
	» 39														
	» 83														
	» 97, 38, 48														
	» 120														
	» 7, 10, 15, 86														
	» 23, 62, 102														
	Ак-Алаха-3, кург. 1														

Хронологические индикаторы

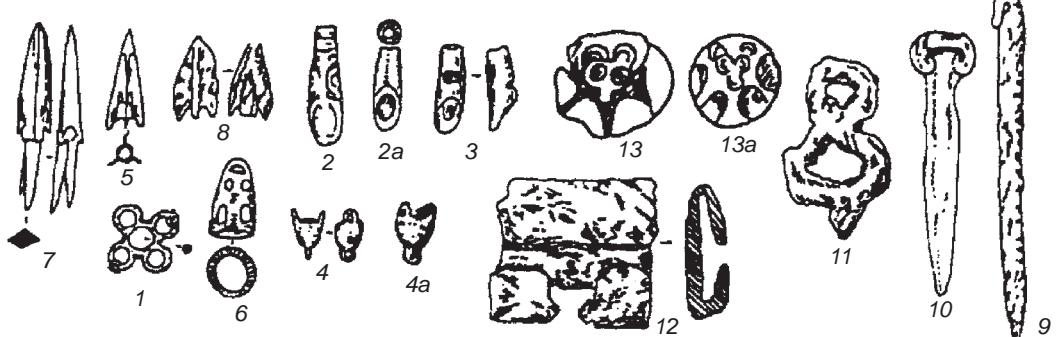

Рис. 1. Синхронизация памятников уюкско-саглынской культуры Тувы и сюнну Забайкалья.

(от 177 г. – времени походов Маодуня против юэчжи). Другая группа находок более тяготеет к Дырестуйским комплексам: ажурные конусовидные колокольчики (рис. 1, 6), модели котелков и их имитации в виде колокольчиков (рис. 1, 4), ромбовидные в поперечном сечении костяные наконечники стрел с расщепленным насадом (рис. 1, 7), пуговицы с изображением медведя анфас (рис. 1, 13) могут быть датированы не ранее 118 г. до н.э. Относительно пятикольчатых бляшек, не отмеченных на памятниках сюнну: их нижняя дата не вполне определена (по всей вероятности, они появились ранее II в. до н.э.), а верхней по западным аналогам можно считать VII в. н.э. Бляшка, подобная тувинским, использовалась как серьга и была найдена в погр. 5 Саинского могильника в Приуралье вместе с сасанидской монетой Хосрова II, датированной 625 г. н.э. [Голдина, Водолаго, 1990, табл. 37, 29]. Пятикольчатые ажурные бляшки и производные от них изделия встречаются в памятниках пшеворской культуры и датируются ранней субфазой римского периода [Andrašoje, 1992, р. 167–189]. Возможно, такие украшения попали на Запад в процессе активизации сарматов в Европе.

На могильниках Суглуг-Хем в целом скифский погребальный инвентарь, в который входят предметы, выполненные в зверином стиле, включает нехарактерные для ююкско-саглынского комплекса вещи. К ним можно отнести бронзовую накладку в виде яка (Суглуг-Хем-2, сруб 7; рис. 2), которая находилась в одном комплексе с литым бронзовым зеркалом с боковой ручкой в виде хищника семейства кошачьих (рис. 3, 3). В этом же срубе были трехгранные и трехлопастные бронзовые наконечники стрел, бронзовый чекан, железный акинак с сердцевидным перекрестием, железный колчанный крюк и др. В расположеннном рядом срубе 5 обнаружен расписной глиняный чайник, указывающий на восточно-туркестанские связи (рис. 4, 10). Данный комплекс включал обломок костяной пряжки с изображением сцены терзания (см. рис. 3, 6; 5), золотые нашивки на одежду, баночная керамика с криволинейной раскраской по тулову, обычная для Тузы и Горного Алтая (рис. 6). В срубе 29 на могильнике Суглуг-Хем-1 вместе с обычными золотыми и бронзовыми изделиями и керамикой находилась антропоморфная костяная пряжка, выполненная не в скифской и не в сюннуской традиции (см. рис. 3, 10).

Керамика, о которой уже упоминалось, остается одной из основных категорий погребального инвентаря. Могильникам Суглуг-

Рис. 2. Бронзовая нашивная пластина в виде яка.
Суглуг-Хем-2, сруб 8.

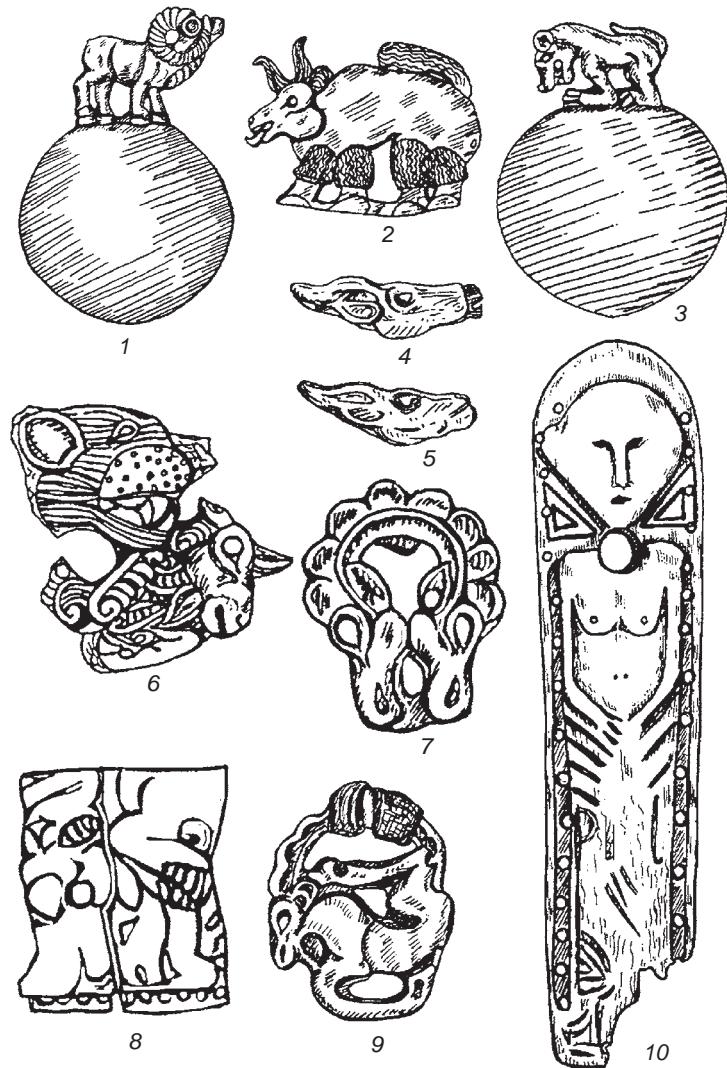

Рис. 3. Памятники искусства из срубов Суглуг-Хема.
1–5, 7, 9 – бронза; 6, 8, 10 – кость.

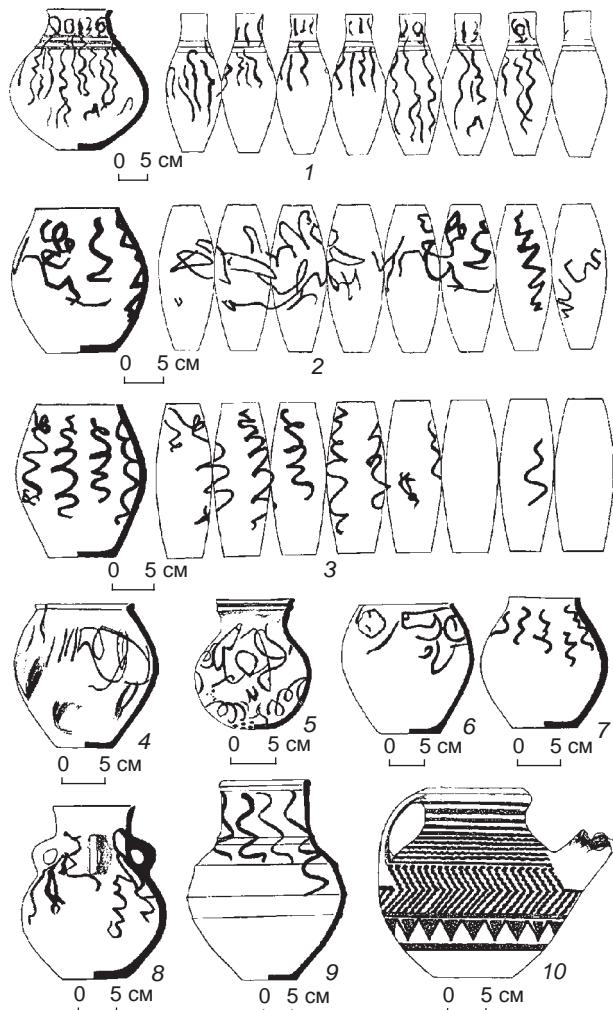

Рис. 4. Расписная керамика скифского времени.
Могильники Хайыракан (1), Суглуг-Хем-2 (2, 3, 5–7,
9, 10) и Суглуг-Хем-1 (4, 8).

Рис. 5. Обломок костяной прядки с изображением
сцены терзания. Суглуг-Хем-2, сруб 5.

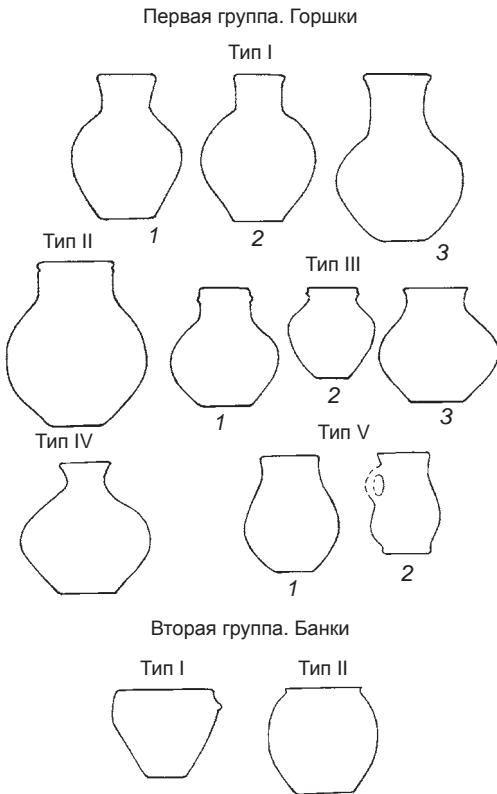

Рис. 6. Типология керамики из могильников
Суглуг-Хем-1, -2 и Хайыракан.

Хем-1 и -2 и Хайыракан принадлежит 119 целых керамических сосудов. Они обмерены по восьми основным показателям по программе статистической обработки, предложенной В.Ф. Генингом [1992, с. 15–45].

Визуально керамика делится на две группы: к первой относятся узкогорлые сосуды с округлым туловом (горшки), ко второй – сосуды баночной формы. В первой группе различают сосуды пяти типов, во второй – двух: закрытые и открытые банки (см. рис. 6). Орнаментация в данной типологии не учитывается, т.к. в большинстве случаев она индивидуальна (рис. 7). Несомненно родство между саглынской и алтайской (пазырыкская культура) керамикой. Наблюдается сходство в очертании сосудов. Некоторые из них соответствуют типам I и V первой группы. Они отличаются более вытянутой формой, высота заметно превышает максимальный диаметр сосуда, и именно такая пропорция характерна для керамики из могильников Юстыд, Сайлюгем и Уландрык. Хотя в этих же памятниках встречаются и приземистые горшки с невысокой шейкой и довольно широким горлом [Семенов, 2003, с. 75].

Визуально выделяется значительная серия пазырыкской керамики с высоким воронковидным горлом. Особую группу составляет, как отмечалось выше, керамика с росписью, открытая в Туве (Аймырлыг, Суг-

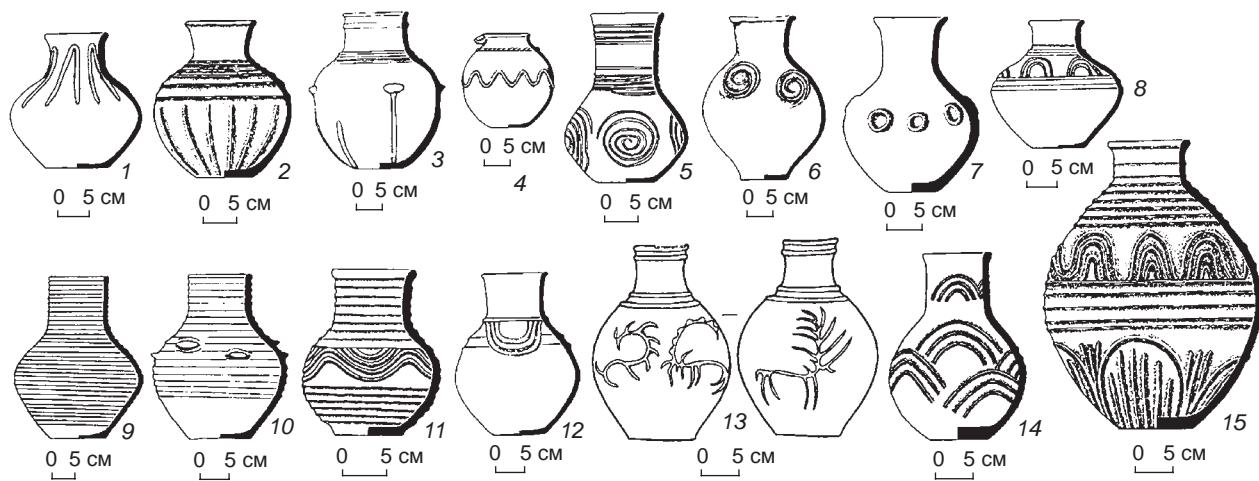

Рис. 7. Орнаментированные сосуды из могильников озен-ала-белигского этапа саглынской культуры.
1, 3, 5, 6, 8–10, 12 – Суглуг-Хем-1; 2, 7, 11, 14, 15 – Хайыракан; 4 – Суглуг-Хем-2; 13 – Улангом.

луг-Хем, Хайыракан), Монголии (Улан-Гом), на Алтае (Бике-1, Кара-Коба, Юстыд, Ала-Гайл III, Уландрык, Катон, Кара-Коба, Кызыл-Джар-1, Ташанта и др.) [Кубарев, Слюсаренко, 1990, с. 185–192] (рис. 8).

Криволинейная роспись сближает некоторые из этих сосудов с посудой из могильников Суглуг-Хем и Хайыракан (см. рис. 4). Более сложные, запутанные линии, сопоставленные Э.А. Новгородовой со знаками неизвестного алфавита (могильник Улангом, сруб 23), напоминают роспись на керамических изделиях из могильников Ташанта-2 (кург. 4), Суглуг-Хем-2 и др. Волнообразные узоры на посуде из кург. 1 могильника Юстыд-22 аналогичны рисункам на сосуде из кург. 47 могильника Улангом. Керамический чайник с геометрической росписью из могильника Суглуг-Хем-2 имеет аналоги среди находок из оазисов Восточного Туркестана (см. рис. 8). По форме он напоминает сосуд с носиком из кург. 5 в Талгаре.

Керамика Восточного Туркестана, обнаруженная в погребениях с инвентарем скифского типа (культура Чахухугоу), очень разнообразна по оформлению. Наряду с криволинейным узором широко представлены геометрические паттерны, заполненные краской, заштрихованные треугольники, меандровый орнамент, кружки с прямыми вертикальными полосами и т.д. (см. рис. 8). На западе и северо-западе от Восточно-

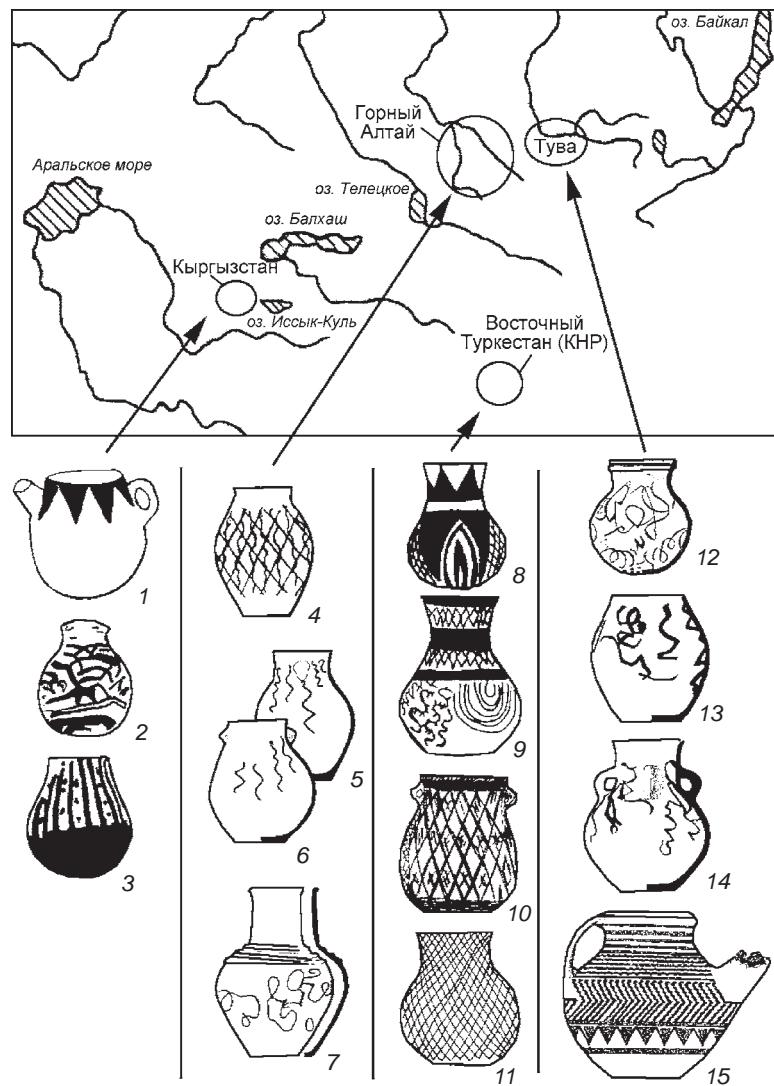

Рис. 8. Ареалы центрально-азиатской расписной керамики.

го Туркестана расписная керамика отмечена в усуньских могильниках Капчигай III [Акишев, Кушаев, 1963, с. 175–182], Шурбарат I [Нурмуханбетов, Трифонов, 1989, с. 57–61] и др., а также в сакских погребениях в котловине Кетмень-Тюбе в среднем течении р. Нарын. Но здесь, в Кыргызстане, появление красной расписной керамики отчасти связывается с влиянием среднеазиатских земледельческих центров [Заднепровский, 1992, с. 73–95]. Наличие расписных сосудов в Центральной и Западной Туве, Северо-Западной Монголии, в восточной и центральной частях Российского Алтая позволяет предположить, что подобные изделия появились в Саяно-Алтайском нагорье из долины р. Или во II–I вв. до н.э.

Помимо керамики, служившей вместилищем для заупокойной пищи и питья и выполнявшей универсальные функции в погребальном инвентаре любого усопшего, следует рассмотреть специфическое мужское снаряжение, включающее оружие, и женские комплексы. В боевой комплект воинского снаряжения входят лук и стрелы, чекан и акинак (кинжал). Полностью он представлен далеко не во всех погребениях, поскольку многие захоронения подверглись разграблению и в срудах остались вещи, не замеченные грабителями или не интересные им. О наличии чекана у погребенного может свидетельствовать только бронзовый вток, кинжала – следы окисла на бедренной кости, а лука и колчана – несколько наконечников стрел. Согласно канону погребального обряда, любые предметы могли заменяться вотивными, уменьшенными изделиями или их частями. Наиболее часто в саглынских/усуньских срудах можно обнаружить наконечники стрел, хотя фрагментарно представлены и луки.

Целый лук, найденный в скифском погребении V в. до н.э. на могильнике Сарыг-Булун в Центральной Туве, позволяет создавать реконструкции этого вида оружия, бытовавшего у ранних кочевников Центральной Азии до вторжения сюнну, луки которых значительно отличались от скифских. Лук сегменто-видной формы в сечении был сделан из цельного куска березы, отщепленного от ствола. Его длина 100 см, ширина 4 см. На внешней (плоской) поверхности лука были приkleены сухожилия (сохранились в верхней части). Внутреннюю (выпуклую) поверхность покрывала рыбья (налимья?) кожа. Вероятно, ею обертывали лук целиком, но поскольку кожа высохла со временем, от нее остались фрагменты полосок шириной 4–5 см. На концах лука имелись вырезы для крепления тетивы. Стрелы (10 шт.) лежали в колчане, который прикреплялся к поясу с бронзовым наконечником и восемью бронзовыми обоймами. Все древки стрел (семь березовых и три из хвойных пород) хороши сохранности. Их длина варьирует в пределах 70 см. В зоне оперенья все стрелы раскрашены геометрическими узорами [Семенов, Килуновская, 1990, с. 42–43].

О том, что подобная конструкция лука сохранилась и в конце скифского времени (усуньский период), свидетельствуют полоски рыбьей кожи под костями грудного отдела мужчины, погребенного в срубе 29 на могильнике Суглуг-Хем-1. Его одежда была украшена нашивными бляшками из фольги, в районе пояса находились железные чекан и акинак плохой сохранности. Полоски рыбьей кожи и фрагменты деревянной основы лука обнаружены также при раскопках курга 83 могильника Холаш на границе Тувы с Алтаем. Здесь в каменном ящике было совершено парное ярусное захоронение. Находившиеся в погребении два керамических сосуда (один со следами росписи на тулове) ничем не отличаются от подобных керамических изделий из могильника Суглуг-Хем-1. Найденный здесь лук достигал в длину 127–130 см. Ширина фрагментов рыбьей кожи составляла 4 см. Деревянный тлен прослеживался по всей длине бывшего лука, но на концах сохранилось дерево [Семенов, 1997, с. 15–20]. Таким образом, конструкция и размеры луков кочевников скифской эпохи Тувы реконструируются с достаточной достоверностью.

Стрелы оснащались наконечниками из бронзы и кости. При охоте на пушного зверя использовались цельнодеревянные стрелы с утолщенным концом в боевой части, т.н. томары. Бронзовые наконечники стрел двух основных типов: черешковые и втульчатые. Черешковые наконечники представлены трехлопастными, трехгранно-трехлопастными и трехгранными, втульчатые – трехлопастными с кольцевой втулкой, аналогичные найденным на Иволгинском городище и Дырестуйском могильнике в Забайкалье, которые относятся к культуре сюнну (рис. 9).

Железные наконечники стрел (6 ед.) найдены в срубе 6 на могильнике Суглуг-Хем-2. Они трехлопастные, черешковые, с опущенными вниз жальцами. Подобные трехперые наконечники стрел из железа отмечены на Иволгинском могильнике, следовательно, можно говорить об определенных хронологических соответствиях между могильниками сюнну в Забайкалье и Туве.

Костяные наконечники представлены несколькими типами: трех- и четырехгранные, черешковые и втульчатые, среди последних встречаются пулевидные. Имеются наконечники с расщепленным или прозрачным зажимным насадом и четырехгранный поражающей частью.

Оружие ближнего боя – кинжалы и чеканы – изготавливались из бронзы, но чаще – из железа. Первые являются пережитком более раннего времени; они, как правило, меньше остальных по размерам. Вторые (не все удовлетворительной сохранности) представляют собой полномерное боевое оружие (рис. 10).

Универсальный женский набор, помещаемый в погребения, в кожаном мешочке или несессере, со-

Тип	Бронзовые			Железные	Костяные		
	Трехлопастные	Трехгранные	Трехгранные-трехлопастные		Трехгранные	Пулевидные	Четырехгранные
A							
B							
C			0				

Рис. 9. Типология наконечников стрел из срубов III–II вв. до н.э. из Тувы.
A – черешковые; B – втульчатые; C – с расщепленным насадом. Масштаб общий для всех наконечников

стоит из трех предметов – зеркала, гребня, ножа или его ритуального заменителя – шила или иглы. Здесь мы имеем дело с женской триадой, подобной описанной выше мужской, связанной с вооружением. Зеркала – наиболее распространенные предметы женского гарнитура, по какой-то причине их никогда не похищали при разграблении могил. При раскопках могильников Суглуг-Хем-1 и -2 выявлены зеркала двух типов:

первый – медалевидные. Можно выделить три варианта: 1) с боковой ручкой, в которой имеются отверстия различной конфигурации (рис. 11, 16); 2) с боковой ручкой в виде фигуры животного или без оформления (гладкая, но с петелькой на тыльной стороне) (рис. 11, 17); 3) боковая ручка утрачена, обломана, вместо нее просверлены два, реже три отверстия для ношения на поясе (рис. 11, 18);

второй – дисковидное с петлей на тыльной стороне. Это пережиток более раннего времени (рис. 11, 15).

Ножи бронзовые и железные, пластинчатые, с невыделенной рукоятью, в которой имеются различные по форме отверстия для подвешивания к поясу. Элементы звериного стиля, как правило, отсутствуют (рис. 11, 1–4).

Шилья, как правило, железные, с фалангой пальца барабана в качестве ручки (рис. 11, 12), встречаются и бронзовые (рис. 11, 6).

Гребни представлены двумя однотипными образцами с деревянными зубцами, закрепленными в

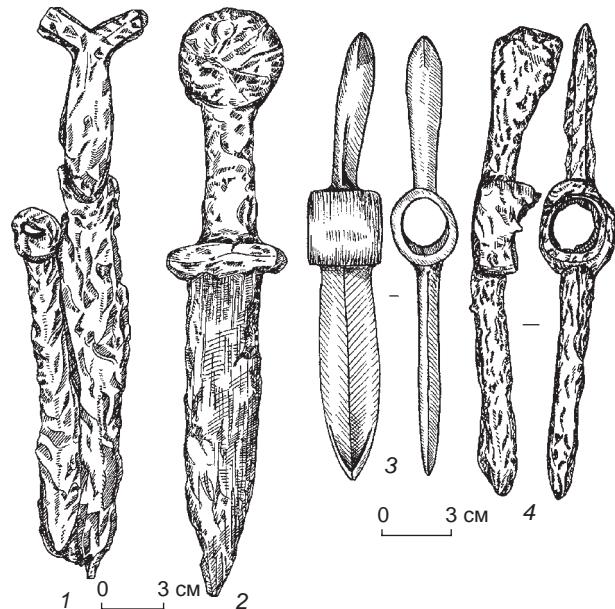

Рис. 10. Железные акинаки (1, 2), бронзовый (3) и железный (4) чеканы. Могильники Суглуг-Хем-1 (1, 4), Хайыракан (2) и Суглуг-Хем-2 (3).

круглой или плоской рукояти, которая обмотана сухожилиями. Один обнаружен в срубе 14 могильника Суглуг-Хем-1, другой – в кург. 1 могильника Озен-Ала-Белиг. Вероятно, к женскому гарнитуру относятся и длинные железные заколки с шаровидным

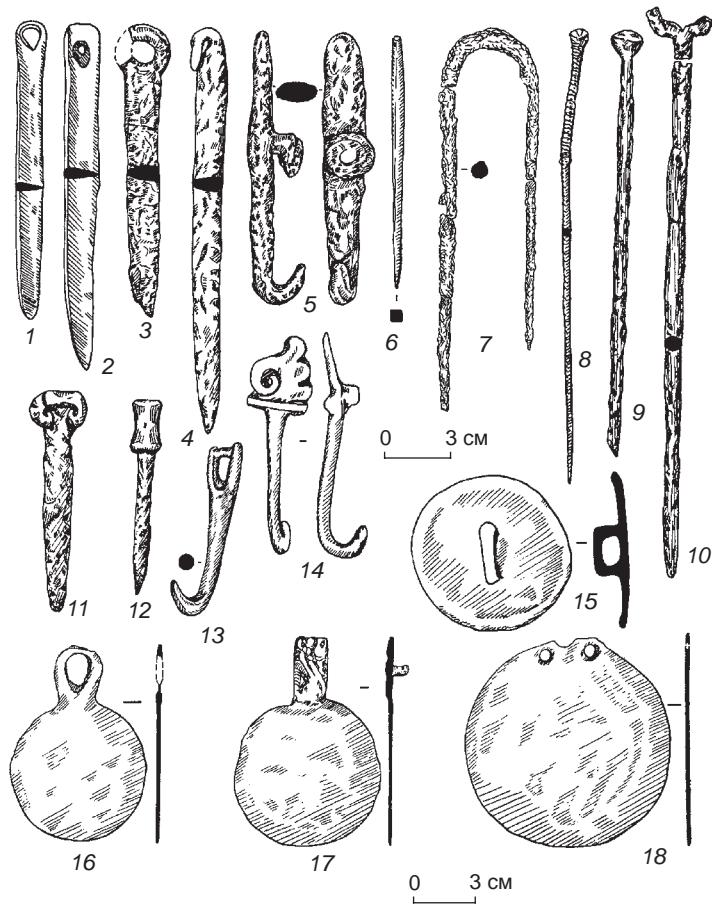

Рис. 11. Ножи (1–4), шилья (6, 11, 12), заколки (7–10), колчаные крюки (5, 13, 14), зеркала (15–18). Могильники Суглуг-Хем-1 (1–11, 13, 16–18), Суглуг-Хем-2 (12, 14, 15).
1, 2, 6, 8, 13–18 – бронза; 3–5, 7, 9–12 – железо.

навершием, зафиксированные почти во всех срубах Суглуг-Хема. Некоторые U-видной формы, ими высокую остроконечную берестянную шапку прикрепляли к высокой прическе (рис. 11, 7–10). В погребениях встречаются шапки и их тлен, о прическах можно только догадываться. Нередко встречаются серьги из бронзовой проволоки, закрученной в полтора оборота. Одни серьги такой формы были сделаны из золотой проволоки. И в мужских, и в женских погребениях имеются различные бронзовые и железные поясные крюки для подвешивания оружия и других предметов (рис. 11, 5, 13, 14), а также различного типа ворвоки.

Мужской костюм реконструируется по материалам неразграбленных погребений скифских нобилей в срумах 26 и 29 могильника Суглуг-Хем-1. Погребальный костюм воина из сруба 26 был украшен более чем сотней золотых нашивок и раковин каури, обернутых золотой фольгой. Череп опоясывала матерчатая диадема с 23 золотыми фигурками орлов, из них 22 были нашиты в два ряда. В центре располагалась «кокарда» размером 90×50 мм. На шейных позвонках лежала железная гривна, плакированная золотой фольгой. Борта куртки были украшены нашивными бляшками в виде 16 скребущих пантер, пояс – большими золотыми пластинами с изображением голов львов и 20 раковинами каури. Обувь была обшита геометрическими фигурами из золота и золотыми лентами.

Рис. 12. План погребения в срубе 26 на могильнике Суглуг-Хем-1 (1); реконструкция костюма воина, захороненного в срубе (2); барельеф из Халчияна (Бактрия; 3); золотые украшения из сруба (4–11).

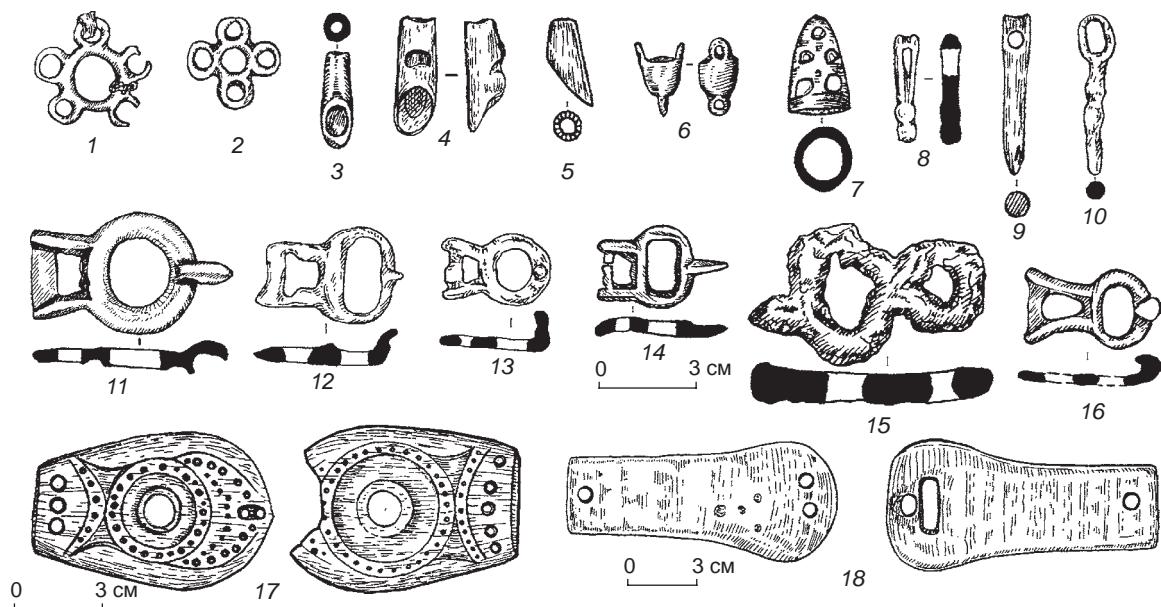

Рис. 13. Поясные гарнитуры. Могильники Суглуг-Хем-1 (1, 2, 5, 6, 8–13), Хайыракан (3, 4) и Суглуг-Хем-2 (7, 9, 14–18).
1–14, 16 – бронза; 15 – железо; 17, 18 – кость.

На пояса висели чекан и акинак из железа [Семенов, 1998, с. 160–163, рис. 12] (рис. 12). Чрезвычайно интересны поясные гарнитуры, включающие различного рода бронзовые пряжки с неподвижным шпеньком, пятикольчатые бляшки для продергивания тонких кожаных ремешков, железные пряжки-обоймы, разнообразные костяные декорированные пряжки, колокольчики, костыле- и ложечковидные подвески из бронзы и кости, многие из которых находят аналоги как в культуре сюнну, так и в погребальных комплексах усуней Семиречья (рис. 13).

Подробнее следует остановиться на одном предмете, который представляет, может быть, усуньское искусство. Это антропоморфная поясная пластина размерами $15 \times 3,5$ см (рис. 14). Пластина по периметру имеет отверстия, скорее всего, для крепления к какой-то основе, вероятнее всего, к поясу. На ней вырезано изображение женщины с треугольным лицом и высоким округлым лбом; подчеркнуты груди, руки скрещены на животе. Елочный орнамент покрывает нижнюю часть пластины, ноги не изображены. Этот памятник кочевнического искусства пока что не находит аналогов ни в скифской, ни в гуннской традициях.

В заключение следует сказать о возможных путях миграции саглынцев/усуней из бассейна Верхнего Енисея в среднеазиатское Семиречье. Вероятно, они проходили через территорию Саяно-Алтая, Иртыш ниже оз. Зайсан, где оставили следы своего присутствия в памятниках кулакургинской культуры [Самашев, 1987, с. 95–104].

Рис. 14. Костяная антропоморфная пряжка.
Суглуг-Хем-1, сруб 29.

Список литературы

- Акишев К.А.** Древнее золото Казахстана. – Алма-Ата: ОНЕР, 1983. – 262 с.
- Акишев К.А., Кушаев Г.Н.** Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. – 300 с.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф).** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Наука, 1950. – Т. II. – 326 с.
- Вайнштейн С.И.** Памятники казылганской культуры // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР. – Вып. 2. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 143–184.
- Генинг В.Ф.** Древняя керамика. Методы и программы исследования в археологии. – Киев: Наук. думка, 1992. – 188 с.
- Голдина Г.Д., Водолаго А.В.** Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1990. – 176 с.
- Давыдова А.В.** Иволгинский археологический комплекс. – СПб.: Санкт-Петербург. фонд «АзиатИКА», 1995. – Т. 1: Иволгинское городище. – 96 с., 188 табл.
- Давыдова А.В.** Иволгинский археологический комплекс. – СПб.: Санкт-Петербург. фонд «АзиатИКА», 1996. – Т. 2: Иволгинский могильник. – 150 с.
- Дэвлет М.А.** Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. – М.: Наука, 1980. – 65 с. – (САИ; Д. 4-7).
- Ельницкий Л.А.** Скифия Евразийских степей. – Новосибирск: Наука, 1977. – 256 с.
- Заднепровский Ю.А.** Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня. Ранние кочевники Кетмень Тюбе, Ферганы и Алая // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматскую эпоху. – М.: Наука, 1992. – С. 73–87.
- Заднепровский Ю.А.** Пути миграции юечжей по новым археологическим данным // Древниеnomады Центральной Азии. – СПб.: Наука, 1997. – С. 74–79. – (Археол. изыскания; вып. 40).
- Кубарев В.Д., Слюсаренко И.Ю.** Расписные сосуды из курганов урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 185–192.
- Максимова А.Г.** Курганы близ Талгара // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1980. – С. 114–122.
- Мандельштам А.М.** Заметки об археологических памятниках усуней // Культура и искусство Киргизии: Тез. докл. – Л., 1983.– Вып. 1. – С. 46–48.
- Мандельштам А.М.** Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 178–196.
- Миняев С.С.** Дырестуйский могильник. – СПб.: Санкт-Петербург. фонд «АзиатИКА», 1998. – 170 с.
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия. – М: Наука, 1989. – 382 с.
- Нурмуханбетов Б.Н., Трифонов Ю.И.** Новые памятники сакского времени близ г. Алма-Аты // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. – Кемерово: Изд-во Кемеров. гос. ун-та, 1989. – С. 57–61.
- Самашев З.С.** Памятники кулажурганского типа // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. – С. 95–104.
- Семенов Вл.А.** Тува в эпоху переселения народов (начальный этап) // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – 1995. – Вып. 18. – С. 157–163.
- Семенов Вл.А.** Монгун-Тайга. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1997. – 100 с. – (Археол. изыскания; вып. 54).
- Семенов Вл.А.** Вооружение и воинский костюм скифов Тувы // Военная археология. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. – С. 160–163.
- Семенов Вл.А.** Синхронизация памятников сюнну Зайбайкалья и поздних скифов Тувы и Северо-Западной Монголии // Изучение культурного наследия Востока. – СПб.: Европ. дом, 1999. – С. 117–121.
- Семенов Вл.А.** Суглуг-Хем и Хайырахан. Могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2003. – 240 с.
- Семенов Вл.А., Килуновская М.Е.** Новые памятники раннего железного века в Туве // Информ. бюл. ЮНЕСКО. Междунар. ассоциация по изуч. культур Центральной Азии. – М., 1990. – Вып. 17. – С. 36–47.
- Цэвэндорж З.Д.** Чандманий соел / Археологийн судлал. – 1980. – Т. IX, fasc. 1. – С. 34–105 (на монг. яз.).
- Andralođ M.** Cmentarzyško ludnosci kultury przeworskiej w Pruchnowie, stan. 23, gm. Radziejów Kujawski, woj. Włocławek // Sprawozdania Archeologiczne. – 1992. – [T. XLIV]. – P. 167–180.

Материал поступил в редакцию 07.10.09 г.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 391

А.А. Бадмаев

Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: badmaevaa@ngs.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ БУРЯТСКОЙ ОДЕЖДЫ В XVIII ВЕКЕ*

В работе, основанной на литературных и архивных материалах, характеризуются социальные и этнолокальные различия в традиционной одежде бурят. Выявляется специфика в соотношении кожаного и тканого материала в одежде разных групп этноса. Обращается внимание на регламентацию одежды родовой аристократии в это время. Освещается значение русско-китайской торговли для развития этого компонента материальной культуры бурят. На примере одежды прослежены этнокультурные связи бурят с народами Центральной Азии и Южной Сибири.

Ключевые слова: этнография бурят, материальная культура, культура жизнеобеспечения, народная одежда.

Введение

Период, наступивший после вхождения Прибайкалья в состав расширявшегося на восток Русского государства, ознаменовался формированием на этой территории нового этноса – бурят. Официально признанной датой включения всех бурятских земель в российское этнополитическое пространство считается 1659 г. – отправная точка в старте качественно новых, этноконсолидирующих процессов. История образования бурятского этнического сообщества охватывает период с конца XVII до начала XX в., а если быть более точным – XVIII–XIX вв., когда сложилось общее этническое самосознание и были выработаны единые черты культуры. Каждый из компонентов традиционной культуры бурят, будь то духовная или материальная составляющие, за это время претерпел определенную трансформацию и модернизацию. Не осталась в стороне и народная одежда бурят, в которой нашли отражение как эндогенные процессы, связанные с поиском и выработкой этномаркирующих признаков, так

и экзогенные, явившиеся следствием инокультурного влияния. В этом плане XVIII в. интересен тем, что представлял собой этап, когда вышеобозначенные процессы только набирали обороты и одежда бурят еще сохраняла свой прежний облик.

Сдерживающим фактором в разработке темы была и остается скудость информации; исследователи располагают лишь фрагментарными данными из малочисленных архивных и литературных источников. Возможно, поэтому до сих пор нет этнографической работы, в которой предлагалась бы реконструкция бурятской одежды XVIII в. Увидевшие свет труды отечественных исследователей в большинстве своем касаются конца XIX – начала XX в., когда традиционный бурятский костюм как культурный феномен уже сложился. Нельзя сказать, что современные этнографы вообще не обращались к сведениям XVIII в.; удачным примером их использования для выяснения генезиса и типологии одежды бурят второй половины XIX – начала XX в. является, в частности, монография Р.Д. Бадмаевой [1987].

Настоящее исследование посвящено выявлению основных тенденций в развитии одежды бурят в XVIII в. Для достижения поставленной цели были привлече-

*Исследование выполнено в рамках проектов РНП 2.2.1.1/1822 и 1.5.09 (ЗН-5-9).

ны как опубликованные, так и неопубликованные документальные источники рассматриваемого периода, а также научные труды по этнографии бурят.

Историческая реконструкция бурятской одежды

Согласно информации Э.И. Идеса, который совершил путешествие в Китай в 1692–1695 гг., в конце XVII в. приграничная торговля между Россией и Китаем была еще далеко не развитой. Отмеченные ученым ткани (красное гамбургское сукно, персидский крученый шелк разных расцветок), которые использовались бурятами при шитье одежды, вероятно, относились к числу европейских и среднеазиатских товаров, перепродающихся и обменивавшихся русскими купцами на домашний скот [Идес, Бранд, 1967, с. 133]. Действительно, многолетние войны XVII в. между монгольскими (джунгарскими и восточно-монгольскими) ханами, крестьянская война и смута в стране, последующая маньчжурская агрессия совершенно расстроили традиционную торговлю Китая с центрально-азиатскими и южно-сибирскими народами. Традиционные торговые связи бурят, имевшие в дорусский период в основном северный (покупка пушнины у эвенков) и южный (приобретение тканей и металлических изделий китайского и центрально-азиатского производства) векторы развития, были нарушены [Залкинд, 1970, с. 86]. Прекратились поездки бухарских купцов в Прибайкалье, что было следствием междуусобицы в Монголии. Поэтому буряты в силу сложившихся обстоятельств были вынуждены удовлетворять свою потребность в тканях за счет импортного материала, поступавшего из Средней Азии и Европы через Западную Сибирь.

Нерчинский договор 1689 г., поставивший точку в русско-китайском военном противоборстве 1680-х гг., положением об открытии свободной торговли для китайских и русских подданных способствовал возобновлению торговых отношений. Тот же Э.И. Идес прибыл в Китай вместе с купцами и служилыми людьми из разных сибирских городов в составе одного из торговых караванов, которые снаряжались, как правило, раз в году. Первоначально подбор китайских тканей, доставлявшихся в Прибайкалье, был небольшой; привозили камку, а также китайку – плотную хлопчатобумажную ткань, как правило, синего, иногда красного или иного цвета [Хамарханов, 1988, с. 42]. В то время импортируемые из Китая товары не покрывали всех потребностей бурят, транспортируемые по территории Прибайкалья грузы уходили по большей части в западно-сибирские города и далее на запад. Кяхтинский договор 1727 г., установивший границу между Цинским Китаем и Российской империей, а также по-

рядок русско-китайской торговли, окончательно снял препятствия для двусторонней торговли. О том, что китайские ткани в широком ассортименте поступали на российский рынок, в частности, к бурятам, свидетельствуют документы Сибирского приказа середины XVIII в. (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9-1. Л. 26–28 об.; Ф. 24. Оп. 1. Д. 21–19). В перечне различных видов китайских тканей указаны, например, голеи, полуголеи, канфа, атлас, флер, фанза, шелк (сырой и сученый), китайка, тунхай, камый и др. (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9-1. Л. 26–28 об.). О возвращении прежней роли китайского импорта (через посредничество монголов) в жизни бурят говорится в сочинении М. Татаринова; в нем, например, в качестве пошивочного материала упоминаются различные китайские ткани – камка, магнут, соломенка и др. (Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12). Нельзя не отметить, что в первой половине XVIII в. китайка у бурят была средством ясачного платежа. В соответствии с «Инструкцией пограничному дозорщику Фирсову» 1728 г., которая подтверждала ранее изданный указ императора от 27 июня 1727 г., ясак с бурят брали как пушниной, так и китайкой, деньгами и даже быками (РГАДА. Ф. 24. Д. 1423. Л. 135). Позднее эта ткань все-таки перестала приниматься казной в качестве эквивалента «мягкого золота» и денег.

В XIX в. дорогие и дешевые сорта китайских тканей (шелк, парча, атлас, канфа, хлопчатобумажные далемба, даба и др.) широко использовались при пошиве одежды. В Прибайкалье завозилась также российская и европейская мануфактура (бархат, сукно, ситец, бязь, коленкор и др.), которую охотно покупало бурятское население. В условиях этого разнообразия сложилась традиция сочетать в народной бурятской одежде разносортные тканые материалы: верх праздничной и повседневной верхней одежды, головного убора обычно был из ткани китайского производства (состоятельные буряты использовали шелк, парчу и атлас, бедные – китайку и другие хлопчатобумажные ткани), а подкладку и нижнюю одежду делали в основном из российских тканей (ситец, коленкор и др.).

Выбор ткани для одежды зависел не только от социальной, но и от внутриэтнической принадлежности бурят. В местах, где охотничий промысел и скотоводство являлись основными источниками материала (шкуры, кожа) для изготовления одежды, буряты в меньшей степени использовали ткани. Ведь традиция изготовления верхней одежды преимущественно из кожи и меха постоянно транслировалась в культуре некоторых групп предбайкальских и присаянских бурят до XX в. При этом элементы такой одежды постепенно переходили из разряда повседневной и масовой в рабочую и бедняцкую.

В конце XVII в. основным материалом для изготовления зимней верхней одежды была овчина, у беднейшей части бурят – конская кожа и шкуры ди-

ких животных [Гирченко, 1939, с. 39]. В следующее столетие значение выделанных шкур животных сохраняется; в источниках упоминаются не только овчий и конские, но и козы, изюбревые, волчьи, лисьи и кабарговые шкуры (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12). Сохранялась идущая из глубины веков практика использования специально выделанных тонких видов кожи (жеребят, ягнят, коз, овец) как подкладочного материала для пошива верхней одежды. Выбор меха для декоративной отделки верхней одежды и головного убора определялся состоятельностью человека: богатые украшали одежду собольими шкурками с темным ворсом, мехом выдры, малоимущие обходились недорогими мехами. Социальная градация в применении кожаного материала, по данным И.Г. Георги, прослеживалась и в XVIII в. [1799, с. 31].

Авторы XVIII в. отмечают различия в верхней одежде разных социальных групп бурят: простонародной являлась нагольная меховая шуба (обычно овчинная), которую не снимали и летом; состоятельные же буряты носили в зимнее время крытые (цветным сукном или шелком) шубы, опущенные дорогим мехом. Летней верхней одеждой служил матерчатый халат. Причем, если в конце XVII в. этот вид платья был единобразным по расцветке: Э.И. Идес пишет о халатах, сшитых из «скверного красного сукна» (немецкого), то столетием позже при отсутствии дефицита мануфактуры он становится более красочным, полихромным. Заметим, что впервые бурятское наименование халата – *тэрглиг* – приводится в сочинении М. Татаринова: буряты «летом носят и азымы* наподобие татарской по их называются **тырлык** (здесь и далее выделено нами. – А.Б.)» (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12).

В этой связи уместно вспомнить, что экспедиции Г.Ф. Миллера (1733–1743 гг.) был собран материал по бурятскому языку, который был сведен в «Лексикон братский», который и сейчас поражает достаточно точной передачей бурятских слов. Для нас интересны приводимые в этом сочинении слова, характеризующие комплекс одежды: *хутагай* ‘одежда’, *дыгыл* ‘кафтан’, *самца* ‘рубаха’, *малагай* ‘шапка’, *гутул* ‘обувь’, *умудун* ‘штаны’, *белей* ‘рукавицы’, *буге* ‘пояс’, *аршур* ‘платок’, *урмугу* ‘холст’, *сенбе* ‘сукно’ (Там же. Ф. 199. Оп. 1. Порт. 513. Д. 9. Л. 5 об.). Конечно, этот свод не лишен ошибок, обусловленных, вероятно, сложностями межъязыкового общения в то время. Например, слово *аршур* дано в значении ‘платок’ (как головной убор), что в корне неверно, т.к. в более правильном написании *аршул* ‘тряпка, полотенце (все то, чем можно вытираять или стирать)’ [Бурятско-русский словарь,

1973, с. 61]. Следует подчеркнуть, что в первой половине XVIII в. у бурят не было обычая носить платки (исключение составляли немногочисленные крещеные бурята, оторванные по причине смены веры от бурятского культурного пространства), это произошло значительно позднее, в конце XIX – начале XX в., под влиянием русской (православной) традиции, тогда же в языке предбайкальских бурят появилось слово *туулад* ‘головной платок’. А вот слово *сенбе* ‘сукно’ в современном звучании *сэмбэ* свидетельствует, что эта ткань получила известность у бурят еще в дорусский период их истории. То же самое можно сказать и о зафиксированном Г.Ф. Миллером слове *урмугу* ‘холст’. Этимологически оно связывается с древнетюркским *ortok* ‘название одежды’, производными от него считаются средневековое монгольское *ortemege-ortige* ‘шерстяная ткань, грубое сукно’, а также бурятские слова *урмээгэ* ‘половик’ и *урмэг* ‘холст’ (предбайкальские буряты) [Аникин, 2000, с. 97]. Понятно, что в то время буряты не ткали холсты, но могли купить их у русских крестьянок. Вероятно, они присвоили русскому изделию из льна, конопли или хлопчатобумажной ткани название грубой шерстяной ткани.

В конце XVII в. в комплекс одежды предбайкальских бурят входили доха, зимняя нагольная или крытая шуба из овчины, наборный пояс или кушак, меховая шапка с наушниками, летний халат, сапоги, кожаные штаны [Хамарханов, 1988, с. 149; Идес, Бранд, 1967, с. 134]. Этот неполный список дает самое общее представление о бурятской одежде того времени.

Характеристика комплекса одежды предбайкальских бурят первой половины XVIII в. представлена в трудах Д. Белла, Д.Г. Месссершмидта и Я.И. Линденеу. Я.И. Линденеу первым описал основные элементы мужской одежды и привел для некоторых из них бурятские названия, что позволяет провести сопоставление с данными, относящимися ко второй половине XVIII в. [1983]. Материалы того периода дают пищу для размышлений по поводу возможных этногенетических связей предбайкальских бурят с другими этносами. В этой связи примечательно высказывание Д. Белла: «Что касается одежды и образа жизни, я не смог найти большого различия между ними (балаганскими бурятами. – А.Б.) и калмыками на Волге, отсюда заключаю, что они происходят от одних и тех же предков» (цит. по: [Зиннер, 1968, с. 57]). К этому мнению следует прислушаться, ведь до поездки в Сибирь Д. Белл совершил путешествие на Каспийское море и имел представление о калмыках и их одежде. В одежде балаганских бурят он отметил некоторые элементы, на наш взгляд, отличающие ее от костюма других предбайкальских бурят: «...мужчины носят **куртку**, реже шубу из овчины... **маленькую** круглую **шапку**, отделанную мехом с **помпоном (rassel)** из **красного** **шелка**» (цит. по: [Там же]). Сходство в одежде качуг-

*«*АЗЯМ, ОЗЯМ, татар.* – сермяга, долгий и полный крестьянский кафтан, верхний кафтан халатного покрова, без бор, из домотканины...» [Даль, 2001, с. 11].

ских (предбайкальских) бурят и калмыков находил и Д.Г. Мессершмидт. «Их одежда, – отмечал он, – была полностью калмыцкая, а именно: **длинная шуба**, которая запахивалась на груди (одна пола находила на другую), с **узкими рукавами**, сапоги из меха оленей или лосей, **широкая шапка**, наверху которой была **шелковая кисточка**» [Путешествие по указу..., 2003, с. 37]. Судя по цитируемым фрагментам текстов, их авторы, приводя разные описания, называли «калмыцкой» одежду предбайкальских бурят; единственное, в чем совпадают описания, – наличие шелковой кисточки на шапке. Возможно, эти описания дополняют друг друга и передают локальные особенности в одежде предбайкальских бурят. Выявление общего в одежде у части предбайкальских бурят и калмыков – результат попыток идентифицировать малоизвестный на тот момент народ, опираясь на имевшиеся знания о других этносах. Вышеназванные авторы, сами того не предполагая, соприкоснулись в Предбайкалье с культурой мигрантов из Джунгарии. Я.И. Линденau, участник Великой Северной экспедиции, позднее ставший начальником Балаганского уезда, находил общее в мужском костюме предбайкальских бурят и якутов. Исследователь, известный своим подробным описанием культуры якутов, нашел знакомые ему элементы якутской одежды у бурят. Вероятно, он был прав, т.к. культура основного ядра предбайкальских бурят (эхиритов и булагатов) содержала в себе следы этнокультурных контактов их предков с предками якутов. Другими словами, для авторов первой половины XVIII в. были бесспорными различия в происхождении этнотерриториальных групп предбайкальских бурят, что, по их мнению, проявлялось в одежде.

В источниках второй половины XVIII в., главным образом в работах М. Татаринова и И.Г. Георги, представлены материалы не только по мужской и женской одежде (с выделением девичьего костюма) предбайкальских бурят, но и хори-бурят, а также селенгинских. Таким образом, мы можем достоверно судить о трансформации одежного комплекса предбайкальских бурят и реконструировать одежду основных этнических подразделений бурят второй половины столетия.

По мнению И.Г. Георги, бурятская верхняя одежда повторяла «русские простонародные кафтаны с долгими борами и накидными полами» [1799, с. 31]. Исследователь, вероятно, хотел указать на наличие некоторых общих черт в этих видах одежды. Здесь, пожалуй, имеет смысл коснуться вопроса о том, к какому типу принадлежала верхняя одежда бурят. Как отмечал М. Татаринов, буряты «рукавиц ни в какие морозы не носят» (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12 об.), следовательно, в XVIII в. у них были распространены халаты восточно-азиатского типа с длинными рукавами. Очевидно, что сведения М. Татаринов собирал среди

забайкальских бурят, т.к. предбайкальские буряты, у которых преобладал южно-сибирский тип верхней одежды, в холода носили меховые рукавицы. Это подтверждается, например, материалами М.Н. Хангалова с описанием одежды «древних» предбайкальских бурят [1958, с. 206]. Косвенным подтверждением сказанного также могут послужить бурятские лингвистические материалы экспедиции Г.Ф. Миллера.

Верхнюю одежду буряты украшали лентами, которые пришивались по краям подола, обшлагов рукавов, ворота и верхней полы. Такой декор на бурятской одежде конца XVII в. отмечен калмыцким воином, рассказ которого воспроизведен в книге Н. Витсена: «Они (буряты. – А.Б.) носят одежду, которая обшита и вышита разными **суконными тряпками в виде украшения**» (цит. по: [Хамарханов, 1988, с. 155]). Позднее Я.И. Линденau писал об украшении шуб предбайкальских бурят по борту широкими красными лентами или нашивными лентами в сочетании с оторочкой бобровым мехом [1983]. Последнее замечание крайне любопытно, т.к. чередование в отделке шуб полос из меха выдры, реже бобра, с лентами из дорогих тканей (шелк, бархат) было отличительной особенностью зимней верхней одежды предбайкальских бурят. О такой заметной детали оформления одежды, как нагрудная нашивка энгэр, никто из вышеназванных авторов не упоминает; вероятно, она не сильно выделялась на фоне лент, а значит, этот декоративный элемент, призванный подчеркнуть этнокультурную особенность забайкальских бурят, появился в начале XIX в.

Единственное свидетельство о верхней одежде присаянских бурят имеется в портфелях Г.Ф. Миллера: «...платье носят зимою шубы козлиные и овчинные, а летом ергачи*» (РГАДА. Ф. 199. Д. 517-22, Л. 4 об.). Иными словами, зимой носили шубы из длинношерстных шкур (овечьих и козьих), а летом – из короткошерстных.

Зимой поверх шуб надевали козий или волчий тулюп даха**. Летом на халат набрасывали передник хормойбио, сшитый из разных тканей, в частности, из сукна (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12). Эти сведения М. Татаринов приводит безотносительно к какому-либо субэтносу. Чтобы связать их с конкретной этнической группой бурят, воспользуемся информацией исследователей более позднего времени, конца XIX – начала XX в., – Д.А. Клеменца и М.Н. Хангалова. В «Докладе по исследованию быта бурят»

*«Ергак, яргак – тулюп или халат из жеребячьих, пыжиковых, козульих, сурочьих и иных короткошерстных шкур, шерстью наружу; иногда дают ему покрой нашей одежды; даха» [Даль, 2001, с. 859].

**«Даха – шуба, надеваемая шерстью вверх, наружу» [Там же, с. 684].

Д.А. Клеменц характеризует «древние» костюмы предбайкальских и хори-бурят (т.е. вышедшие из употребления к концу XIX в. и, по-видимому, использовавшиеся в XVIII в.). Даха «в виде сюртука с разрезом позади», по данным Д.А. Клеменца и М.Н. Хангалова, входила в одежду предбайкальских бурят (АИВ РАН. Ф. 28. Оп. 1. П. 3. Д. 105. Л. 46). Заметим, что разрез был необходим при верховой езде. Есть сведения и о более раннем варианте бурятской дохи – ее носили наброшенной на плечи [Потанина, 1890]. Вероятно, такая доха была идентична известному у тувинцев тулулу *чагы* из козьих шкур с длинным ворсом; его носили без пояса и пуговиц, как бурку, на плечах [Даржа, 2003, с. 125]. Буряты изготавливали дохи не только из козьих, но и из собачьих, а также волчьих шкур. Русское старожильческое население позаимствовало бурятскую доху – в зимнюю стужу ямщики накидывали на шубу козью или считавшуюся еще более теплой собачью доху (особенно ценились дохи из шкур одноцветных черных собак, которых выращивали для этих целей) [Попов, 1925, с. 95].

Довольно противоречива информация о том, что собой представлял в изучаемое время передник *хормойшио*. Ренье описывает его как поясной «платок или кусок ткани», которым повязывали праздничную верхнюю одежду [Зиннер, 1968, с. 196]. Р.Д. Бадмаева ошибочно считает, что И.Г. Георги назвал передник «накидными полами» и даже разъяснил: это «женская поясная одежда в виде двух прямоугольных кусков ткани, которые крепились на поясе поверх халата» [1987, с. 19]. По нашему мнению, словосочетание «накидные полы» означает запах – заход одной полы одежды на другую. В описании И.Г. Георги мужской одежды сообщается, что верхняя одежда имела «долгие боры и **накидные полы**» [1799, с. 31]. От определения передника как исключительно женской одежды следует отказаться, поскольку оно не находит подтверждения ни в одном из рассматриваемых нами сочинений XVIII в. Ответ на вопрос, каким был передник *хормойшио*, мы находим у Д.А. Клеменца. Исследователь именует его *харамокшин* и относит к древнему костюму хори-бурят. По описанию сибирского этнографа, передник выглядел как «род двух запонов*, надеваемых с обеих сторон, края запона сходятся спереди и сзади» [АИВ РАН. Ф. 28. Оп. 1. П. 3. Д. 105. Л. 46].

Комплекс верхней мужской одежды хори-бурят, вероятно, включал меховую куртку *хурмэ*, которую надевали поверх шубы во время верховой езды зимой. Сравнение этнографического материала по тюрко-монгольским народам Центральной Азии и Юж-

ной Сибири позволяет с уверенностью утверждать, что в прошлом подобные меховые куртки были распространены у многих скотоводов Центральной Азии, по функциональному назначению и конструктивным особенностям они близки дохе. Этнические слова, обозначавшие их, один в один повторяли бурятское название куртки – например, у тувинцев такая куртка именовалась *хурме* [Даржа, 2003, с. 125–126]. Этимология этого слова выводится из монгольских языков (п.-монг. *kurme* ‘куртка’, монг. *хүрэм* ‘куртка’). В русско-сибирских говорах и в некоторых аборигенных языках народов Сибири под *курма* понимается разновидность женской верхней одежды [Аникин, 2000, с. 330], что свидетельствует о возможном включении изначально мужского типа одежды в женский костюм.

Куртка, как предполагает В.К. Даржа, исконно была частью одежды тюркского воина-кочевника, которую надевали поверх доспехов; сшитая из волчьих шкур, она символизировала принадлежность человека к воинскому сословию [2003, с. 126]. С этой точкой зрения можно в принципе согласиться, поскольку из истории Евразии известно, что головные уборы и верхнюю одежду из волчьих шкур, входившие в воинский и охотничий костюмы, носили многие древние и современные народы. Выстраивается последовательная цепочка трансформации меховой куртки тюрко-монгольских народов Центральной Азии: изначально она была одеждой древнетюркского конного воина (возможно, тувинская *хурме* в силу своей архаичности ближе всего куртке-прототипу), затем – воинов более поздних средневековых народов (турецких и монгольских), тогда же ее стали шить из шкур не только волков, но и других диких, а также домашних животных, она вошла в гардероб женщины, приобрела функции повседневной и промысловый (охотничьей) одежды, наконец, в позднем средневековье у некоторых народов (в т.ч. бурят) модифицировалась – утратила воротник и приобрела подкладку из ткани.

Некоторую неясность в изучение опояски верхней одежды вносят переводы цитируемой работы Э.И. Идеса, когда одни и те же места в тексте подаются по-разному и могут увести читателя от истины. Так, в работе М.П. Алексеева «Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей», изданной в 1941 г., в приводимом отрывке из книги И. Идеса отмечено, что буряты подпоясываются «кушаками или широким поясом, отделанным железом» (цит. по: [Алексеев, 1941, с. 522]), а в последнем переиздании этого же труда [2006, с. 423], как и в отдельном издании дневниковых записей Э.И. Идеса и А. Бранда, кушаки вообще не упоминаются. Небезынтересно, что на гравюре «Буряты», опубликованной в сочинении Э.И. Идеса, у изображенных буряток отчетливо видны матерчатые пояса (рис. 1). Однако сам Э.И. Идес утверждал, что и мужчины, и женщины носили кожаные пояса [Идес,

*«Запон – передник; фартук женский или рабочий мужской, иногда кожаный...» [Даль, 2001, с. 1017].

Rис. 1. Бурятка [Идес, Бранд, 1967, с. 133].

Рис. 2. «Брацкая девушка в Удинском остроге...» [Георги, 1799, с. 33].

Бранд, 1967, с. 134]. Чтобы разобраться в возникшей путанице, нужно рассмотреть, как обстояло дело с этим элементом одежды в последующее время – в XVIII в.

Как отмечали И.Г. Георги и М. Татаринов, у предбайкальских и хори-бурят было принято подпоясывать мужскую верхнюю одежду наборными поясами. М. Татаринов сообщает, что буряты «подпоясывают себя ремнем с пряжкой убранным медными или железными насекным убором, а у некоторых вставляют королки, каменья» (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12). В это же время женщины подпоясывали халат шелковым кушаком, его же носили в виде плечевой перевязи [Георги, 1799, с. 32]. Иными словами, в ношении поясов у данных групп бурят имелись гендерные различия: кожаные наборные пояса были мужскими, а тканевые – женскими. Наборные пояса присутствуют и в девичьем костюме; в этом можно убедиться, взглянув на гравюру с надписью «Брацкая девушка в Удинском остроге спереди» в книге И.Г. Георги (рис. 2). Объясняется это тем, что в одежде девушек и девочек сохранялись мужские элементы костюма. Ко второй половине XIX в. традиция меняется; видимо, цветные кушаки наряду с наборными поясами являлись обязательным элементом мужского и девичьего костюмов, но отсутствовали в женской одежде.

В XIX в. наборные пояса известны только у хори-бурят в Забайкалье; они были цельные с серебряными накладными пластинами, орнаментированными в технике чеканки [Павлинская, 1987, с. 37]. В Прибайкалье пояса делали из четырех частей, которые соединялись металлическими кольцами или круглыми металлическими пластинами, декорированными серебряной насечкой. Селенгинские буряты – единственные в изучаемое время имели в костюме мужские кушаки из покупного материала. Логично будет предположить, что именно они являлись проводниками моды на мужские матерчатые пояса. Однако следует помнить, что некоторые предбайкальские буряты [Манжигеев, 1960, с. 162] и хори-буряты [Бадмаева, 1987, с. 51] придерживались традиции изготавливать тканые кушаки из шерстяной нити, которые, вероятно, надевали в будни.

Во второй половине XVIII в. наборные пояса, будучи маркерами субэтнической принадлежности или просто состоятельности, стали и символами власти. Дело в том, что во время подушной переписи 1766 г. бурятские родоначальники (главы территориальных родов и нижестоящие представители родовой знати – шуленги, зайсаны, тологои) были награждены именными кортиками или кинжалами, которые должны были носить на специальных накладных поясах с медными пластинами. На таких поясах гравировкой делали надпись, удостоверяющую, кем является владелец пояса. Вот как об этом пишет И.Г. Георги: «На меди вырезаны следующие (по переводу) слова: знак достоинства для Шуленги, на пример Олхонского по-

коления, в Иркутском уезде, данный 1766 года» [1799, с. 25]. Впоследствии декоративное оформление поясов менялось, но традиция жаловать их от лица высочайшей императорской особы, благодаря которой эти пояса превращались в атрибут инородческой власти, сохранялась до начала XX в. (рис. 3).

Следует отметить, что в первой трети XVIII в. произошла официальная регламентация одежды правящей элиты забайкальских бурят, эталоном для подражания была выбрана ранжированная (в соответствии со званием и должностью) одежда монгольской знати, ношение которой, в свою очередь, было обусловлено китайско-маньчжурским чиновничим этикетом. По всей вероятности, придав новшествам характер монаршей милости и связав их с введением института тайшет и зайсанов, губернская власть узаконила имевшие место различия в одежде родовых начальников и простонародья. Сайты, правящая прослойка бурятского общества, в отличие от рядовых бурят носили собольи шапки с серебряным навершием дэнээ, в которое были вставлены шарики из полудрагоценных камней (красного коралла, лазурита, горного хрусталя) и цветного стекла, а также халаты из дорогого шелка магнул и бархатные сапоги (НАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 381. Л. 1 об.). Веяние моды было таково, что через столетие костюм сайтов станет почти народным, его будут носить как мужчины, так и женщины, как светские богачи, так и буддийские служители [Бадмаев, 2008].

Изучение материалов XVIII в. позволяет сделать вывод о существовании у бурят головных уборов как минимум трех типов. Головной убор первого типа – летний, простонародный, выглядел как «небольшая красная суконная шапка с окольышем». Возможно, он явился прообразом *тооробио малгай* и отличался от последнего невысокой тульей и иной расцветкой (у *тооробио малгай* тулью делали из ткани синего цвета). Головной убор второго типа, распространенный у рядовых предбайкальских бурят, был зимним, изготавливавшимся, по словам И.Г. Георги, из «кож голов оленых», что четко указывает на его архаичность. Как известно, выбор сибирскими народами в качестве материала для головного убора шкур с головами диких животных, например оленя и волка, определялся не только характеристиками самого меха, но и древней охотничьей магией: считалось, что, надев головной убор из шкуры зверя, охотник приобретал некоторые его способности, магическим образом мог превратиться в само животное. Здесь уместно вспомнить, что и М.Н. Хангалов, описывая одежду предбайкальских бурят, утверждал, что охотники эпохи зэгэтэ-аба* надевали «шапки из звериных шкур с наушниками», а

Рис. 3. Предводитель одного из родов племени *булагат*. 1910-е гг., Верхоленский уезд Иркутской губ. (по: [Народный костюм бурят..., 2005, рис. 12].

шапки с приделанными рогами являлись «признаком охотничьей сноровки и храбрости». Традицию изготовления шапок *мяха малгай* из шкуры с головами диких животных, в частности волка, он прослеживает и на материалах конца XIX – начала XX в., подмечая, что такой головной убор, считалось, «помогает обмануть зверей, так как зверь их не примет за человека» [1959, с. 177].

Головной убор третьего типа, который становится известен в 1720-е гг. благодаря материалам Д. Белла и Д.Г. Мессершмидта по предбайкальским бурятам, в 1745 г. Я.И. Линденau зафиксировал у тех же бурят, а во второй половине XVIII в. М. Татаринов и И.Г. Георги – у предбайкальских и забайкальских бурят. Головные уборы третьего типа, которые И.Г. Георги относил к зимним и считал принадлежностью родовой знати, описаны им как шапочки «плоские китайские с большою кистью и кругом опушкою из мехов» [1799, с. 31]. Правда, М. Татаринов, давая более подробное описание этих головных уборов, называет их также летними. Их отличительной деталью была кисть залаа из скрученных красных нитей

*Зэгэтэ-аба – период военно-потестарного устройства этносов-предков предбайкальских бурят, особенностью которого было проведение коллективных облавных охот.

на верхушке тульи; на шапках родовых начальников она, как указывалось выше, дополнялась декоративным серебряным навершием со вставленным камнем. Если у сайтов эта шапка была с опушкой из меха соболя, то у простолюдинов – меха волка и лисы. Для иллюстрации сказанного приведем отрывок из «Описания о Братских Татарах, сочиненного морского корабельного флота штурманом ранга капитана Михаилом Татариновым»: «...как зимой, так и летом шапки мелкие круглые, околыш волчей или лисей наверху, кисть бумаги хлопчатой, а зимой надевают на ушки» (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12). По нашему мнению, в приведенной цитате речь идет о предшественнике известного главным образом у забайкальских бурят в XIX в. головного убора *хасабашатай малгай*, который со временем обрел островерхую стеганую тулью: у хори-бурят на ней было 11 горизонтальных рядов швов, у селенгинских и части присаянских бурят – 32 ряда вертикальных.

Широкое распространение такого головного убора в XVIII в. у разных этносов – не только у монголов, калмыков, забайкальских бурят, но и у маньчжуров – позволяет предположить, что красные кисти на шапках были не признаком принадлежности к какой-либо монгольской орде, а символическим выражением определенных мировоззренческих представлений. У центрально-азиатских народов красная кисть являлась олицетворением солнца, космической энергии. Украшение головных уборов халха-монголов – сплетенное из красного шелкового шнура навершие в виде знака *улзы* ‘нить счастья’ – тоже несло определенную смысловую нагрузку. Заметим, что в XIX в. *улзы* появился на головных уборах забайкальских бурят, но как свидетельство принадлежности к ламскому сословию [Цыбиков, 1970, с. 78].

К нижней одежде в рассматриваемый период относились только короткие штаны. Рубахи, как отмечает И.Г. Георги, буряты не носили, но летней нижней одеждой у них было «китайчатое полукафтанье», которое этнографами интерпретируется как распашная рубаха *морин самса* [Бадмаева, 1987, с. 42]. Думается, что здесь имелись в виду хори-буряты, которые шили рубахи из китайки. Рубахи из китайской хлопчатобумажной ткани известны и у селенгинских бурят. О *самса*, нижней одежде, которую предбайкальские буряты носили во времена *зэгээтэ-аба*, М.Н. Хангалов пишет следующее: «...узкое и короткое платье, плотно охватывающее тело» [1958, с. 206]. Ясно, что по этому описанию трудно представить, к какому типу принадлежала рубаха предбайкальских бурят. Однако, по утверждению Д.А. Клеменца, в прошлом предбайкальские буряты облачались в *самса* – «короткий меховой камзол» (АИВ РАН. Ф.28. Оп. 1. П. 3. Д. 105. Л. 46). Если вспомнить, что под камзолом подразумевалась мужская одежда распашного

типа, сшитая в талию и надеваемая под кафтан, то становится понятно, что Д.А. Клеменц имел в виду кожаную распашную рубаху, все тот же *морин самса*. Таким образом, рубаха распашного типа из замши или «китайской» ткани встречалась у всех бурят. Можно утверждать, что тканая рубаха соответствовала костюму забайкальских бурят и, безусловно, более или менее состоятельной части предбайкальских бурят, а кожаная рубаха была простонародной одеждой предбайкальских бурят.

Мужские штаны исследователи единодушно причисляют к штанам широким в шагу, которые отличались от однотипных женских образцов тем, что имели надставку, несколько удлиняющую их [Бадмаева, 1987, с. 43]. Зимняя нижняя одежда включала летние штаны, «*кальсоны*», по выражению Джона Белла [Зиннер, 1968, с. 57], служившие подштанниками, и «весьма длинные и широкие ширавары» (по И.Г. Георги), которые надевали поверх штанов. Заметим, что шаровары также являются широкими в шагу штаницами. По нашему мнению, М. Татаринов, отмечая у бурят «штаны летом холодные, а зимой теплые», имел в виду не различия в материале (зимние шили из кожи, а летние – из «китайки»), а то, что в холодное время года для утепления носили двойные штаны. Очевидно, находясь дома или выполняя хозяйственныe работы, люди не ходили одновременно в двух штанах, а т.н. шаровары надевали только при верховой езде. В отличие от летних зимние штаны не зашивали в голенище, а натягивали на него. Можно предположить, что на шаровары в дорогу буряты надевали *убдэгэбшэ* ‘наколенники’ из шкуры мелкого рогатого скота. *Убдэгэбшэ* являлись элементом воинской и промысловой одежды. Вероятно, в более раннее время у бурят в костюм всадника входили наколенники, но со временем их заменили меховые, широкие в шагу штаны. Интересно, что в традиционной одежде тувинцев встречаются кожаные штаны *угдешки*, состоящие из двух длинных раздельных штанин, которые надевают поверх штанов и обуви и крепят сбоку к поясному ремню кожаными шнурками [Даржа, 2003, с. 127]. По назначению и конструкции бурятские и тувинские наколенники одинаковы. Учитывая, что тувинское название наколенников восходит к монгольским языкам, правомерно рассматривать возможность заимствования тувинцами наколенников у монголов.

Как следует из источников, столь популярная в XIX в. у забайкальских бурят обувь *эрмэг гутал* в XVIII в. не была знакома бурятам. Правда, замечание И.Г. Георги о схожести одежды селенгинских бурят и калмыков позволяет предположить, что как раз у этой группы бурят обувь была *эрмэг гутал*. Авторы XVIII в. упоминают *годогон* – «сапоги длинные и широкие, меховые и кожаные с закопченными подош-

вами» [Георги, 1799, с. 31]. М. Хангалов, говоря об обуви *хэхэ-годонон*, которую в старину носили предбайкальские буряты, отмечал у нее шишковидный носок, который во время единоборства служил средством поражения противника [1958, с. 207]. Другой вид обуви – меховые (камусовые) унты, также причисленные бурятским этнографом к древней обуви предбайкальских бурят, по данным М. Татаринова, шили из изюбревой или кабарговой кожи. Он же отмечал, что унты были «теплые и холодные», имея в виду, вероятно, сезонные виды обуви – летние и демисезонные *годогон*, зимние камусовые унты.

Зимой под обувь надевали войлочные чулки. Как пишет И.Г. Георги, ноги обертывали еще и «шубными лоскутами» [1799, с. 31], которые, очевидно, представляли собой куски выделанной шкуры собаки, овцы. Сведения об использовании шкур животных в качестве портняжок в более позднее время отсутствуют, этому есть объяснение: в XIX в. буряты обычно носили войлочные, вязаные шерстяные и изредка матерчатые чулки.

В материалах XVIII в. встречаются краткие описания женской одежды бурят, но на их основе можно реконструировать женский костюм. Авторы того времени отмечали однотипность женского и мужского костюмов, но при этом выделяли основные особенности одежды женщин. Например, описывалась специфика праздничной одежды. Женские халат и шуба, по словам исследователей XVIII в., были красочнее и более эстетически привлекательнее («шешешнее»), чем мужская верхняя одежда. Обязательным элементом женского костюма являлась безрукавка, которая была двух видов – длиннополая и короткая (с узкой спинкой) «душегрея». У селенгинских буряток длиннополая безрукавка была сшита из «китайки» или шелка и отделана по краям бисером [Там же, с. 42].

Отдельно выделялась девичья одежда: по сравнению с женскими и мужскими головными уборами шапочки девушек (по-видимому, *тооробио малгай*) имели более широкий окольш размером «в большой перст». Возможно, был еще один тип девичьего головного убора с высокой конической тулей, стеганой и крытой тканью с меховым окольшем; его изображение дается на упомянутой гравюре «Брацкая девушка в Удинском остроге». Девушки забайкальских бурят на халат надевали короткие безрукавки-лифы, спинки которых были «испещрены змеиными головками, бисером, шнурками и брякушками» [Там же, с. 32]. Эта одежда, если верить словам ученого, характерная для отдельных групп предбайкальских бурят, изображена на рисунке «Брацкая девушка в Удинском остроге сзади» в книге И.Г. Георги. Буряты, якуты и южно-сибирские народы «змеиными головками» называли раковины каури (например, Д.А. Функ

пишет о *т'ылан-баши* ‘змеиной голове’, украшавшей косы девушки-телеуток [1993, с. 135]).

Сведения М.Н. Хангалова позволяют обрисовать в общих чертах этнокальчные особенности женского костюма предбайкальских бурят. Зимняя одежда буряток включала крытую или нагольную овчинную шубу и *дээглээ* – длиннополую безрукавку с разрезом сзади. При верховой езде на шубу надевалась *бэлэбши* – меховая юбка-накидка, сшитая из волчьих лап, с тремя большими карманами для дорожной провизии и разрезом сзади [1958, с. 270]. В «Бурятско-русском словаре» К.М. Черемисова слово *бэлэбши* приведено в ином значении – *бэлхэбээ* ‘широкий меховой пояс’; отсюда следует, что название меховой юбки производно от *бэлхуүн* ‘талия, поясница’ [1973, с. 131]. Возможно, первоначально меховой пояс, который надевали, чтобы защитить поясницу, претерпевая изменения (у него появились надставки из волчьих камусов понизу), приобрел форму юбки, основное назначение которой было беречь полы верхней одежды во время конных путешествий. В XIX в. такие юбки выходят из повседневного обихода и сохраняются как элемент ритуального (свадебного) одеяния.

Заключение

Таким образом, в XVIII в. в народном костюме бурят произошли изменения: выделилась одежда родовой знати и буддийского духовенства, социальных групп, авторитет которых в народе был поддержан российской властью. Одежда остальных слоев бурятского общества дифференцировалась по материалу (ткань, мех и кожа). Представители состоятельной прослойки во всех группах бурят предпочитали ценные меха для отделки и дорогие сорта китайских тканей для оформления верха верхней одежды, тульи головного убора, голенищ обуви. Менее состоятельные забайкальские буряты для тех же целей использовали менее ценные меха и недорогие китайские ткани (сукно, бумага). У рядовых предбайкальских бурят, которые традиционно шили одежду из местного кожаного сырья, получаемого от пушной охоты и занятия скотоводством, сохранялся прежний архаичный костюм. На развитие бурятской одежды влияло расширение российско-китайской и внутрироссийской торговли. Региональная и этнокальчальная специфика бурятской одежды складывалась на фоне еще не завершившихся процессов формирования этноса, продолжающейся миграции. Одежда родов и племен, вовлеченных в процесс формирования бурятского народа, в XVIII в. коренным образом не изменилась – для забайкальских бурят был характерен восточно-азиатский тип одежды, для предбайкальских – южно-сибирский. Влияние русских на костюм бурят было еще незаметно.

Список литературы

- Алексеев М.П.** Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. XIII–XVII вв. – 2-е изд. – Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1941. – 612 с.
- Алексеев М.П.** Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. XIII–XVII вв. – Новосибирск: Наука, 2006. – [T.] LXXII. – 504 с.
- Аникин А.Е.** Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заемствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – М.; Новосибирск: Наука, 2000. – 768 с.
- Бадмаев А.А.** О новациях в народной одежде селенгинских бурят в середине XIX в. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 296–299.
- Бадмаева Р.Д.** Бурятский народный костюм. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1987. – 142 с.
- Бурятско-русский словарь** / сост. К.М. Черемисов. – М.: Сов. энциклопедия, 1973. – 804 с.
- Георги И.** Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. – СПб., 1799. – Ч. IV. – 376 с.
- Гирченко В.П.** Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX веков о бурят-монголах. – Улан-Удэ: Гос. бурят-монгол. изд-во, 1939. – 92 с.
- Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель», 2001. – Т. 1. – XXVI, 1158 с.
- Даржа В.К.** Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. – Кызыл: Тувинский Ин-т комплекс. освоен. природ. ресурсов СО РАН, 2003. – 184 с.
- Залкинд Е.М.** Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. – М.: Наука, 1970. – 400 с.
- Зиннер Э.П.** Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. – Иркутск: Вост-сиб. кн. изд-во, 1968. – 248 с.
- Идес И., Бранд А.** Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / вступит. статья, пер. и comment. М.И. Ка-занина. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1967. – 404 с.
- Линденau Я.И.** Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.
- Манжигеев И.М.** Янгутский бурятский род (опыт историко-этнографического исследования). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. – 233 с.
- Народный костюм бурят** в фотографиях конца XIX – начала XX в. (Изфондов Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова). – Улан-Удэ: НоваПринт, 2005. – 17 с.
- Павлинская Л.Р.** Художественный металл бурят XIX – начала XX в. в историко-этнографическом аспекте: дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1987. – 208 с.
- Попов Н.** Очерки старой ямчины в Прибайкалье // Жизнь Бурятии. – 1925. – № 3/4. – С. 91–95.
- Потанина А.В.** Буряты: Этнографический очерк. Из наблюдений над жизнью бурят // Сибирский сборник. – 1890. – Вып. 1. – С. 170–178.
- Путешествие по указу Петра I.** Из дневника Д.Г. Мессершмидта – исследователя народов Сибири. 1721–1725 гг. // Исторический архив. – 2003. – № 2. – С. 21–25.
- Функ Д.А.** Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. – М.: Наука, 1993. – 325 с. – (Народы и культуры, вып. XVII: Телеуты, кн. 2).
- Хамарханов А.З.** О культуре и быте монгольских народов в труде Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов. – Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1988. – С. 143–161.
- Хангалов М.Н.** Собрание сочинений. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – Т. 1. – 551 с.; 1959. – Т. 2. – 444 с.
- Цыбиков Б.Д.** Обычное право селенгинских бурят. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 283 с.

Материал поступил в редакцию 09.02.09 г.

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

НАРОДЫ ЕВРАЗИИ: КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ФОТОАРХИВАХ

ЭКСКУРСИЯ Б.Н. ГОРОДКОВА И Г.М. ДМИТРИЕВА-САДОВНИКОВА
В ДОЛИНУ РЕКИ ВАХ В 1913 ГОДУ

Статья знакомит с одним из проектов Тобольского губернского музея 1913 г. Результаты работы молодых исследователей Б.Н. Городкова и Г.М. Дмитриева-Садовникова на р. Вах (правый приток р. Оби) нашли отражение в полевых записях, серии публикаций и богатом фотоархиве, представляющем природу, быт и культуру коренного населения (остяков) и русских старожилов Ваховского края. Многое из отснятого экскурсантами в начале прошлого века в традиционной культуре ваховских хантов утрачено, поэтому фотодокументы с подробными этнографическими описаниями имеют особую ценность для исследователей.

Ключевые слова: Северо-Западная Сибирь, р. Вах, ваховские остыки, Б.Н. Городков, Г.М. Дмитриев-Садовников, этнографические исследования.

В 1910 г. Тобольским губернским музеем по предложению главного хранителя В.Н. Пигнатти «с целью изучения естественноисторических условий» и быта коренного населения Обь-Иртышского Севера, а также сбора коллекций были организованы экскурсии. К участию в полевых изысканиях привлекались профессиональные ученые, музейные сотрудники и краеведы. Маршруты ежегодных экспедиций охватывали огромные пространства Северо-Западной Сибири: реки Конда (1910, 1914 гг.) и Салым (1911 г.), бухта Находка и низовья Оби (1912 г.), реки Иртыш (1912 г.) и Вах (1913 г.), побережье Обской и Тазовской губ. (1913 г.), реки Щучья (1913 г.), Казым (1914 г.), Полуй (1914 г.), Надым (1916 г.). Проект поддержали столичные научные центры и музеи, местные государственные учреждения и частные компании. В организации экспедиций участвовали Императорское Географическое общество, Ботанический и Этнографический музеи Императорской академии наук, Музей императора Александра III, Тобольское переселенческое управление и др. [Тобольский губернский музей..., 1915].

В долину р. Вах в июне – сентябре 1913 г. отправилась пятая экспедиция Тобольского музея. В ее состав вошли студент-естественник Санкт-Петербургского университета Б.Н. Городков и «бывший гимназист» Л.Ф. Мельников (вместо не сумевшего выехать Л.Р. Шульца). В с. Ларьяк к ним присоединился учитель Г.М. Дмитриев-Садовников. Молодым людям доверили проведение столь серьезного мероприятия, потому что они, будучи коренными тоболяками, давно сотрудничали с музеем и имели большой опыт полевых исследований.

Борис Николаевич Городков родился 2 февраля 1890 г. в семье преподавателя истории литературы

Тобольского духовного училища. Знакомство молодого человека с музеем, где его отец некоторое время был хранителем библиотеки, общение с краеведами, многочисленные экскурсии по окрестностям Тобольска развили у него интерес к геоботанике. В старших классах Б.Н. Городков серьезно увлекся химией. После окончания гимназии с серебряной медалью он поступил на химическое отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета [Городков Борис Николаевич], но продолжил сотрудничать с Тобольским музеем: в 1910 и 1911 гг. работал в составе экспедиций В.Н. Пигнатти на р. Конда (Тобольский уезд) и Л.Р. Шульца на р. Салым (Сургутский уезд); в 1912 г. самостоятельно совершил поездку по Ишимскому уезду [Городков, 1912, 1913; Тобольский губернский музей..., 1915].

Григорий Михайлович Дмитриев-Садовников родился 3 ноября 1885 г. Его отец держал постоянный двор, один из братьев был приказчиком и имел личное стадо оленей, другой – служил псаломщиком в церкви д. Щекурья (Березовский уезд), где священником в то время был известный краевед В.Н. Герасимов. После окончания образцовой школы при Тобольской духовной семинарии, а затем уездного училища 18-летний юноша поехал работать учителем в начальное училище, только что открытое в с. Ларьяк (Сургутский уезд).

В с. Ларьяк Г.М. Дмитриев-Садовников прожил около десяти лет (1904–1913 гг.), сочетая преподавательскую деятельность с изучением Ваховского края. Объектом его этнографических и лингвистических исследований были ваховские остыки (ханты) – одна из восточных этнотERRиториальных групп обских уг-

ров*. Освоив язык местного населения, Г.М. Дмитриев-Садовников составил словарь и грамматику языка хантов**. С 1910 г. Г.М. Дмитриев-Садовников активно взаимодействовал с Тобольским музеем, пополняя его этнографические, ботанические и зоологические коллекции. В 1911 г. он участвовал в подготовке Первой Западно-Сибирской выставки в г. Омске, в 1912 г. обследовал одно из осязких культовых мест на р. Вах [Югорские краеведы..., 1995, с. 37; Белобородов, Игонина, 1998]. В «Ежегоднике Тобольского губернского музея» были напечатаны статья Г.М. Дмитриева-Садовникова [1911] и записанная им осязкая легенда [Садовников, 1912].

В 1913 г. состоялась большая экспедиция в долину Ваха. В архиве Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ТГИАМЗ) сохранилась рукопись Г.М. Дмитриева-Садовникова под названием «Мои работы по Ваховской экспедиции Тобольского губернского музея в 1913 г. Дневник» (НА ТГИАМЗ. № 135). Спустя 80 лет, благодаря усилиям В.К. Белобородова и И.В. Игониной, она была опубликована в серии «Люди земли Югорской» [Дмитриев-Садовников, 1998, с. 105–141].

Согласно плану, участники этой экскурсии должны были подняться на каюке «на гребях» и «бочевою» вверх по Ваху до притока Куль-егана, по нему пройти до Лохкентугских озер и, совершив пеший переход на Ерган-еган, перебраться на Сабун и спуститься обратно к Ларьяку [Там же, с. 106]. Во время экспедиции Б.Н. Городков, явившийся руководителем отряда, занимался ботанико-географическими исследованиями, сбором образцов флоры и фауны, Г.М. Дмитриев-Садовников – этнографией, Л.Ф. Мельников – метеонаблюдениями; все участники вели маршрутную съемку. Материалы экскурсии – гербарий «из 1 200 листов высших растений и 114 листов мхов и лишайников», образцы почв, небольшие зоологические коллекции, предметы быта и культа осязков, а также многочисленные фотографии – были переданы в Тобольский музей [Тобольский губернский музей..., 1915].

Консультантами и проводниками участников экспедиции выступали ларьякские русские старожилы и ваховские осязки. Плодотворной работе и установлению доверительных отношений с местным населением способствовали знание исследователями языка и обычая осязков. У последних экскурсанты вызывали непод-

*Ваховские осязки (ханты) – одна из групп обских угров, географически занимающая пограничное положение между уграми и самодицами, чем в значительной мере определяется ее этническое своеобразие. Самоназвание – *ваха ях* ‘люди реки Вах’. Говорят на ваховском наречии (диалекте) восточной группы диалектов хантыйского языка. В настоящее время проживают на территории Нижневартовского р-на Ханты-Мансийского автономного округа.

**Оба труда не были опубликованы.

дельный интерес. Обычно коренные жители Ваха видели только священника и фельдшера, крайне редко объявлявшихся в этих местах. Целыми днями, по воспоминаниям Г.М. Дмитриева-Садовникова, осязки были готовы сидеть около «первых из русских, приехавших сюда летним путем» [1998, с. 106, 108, 131].

Экспедиция располагала двумя фотоаппаратами: один принадлежал музею, им снимал Б.Н. Городков, другой – Г.М. Дмитриеву-Садовникову [Там же, с. 110]. Их снимки хранятся в виде двух авторских коллекций в фондах ТГИАМЗ. Набор фотоиллюстраций соответствует поставленным задачам и исследовательским приоритетам: в собрании Б.Н. Городкова представлены в основном природные ландшафты и типичная растительность края, хотя встречаются и этносюжеты; фоторяд Г.М. Дмитриева-Садовникова – этнографический обзор. Фотоиллюстрации весьма содержательны. Дополнительную информацию дают подписи к ним, непременно включающие привязку к местности и осязкие названия.

Исследователи хорошо знали, что и как снимать, обладали большим опытом работы на Севере и чутьем полевиков. Фотографии Г.М. Дмитриева-Садовникова легко ложатся на путевые записи; его подборки за 1912 и 1913 гг. содержат тематические серии («изготовление ручного лука», «изготовление обласа»). Но, судя по дневникам, фотосессии не всегда вызывали удовольствие у осязков. В одной из юрт осязк не позволил сфотографировать ребенка, объяснив, что тот хворает: «Да и зачем снимать: возьмешь с него карточку – он совсем умрет» [Там же, с. 127].

Фотографии и дневниковые записи участников экспедиции дают яркое представление о коренных жителях долины Ваха. В зарисовках Г.М. Дмитриева-Садовникова чувствуется душевная привязанность к таежному народу: «Осязки р. Ваха среднего роста; головы у них круглые, с редко седеющими, темными, щетинистыми волосами, выдающимися скулами, одноцветными... глазами и приплюснутыми носами; растительность на лице слабая. <...> ...вспыльчивы, но честны, доверчивы и гостеприимны, всегда делятся с нуждающимися и оказывают им помощь... воровство среди них встречается редко» [Дмитриев-Садовников, 1911, с. 5].

Итоги этнографических исследований Г.М. Дмитриева-Садовникова представлены в серии работ, и хотя они не претендуют на глубокий научный анализ, значение их заключается в исключительной добродотности материала [1913, 1915, 1916а, б]. Сегодня, когда многое из традиционной культуры ваховских хантов утрачено, зафиксированные экскурсантами этнографические реалии в сочетании с фотодокументами приобретают особую ценность.

Ваховская экскурсия стала одним из самых удачных проектов Тобольского музея. Продолжая сотрудничать с музеем, в 1914 г. Б.Н. Городков и Г.М. Дмитриев-

риев-Садовников провели совместную экспедицию на р. Полуй [Дмитриев-Садовников, 1919]. В 1915 г. Б.Н. Городков работал на реках Сев. Сосьва и Манья, в 1917 г. – в низовьях Оби и на южном побережье Обской губы. В 1916 г. по заданию музея Г.М. Дмитриев-Садовников совершил поездку по р. Надым [Дмитриев-Садовников, 1917, 1918].

Революционные события и Гражданская война (1917–1921 гг.) по-разному отразились на судьбах участников ваховской экскурсии. Разделявший взгляды эсеров и сибирских областников Г.М. Дмитриев-Садовников, по одним сведениям, был расстрелян летом 1921 г. в Тобольске, по другим – погиб в 1920 г. во время восстания в г. Обдорске [Югорские краеведы..., 1995, с. 37; Белобородов, Игонина, 1998]. В 1926 г. в сборнике «Урал» была опубликована его статья по материалам последних экспедиций [Дмитриев-Садовников, 1928]. Рукописи «Наблюдения над явлениями природы четырех времен года на Вахе» и «О вымирании инородцев р. Ваха, их болезнях и лекарствах» не были изданы при жизни автора. Первая утеряна, вторая вышла только в конце 1990-х гг. (см.: [Дмитриев-Садовников, 1998, с. 97–104]).

В отличие от своего спутника по экскурсии 1913 г., Б.Н. Городков продолжил научные исследования. Он умер в 1953 г. в Ленинграде. На протяжении 39 лет ученый совершил 26 поездок в малоизученные районы Крайнего Севера; маршруты его экспедиций пролегали от Кольского полуострова до Чукотки и Камчатки. Б.Н. Городков, составивший описания труднодоступных районов Западной Сибири, Полярного Урала, Арктики, входит в когорту самых выдающихся исследователей Севера. Его имя носят горная вершина и ледник Полярного Урала, гора Антарктиды, мыс архипелага Земля Франца-Иосифа, озеро на севере Тюменской обл., а также пять видов растений. В советской, российской и мировой науке Б.Н. Городков известен как выдающийся геоботаник, географ, почвовед, профессор, доктор биологических наук (с 1935 г.). Он награжден медалью им. Н.М. Пржевальского (1924 г.), орденом Трудового Красного Знамени (1945 г.) и орденом Ленина (1953 г.) (см.: [Козин, 2000; Белич, Козин, 2004; и др.]).

Материалы экспедиций Б.Н. Городкова и Г.М. Дмитриева-Садовникова фрагментарно тиражируются в научных и научно-популярных изданиях, используются в музейных экспозициях и на выставках. Однако целостного представления рассмотренного проекта, как, впрочем, и других весьма успешных экспедиций Тобольского губернского музея начала XX в., не было. Сохранившиеся в фондах ТГИАМЗ фотоматериалы экспедиции молодых исследователей являются ценным источником информации о традиционной культуре и быте осятков Ваховского края прошлого столетия.

Благодарности

Автор благодарит Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, предоставивший возможность публикации фотографий и использования архивных документов, и выражает особую признательность его сотрудникам Зайтуне Тычинских, Сергею Здановскому, Светлане Осиповой и Дмитрию Маркелову.

Список литературы

- Белич И.В., Козин В.В.** Городков Борис Николаевич // Ямал: энциклопедия Ямalo-Ненецкого автономного округа. – Салехард; Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2004. – Т. 1. – С. 240–241.
- Белобородов В.К., Игонина И.В.** Учитель, краевед и гражданин // Дмитриев-Садовников Г.М. Версты и строки. – Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 1998. – С. 5–30.
- Городков Борис Николаевич** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gpavet.narod.ru/gorodkov.htm>
- Городков Б.Н.** Очерк растительности низовий реки Конды // ЕТГМ. – 1912. – Вып. 20. – С. 1–35.
- Городков Б.Н.** Поездка в Салымский край // ЕТГМ. – 1913. – Вып. 21. – С. 1–100.
- Дмитриев-Садовников Г.М.** С реки Ваха Сургутского уезда // ЕТГМ. – 1911. – Вып. 19. – С. 1–21.
- Дмитриев-Садовников Г.М.** Ваховский облас // ЕТГМ. – 1913. – Вып. 21. – С. 1–10.
- Дмитриев-Садовников Г.М.** Лук ваховских осятков и охота с ним // ЕТГМ. – 1915. – Вып. 24. – С. 1–22.
- Дмитриев-Садовников Г.М.** Бересто и изделия из него у осятков р. Ваха // Живая старина. – 1916а. – Вып. 1. – С. 8–14.
- Дмитриев-Садовников Г.М.** На Вахе // ЕТГМ. – 1916б. – Вып. 26. – С. 1–15.
- Дмитриев-Садовников Г.М.** Река Надым // ЕТГМ. – 1917. – Вып. 27. – С. 24; 1918. – Вып. 29. – С. 1–24.
- Дмитриев-Садовников Г.М.** Река Полуй // Изв. Рус. Геогр. об-ва. – 1919. – Т. 52, вып. 6. – С. 493–497.
- Дмитриев-Садовников Г.М.** Рыболовные осенние и зимние промыслы окрестностей Обдорска // Уральский Север. – 1928. – Вып. 8, ч. 1. – С. 157–177.
- Дмитриев-Садовников Г.М.** Версты и строки. – Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 1998. – 224 с.
- Козин В.В.** Городков Борис Николаевич // Югория: энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. – Ханты-Мансийск: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2000. – Т. 1. – С. 243.
- Садовников** Богатырь реки Сабуна, правого притока реки Ваха // ЕТГМ. – 1912. – Вып. 20. – С. 1–6.
- Тобольский губернский музей** за 25 лет его существования (1890–1815) // ЕТГМ. – 1915. – Вып. 25. – С. 41–43.
- Югорские краеведы** (материалы к библиографическому словарю). – Шадринск: ПО «Исеть», 1995. – 135 с.

Е.В. Перевалова

Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Розы Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026,
E-mail: elena_perevalova@mail.ru

1. Долина р. Вах (фото Г.М. Дмитриева-Садовникова, 1912).

Река Вах, правый приток Оби, берет начало на севере Вах-Кетской возвышенности и течет с востока на запад. Она извилиста и быстра, протяженность русла ок. 1 тыс. км. В среднем течении Ваха расположено с. Ларьяк (Ларьятское); 27 июня 1913 г. туда прибыла экскурсия, снаряженная Тобольским губернским музеем с целью изучения природы края, занятий и быта ваховских остяков. Согласно преданиям, пришедшие на Вах предки остяков уничтожили местное население и, потеснив угрожавших постоянными набегами самодов (яран ях), прочно осели на берегах реки. В начале XX в. численность ваховских остяков (ваха ях) составляла более 2 тыс. чел.

2. Ваховский остьяк (фото Г.М. Дмитриева-Садовникова, 1912).

3. Участники ваховской экспедиции (слева направо): учитель Г.М. Дмитриев-Садовников, студент Б.Н. Городков и «бывший гимназист» Л.Ф. Мельников (фото Г.М. Дмитриева-Садовникова, 1913).

4. Вид на Ларьяк с реки (фото Г.М. Дмитриева-Садовникова, 1912).

Село Ларьяк раскинулось на живописном берегу протоки, соединяющей реки Вах и Сабун. В начале XX в. здесь было более 30 зданий, в которых размещались, в частности, начальное училище, инородческая управа, фельдшерский пункт. Большинство жителей – русские промысловики и торговцы, учитель, священник и фельдшер. В Ларьяке постоянно проживало также несколько остяцких семей. Село заметно оживлялось во время зимней и весенней ярмарок. Остяки привозили на продажу пушину, рыбу и олени шкуры, платили ясак, закупали у местных купцов муку и другие товары. С окончанием ярмарки остяки разъезжались по юртам и село пустело до появления парохода, который ежегодно доставлял муку в хлебозапасный магазин.

5. Семья остыка (фото Г.М. Дмитриева-Садовникова, 1912).

6. Зимнее срубное жилище. Юрты Ерган-Еганские, р. Ерган-еган (фото Г.М. Дмитриева-Садовникова, 1913).

Участники экскурсии 1913 г. побывали в зимних и летних юртах осяек, разбросанных по берегам Ваха на значительном расстоянии друг от друга. Обычные зимние жилища представляли собой землянки или срубные избы с чувалом (открытым камином) и льдинами вместо окон. Чувал возводился у одной из боковых стен жилища. Его остов сооружался из жердей, стянутых тальниковыми или черемуховыми обручами и кедровым корнем, сверху обмазывался глиной, смешанной с сухой травой. Для обогрева и освещения жилища дрова в чувал укладывались вертикально, а для приготовления пищи – горизонтально. В чувале, как и на открытом огне, можно было легко приготовить излюбленное осяцкое блюдо – печеные в золе или на «рожонках» пресные лепешки.

7. У чувала в осяцкой юрте (фото Г.М. Дмитриева-Садовникова, 1913).

8. Осяцкие пресные лепешки (фото Г.М. Дмитриева-Садовникова, 1913).

9. Остяцкая землянка. Село Ларьяк, р. Вах (фото Г.М. Дмитриева-Садовникова, 1913).

Согласно дневниковым записям Г.М. Дмитриева-Садовникова, в Ларьяке некоторые остяки жили в русских избах со стеклянными окнами, железными и кирпичными печами. Рядом с избой находились обычные остяцкие землянки (мув кат). В качестве летних и временных жилищ использовались различные каркасные постройки, крытые берестой (береста хорошо пропускает воздух и защищает от дождей). Очаг в таком жилище сооружался прямо на земле, дым выходил через отверстие в крыше.

Летние поселения располагались на т.н. рыболовных песках, куда после вскрытия рек остяки выезжали на рыбный промысел. Рядом с летними чумами и шалашами устанавливались навесы, вешала для просушки сетей и неводов.

10. Летний чум остыка. Юрты Лохкэн-тугские, р. Куль-еган (фото Б.Н. Городкова, 1913).

11. Берестяной шалаш. Юрты Малые Корликины, р. Вах (фото Б.Н. Городкова, 1913).

На богатых «рыболовных песках» в ожидании подъема рыбы собирались до нескольких десятков берестяных чумов. Прибывавшие на летний промысел остыки встречались с родственниками и представителями других родов из отдаленных селений, которых могли не видеть с прошлого года.

Ваховские остыки именовали друг друга по названию юрт или прозвищам, реже – фамилиям. Одна или несколько фамилий составляли род, зачастую ведущий свое происхождение от предка-богатыря (матур). Браки между семьями, входившими в одну родовую группу, были запрещены. Родовые группы имели, как правило, общее святилище и поклонялись общему духу-покровителю.

12. Группа остыков. Юрты Лохкэн-тугские, р. Куль-еган (фото Б.Н. Городкова, 1913).

13. Оклейивание тетивы лука берестой (фото Г.М. Дмитриева-Садовникова, 1913).

Ваховские остыяки, как отмечал Г.М. Дмитриев-Садовников, слыли искусными звероловами. Промышляя зверя, они доходили до рек Демьянка, Толька, Таз и Енисей. Для охоты использовались кремневые ружья, ставные луки и разные давящие ловушки (черканы, пасти, слопцы и кулемы). Особо ценились сложные, склеенные из трех пород деревьев (ели, березы, черемухи) охотничьи луки.

На Вахе были популярны «медвежьи» истории, рассказывающие о добывче зверя в берлоге или встрече с ним один на один в урмане – тайге. В начале XX в. среди остыяков встречались промысловики, на счету которых было до сотни медведей. Один из них – Калипог ики (старик Плешивая Голова). Охотничьим мастерством остыяки овладевали с детства. Выходя с отцами в тайгу, сыновья учились «читать» след зверя, а уже с 12 лет промышляли самостоятельно.

14. Калипог (Плешивая Голова) – знаменитый охотник на медведей (фото Г.М. Дмитриева-Садовникова, 1912).

15. Остыак-подросток, охотник за утками. Юрты Мехтег-Ванькины, р. Сабун (фото Г.М. Дмитриева-Садовникова, 1913).

16. Проверка ловушки промысловиком из русских старожилов (фото Г.М. Дмитриева-Садовникова, 1913).

Ваховцы славились умением делать долбленые лодки – обласы. Быстрые, приспособленные к местным водоемам лодки-однодеревки использовали не только остыки, но и русские старожилы. По виду обласа местные жители легко определяли руку мастера. На изготовление лодки из ствола осины уходило три – пять дней.

Добыча рыбы на Вахе велась круглогодично, за исключением периода ледостава. Ловили в основном щуку, язя, карася, окуня, чебака, ериша, ельца и налима, в нижнем течении реки попадалась нельма. После спада воды наступала варовая пора: реки перекрывались варами – заграждениями из ёбтых в дно кольев, скрепленных прутьями и кедровым корнем. Вары оснащались плетеными из сосновой дранки и кедрового корня легкими, но прочными рыболовными ловушками – мордами и котцами.

17. Остяк за плетением рыболовной ловушки (фото Г.М. Дмитриева-Садовникова, 1912).

18. Выборка внутренности обласа (фото Г. М. Дмитриева-Садовникова, 1913).

19. Оленья «изба». Устье р. Куль-еган (фото Б.Н. Городкова, 1913).

Участники экспедиции 1913 г. описали традиционное оленеводство ваховских остяков. Домашних оленей на Вахе держали немного – не более десяти голов в одном хозяйстве. Их запрягали в основном в зимнее время для поездок в дальние промысловые угодья и на ярмарку. Для защиты стада от гнуса на летних стоянках строили бревенчатые «избы» с дымокурами. Остяки с Таза приводили небольшое количество оленей в Ларьяк для продажи. Между ваховскими и тазовскими остяками, несмотря на старинную вражду, существовали брачные связи.

20. Группа приехавших в Ларьяк тазовских остяков (фото Г.М. Дмитриева-Садовникова, 1913).

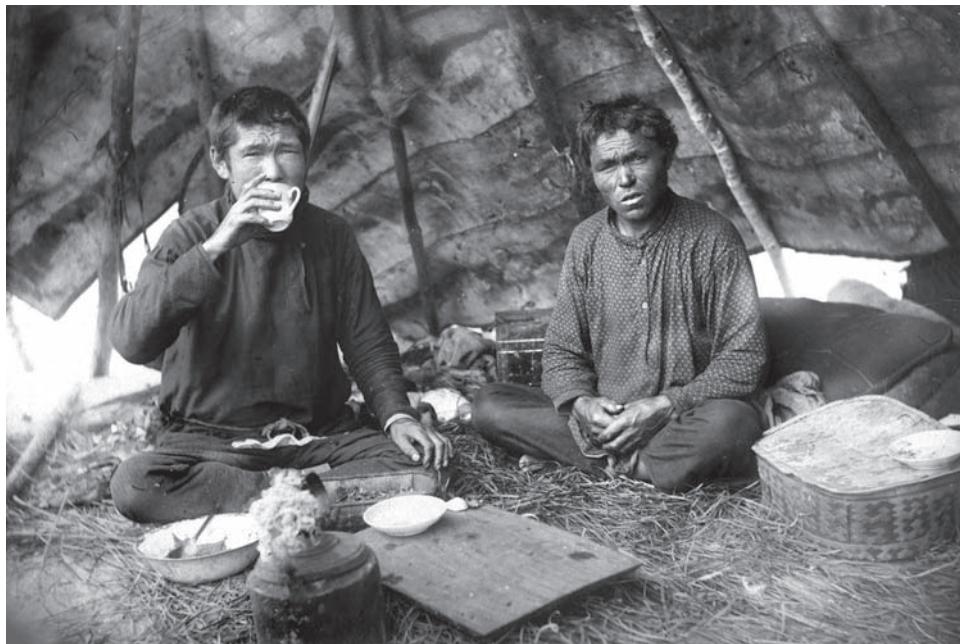

21. Девушка-остячка с р. Таз (фото Г.М. Дмитриева-Садовникова, 1913).

22. Молодой остяк с верховьев р. Вах (фото Г.М. Дмитриева-Садовникова, 1913).

Согласно документам начала XX в., в самых крупных юртах на Вахе проживало до десяти семей, в самых малочисленных – одна-две. Остяцкие семьи состояли, как правило, из 10–15 чел. Молодая замужняя женщина должна была «стыдиться» – закрывать лицо платком от старших родственников мужа и выполнять другие обряды, связанные с обычаем избегания (обращаться к старшим только в третьем лице, разговаривать тихо, отвернув лицо, не употреблять прозвищ). Этот обычай распространялся также на тестя, тещу и их зятьев. Считалось, что несоблюдение обрядов могло привести к болезням и даже смерти членов семьи.

23. Чаепитие. Юрты Мехтег-Ваньки, р. Сабун (фото Г.М. Дмитриева-Садовникова, 1913).

24. Семья остыка. Юрты Кохлянкины, р. Куль-еган (фото Г.М. Дмитриева-Садовникова, 1913).

Задумавший жениться молодой остык отправлял своей избраннице шаль. Если дар принимался, к родителям будущей невесты засыпали сватов, которые договаривались о калыме и времени проведения свадьбы. Среди остыков почти не было разводов; если женищина возвращалась к отцу или братьям, она забирала свое приданое.

Рождение ребенка, особенно мальчика, для остыков было радостным событием. С рождения и до года младенец большую часть времени находился в сиитой из бересты или изготовленной из дерева колыбели. Ввиду постоянной занятости родителей девочки-подростки становились няньками для своих младших братьев и сестер. Мать и отец редко наказывали своих детей.

25. Остяцкие дети. Село Ларьяк, р. Вах (фото Г.М. Дмитриева-Садовникова, 1912).

26. Часовня. Юрты Охтиурьевские, р. Вах (фото Б.Н. Городкова, 1913).

Для распространения среди ваховских остяков христианства в Ларьяке на месте древнего кладбища была построена церковь, а в юртах Охтиурьевских на Вахе – небольшая часовня. Во многих остяцких юртах имелись иконы, чаще всего Николая Угодника. Остяки в большинстве своем были крещеные, но на старинных святынищах продолжали совершать жертвоприношения богам и духам-покровителям в виде шкур и крови жертвенных животных, платков, халатов, отрезов ткани.

27. Облаченная в каftан шкура лошади на дереве около «шаманской» избушки (фото Г.М. Дмитриева-Садовникова, 1912).

АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572.76

Т.С. Балуева, Е.В. Веселовская, А.В. Рассказова

Институт этнологии и антропологии РАН

Ленинский пр., 32 А, Москва, 119991, Россия

E-mail: labrecon@yandex.ru

e.veselovskaya@rambler.ru

Rasskazova.a.v@mail.ru

ОПЫТ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ ДРЕВНЕГО И СОВРЕМЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ*

Статья посвящена комплексному исследованию краинологической серии русского населения XIV–XVII вв. из с. Катунки Нижегородской обл. С целью изучения процессов изменчивости и адаптации на базе предпринятой палеореконструкции проведено сопоставление с современными русскими этой же территории. Недавно разработанная уникальная методика «словесного портрета» позволяет на основе черепа получить не только скульптурный или графический портрет, но и достаточно полную антропологическую характеристику внешнего облика. Предложена новая методика оценки асимметрии лицевого отдела черепа, изученные признаки проанализированы в сравнительном аспекте. Всесторонне охарактеризована внутригрупповая вариабельность данной серии, отмечается преемственность современного и древнего населения на данной территории, где от средневековья до современности имел место выраженный процесс грацилизации размеров головы.

Ключевые слова: антропологическая реконструкция, восстановление лица на основе черепа, краинологическая и краиноскопическая характеристика, асимметрия черепа.

Введение

Применение антропологической реконструкции при работе с сериями черепов дает уникальную возможность получать характеристику целой популяции в терминах антропометрии и антропоскопии живого лица. Такого рода палеореконструкция существенно обогащает методы сопоставления древнего и современного населения при изучении этногенетических процессов. Сочетание графического или скульптурного изображения лица с его описательной характеристикой позволяет осветить такие аспекты изменчивости, которые невозможно обсуждать в рамках традиционных палеоантропологических, популяци-

онно-генетических и молекулярно-биологических исследований. Комплексный подход поможет решить проблему восстановления антропологических черт внешнего облика представителей древних популяций, где возможна непосредственная фиксация лишь краинологических признаков.

Целью настоящего исследования было проследить хронологическую изменчивость внешнего облика славянского населения на территории Нижегородской обл. путем сопоставления портретов и морфологических характеристик лица, полученных в ходе палеореконструкции популяции с. Катунки XIV–XVII вв., со средними значениями соответствующих параметров современного населения этой же территории.

Сотрудники Лаборатории антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН постоянно ведут научные исследования по совершенствованию метода восстановления внешности

*Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ «Изменчивость внешнего облика на разных этапах эволюции человека» (№ 09-01-00184а).

по черепу, используя современные методики сбора и обработки данных. Работа ведется по двум основным направлениям. Первое касается изучения распределения толщины мягких покровов на различных участках лица у представителей разных этнических и половозрастных групп. Ранее стандарты получали либо путем измерения трупного материала, либо по рентгенограммам головы. Вполне понятно, что они далеко не точны. Нами же толщина мягких тканей измерялась с помощью эхоофтальмологической аппаратуры на живых людях. Это стало важным шагом вперед в уточнении методики воспроизведения черт внешности по черепу. Ультразвук абсолютно безвреден для человека, что позволило собрать обширный статистически достоверный материал. Таким образом, к настоящему времени в лаборатории создан банк данных по толщине мягких покровов на различных участках лица у представителей разных этнических групп [Веселовская, 1997].

Вторым направлением является поиск закономерностей соответствия отдельных размеров и элементов лица подлежащим костным структурам. Для этой цели была разработана специальная программа измерения и описания живого лица, с помощью которой обследовано несколько контрастных в этническом отношении групп. В результате удалось установить ряд зависимостей, позволяющих с достаточно большой точностью воспроизводить такие индивидуальные характеристики лица, как ширина носа и рта, высота уха, особенности строения глазной области и т.д. [Балуева, Веселовская, 2004]. Получены уравнения регрессии, с помощью которых, используя черепные характеристики, можно рассчитывать отдельные элементы живого лица. Установлено, что зависимости между физиономическими признаками и соответствующими им структурами черепа являются в общих чертах схожими для европеоидов и монголоидов, а также для мужчин и женщин [Балуева, Дерябин, 1998; Веселовская, 1997]. Таким образом, элементы внешности полностью зависят от их костной основы, и именно индивидуальность черепа отражает своеобразие лица.

В результате многолетних многоплановых исследований была создана программа краинофациального соответствия, представляющая собой алгоритм перехода от измерительных и описательных признаков черепа к соответствующим характеристикам лица [Балуева, Веселовская, 2004]. Ее применение позволяет не только значительно уточнить метод графического и скульптурного воспроизведения черт внешности, но и вооружает антропологов уникальной методикой «словесного портрета», с помощью которой по черепу можно получить «прижизненную» антропологическую характеристику лица.

Для разработки программы краинофациального соответствия были изучены статистические законо-

мерности соотносительной изменчивости метрических и неметрических характеристик черепа и соответствующих элементов живого лица. Отобраны эффективно работающие признаки. Комплекс размерных характеристик был разделен на три категории согласно различным подходам к их прогнозированию на живом лице [Там же]. К первой отнесены размеры, которые можно получить из краинометрических путем простого сложения с толщиной мягких тканей на соответствующих участках. Вторую категорию составили размеры, примерно равные соответствующим на черепе. В третью включены признаки головы, не имеющие прямых аналогов на черепе. К таковым относятся высота и ширина ушной раковины, ширина носа и рта, размеры глазной щели и т.п. Во внешнем облике они играют далеко не последнюю роль. Поэтому важен поиск любых взаимосвязей, позволяющих уточнить реконструкцию данных отделов. На основе многомерного корреляционного и регрессионного анализа антропологических групп были получены уравнения регрессии, которые можно использовать при восстановлении размерных характеристик третьей категории для европеоидных популяций (табл. 1). Высоту лба мы рекомендуем рассчитывать как разницу между физиономической и морфологической высотами лица.

В отношении вариантов описательных признаков, вошедших в программу краинофациального соответствия, мы опирались на многолетние исследования их зависимости от костной основы, которые проводили как по рентгенограммам головы, так и с применением особых техник на живом лице. При работе с криминалистическим материалом мы имели уникальную возможность анализировать соответствие внешнего проявления отдельных черт и элементов лица их костным структурам, т.к. в нашем распоряжении были черепа и прижизненные фотографии тех же самых лиц [Балуева, Веселовская, 2006].

Важной индивидуальной особенностью внешности является асимметрия лица, которая играет большую роль в неповторимости индивидуального облика каждого человека. В лаборатории начаты исследования асимметрии с целью воспроизведения особенностей ее выраженности при восстановлении лица на основе черепа.

Материалы и методы

Было проведено комплексное исследование серии черепов XIV–XVII вв., обнаруженных в 2007 г. на территории кладбища возле собора Рождества Пресвятой Богородицы с. Катунки Нижегородской обл. Судя по характеру обряда погребения и найденного в могилах инвентаря, все погребенные русские.

Таблица 1. Прогнозирование признаков живого лица, регрессионный анализ

Прогнозируемый признак на лице	Признак на черепе	Уравнение регрессии
Физиономическая высота лица (ФВЛ)	Морфологическая высота лица (МВЛ)	$\text{ФВЛ} = 90,515 + 0,748 \times (\text{МВЛ} + 6 \text{ мм}^*)$ $\text{ФВЛ} = 86,357 + 0,746 \times (\text{МВЛ} + 6 \text{ мм}^*)$
Высота уха (ВУ)	То же	$\text{ВУ} = 55,488 + 0,073 \times (\text{МВЛ} + 6 \text{ мм}^*)$ $\text{ВУ} = 45,650 + 0,110 \times (\text{МВЛ} + 6 \text{ мм}^*)$
Ширина носа (ШН)	Ширина между клыковыми точками (ШМК)	$\text{ШН} = 18,035 + 0,444 \times \text{ШМК}$ $\text{ШН} = 17,390 + 0,424 \times \text{ШМК}$
Ширина между носогубными складками (ШМН-ГС)	То же	$\text{ШМН-ГС} = 21,744 + 0,843 \times \text{ШМК}$ $\text{ШМН-ГС} = 19,607 + 0,805 \times \text{ШМК}$
Ширина фильтра (ШФ)	»	$\text{ШФ} = 7,295 + 0,118 \times \text{ШМК}$ $\text{ШФ} = 2,792 + 0,202 \times \text{ШМК}$
Ширина рта (ШР)	Ширина зубной дуги по Рм ² – Рм ² (ШМРРм ²)	$\text{ШР} = 21,817 + 0,700 \times \text{ШМРРм}^2$ $\text{ШР} = 27,905 + 0,512 \times \text{ШМРРм}^2$

Примечание: первое уравнение для мужчин, второе – для женщин.

*Толщина мягких тканей в точке гнатион.

Село Катунки находится на высоком берегу Волги, на окраине Нижегородской обл. в 75 км к северо-западу от г. Н. Новгорода и в 25 км к северо-западу от г. Городца. Этот район Поволжья заселялся в XIV в. Вплоть до XVII в. с. Катунки было административно-духовным центром Белгородья, но из-за своего географического положения неоднократно разорялось монголо-татарами отрядами. Через село проходила дорога на Кострому и Ярославль, что создало благоприятные условия для развития торговли, поэтому в XVII в. Катунки уже входили в число наиболее развитых селений края. Это способствовало притоку населения из соседних регионов [Поляков, 2003].

Для работы использовались только черепа взрослых индивидуумов – 28 мужчин и 21 женщины в возрасте от 16 до 55 лет (более половины – старше 35 лет). При установлении возраста мы столкнулись с некоторыми трудностями. Возраст, определяемый по стертости зубов, часто был больше определяемого по зарастанию швов. Возможно, это объясняется питанием грубой пищей [Добровольская, 2005] и использованием зубов в определенных профессиональных целях в качестве «пятой руки» – стертость зубов значительная даже у очень молодых индивидуумов [Сурнина, 1969].

Обобщенные «словесные портреты» и размерные характеристики, полученные в ходе палеореконструкции, были сопоставлены со средними значениями соответствующих морфологических параметров современного русского населения. Использованы материалы, собранные Т.И. Алексеевой в 1955–1959 гг. в рамках программы Русской антропологической экспедиции, организованной Институтом этнографии

АН СССР и Антропологическим научно-исследовательским институтом Московского государственного университета, под руководством В.В. Бунака. Для сравнения была выбрана группа русского населения г. Городца Нижегородской обл., как наиболее близкая в территориальном отношении к исследованной выборке [Происхождение..., 1965].

Статистическая обработка результатов проводилась с помощью программы TEST, разработанной в 1999 г. профессором Московского государственного университета В.Е. Дерябиным. Эта программа позволяет сравнивать индивидуальные характеристики исследуемых черепов с литературными данными по группам, где указываются только среднее значение признака, стандартное отклонение и число наблюдений. Достоверность различий оценивалась по *t*-критерию Стьюдента и критерию χ^2 Пирсона.

Серия из с. Катунки представляет собой достаточно замкнутую популяцию, где можно предположить некоторую степень инбридинга, что могло отразиться на краниологическом материале. В связи с этим мужские черепа были проанализированы на предмет наличия асимметрии. Некоторые авторы связывают степень выраженности флюкутирующей асимметрии с воздействием наследственных и средовых факторов на популяционном и индивидуальном уровнях. Так, если она пониженная, то можно говорить о хорошей приспособленности к окружающей среде обитания и генетическом здоровье популяции. Таким образом, степень выраженности флюкутирующей асимметрии является чутким индикатором нестабильности развития под давлением экологического стресса [Leung et al., 2000; Polak, 2003].

Мы поставили перед собой задачу отобрать наиболее информативные и удобные параметры с целью разработки стандартной программы изучения асимметрии черепа. Было рассмотрено более 50 измерительных признаков. Размеры брали справа и слева. Коэффициенты асимметрии рассчитывали так же, как для живых людей, по формуле $2(\text{Пр} - \text{Лев})/(\text{Пр} + \text{Лев})$, где Пр – размер справа, Лев – размер слева [Leung et al., 2000]. Такой расчет позволяет избегать влияния

абсолютных размеров на величину билатеральных колебаний и, суммируя коэффициенты по набору признаков, определять обобщенный показатель флюктуирующей асимметрии для индивидуума.

По шести черепам выборки были выполнены две скульптурные реконструкции (мужской череп № 2, женский № 1) и четыре графические (черепа № 6, 21, 25, 94), наглядно иллюстрирующие особенности внешнего облика жителей с. Катунки XVII в. (рис. 1–6).

Рис. 1. Скульптурная реконструкция по черепу мужчины № 2. Автор Е.В. Веселовская.

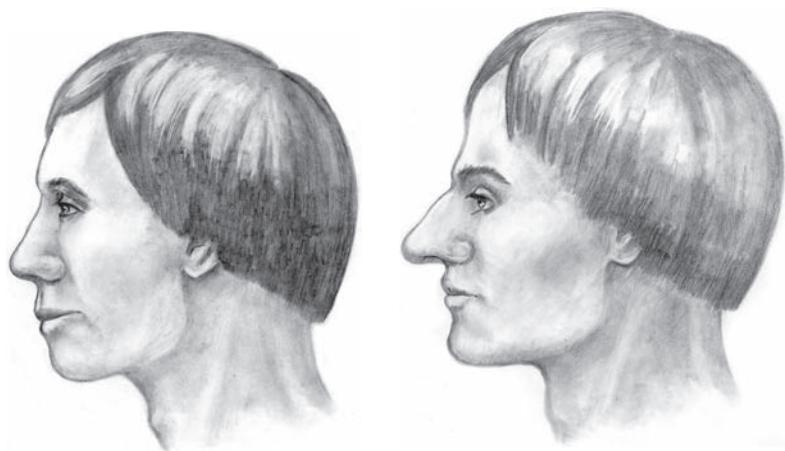

Рис. 2. Графическая реконструкция по черепу мужчины № 6.
Автор А.В. Рассказова.

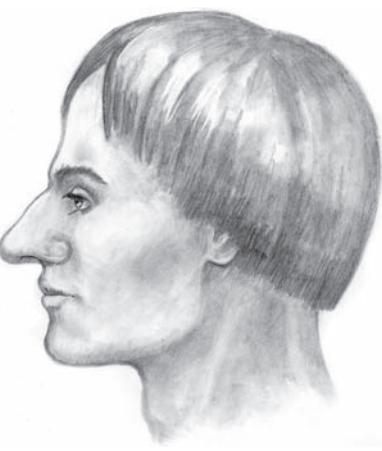

Рис. 3. Графическая реконструкция по черепу мужчины № 21.
Автор А.В. Рассказова.

Рис. 4. Скульптурная реконструкция по черепу женщины № 1. Автор Т.С. Балуева.

Рис. 5. Графическая реконструкция по черепу женщины № 25.
Автор А.В. Рассказова.

Рис. 6. Графическая реконструкция по черепу женщины № 94.
Автор А.В. Рассказова.

Таблица 2. Категории антропометрических признаков

Признак	Малый	Средний	Большой
Продольный диаметр	$X < 190,13$ $X < 180,92$	$190,13 \leq X \leq 196,82$ $180,92 \leq X \leq 186,45$	$X > 196,82$ $X > 186,45$
Поперечный диаметр	$X < 150,97$ $X < 144,37$	$150,97 \leq X \leq 157,41$ $144,37 \leq X \leq 150,27$	$X > 157,41$ $X > 150,27$
Наименьшая ширина лба	$X < 106,47$ $X < 98,94$	$106,47 \leq X \leq 112,11$ $98,94 \leq X \leq 108,77$	$X > 112,11$ $X > 108,77$
Скуловой диаметр	$X < 142,53$ $X < 136,73$	$142,53 \leq X \leq 149,98$ $136,73 \leq X \leq 142,36$	$X > 149,98$ $X > 142,36$
Нижнечелюстной диаметр	$X < 109,57$ $X < 102,39$	$109,57 \leq X \leq 115,83$ $102,39 \leq X \leq 107,79$	$X > 115,83$ $X > 107,79$
Физиономическая высота лица	$X < 183,78$ $X < 171,41$	$183,78 \leq X \leq 193,80$ $171,41 \leq X \leq 179,35$	$X > 193,80$ $X > 179,35$
Морфологическая высота лица	$X < 123,90$ $X < 112,38$	$123,90 \leq X \leq 136,92$ $112,38 \leq X \leq 124,70$	$X > 136,92$ $X > 124,70$
Высота носа	$X < 58,84$ $X < 54,03$	$58,84 \leq X \leq 62,97$ $54,03 \leq X \leq 57,96$	$X > 62,97$ $X > 57,96$
Ширина носа	$X < 36,03$ $X < 32,62$	$36,03 \leq X \leq 38,97$ $32,62 \leq X \leq 35,14$	$X > 38,97$ $X > 35,14$
Ширина рта	$X < 57,46$ $X < 50,71$	$57,46 \leq X \leq 62,26$ $50,71 \leq X \leq 54,68$	$X > 62,26$ $X > 54,68$

Примечание: первые значения для мужчин, вторые – для женщин.

Обобщенные «словесные портреты» русского населения с. Катунки XIV–XVII вв.

Жители с. Катунки XIV–XVII вв. в целом характеризуются достаточным единобразием по форме головы и строению отдельных элементов лица. Многие из этих особенностей являются типичными для русских: лицо средней ширины, прямой или слабонаклонный лоб с мало выступающим надбровьем, небольшое преобладание высокого переноса и значительной вертикальной профилизации, прямое или слегка приподнятое основание носа, слабое или среднее развитие складки верхнего века [Происхождение..., 1965]*.

Для характеристики исследуемой популяции были созданы два обобщенных «словесных портрета», описывающие мужскую и женскую части выборки как живое население, которые сопоставлялись с градациями, разработанными нами для нужд антропологической реконструкции на современном населении среднеевропейского масштаба (табл. 2).

Мужчины характеризуются брахицефалией (головной указатель 83,5) при среднем значении продоль-

ного диаметра и большом – поперечного (табл. 3). Скуловой и нижнечелюстной диаметры попадают в категорию средних величин. Высотные размерные характеристики лица (физиономическая и морфологическая высота) имеют средние значения. Отличительной чертой мужчин с. Катунки можно считать относительную узконосость (носовой указатель 54,8). Ширина рта не выходит за пределы средних значений.

По большинству описательных признаков мужская выборка демонстрирует средние показатели. Наблюдается несколько большее развитие складки верхнего века. При преобладании прямой спинки носа довольно часто встречаются выпуклые формы.

Женская выборка также характеризуется брахицефалией (головной указатель 84,0), продольный диаметр малый, поперечный большой (табл. 4). Большинство широтных и высотных размерных параметров имеют средние значения. Однако скуловой диаметр и ширина носа попадают в категорию малых величин.

Как и мужская выборка, женская по многим описательным признакам демонстрирует средние показатели. Также отмечается несколько большее развитие складки верхнего века. В отличие от мужских черепов, у женских при значительном преобладании прямой спинки носа вогнутая форма встречается чаще, чем выпуклая.

*Мы не останавливаемся на характеристике цвета и формы волос, цвета глаз.

Таблица 3. Измерительные признаки у мужчин с. Катунки и г. Городца

Признак	Катунки, N = 28		Городец, N = 82		t	p
	Среднее	S	Среднее	S		
Продольный диаметр	189,7	6,1	189,1	5,6	0,517	0,303
Поперечный диаметр	157,1	7,2	150,9	5,0	6,128	0,000
Головной указатель	82,8	3,6	80,4	3,1	4,381	0,000
Ширина лба	108,8	4,4	106,8	4,0	2,226	0,014
Скуловой диаметр	142,5	5,6	138,1	5,1	3,853	0,000
Нижнечелюстной диаметр	113,3	7,2	108,5	5,3	3,252	0,001
Физиономическая высота лица	183,8	6,3	184,8	8,7	0,653	0,258
Морфологическая высота лица	125,1	7,8	126,5	6,5	0,935	0,176
Лицевой указатель	87,8	5,1	91,7	5,2	3,442	0,000
Высота носа	60,8	3,2	55,0	3,6	6,831	0,000
Ширина носа	33,2	1,0	34,5	2,1	4,328	0,000
Носовой указатель	54,8	3,3	63,0	5,7	9,254	0,000
Ширина рта	57,6	2,5	51,2	2,9	10,423	0,000

Таблица 4. Измерительные признаки у женщин с. Катунки и г. Городца

Признак	Катунки, N = 21		Городец, N = 78		t	p
	Среднее	S	Среднее	S		
Продольный диаметр	179,3	5,5	178,6	6,4	0,457	0,324
Поперечный диаметр	148,5	4,0	146,2	4,0	4,372	0,000
Головной указатель	82,8	3,6	81,9	3,2	2,599	0,005
Ширина лба	104,4	3,1	103,9	4,0	0,530	0,298
Скуловой диаметр	135,4	5,1	132,2	5,9	2,254	0,013
Нижнечелюстной диаметр	106,1	6,3	100,0	4,6	4,176	0,000
Физиономическая высота лица	175,4	3,6	173,3	7,5	1,732	0,044
Морфологическая высота лица	119,3	4,7	116,3	5,7	2,240	0,014
Лицевой указатель	88,2	4,2	88,2	4,2	0	0,500
Высота носа	59,5	2,3	51,3	3,6	12,751	0,000
Ширина носа	30,9	1,0	31,7	2,0	2,556	0,006
Носовой указатель	51,99	1,8	62,1	5,1	14,461	0,002
Ширина рта	53,1	1,9	47,6	2,8	10,620	0,000

**Антрапологическое сопоставление
популяции с. Катунки
с современным населением г. Городца**

Сопоставление антропологических характеристик популяции с. Катунки и современного населения г. Городца показало достаточно выраженную тенденцию к грацилизации размеров головы. По большинству размерных параметров различия между сравниваемыми группами достоверны (см. табл. 3 и 4). Они не коснулись лишь продольного диаметра и физиономической

высоты лица у обоих полов, а также морфологической высоты лица у мужчин и ширины лба у женщин. При анализе табл. 3, 4 и рис. 7, 8 отчетливо видно, что и мужчины, и женщины с. Катунки характеризуются большей массивностью по сравнению с современным населением. Их широтные размерные характеристики лица попадают в категории средних и достоверно превышают таковые жителей г. Городца. Только ширина носа и связанный с ней носовой указатель у современного населения больше, чем у реконструированной популяции. И для мужчин, и для женщин эта

разница составляет всего 1 мм и, возможно, объясняется расширением со временем круга брачных связей, в т.ч. за счет татар, которые уже в XVII в. компактно проживали в с. Медяны, находящемся недалеко от с. Катунки. По высотным размерам (физиономическая и морфологическая высоты лица, высота носа) анализируемая выборка не выходит за пределы средних значений по среднеевропеоидному масштабу.

Интересно, что и по описательным характеристикам достоверные различия у мужчин и женщин касаются практически одних и тех же признаков – это складка верхнего века, наклон лба, выступание подбородка, высота переносья, общий профиль спинки носа и профиль костной части носа (табл. 5, 6). При преобладании слабого развития складки верхнего века у сравниваемых групп частота встречаемости ее среднего развития больше у популяции с. Катунки, а отсутствие данного признака более характерно для современного населения г. Городца. У большинства мужчин обеих выборок средние значения наклона лба, но у катункинских чаще встречается сильный наклон, а у городецких – слабый. Женщины Городца имеют преимущественно слабый наклон лба, а Катунок – средний. При преобладании средних значений высоты переносья в сравниваемых группах у мужчин с. Катунки чаще встречается высокое переносье, а у женщин – низкое. Городецкое население имеет в основном прямой профиль костной части спинки носа, а катунское – вогнутый. Общий профиль спинки носа в обеих выборках также преимущественно прямой, но у мужчин чаще встречаются выпуклые формы, а у женщин – вогнутые. У большинства мужчин и женщин сравниваемых групп подбородок прямой, при этом в популяции с. Катунки чаще встречаются выступающие формы, а у населения г. Городца – скошенные.

Однако по горизонтальной профилировке лица и по развитию надбровья между населением с. Катунки и г. Городца достоверных различий не наблюдается.

В целом можно говорить о процессе грацилизации признаков лица и черепа, происходившем от средневековья до современности, при этом учитывая метисацию с пришлым населением.

Характеристика асимметрии мужской краниологической серии из с. Катунки

Первоначально было выбрано 50 размеров между краниометрическими точками, соответствующими

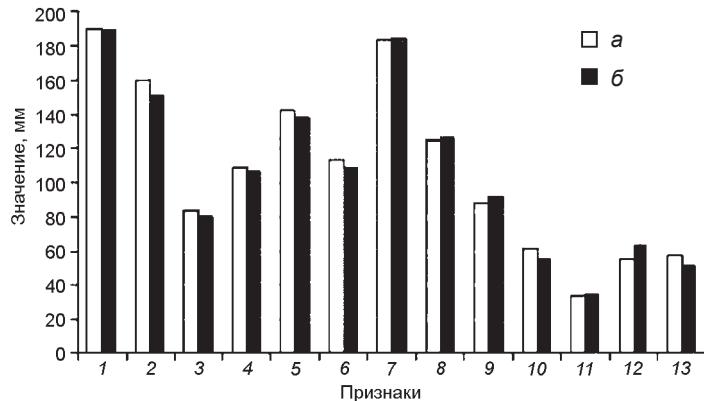

Рис. 7. Графическая иллюстрация сравнительного анализа измерительных признаков у мужчин с. Катунки (а) и г. Городца (б).

1 – продольный диаметр; 2 – поперечный диаметр; 3 – головной указатель; 4 – ширина лба; 5 – скуловой диаметр; 6 – нижнечелюстной диаметр; 7 – физиономическая высота лица; 8 – морфологическая высота лица; 9 – лицевой указатель; 10 – высота носа; 11 – ширина носа; 12 – носовой указатель; 13 – ширина рта.

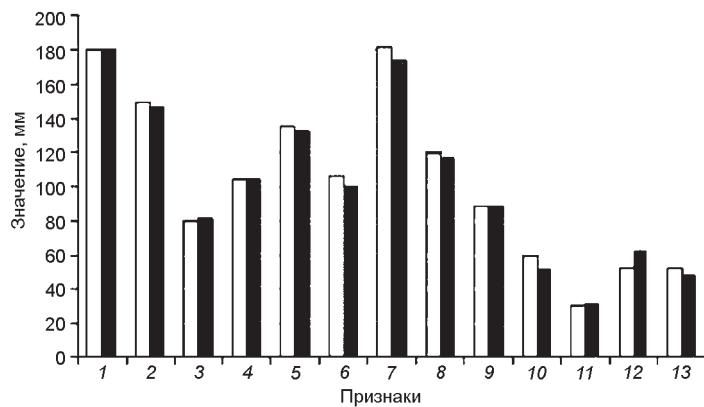

Рис. 8. Графическая иллюстрация сравнительного анализа измерительных признаков у женщин с. Катунки (а) и г. Городца (б).

Усл. обозн. см. рис. 7.

стандартной номенклатуре [Martin, 1928; Алексеев, Дебец, 1964]. Для более детальной характеристики добавлены четыре дополнительные точки: MN – максило-назале, точка на пересечении носолобного и носочелюстного швов; N1 – точка пересечения носового и носолобного швов (при симметричном строении этой области совпадает с nasion); ZTs и ZTi – зиготемпорале соответственно верхняя и нижняя, точки на скуловисочном шве скуловой дуги. В процессе работы мы отказались от части признаков по причине либо несовпадения результатов измерения разными исследователями, либо частого отсутствия отдельных участков на разрушенных черепах. Также из анализа были исключены признаки, расчет коэффициента асимметрии по которым основывался менее чем на 16 случаях. Следует сказать, что выводы, сделанные

Таблица 5. Описательные признаки населения с. Катунки и г. Городца

Признак	Балл	Мужчины, %		Женщины, %	
		Катунки	Городец	Катунки	Городец
Складка века	Отсутствует (0)	14,3	17	9,5	22,1
	Слабая (1)	65,7	80,5	71,4	76,6
	Средняя (2)	20	2,5	19,1	1,3
	Сильная (3)	0	0	0	0
Наклон лба	Сильный (1)	25	1,2	0	0
	Средний (2)	67,9	69,5	71	28,6
	Слабый (3)	7,1	29,3	29	71,4
Развитие надбровья	Слабое (1)	14,2	37,8	100	96,1
	Среднее (2)	78,7	58,6	0	3,9
	Сильное (3)	7,1	3,6	0	0
Горизонтальная профилировка лица	Слабая (1)	3,6	1,2	0	0
	Средняя (2)	89,3	95,1	100	98,7
	Сильная (3)	7,1	3,7	0	1,3
Выступание подбородка	Скошенный (1)	3,6	24,4	0	11,7
	Прямой (2)	64,3	74,4	90,5	87
	Выступающий (3)	32,1	1,2	9,5	1,3
Высота переносья	Низкое (1)	0	0	19	0
	Среднее (2)	71,5	95,1	81	100
	Высокое (3)	28,5	4,9	0	0
Поперечный профиль спинки носа	Плоский (1)	0	0	9,5	0
	Средний (2)	84,7	95,1	90,5	100
	Высокий (3)	15,3	4,9	0	0
Общий профиль спинки носа	Вогнутый (1)	15,4	9,7	9,5	37,6
	Прямой (2)	50	74,4	85,7	53,3
	Выпуклый (3)	34,6	15,9	4,8	9,1
Профиль костной части спинки носа	Вогнутый (1)	53,8	0	81	2,6
	Прямой (2)	27	85,3	19	89,6
	Выпуклый (3)	19,2	14,7	0	7,8

Таблица 6. Оценка различий описательных признаков населения с. Катунки и г. Городца

Признак	Мужчины		Женщины	
	χ^2	p	χ^2	p
Складка верхнего века	10,51	0,005	12,26	0,002
Наклон лба	21,46	0,000	13,17	0,000
Развитие надбровья	5,84	0,054	0,88	0,351
Горизонтальная профилировка	1,46	0,480	0,29	0,590
Выступание подбородка	27,99	0,000	6,30	0,043
Высота переносья	12,60	0,000	15,90	0,000
Поперечный профиль спинки носа	3,46	0,063	7,78	0,005
Общий профиль носа	6,16	0,046	7,61	0,022
Профиль костной части спинки носа	56,18	0,000	69,64	0,000

на столь ограниченном материале, надо считать сугубо предварительными.

В табл. 7 приведены усредненные значения коэффициентов асимметрии, рассчитанные с учетом знака (КА) и без учета (МКА). Напомним, что КА принимает отрицательное значение, если величина измеряемого расстояния больше на левой стороне черепа. Различают асимметрию направленную и флюктуирующую. Как известно, совершенной билатеральной асимметрии в природе не существует, тем более нет на Земле ни одного человека с полностью идентичной левой и правой половинами лица или фигуры. Но если у большинства представителей популяции какой-то размер больше справа (или слева), то это называют направленной асимметрией. А когда отмечается примерно одинаковое количество людей с превышением как правого, так и левого размера, то говорят о флюктуирующей асимметрии, и в таком случае коэффициент асимметрии, рассчитанный с учетом знака, усредненный по всем особям популяции, будет мало отличаться от 0.

Как видно из табл. 7, большинство наших признаков продемонстрировало очень малые значения КА, за исключением двух параметров: SS-CH (аналог высоты крыла носа на черепе) и N1-MF (размер, маркирующий сдвиг места пересечения носового и носолобного швов в сторону от сагиттали), причем первый был больше справа, а второй – слева (отрицательное значение коэффициента). В целом можно констатировать, что комплекс выбранных размеров подвержен флюктуирующей изменчивости.

Коэффициент асимметрии, усредненный по модулям индивидуальных коэффициентов (МКА), регистрирует уровень выраженности билатеральных колебаний конкретного признака вне зависимости от их направленности. В нашем случае максимальное значение было получено для глубины клыковой ямки. Это особенно интересно, если учесть малую величину КА данного признака. Судя по всему, он может служить надежным маркером степени флюктуирующей асимметрии в целом. Также большие величины МКА продемонстрировали параметры, отклоняющиеся в сторону направленной асимметрии (N1-MF и SS-CH).

Можно отметить высокие значения МКА для группы расстояний от точек сфенион и кротафон до точек максило-фронтальной области (SPHN-FT, SPHN-FMT, SPHN-FMO, K-FT, K-FMT, K-FMO), а также большие величины параметров SP-K и FMO-FMT. Интересно, что другие расстояния от этих же точек, например, до зигомаксиларе или брегмы незначительно отличались на правой и левой сторонах черепа. Что касается нижней челюсти, то, к сожалению, лишь по небольшому числу признаков удалось получить парные измерения. Здесь можно говорить о повышенной асимметричности толщины тела на уровне M1-M2.

Таблица 7. Коэффициенты асимметрии краинологических признаков серии из с. Катунки

Признак	N	КА × 100	МКА × 100
Высота орбиты	21	1,23	1,67
Ширина орбиты	23	1,32	2,36
Высота крыла носа SS-CH	24	6,69	9,47
Глубина клыковой ямки	20	1,00	26,20
Высота скул	23	0,44	4,62
SS-ZM	21	-0,44	2,71
SS-Подглазничное отверстие	23	0,01	2,79
N1-MF	24	-5,20	10,86
N-FT	23	2,23	2,76
N-FMO	24	0,90	2,51
FMO-FMT	22	0,91	7,01
ZTs-MN	16	0,50	2,62
ZTs-FMO	17	-3,19	5,81
ZTs-FMT	16	0,50	4,22
SPHN-K	17	1,27	7,06
SPHN-FT	17	1,28	7,07
SPHN-FMT	17	2,40	8,72
SPHN-FMO	18	0,00	6,98
SPHN-BR	19	0,04	1,87
SPHN-ZM	17	-0,35	3,52
K-FT	18	-1,38	5,81
K-FMT	18	-1,47	6,93
K-FMO	19	-0,66	5,52
K-BR	20	0,12	1,87
N-K	20	0,83	3,01
ZM-K	18	0,00	4,49
PR-ZM	17	-0,76	2,99
PR-Подглазничное отверстие	17	0,60	2,13
MN-CO	21	0,44	4,14
N-CO	22	0,48	3,95
JU-ZM	20	1,09	3,29
PO-ZM	20	1,66	3,99
NL-ZM	18	0,94	4,23
Ширина ветви	16	0,40	2,65
Толщина ветви	22	-2,14	6,11
MI-GN	23	2,23	3,51

В работе В.Ю. Бахолдиной, посвященной изменчивости признаков орбитной области, рассматриваются вопросы билатеральной асимметрии [2007]. Сравнимыми с нашими оказались лишь высота и ширина орбиты. По результатам изучения ок. 20 европеоидных серий исследовательница сделала вывод, что значения этих признаков слева несколько выше, чем справа, также она отметила тенденцию к большей асимметричности строения верхнеорбитного края по сравнению с нижнеорбитным. На нашем материале также выявляется тенденция к большей асимметрии, во всяком случае, максило-фронтальной области (SPHN-FT, SPHN-FMT, SPHN-FMO, K-FT, K-FMT, K-FMO, FMO-FMT). Однако превышения ширины и высоты левой орбиты над соответствующими размерами правой не наблюдается.

Заключение

В данной работе впервые применен комплексный подход к палеореконструкции замкнутой популяции, позволивший провести статистически обоснованное сопоставление древнего и современного населения в терминах антропоскопии и антропометрии живого лица. Основываясь на реконструкциях, дающих наглядное представление о физическом типе населения, и привлекая «словесные портреты», выполненные по каждому черепу с учетом индивидуальных размерных и описательных характеристик, включая асимметрию, мы получили достоверную картину внутригрупповой вариабельности изученной популяции.

При сопоставлении реконструированного и современного населения на фоне выявленной изменчивости можно говорить о преемственности между сравниваемыми популяциями, на что указывает однонаправленность произошедших изменений. Полученные нами результаты свидетельствуют о процессе грацилизации, имевшем место на протяжении пяти-шести веков, и доказывают широкомасштабность этого процесса, охватившего большинство морфологических признаков головы.

Список литературы

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.** Краниометрия: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.
- Балуева Т.С., Веселовская Е.В.** Новые разработки в области восстановления внешнего облика человека по краиниологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1(17). – С. 143–150.
- Балуева Т.С., Веселовская Е.В.** Метод антропологической реконструкции для науки и практики // Этнология обществу: Прикладные исследования в этнологии. – М.: Оргсервис-2000, 2006. – С. 200–207.
- Балуева Т.С., Дерябин В.Е.** Изучение расовой и половой специфики внутригрупповых корреляций размеров лица, используемых при антропологической реконструкции // Вестн. антропологии. – 1998. – Вып. 5. – С. 59–69.
- Бахолдина В.Ю.** Изменчивость и таксономическая структура признаков краинофациальной системы человека. – М.: Университет. Книжный дом, 2007. – 168 с.
- Веселовская Е.В.** Единство закономерностей внутригрупповой изменчивости и межгрупповая дифференциация признаков толщины мягких тканей лица у современного человека // Единство и многообразие человеческого рода. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. – Ч. 1. – С. 312–335.
- Добровольская М.В.** Человек и его пища. – М.: Науч. мир, 2005. – 368 с.
- Поляков Н.Ф.** Катунки на Волге. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2003. – 171 с.
- Происхождение и этническая история русского народа / отв. ред. В.В. Бунак.** – М.: Наука, 1965. – 415 с.
- Сурнина Т.С.** Состояние зубочелюстной системы древнего населения Чукотки (палеантропологические материалы из Уэленского и Эквенского могильников) // Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). – М.: Наука, 1969. – С. 201–205.
- Leung B., Forbes M.R., Houle D.** Fluctuating asymmetry as a bioindicator of stress: comparing efficacy of analyses involving multiple traits // Am. Naturalist. – 2000. – N 155. – P. 101–115.
- Martin R.** Lehrbuch der Anthropologie. – 2-te verm. Aufl. – Jenam: Verl. Gustav Fisher, 1928. – Bd. 2. – S. 573–1182.
- Polak M.** Developmental instability: causes and consequences. – N.Y.: Oxford University Press, 2003. – 325 p.

Материал поступил в редакцию 01.06.08 г.

УДК 572

С.Л. Санкина*Музей антропологии и этнографии РАН**Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия**E-mail: serafima_sankina@mail.ru*

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ ЭПОХИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (XIII–XVI вв.)

Население Новгородской земли эпохи позднего средневековья (XIII–XVI вв.) было неоднородным; один из компонентов генетически связан с более ранними (XI–XIII вв.) обитателями той же территории, другой, более многочисленный, – с поздним прибалтийско-финским населением. Соответствия первому обнаруживаются в европеоидных сериях мезолита и раннего неолита из могильника Звейники, памятников культуры боевых топоров Эстонии, Ладожского канала; второму, имеющему признаки лапонийского комплекса, – в палеантропологических материалах лесной полосы Восточной Европы, Южного Оленевого о-ва. Наличие групп как с выраженным европеоидными чертами, так и смешанных, в которых преобладают «восточные» особенности, в мезолите, неолите и средневековье свидетельствует о многократном притоке на эту территорию населения различного происхождения с юго-запада и востока.

Ключевые слова: Новгородская земля, славяне, финны, балты, мезолит, неолит, средние века, динамика населения, краинометрия.

Введение

Средневековое (XI–XVI вв.) население Новгородской земли по своим антропологическим особенностям довольно отчетливо делится на две хронологические группы, разграничиваемые рубежом XIII–XIV вв. [Санкина, 2000]. Группы, оставившие на данной территории памятники, датируемые соответственно XI–XIII и XIII–XVI вв. (временная трансгрессия обусловлена невозможностью более точно датировать погребальные комплексы), в целом различаются по следующим признакам: углу выступания носа, высоте переносья, длине и высоте черепной коробки и ширине орбиты. Величины данных признаков у первых значительно больше, чем у вторых. Кроме того, по результатам канонического анализа, высота переносья в ранних группах понижена по отношению к углу выступания носа, а в поздних зачастую повышена. Межгрупповая взаимосвязь этих признаков в данном случае противоположна внутргрупповой.

Ранние новгородские серии характеризуются однородностью, а в большинстве поздних отмечается значительная внутригрупповая изменчивость и выделяется комплекс взаимосвязанных признаков. В соответствии с этим комплексом у индивидуумов с тенденцией к длинно- и высокоголовости более наклонный лоб, выше и шире лицо, выше и уже нос, шире орбиты, резче горизонтальная профилировка лица и переносья. Увеличение черепного указателя и уменьшение высоты черепа и лица сопровождаются ослаблением горизонтальной профилировки и т.д. Первый антропологический вариант свойствен ранним обитателям Новгородской земли, относящимся к древнерусской культуре, второй – в большей степени позднему, христианизированному населению. Этот вариант распространен также в местных финских группах XIII–XV вв., сохранивших этническое своеобразие.

И ранние, и поздние новгородские серии включают в себя как длинно-, так и короткоголовые варианты. Это, впрочем, не нарушает общей картины, т.к. один из них всегда преобладает: в ранних – первый,

в поздних – второй. Судя по всему, здесь совместно действовали процессы смешения и эпохальной изменчивости, которые были наиболее интенсивны на рубеже XIII–XIV вв. Эпохальная изменчивость проявилась в брахицефализации. Наряду с ней происходили и другие процессы, выразившиеся в появлении некоторых признаков «восточного» комплекса – уплощении лица, изменении его пропорций в сторону увеличения ширины и уменьшения высоты, уменьшении угла носа и т.д., что говорит не только об эпохальной динамике, но и о популяционных сдвигах. Подтверждением этому может служить облик финского населения данной территории (каниологический материал датируется XIII–XV вв.), в котором «восточные» особенности отражены наиболее ярко. На межгрупповом уровне различие между ранними (XI–XIII вв.) и поздними (конца XIII – начала XX в.) группами выразилось в том, что первые в массе сходны с балтами X–XVIII вв., а вторые – с финнами того же времени. Цель данного исследования – выяснить, какой из двух каниологических комплексов может быть связан с древним населением Новгородской земли.

Рассматривается материал из могильников XIII–XVI вв., раскопанных на территории современных Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Черепа изучены по стандартной каниометрической программе [Алексеев, Дебец, 1964]. Использованы методы многомерной статистики: на внутригрупповом уровне – метод главных компонент, на межгрупповом – канонический анализ.

Результаты и обсуждение

Антрапологический комплекс с выраженным европеоидными особенностями свойствен большей части населения XI–XII вв. Брахицранные черепа с уплощенным лицом и слабо выступающим носом в массе отмечаются в могильниках Новгородчины не ранее XIII–XIV вв. Их отличает своеобразное сочетание европеоидных и «восточных» черт, грацильность, низкий свод черепа, что характерно для лапоноидов. У них относительно высокое переносье, но слабо выступающий нос. Как правило, этот антропологический тип является компонентом в смешанных русских группах XIII–XVI вв., но он также представлен в «чистом виде» в финских сериях того же времени.

Данная тенденция имела место на всей территории Русского Северо-Запада. В.В. Седов отмечал подобные направления изменчивости в группах Ижорского плато, названных им чудскими и причисленных к води. В этих сериях также более удлиненная форма черепа связывается с более резкой горизонтальной профилировкой лица и носа, а при уменьшении угла носовых костей повышается симотический указатель [Седов, 1952]. Согласно по-

следним датировкам [Лесман, 1982], однородные «словенские» и смешанные «чудские» группы существовали не одновременно. Первые датируются, как правило, XI–XIII вв., вторые – XIII–XV вв. Таким образом, на Ижорском плато происходили те же процессы, что и южнее – в Верхнем Полужье и значительно юго-западнее – в Пскове [Санкина, 2000]. Комплекс признаков, присущий раннему населению, в более позднее время сохраняется только на западе Псковщины, в окрестностях Изборска [Беневоленская, Давыдова, 1986; Санкина, 2008].

Исследователи, обращавшиеся к материалам мезолита и неолита Северо-Запада Восточной Европы, отмечали неоднородность древнего населения этой территории и «метисный» (т.е. промежуточный) характер отдельных серий [Жиров, 1940; Акимова, 1953; Денисова, 1975; Сарап, 1977; Беневоленская, 1984]. Так, Р.Я. Денисова выделяет в мезолитической, ранне- и поздненеолитической сериях из могильника Звейниеки два компонента: долихокранный отчетливо европеоидный и мезокранный с ослабленной профилировкой лица и носа. Интересно, что везде тенденция к мезократии связана не только с ослаблением горизонтальной профилировки, но и с уменьшением высоты лица и угла выступания носа, понижением переносья. Р.Я. Денисова считает, что долихокранный компонент мог проникнуть на территорию Латвии с юго-запада еще в верхнем палеолите, а мезокранный – с востока, из лесной зоны, в мезолите.

В лесной полосе Восточной Европы и мезолитические, и неолитические серии черепов также имеют смешанный характер. Это наблюдается на Южном Оленьем о-ве, стоянках Ладожского канала и Караваихи; то же отмечается в Эстонии (Нарва-Рийгикюла, Тамула, Валма) [Марк, 1956а]. Создается впечатление, что в древности здесь постоянно происходил приток групп из юго-западных и восточных областей. Иначе трудно объяснить, почему на протяжении столь длительного времени (от мезолита до эпохи бронзы и раннего железного века) не наблюдается гомогенизации населения как на внутригрупповом, так и на межгрупповом уровнях. Как уже упоминалось выше, обитатели Новгородской земли в начале II тыс. н.э. были более «европеоидны», чем на рубеже позднего средневековья, когда в большинстве случаев отмечаются те же направления изменчивости, что и в древних смешанных группах. Наблюдаются картина, напоминающая ту, что имела место в мезолите и неолите: ярко выраженные европеоиды весьма архаичного облика соседствуют, смешиваются с мезобрахицранным населением с некоторыми «восточными» чертами, а затем и вытесняются им.

Средневековые мужские и женские каниологические серии из Новгородской земли, а также черепа кольских саамов и представителей древних групп Северо-Запада (табл. 1) были обработаны методом канонического анализа по 14 признакам (табл. 2).

Таблица 1. Сравнительные краниологические материалы с территории Новгородской земли и Восточной Прибалтики

№ п/п	Могильник	Дата
1	2	3
Древнерусские группы		
1	Псков А (Романова горка)	XII в.
2	Псков Б (Довмонтов город; Нововознесенская церковь)	XIV–XVI вв.
<i>Верхнее Полужье</i>		
3	Конезерье	XIII–XIV вв.
4	Славенка	Конец XIII – начало XIV в.
5	Удрай	XI–XIV вв.
6	Ретенское	XII–XIII вв.
7	Раглицы (каменные могилы)	XIV–XVI вв.
8	Раглицы (сопки)	»
<i>Поплюсье</i>		
9	Которск	XI–XIII вв.
<i>Юго-Восточное Приладожье</i>		
10	Юго-Восточное Приладожье (сборная серия)	XI–XII вв.
11	Заборье* (верховья р. Лидь)	X–XII вв.
<i>Ижорское плато</i>		
12	Озертицы	XII–XIV вв.
13	Беседа	XIII–XIV вв.
14	Калитино	XII–XIII вв.
15	Артюшкино	»
16	Борницы	»
17	Холоповицы	»
18	Плещевицы	XIII–XIV вв.
19	Ожогино	XII–XIV вв.
20	Рутилицы	XIII–XIV вв.
21	Волосово	XII–XIV вв.
22	Волгово	XIII–XIV вв.
23	Глядино*	»
24	Жабино*	»
25	Волковицы**	»
26	Лашковицы	XII–XVI вв.
27	Бегуницы	»
28	Гатчина	XIII–XV вв.
<i>Другие районы Русского Севера-Запада и Севера</i>		
29	Сланцевский р-н	XI–XIV вв.
30	Вологодская обл.	XI–XIII вв.
31	Бывш. Гдовский и Лужский уезды***	»
32	Маловишерский р-н*	XIII–XV вв.
Средневековые финские группы		
33	Репьи*	XIII–XV вв.
34	Великино	XII–XV вв.

Окончание табл. 1

1	2	3
Кольские саамы		
35	Чальмны-Варрэ	XIX – начало XX в.
36	Пулозеро	»
37	Варзино	»
38	Иоканга	»
Древние серии		
39	Приладожские стоянки	Неолит
40	Памятники культуры ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Восточной Европы (сборная серия)	»
41	Южный Олений о-в (Онежское оз.)	Мезолит
42	Звейниеки-1	»
43	Звейниеки-2*	Ранний неолит
44	Звейниеки-3	Развитый и поздний неолит
45	Памятники культуры боевых топоров Эстонии (сборная серия)*	Эпоха бронзы; ранний железный век
46	Большой Олений о-в (Баренцево море)	Начало I тыс. до н.э.

Источники: 1–12, 17, 33, 34 – данные автора; 13–16, 18–25 – [Седов, 1952]; 26, 27 – [Хартанович, Чистов, 1984]; 28 – [Жиров, 1937]; 29 – [Алексеева, 1973]; 30 – [Коваленко, 1975]; 31 – неопубликованные данные Н.Н. Гончаровой; 32 – неопубликованные данные Г.В. Афанасьевой; 35–38 – [Хартанович, 1980]; 39 – [Сарап, 1977]; 40 – [Акимова, 1953; Герасимов, 1955; Марк, 1956а]; 41 – [Алексеев, Гохман, 1984]; 42–44 – [Денисова, 1975]; 45 – [Марк, 1956б]; 46 – [Якимов, 1953].

*Только мужчины.

**Только женщины.

***Серии с территорий Поплюсия и Полужья.

Таблица 2. Элементы канонических векторов для 45 мужских и 38 женских серий Новгородской земли и Восточной Прибалтики

Признак	Мужчины		Женщины	
	KB I	KB II	KB I	KB II
1. Продольный диаметр	0,44	0,23	0,38	0,02
8. Поперечный диаметр	-0,41	-0,30	-0,47	-0,05
17. Высотный диаметр	0,40	-0,02	0,33	-0,50
9. Наименьшая ширина лба	0,21	-0,20	-0,17	-0,14
45. Скуловой диаметр	-0,24	0,77	0,26	0,68
48. Верхняя высота лица	0,24	-0,39	-0,03	0,20
51. Ширина орбиты	-0,06	0,29	0,04	0,20
52. Высота орбиты	0,06	-0,26	-0,14	-0,22
55. Высота носа	0,24	0,39	0,71	-0,23
54. Ширина носа	-0,18	-0,05	-0,43	-0,03
77. Назомалярный угол	0,02	0,42	0,35	0,28
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	-0,28	-0,04	0,01	0,38
SS : SC. Симотический указатель	-0,54	0,25	-0,10	0,27
75(1). Угол выступания носа	0,76	-0,36	0,46	-0,20
Собственное число	19,0	10,0	13,1	6,3
Доля в общей изменчивости	33,0	17,4	31,7	15,2

Примечание: жирным шрифтом выделены статистически значимые величины.

В соответствии с наиболее значительными нагрузками на признаки в КВ I положительный полюс вектора заняли серии с сочетанием пониженного переноса и относительно сильно выступающего носа, высокой, длинной и узкой черепной коробкой: культуры боевых топоров Эстонии, из могильника Звейниеки эпохи мезолита и раннего неолита, неолитические с Ладожского канала и наиболее массивные древнерусские. Крайними отрицательными значениями и, следовательно, противоположным комплексом признаков характеризуются неолитическое население лесной полосы Восточной Европы, группа I тыс. до н.э. с Большого Оленевого о-ва, кольские саамы и средневековые финны Верхнего Полужья и Ижорского плато.

Рассмотрим дендрограммы, полученные в результате кластеризации матриц расстояний Махalanобиса (рис. 1, 2). За исключением своеобразных групп, не имеющих аналогов и занявших обособленное положение, остальные образуют отчетливую структуру.

Древние мужские серии (см. рис. 1) распределились следующим образом. Дальше всего от основной массы сравниваемых групп отстоят отчетливо европеоидные мезолитические и ранненеолитические черепа из могильника Звейниеки, серии культуры боевых топоров Эстонии, с Ладожского канала, и древнерусские из Уддрия, раннего Пскова, Бегуниц и Зaborья. Мезолитические черепа с Южного Оленевого о-ва

поздненеолитические из могильника Звейниеки, отличающиеся некоторыми «восточными» чертами, образовали субклuster с частью поздних групп Ижорского плато (Озертицы, Волосово и Ожогино). Сборная серия неолита лесной полосы Восточной Европы, в которой предполагается сильный протолапоидный компонент, вошла в один кластер с группами из Репьев и саамскими.

Обращает на себя внимание кластер, объединивший, с одной стороны, позднее население Полужья (Конезерье и Раглицы) и Пскова, с другой – саамов Иоканги и очень близких к ним обитателей Славенки (Полужье), часть поздних групп Ижорского плато (Руттилицы, Жабино, Гатчина) и ранние Полужья и Поплюсъя (Ретенское, бывш. Гдовский и Лужский уезды). Похоже, что во всех этих группах в той или иной мере присутствует лапоидный или близкий к нему антропологический компонент. Серия из Иоканги значительно отклоняется от других саамских в сторону усиления европеоидных особенностей за счет происходившего долгое время смешения [Хартанович, 1980]. Не удивительно, что наиболее близка к ней серия из Славенки ($D_c^2 = 0,03$), где сильна неоднородность и обнаруживаются черепа как европеоидные, так и с чертами лапоидного комплекса. Смешанная группа из Конезерья относительно близка к саамам Варзина ($D_c^2 = 0,94$), которые были метисированными [Там же].

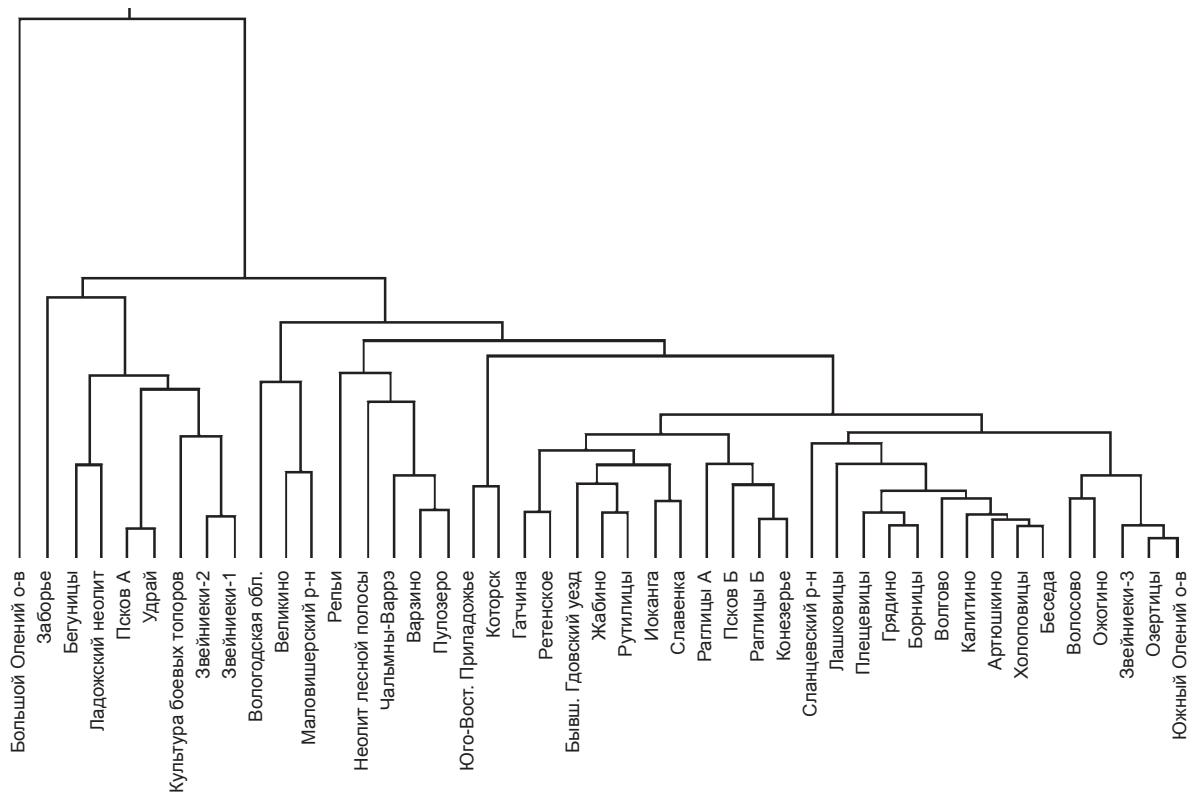

Рис. 1. Результаты кластерного анализа матрицы расстояний Махalanобиса для 45 мужских серий.

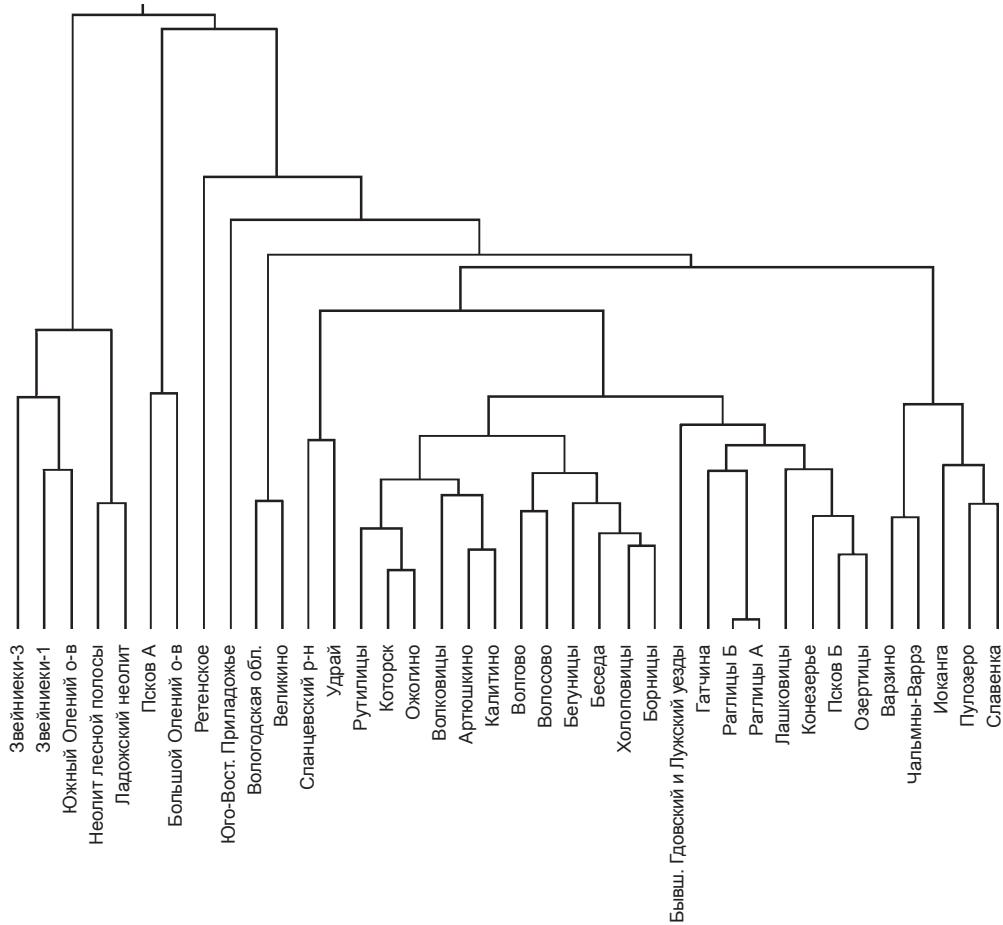

Рис. 2. Результаты кластерного анализа матрицы расстояний Махаланобиса для 38 женских серий.

Древнее население изучаемой области представлено, помимо краинологического материала с Приладожских стоянок (по всей вероятности, уже смешанного), одним мужским неолитическим черепом с территории Пскова, хранящимся в МАЭ (табл. 3). Он средних размеров, мезокранный, с низкими сводом и лицом, большой скуловой шириной. Средний отдел лица профицирован довольно резко за счет альвеолярного прогнатизма. Переносье высокое, а нос визуально выступает слабо. Очень сходными характеристиками отличаются и средневековые черепа из жальников Маловишерского р-на Новгородской обл. Нет возможности разложить смешанное население Новгородчины XIII–XVI вв. на компоненты, но, судя по коэффициентам корреляции, один из компонентов будет соответствовать отмеченному на древнем псковском черепе, который отразил черты, характерные для части неолитического населения лесной зоны. Значит, такие особенности, как округлый низкий череп, большая ширина и малая высота лицевого скелета, малая ширина орбит и слабое выступание носа, издревле присущи обитателям этих мест. На дендрограмме (см. рис. 1) маловишерская группа во-

шла в один кластер с водью из Великина и вологодским населением, испытавшим финское влияние.

Женские серии сгруппировались несколько иначе: дендрограмма имеет менее дробную структуру (см. рис. 2). Древние черепа, гораздо более массивные, чем средневековые, образовали отдельный кластер. Группа из Славенки, как и следовало ожидать, объединилась с саамскими, женщины Великина и Вологодчины сходны между собой, как и мужчины. Крупный кластер, в который попало большинство средневековых серий, объединяет в одном субклUSTERе обитателей позднего Пскова, Поплюсья (бывш. Гдовский уезд), Полужья и несколько групп Ижорского плато, в другом – основную часть населения Ижорского плато и группу из Которска (Поплюсье). Некоторые серии не имеют аналогов. К интерпретации результатов по женским группам нужно относиться с большой осторожностью, т.к. эти выборки обычно малочисленны. Все же по большей части подтверждаются выводы, сделанные на основании анализа мужских черепов. Так, женщины Славенки, Конезерья и позднего Пскова сходны с саамскими (Пулозеро): D_c^2 равен соответственно 0,35; 0,54 и 0,72. Данный субклUSTER включает

Таблица 3. Характеристики неолитического черепа с территории Пскова и сравнительные данные по трем черепам из жальников XIII–XV вв. Маловишерского р-на Новгородской обл.

Признак	Череп из Пскова* (МАЭ, № 6779)	Черепа из Маловишерского р-на**
1. Продольный диаметр	183	180,7 (3)
8. Поперечный диаметр	142	139,3 (3)
8 : 1. Черепной указатель	77,6	77,3 (3)
17. Высотный диаметр от ба	127?	128,3 (3)
17 : 1. Продольно-высотный указатель	69,4?	70,9 (3)
17 : 8. Поперечно-высотный указатель	89,4?	92,8 (3)
9. Наименьшая ширина лба	97	93,7 (3)
45. Скуловой диаметр	137?	135,0 (2)
48. Верхняя высота лица	63	60,7 (3)
48 : 45. Верхнеглазевой указатель	46,0	46,6 (2)
51. Ширина орбиты	40	39,7 (3)
52. Высота орбиты	30	31,0 (3)
51 : 52. Орбитный указатель	75,0	78,2 (3)
54. Ширина носа	26?	24,7 (3)
55. Высота носа	47?	47,3 (3)
54 : 55. Носовой указатель	55,3?	53,9 (3)
SC. Симотическая ширина	9,7	9,7 (3)
SS. Симотическая высота	5,5	4,5 (3)
SS : SC. Симотический указатель	56,7	46,6 (3)
77. Назомалярный угол	138,8	141,3 (3)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	124,5	126,5 (1)
75(1). Угол выступания носа	—	26,9 (2)

*Измерения автора.

**Измерения Г. Афанасьевой. В скобках указано количество черепов.

ет и другие группы, мужская составляющая которых демонстрирует «лапонoidные» особенности (Раглицы, Гатчина, бывш. Гдовский и Лужский уезды).

Сходство части поздних обитателей Новгородской земли с саамами и проявление лапонoidности в некоторых древнерусских группах на этой территории могут свидетельствовать о наличии у них общих предков в древнем населении лесной полосы Восточной Европы.

Трудно допустить, что ярко выраженный европеоидный и протолапонoidный компоненты населения Северо-Запада, существовавшие в эпоху неолита, оставались неизменными вплоть до средневековья. Уже серии с Приладожскими стоянок, из Караваихи и с Южного Оленевого о-ва свидетельствуют о довольно активном смешении. Создается впечатление, что на рассматриваемой территории постоянно происходил приток населения различного происхождения с юго-запада и востока: европеоидного и урало-лапонoidного.

По мнению Р.Я. Денисовой [1975], в раннем неолите территорию от Южной Карелии и Прила-

дожья до Прибалтики включительно населяли европеоиды, родственные обитателям более южных областей Восточной Европы, а последующая неоднородность возникла за счет пришедших с востока «мезокранных метисных» племен.

Ярко выраженные европеоиды на территории Новгородской земли в неолите были представлены населением, оставившим Приладожские стоянки (нарвская культура). В более поздние периоды это могли быть европеоиды, сходные с носителями культуры боевых топоров Восточной Прибалтики. Они распространялись далеко на восток, сохраняя свои отличительные особенности: общую массивность и большую высоту черепа и резко профилированного лица, сильно выступающий нос.

В эпоху средневековья европеоидный элемент мог вновь усилиться за счет колонизации данной территории славянами. По-видимому, какое-то время славяне и местное население, включавшее как европеоидные, так и лапонoidные группы, проживали

здесь чересполосно. Процессы смешения и перехода местных жителей к древнерусскому погребальному обряду, вероятно, начались в XII в. (судя по антропологическим характеристикам части ранних обитателей Полужья и Поплюсья). Эти процессы достигли кульминации в основном к рубежу XIII–XIV вв., скорее всего, в результате массового распространения христианства.

Заслуживает внимания тот факт, что наиболее сильно выраженная неоднородность населения Новгородской земли приходится на время монголо-татарского владычества на Руси. Как известно, в Новгородчину завоеватели не вторгались, и, возможно, сюда мигрировали группы с юго-восточных территорий. Поздние женские черепа (частью происходящие именно из этих памятников) чрезвычайно сходны с саамскими, в то время как ранние сближаются с отчетливо европеоидными балтскими I тыс. н.э.

Описанные процессы происходили на фоне эпохальных изменений. Однако мог ли столь сильный сдвиг в сторону брахицерии и уменьшения высоты черепа произойти за такой короткий период? Трудно объяснить наличие в раннее время длинно- и высокоголовых групп наряду с коротко- и низкоголовыми, как и неоднородность более поздних серий, одной лишь несбалансированностью эпохальной изменчивости. Эпохальные сдвиги могли ускорить изменение антропологического облика населения, но придавать им слишком большое значение было бы неверным.

Как уже упоминалось, в поздних сериях из Пскова, Полужья и с Ижорского плато наблюдается отрицательная корреляция угла носа и высоты переносья. Древние группы также разделяются по этому признаку. По результатам канонического анализа, сборная неолитическая серия из лесной полосы и черепа с Большого Оленьего о-ва характеризуются высоким переносьем при ослабленном выступании носа; мезолитическая серия с Южного Оленьего о-ва и поздненеолитическая из могильника Звейниеки имеют промежуточное соотношение. Наиболее европеоидные группы отличаются пониженным переносьем по отношению к углу носа.

Таким образом, соотношение этих признаков зависит от степени выраженности европеоидных особенностей.

Примечательно, что у средневековой води из Великина, имевшей слабо выступающий нос, переносье было относительно высокое в основном за счет малой ширины носовых костей. Весьма ярко эта особенность проявилась и у кольских саамов. То же наблюдается у обитателей Большого Оленьего о-ва, которых считают возможными предками саамов. За счет малой ширины носовых костей симотический указатель имеет огромную величину – 68,4, в то время как угол выступания носа составляет всего 18,5 (табл. 4).

Таким образом, в средневековом населении Новгородской земли обнаруживаются соответствия как отчетливо европеоидным группам мезолита, неолита и эпохи бронзы, так и смешанным древним коллектикам с «восточными» особенностями. Сказанное, хотя и не дает оснований для однозначных выводов о его происхождении от привлеченных для сравнения древних групп, но все же заставляет задуматься о расогенетических процессах, происходивших на этой территории. Как в древних сериях из могильника Звейниеки, так и в средневековых новгородских прослеживается внутригрупповая неоднородность и выделяются два довольно отчетливых комплекса признаков, связанных с большей или меньшей степенью округлости черепной коробки. Нельзя исключить, что здесь имели место и эпохальные сдвиги, и влияние окружающей среды, но пока это не доказано, я все же склонна считать главным фактором смешение групп, различающихся по своим антропологическим характеристикам. Неолитическому населению севера лесной зоны свойственны более укороченный окружной формы череп, более слабая профилировка лица и носа, менее широкие орбиты, чем у синхронных обитателей территорий Латвии и Литвы. Исключение составляют лишь очень своеобразные черепа с Ладожского канала, больше сходные с прибалтийскими. По данным Н.Н. Гуриной, культурные традиции этого населения – результат симбиоза двух культур: боевых топоров в ее локальном, «нарвском», варианте и ямочно-гребенчатой керамики [1961].

Таблица 4. Соотношения угла носа и симотического указателя у води, саамов и населения Большого Оленьего о-ва (мужские черепа)

Признак	Великино [Санкина, 2000]	Чальмны- Варрэ [Хар- танович, 1980]	Большой Оле- ний о-в [Яки- мов, 1953]	Удрай, XII–XIV вв. [Санкина, 2000]	Псков, XII в. [Санки- на, 2000]	Звейниеки, неолит [Дени- сова, 1975]
SC. Симотическая ширина	7,8 (7)*	8,0 (23)	6,1 (4)	9,3 (8)	9,7 (6)	8,6 (9)
SS. Симотическая высота	3,4 (6)	4,2 (23)	3,9 (4)	4,4 (8)	4,8 (6)	4,5 (8)
SS : SC. Симотический указатель	46,9 (6)	52,7 (23)	68,4 (4)	47,7 (8)	48,5 (6)	53,2 (7)
75(1). Угол выступания носа	–	23,5 (16)	18,5 (4)	35,5 (6)	32,7 (3)	32,3 (7)

*В скобках указано количество черепов.

Выводы

Позднесредневековое население Новгородской земли характеризуется повышенной изменчивостью высоты переносья, угла выступания носа, длины и высоты черепной коробки и ширины орбиты. Результаты сравнительного анализа новгородских серий и краинологических материалов Северо-Восточной Европы в широких хронологических рамках (от мезолита до первой половины II тыс. н.э.) показывают, что дифференциация населения данной территории происходила в основном по указанным признакам. Их величины в ранних группах (XI–XIII вв.) значительно больше, чем в поздних (XIII–XVI вв.), где, тем не менее, прослеживается преемственность одного из компонентов с ранним населением.

Теми же антропологическими особенностями, что были отмечены у ранних новгородцев, характеризуются балтские серии I тыс. н.э. и некоторые группы латышей и литовцев XIII–XVIII вв. В древности им находятся соответствия в ярко выраженных европеоидных сериях мезолита и раннего неолита из могильника Звейниеки, памятников культуры боевых топоров Эстонии, Ладожского канала.

Некоторые позднесредневековые группы Новгородской земли (конец XIII – XVI в.), характеризующиеся брахицранней, уплощенным лицом, слабо выступающим носом, судя по всему, также унаследовали эти черты от древних местных обитателей. Повсеместное проявление данных особенностей с конца XIII в., вероятно, было связано с христианизацией, обусловившей включение в процесс формирования новгородского населения и тех групп, которые ранее сохраняли этническое своеобразие.

Видимо, ко времени колонизации будущей Новгородской земли славянами местное прибалтико-финское население могло быть представлено как европеоидами, так и группами с «восточными» чертами («лапоноидный» комплекс). Подобное сочетание было характерно для севера Восточной Европы и в древности. Совпадение межгрупповой и внутригрупповой изменчивости в мезолите, неолите и средневековье, наличие групп как с выраженными европеоидными чертами, так и смешанных с преобладанием «восточных» особенностей, по-видимому, свидетельствуют о многократном притоке на эту территорию населения различного происхождения с юго-запада и востока.

Список литературы

Акимова М.С. Новые палеоантропологические находки эпохи неолита на территории лесной полосы европейской части СССР // КСИЭ. – 1953. – Вып. 18. – С. 55–65.

Алексеев В.П., Гохман И.И. Результаты экспертизы надежности краинометрических показателей антропологических материалов из могильника на Южном Оленьем острове Онежского озера // Проблемы антропологии древне-

го и современного населения Севера Евразии. – Л.: Наука, 1984. – С. 6–27.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краинометрия. – М.: Наука, 1964. – 127 с.

Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. – М.: Наука, 1973. – 329 с.

Беневоленская Ю.Д. К вопросу о морфологической неоднородности краинометрической серии из могильника на Южном Оленьем острове // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. – Л.: Наука, 1984. – С. 37–54.

Беневоленская Ю.Д., Давыдова Г.М. Псковские поозеры // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. – Л.: Наука, 1986. – С. 3–52.

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 585 с. – (ТИЭ. Нов. сер.; т. 28).

Гурина Н.Н. Древняя история северо-запада европейской части СССР // МИА. – 1961. – № 87. – С. 113–115.

Денисова Р.Я. Антропология древних балтов. – Рига: Зиннатне, 1975. – 400 с.

Жирков Е.В. Древние ижорские черепа // СА. – 1937. – Вып. 2. – С. 151–160.

Жирков Е.В. Заметки о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова // КСИИМК. – 1940. – Вып. 6. – С. 51–54.

Коваленко В.Ю. К антропологии курганного населения XI–XIII вв. Вологодской области // Вопр. антропологии. – 1975. – Вып. 49. – С. 92–107.

Лесман Ю.М. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. – Л.: Наука, 1982. – С. 69–73.

Марк К.Ю. Новый палеоантропологический материал эпохи неолита в Прибалтике // Изв. АН Эст. ССР. Сер. обществ. наук. – 1956а. – Т. 5, № 1. – С. 43–62.

Марк К.Ю. Палеоантропология Эстонской ССР // ТИЭ. Нов. сер. – 1956б. – Т. 32. – С. 170–227.

Санкина С.Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. – СПб.: Дмитрий Буландин, 2000. – 109 с.

Санкина С.Л. Два черепа XVI–XVII вв. из Изборска (могильник Скудельня) // Радловский сб.: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. – СПб.: МАЭ РАН, 2008. – С. 475–479.

Сарап Г.Г. Краинометрический материал из Приладожских стоянок // Изв. АН Эст. ССР. Сер. обществ. наук. – 1977. – Т. 26, № 2. – С. 165–181.

Седов В.В. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // КСИЭ. – 1952. – Вып. 15. – С. 78–85.

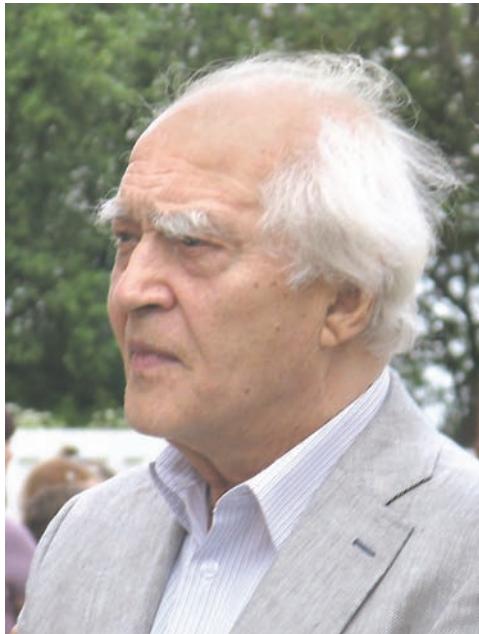
Хартанович В.И. Новые материалы к краинометрии саамов Кольского полуострова // Сб. МАЭ. – 1980. – Т. 36. – С. 35–47.

Хартанович В.И., Чистов Ю.К. Антропологический состав средневекового населения Ижорского плато // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. – Л.: Наука, 1984. – С. 74–105.

Якимов В.П. Антропологическая характеристика костей из погребений на Большом Оленьем острове (Баренцево море) // Сб. МАЭ. – 1953. – Т. 1. – С. 448–485.

ПЕРСОНАЛИИ

К 80-ЛЕТИЮ А.А. БОБРИНСКОГО

Одним из важнейших археологических источников является керамика. Изучению древней посуды всегда уделялось самое пристальное внимание, однако настоящий прорыв в ее всестороннем исследовании в нашей стране связан с именем выдающегося российского исследователя истории древнего гончарства А.А. Бобринского.

Александр Афанасьевич родился 4 августа 1930 г. в Москве в семье рабочего электролампового завода и ткачихи фабрики «Красная работница». В 1942 г. во время Великой Отечественной войны в возрасте 12 лет он работал в переплетной мастерской, а позднее – на заводе «Калибр» и одновременно учился на вечернем отделении приборостроительного техникума.

В 1952 г. А.А. Бобринский поступил на исторический факультет Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. С 1953 г. он принимал участие в археологических раскопках под руководством В.В. Седова. В этот период проявился интерес А.А. Бобринского к изучению древней керамики, что позднее стало основным делом его жизни. В 1959 г. Александр Афанасьевич поступил в аспирантуру, где его научным руководителем стал А.В. Арциховский, а в 1962 г. успешно защитил кан-

дидатскую диссертацию на тему «Гончарные круги Восточной Европы IX–XIII вв.». В том же году он был принят на работу в Институт археологии АН СССР, где в 1963 г. по решению директора института Б.А. Быбакова была создана группа «История керамики», основной задачей которой стала разработка новых методов изучения керамики как исторического источника.

За время существования лаборатории накоплена уникальная источниковая база: этнографические данные по гончарству Восточной Европы, Средней Азии, Кавказа и Ближнего Востока; эталонные коллекции экспериментальных образцов, отражающих основные стороны технологии керамического производства; сравнительные коллекции древней керамики с территории Евразии, Африки и Америки. Однако, пожалуй, самым главным является методическая разработка целостной системы изучения керамики, выполненная А.А. Бобринским и активно используемая его многочисленными коллегами и последователями.

Глубоко осознав важность этнографических данных для нужд археологии, А.А. Бобринский предпринял беспрецедентную работу по массовому анкетному опросу населения европейской части СССР о бытовом гончарном производстве. Было получено свыше 3 тыс. писем, которые составили огромный фонд этнографических данных по сельскому гончарству первой половины и середины XX столетия. В 1968 г. Александр Афанасьевич создал Комплексный отряд по изучению гончарства, работавший до 1981 г. В результате всего этого был собран огромный этнографический материал примерно из 1000 очагов сельского гончарного производства Европейской России, Прибалтики, Украины, Белоруссии, Молдавии, Кавказа и Средней Азии.

В 1978 г. А.А. Бобринский опубликовал монографию «Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения», удостоенную медали ВДНХ, а спустя год ему была присуждена за нее степень доктора исторических наук. Эта работа сразу стала классической. В своем отзыве акад. Б.А. Рыбаков подчеркнул, что она открыла новое направление научных исследований не только в отечественной, но и мировой археологии. В 1991 г. вышла в свет книга А.А. Бобринского «Гончарные мастерские и горны Восточной Европы».

В 1999 г. была опубликована большая его статья «Гончарная технология как объект историко-культурного изучения», куда вошли новые методические разработки, сделанные после 1978 г. Статьи А.А. Бобринского охватывают практически все стороны истории древнего гончарства. Им разработаны новые теории происхождения гончарства и гончарного круга, методика изучения технологии изготовления и форм глиняной посуды, оригинальная методика реконструкции пола и возраста гончаров по ногтевым отпечаткам на керамике и многое другое. Одним из важнейших достижений А.А. Бобринского является разработка нового методологического подхода к изучению гончарства, который назван историко-культурным. Все это не имеет аналогов в мировой археологической литературе. Книги и статьи Александра Афанасьевича являются настольными для археологов, активно изучающих керамику на Дальнем Востоке, в Сибири, Поволжье и в других регионах России и Европы.

Огромное внимание А.А. Бобринский уделяет подготовке молодых специалистов, работе со стажерами, проведению научных консультаций. Его ученики работают в разных городах России и СНГ. В результате сформировалась многочисленная научная школа отечественных специалистов по изучению древней керамики, которая продолжает дело своего учителя.

В настоящее время Александр Афанасьевич активно работает над дальнейшим развитием единой системы изучения культурных традиций в различных сферах истории древнего гончарства. Желаем ему творческих успехов и здоровья.

**В.И. Молодин, Ю.Б. Щетлин,
Н.П. Салугина, И.Н. Васильева,
Е.В. Волкова, И.А. Гей,
Л.Н. Мыльникова**

- АИВ РАН – Архив Института востоковедов РАН
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН
БФ СО АН СССР – Бурятский филиал Сибирского отделения АН СССР
ГИМ – Государственный Исторический музей
ДВО РАН – Дальневосточное отделение РАН
ЕГТМ – Ежегодник Государственного Тобольского музея
ИА АН СССР (РАН) – Институт археологии АН СССР (РАН)
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИИФиФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МАЭ – Музей антропологии и этнографии РАН (АН СССР)
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия
РА – Российская археология
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СЭ – Советская этнография
ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР
ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
УрО РАН – Уральское отделение РАН

Бадмаев А.А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: badmaevaa@ngs.ru

Балуева Т.С. – кандидат исторических наук, заведующая лабораторией Института этнологии и антропологии РАН, Ленинский пр., 32а, Москва, 119991, Россия. E-mail: labrecon@yandex.ru

Берсенева Н.А. – научный сотрудник Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН, ул. Коммуны, 68, Челябинск, 454000, Россия. E-mail: bersnatasha@mail.ru

Васильева И.Н. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Поволжья, ул. Ленинская, 127, Самара, 443041, Россия. E-mail: nsalug@gmail.com

Веселовская Е.В. – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Ленинский пр., 32а, Москва, 119991, Россия. E-mail: e.veselovskaya@rambler.ru

Волкова Е.В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: yu.tsetlin@mail.ru

Гей И.А. – младший научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: igei@mail.ru

Гладышев С.А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: paleomongolia@yandex.ru

Деревянко А.П. – академик, директор Института археологии и этнографии СО РАН, ул. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: derev@archaeology.nsc.ru

Журбин И.В. – доктор исторических наук, кандидат технических наук, заведующий лабораторией Физико-технического института УрО РАН, ул. Кирова, 132, Ижевск, 426000, Россия. E-mail: zhurbin@udm.ru

Иванова М.Г. – доктор исторических наук, профессор, ученый секретарь Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, ул. Ломоносова, 4, Ижевск, 426004, Россия. E-mail: adm@ni.udm.ru

Кузьмин Я.В. – доктор геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Института геологии и минералогии СО РАН, пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: kuzmin@fulbrightmail.org

Ли Хёну – адъюнкт-профессор Национального университета Чонбук, Чонжу, 561-756, Республика Корея. Chonbuk National University, Jeon-ju City, South Korea, 561-756. E-mail: hwlee@hotmail.com

Молодин В.И. – академик, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Мыльникова Л.Н. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: Liudmilamy@mail.ru

Нескоров А.В. – научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Олсен Д. – профессор, Департамент антропологии, Аризонский университет, США. School of Anthropology, The University of Arizona, 1009 East South Campus Dr., P.O. Box 210030, Tucson, Arizona 85721-0030, USA. E-mail: jwo@arizona.edu

Перевалова Е.В. – кандидат исторических наук, заведующая сектором Института истории и археологии УрО РАН, ул. Розы Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия. E-mail: elena_perevalova@mail.ru

Рассказова А.В. – аспирантка Института этнологии и антропологии РАН, Ленинский пр., 32а, Москва, 119991, Россия. E-mail: Rasskazova.a.v.@mail.ru

Салугина Н.П. – кандидат исторических наук, доцент Самарской государственной академии культуры и искусств, ул. Рабочая, 167, Самара, 443099, Россия. E-mail: nsalug@gmail.com

Санкина С.Л. – старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: serafima_sankina@mail.ru

Семенов Вл.А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, профессор Российской академии художеств, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: ranbov@yandex.ru

Скобелев С.Г. – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: skob@gklass.nsu.ru

Табарев А.В. – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: olmec@yandex.ru

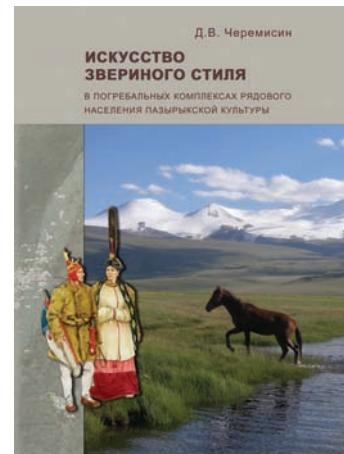
Цетлин Ю.Б. – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: yu.tsetlin@mail.ru

Шмидт И.В. – кандидат исторических наук, старший преподаватель Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, пр. Мира, 55а, корп. 2, Омск, 640077, Россия. E-mail: schmidt_irina@everymail.net

Черемисин Д.В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: Семантика звериных образов в контексте погребального обряда. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 136 с.; ил.

Цена 277,50 руб. (без учета стоимости пересылки).

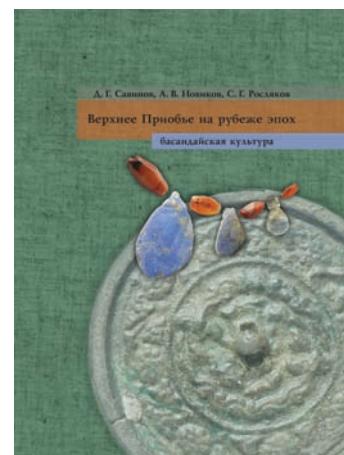
В монографии на материалах из захоронений пазырыкской культуры, большая часть которых относится к памятникам рядового населения Юго-Восточного Алтая, а также из «замороженных» комплексов плоскогорья Укок анализируется семантика сюжетов и образов искусства звериного стиля. «Прочтение» семантики отдельных образов животных и ансамбля изображений базируется на рассмотрении их в совокупности, как некий «изобразительный ряд», своего рода «текст», который повторяется в большой серии захоронений мужчин, женщин и детей, а определенные образы животных соответствуют определенным атрибутам погребального облечения пазырыкцев. На основе изучения внутренних закономерностей в структуре сопроводительного инвентаря пазырыкских курганов сделан вывод об отражении в искусстве звериного стиля мифологической «картины мира» пазырыкцев. Обсуждается семантика образов кабана, рыбы, грифона, коня с рогами и др. Показана продуктивность структурно-семиотического метода в исследовании мифологической семантики изобразительного искусства и его роли в погребальном ритуале. Для расшифровки содержания пазырыкского искусства привлечен широкий спектр сведений о мифологии, верованиях, обрядовой практике древних и современных ирано- и тюркоязычных народов Евразии.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 424 с.; 38 табл., 382 рис., 15 фото.

Цена 390 руб. (без учета стоимости пересылки).

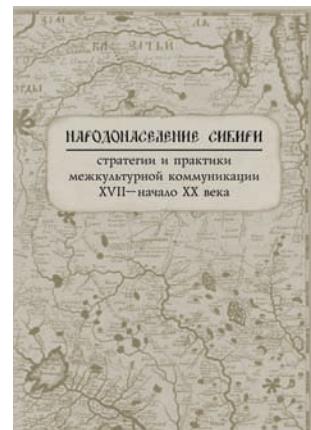
В монографии впервые в полном объеме вводятся в научный оборот материалы трех наиболее крупных и ярких (после Басандайки) памятников басандайской культуры: Осинкинского могильника на Алтае и могильников Санаторный-1 и Ташара-Карьер-2 в Новосибирской обл. Несмотря на то, что эти памятники различны по степени сохранности и информативности, вместе они образуют фундаментальный корпус источников, характеризующий басандайскую археологическую культуру (середина XI – начало XIII в.). В книге публикуются уникальные находки: бронзовые зеркала, лазуритовые подвески, сердоликовый кабошон с арабской надписью X в. – первый средневековый памятник арабской эпиграфики в Западной Сибири, попавший в южно-таежную зону Приобья, скорее всего, из Средней Азии. Большое значение для типологических разработок и реконструкции материальной культуры изучаемого периода имеют костяные накладки луков, костяные и железные наконечники стрел, различного рода украшения из цветных металлов, бусы, предметы конской упряжи, керамика и т.д. Принадлежность их к одной культуре у авторов монографии не вызывает сомнений.

Народонаселение Сибири: Стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX века). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 364 с. – (Сер. «Этнография Сибири»).

Цена 315 руб. (без учета стоимости пересылки).

Сборник посвящен межэтническим отношениям на Евразийском пространстве в историческом прошлом и в настоящее время. Освещаются процессы столкновений интересов, необходимые взаимодействия и адаптации к меняющимся условиям. При анализе кросскультурных коммуникаций уделяется внимание расшифровке мировоззренческих позиций представителей определенных эпох. Поднимаются и исследуются ряд важных вопросов, связанных с пониманием взаимодействия русской православной культуры и широкого спектра культур сибирских народов, находившихся на различных стадиях развития. Рассматриваются русско-aborигенные отношения, конфессиональные и этноконфессиональные процессы, происходящие в отдельных регионах. Авторы строят выводы на основе оригинальной интерпретации уже вошедших в научный оборот источников, а также новых архивных и полевых материалов.

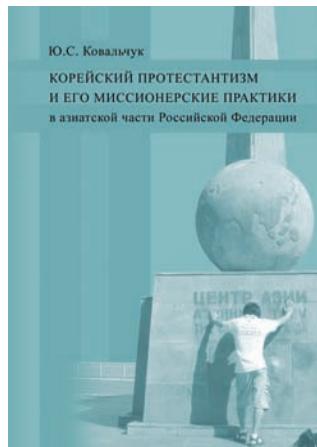

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Цэвэндорж Д., Мыльников В.П. Святилище с наскальными рисунками Баянлиг хад в Монголии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 224 с.; 168 ил. + 55 ил. цв. вкл.

Цена 360 руб. (без учета стоимости пересылки).

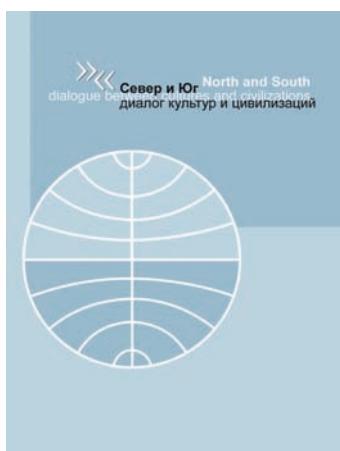
В монографии всесторонне освещаются открытые в начале 70-х гг. XX в. уникальные и изумительные по красоте петроглифы Баянлиг хада – памятника древней культуры и истории кочевников Центральной Азии. В работе дан комплексный анализ иконографии сюжетов наскальных композиций, стиля и техники исполнения рисунков на скальной поверхности. Предложена хронологическая атрибуция наскальных композиций: основное ядро изображений Баянлиг хада относится к раннему железному веку, имеются рисунки эпохи бронзы и более позднего времени. В работе впервые в полном объеме публикуются фотографии, рисунки и таблицы, отражающие многолетние интенсивные исследования памятника.

Ковалчук Ю.С. Корейский протестантизм и его миссионерские практики в азиатской части Российской Федерации. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 192 с.; 4 табл.

Цена 202,50 руб. (без учета стоимости пересылки).

В монографии раскрываются миссионерские практики корейских протестантов на территории Дальнего Востока и Сибири в конце 1990 – начале 2000-х гг. Рассматриваются этапы формирования и особенности корейского протестантства в Республике Корея. Проанализирована миссионерская деятельность корейских протестантов в рамках корейской диаспоры на Дальнем Востоке и в этнических средах Сибири (Алтай, Тыва, Бурятия, Хакасия). Освещается современная этноконфессиональная ситуация в регионах, на фоне которой корейские миссионеры ведут свою деятельность. Оценка миссионерских практик корейских протестантов основана на исследованиях по истории христианизации Азии, в которых раскрываются механизмы и специфика адаптации христианского вероучения в различных этнических сообществах микрорегиона. Информационную базу составили материалы автора, полученные в ходе полевых исследований в Республике Алтай, Республике Тыва и Республике Хакасии, а также в Красноярском крае и Сахалинской обл., и информация, почерпнутая из периодики.

Север и Юг: диалог культур и цивилизаций: мат-лы Междунар. семинара. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 196 с.

Цена 285 руб. (без учета стоимости пересылки).

Сборник подготовлен на основе материалов Международного семинара «Север и Юг»: диалог культур и цивилизаций», который проходил с 14 по 16 мая 2009 г. в Новосибирске в рамках сотрудничества в комплексном сравнительном изучении циркумполярной зоны. Авторы статей – ведущие специалисты из России, европейских государств, США и Канады, представляющие основные направления в изучении Арктики и Северной Азии. В сборник вошли работы по проблемам палеоклимата, генетики, формирования культурного многообразия, исторических и современных миграций и межкультурного взаимодействия на локальном, региональном и транснациональном уровнях. Обсуждаются также актуальные социально-экономические и демографические проблемы Сибири в контексте глобальных взаимодействий Севера и Юга.

! Книги, рекламируемые в журнале и на сайте института (www.archaeology.nsc.ru),
можно заказать по электронной почте: books@archaeology.nsc.ru